(Годъ сороковой).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1902

3.

БИБЛІОТЕКА МУЗЕЯ

Стр.

369. Къ исторіи Черноморскаго флота, съ 1816 по 1853 годъ. **Д. М. Аѳанасьева.**

459. Императоръ Николай Павловичъ. (Изъ записокъ и воспоминаній современника) **В. М. Шимана.**

476. Изъ воспоминаній **Е. И. Елагиной.** Съ предисловіемъ доктора **С. А. Смирнова.**

483. Убіеніе Царевича Димитрія въ Угличѣ. **Д. М. Глаголева.**

498. Письмо **Арсенія Мацѣевича** къ оберъ-прокурору Св. Синода **князю А. С. Козловскому.**

499. Къ исторіи цензуры. Письмо графа **А. П. Тормасова** къ князю А. П. Оболенскому.

500. Альбомъ Анны Петровны Буниной. Статья **К. Я. Грота.**

507. Изъ писемъ **А. Я. Булгакова** къ его брату, 1833-годъ. Январь—Іюнь.

563. Противоисторическое направленіе славистики. **Д. И. Иловайскаго.**

568. О баснописцѣ Крыловѣ. Замѣтки **В. В. Каллаша.**

570. Два письма **И. С. Аксакова** къ И. Е. Великопольскому, съ примѣчаніями **Б. Л. Модзалевскаго.**

574. Историческія статьи въ неисторическихъ изданіяхъ. **В. Б.**

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1902.

Матеріалы для біографі иккнязя В. А. Черкасскаго. Составила кн(яжна) О. Трубецкая. Томъ первый. Кн. В. А. Черкасскій и его участіе въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Переписка съ Ю. Ѳ. Самаринымъ, А. И. Кошелевымъ, И. С. Аксаковымъ и проч. изъ архива князя Черкасскаго. Книга 1-я. Часть первая. (1824—1858 гг.). Первые проекты освобожденія и литературная дѣятельность. Часть вторая. Кн. В. А. Черкасскій и крестьянское дѣло въ губернскихъ комитетахъ. (Группа гг. членовъ „меньшинства" Тульскаго губернскаго комитета). М. 1901. 8-ка, XI, 331 и 176 стр. съ портретами членовъ Тульскаго Губернскаго Комитета. Цѣна 2 р. 50 к. Привѣтствуемъ прекрасную книгу княжны О. Н. Трубецкой о человѣкѣ государственномъ, который положилъ душу свою за дѣло Россіи и Славянства.

Исторія кавалергардовъ. 1724—1799—1899. По случаю столѣтняго юбилея кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка. Составилъ С. Панчулидзевъ. Томъ II-й. С.-Пб. 1901. большая 4-ка, XX, и 298 стр. Роскошное изданіе со многими превосходно исполненными въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ снимками и рисунками. На оборотѣ заглавнаго листа: „Съ Высочайшаго соизволенія. Генералъ-адъютантъ Владиміръ". На такъ называемомъ фронтисписѣ Екатерина Великая опирается правою рукою на щитъ съ императорскимъ гербомъ, а лѣвую протягиваетъ къ двумъ орламъ, которые несутъ ей царскую корону. Драгоцѣнная книга эта надолго останется богатѣйшимъ источникомъ свѣдѣній о двухъ великихъ событіяхъ XVIII вѣка: воцареніи Екатерины Великой и кончинѣ Императора Павла. Сочинитель пользовался неизданными, доселѣ мало кому доступными, записками и бумагами и украсилъ свой трудъ рѣдкими картинами и портретами.

Ломоносовскій Сборникъ. Матеріалы для исторіи развитія химіи въ Россіи. Москва. 1901. Изданіе химическаго отдѣленія Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Большая 8-ка, III, 47, 5, 34 и 5 стр. со многими рисунками и чертежами.

Въ 1812 году В. И. Киреевскій, на смертномъ одрѣ, говорилъ сыну своему (впослѣдствіи славному дѣятелю Русской мысли и слова) Ивану Васильевичу, что изо всѣхъ наукъ самая божественная есть химія. Въ Россіи ея родоначальникомъ былъ геніальный Ломоносовъ, про котораго Пушкинъ говорилъ, что онъ „первый нашъ университетъ", и благодаря этому сыну древней Руси химія у насъ процвѣтаетъ. Доказательствомъ тому настоящій сборникъ, выданный въ свѣтъ попеченіемъ главнаго Московскаго химика В. В. Морковникова. Въ книгѣ находимъ и даровито написанный И. А. Каблуковымъ очеркъ жизни Ломоносова.

Ю. Д. Головнина. На Памирахъ. Записки Русской путешественницы. Съ портретомъ (военнаго губернатора Сыръ-Дарьинской области Н. Н. Королькова, которому и посвящена книга), географической картой, метерологическою таблицею и 63 снимками видовъ и лицъ (работа участницы путешествія Н. П. Бартеневой). М. 1902. Мал. 8-ка, VIII и 244 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

БИБЛІОТЕКА М.У.И.

КЪ ИСТОРІИ ЧЕРНОМОРСКАГО ФЛОТА[1]).

Съ 1816 по 1853 годъ[2]).

Высочайшимъ приказомъ 2 Марта 1816 г., въ должность главнымъ командира Черноморскаго флота и портовъ и военнымъ губернатора Николаева и Севастополя назначенъ былъ вице-адмиралъ Алексѣй Самуиловичъ Грейгъ. Въ день своего рожденія въ 1775 году онъ получилъ чинъ мичмана, какъ знакъ особаго благоволенія императрицы Екатерины II къ его отцу, герою Чесменской битвы. Съ десятилѣтняго возраста онъ три раза посылался въ Англію, для плаванія на военныхъ судахъ Англійскаго флота. Получивъ въ 1798 году въ командованіе корабль «Ретвизанъ», онъ находился въ составѣ Русской эскадры, дѣйствовавшей совмѣстно съ Англійской эскадрой въ Голландіи. Въ 1804 году, въ чинѣ капитанъ-командира, онъ получилъ назначеніе отправиться въ Архипелагъ, съ эскадрою изъ двухъ кораблей и двухъ фрегатовъ. По прибытіи по назначенію, поступилъ въ эскадру вице-адмирала Сенявина и, плавая подъ его начальствомъ, участвовалъ во многихъ морскихъ сраженіяхъ съ Турецкимъ флотомъ и во взятіи ихъ крѣпостей. Произведенный въ 1813 году въ вице-адмиралы, Грейгъ получилъ назначеніе командовать отдѣльной эскадрою, блокировавшею Данцигъ.

Обладая свѣтлымъ, пытливымъ умомъ, съ неутомимымъ стремленіемъ пріобрѣсти основательныя познанія по всѣмъ спеціальнымъ наукамъ, особенно соприкасающимся съ морской дѣятельностью, А. С. Грейгъ имѣлъ характеръ наставника сдержаннаго, разсудительнаго, разносторонняго, внимательнаго ко всѣмъ нуждамъ своихъ подчиненныхъ. Терпѣливо выслушивая какую либо несообразность и затѣмъ объясняя нелогичность заявленія, онъ въ тоже время настойчиво преслѣдовалъ исполненіе своихъ приказаній и слѣдилъ за неуклоннымъ

---

[1]) См. выше, стр. 193,

[2]) Руководствомъ къ очерку дѣятельности А. С. Грейга и событій во время управленія его Черноморскимъ флотомъ послужили: Дѣла Николаевскаго Портоваго Архива. Біографическій очеркъ составленный А. Б. Асланбековымъ; Энциклопедія военнаго морского дѣла, Леера, и Описаніе дѣйствій Черноморскаго флота во время войны 1828—1829 годовъ, Мелихова.

выполненіемъ подчиненными ему лицами служебныхъ обязанностей во всѣхъ отрасляхъ управленія. Такая тактичность обхожденія, серьезно-обдуманное отношеніе къ дѣлу порядка и благоустройства въ порученномъ ему вѣдомствѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ внушительное парадное появленіе его въ средѣ сослуживцевъ и просителей у себя въ пріемной, а также на смотрахъ, ученьяхъ и при посѣщеніи Севастополя, ставили его высоко между служившими въ Черноморскомъ флотѣ, которые, въ продолженіе восемнадцатилѣтняго его управленія, пріучились подчиняться ему безусловно и видѣть въ немъ незамѣнимый авторитетъ.

А. С. Грейгъ нашелъ Черноморскій флотъ въ весьма невзрачномъ состояніи. Всѣ немногія суда были устарѣлой конструкціи, валкія, неповоротливыя, обшитыя въ подводной части сосновыми однодюймовыми досками на войлокѣ, плохо снабженныя по оснасткѣ и вооруженію, съ кирпичными печами для варки пищи; притомъ, съ малой опытностью и практичностью служащихъ на судахъ флота. Въ адмиралтействахъ оказались крайняя скудность матеріальныхъ запасовъ и чувствительный недостатокъ спеціалистовъ по всѣмъ отраслямъ производительной дѣятельности. Чтобы реставрировать это очень завѣтшавшее созданіе, потребовалось много заботливаго вниманія въ послѣдовательномъ исполненіи административныхъ мѣропріятій, много находчивости, при ограниченныхъ денежныхъ ассигнованіяхъ, много усидчиваго труда для составленія разныхъ научныхъ руководствъ, инструкцій, поясненій, приказовъ. Научныя познанія Грейга были такъ разнообразны, что онъ удивлялъ даже врачей своими практическими указаніями по части медицины *).

Для подготовленія спеціалистовъ по кораблестроенію и разнымъ портовымъ мастерствамъ онъ началъ посылать въ Англію выдающихся способностями молодыхъ людей, окончившихъ обученіе въ мѣстныхъ заведеніяхъ, чтобы они могли тамъ ознакомиться болѣе основательно съ теоріей и практикой по своему служебному назначенію; для обученія же топографіи, бухгалтеріи, архитектурѣ, литографіи и гравированію, молодые люди, предназначенные къ этимъ спеціальностямъ, посылались въ Петербургъ. Приглашая на службу разныхъ художниковъ для обученія въ мастерскихъ изготовленію инструментовъ и разныхъ нужныхъ предметовъ, онъ выписывалъ таковые для образца при обученіи. Къ подготовленію юношества, предназначеннаго къ служенію на флотѣ, А. С. Грейгъ самъ составлялъ инструкціи и программы

*) Въ Севастопольской морской офицерской библіотекѣ сохранилось сочиненіе А. С. Грейга „Описаніе способа, по которому корпуса судовъ образуются на математическихъ основаніяхъ“.

учебныхъ занятій, имѣя въ виду, что только хорошо посѣянное можетъ принести хорошіе плоды. При этомъ экзамены, какъ учениковъ такъ и офицеровъ, назначались подъ его предсѣдательствомъ, дабы лично слѣдить за успѣхомъ преподаванія, а вмѣстѣ съ тѣмъ заставлять преподавателей и экзаминаторовъ быть болѣе внимательными къ дѣлу обученія, а также для опредѣленія степени развитія дѣтей по ихъ способностямъ. Обративъ вниманіе на обученіе юнговъ*), онъ командировалъ въ Кіевъ офицера Харламова, съ двумя помощниками, для изученія тамъ Ланкастерскаго метода преподаванія; а затѣмъ такой методъ обученія былъ введенъ въ малолѣтнихъ классахъ. Строго было запрещено тѣлесное наказаніе воспитанниковъ, что̀ преслѣдовалось Грейгомъ и во всѣхъ морскихъ командахъ.

Желая ввести образованіе въ среду низшаго сословія служащихъ, А. С. Грейгъ исходатайствовалъ разрѣшеніе учредить въ Николаевѣ и Севастополѣ училища для дочерей нижнихъ чиновъ морского вѣдомства, руководствуясь идеей, что умственное развитіе будущихъ матерей, какъ ближайшихъ по природѣ воспитательницъ дѣтей, будетъ содѣйствовать ихъ образованію и смягченію нравовъ и такимъ образомъ внесутся въ семейный бытъ нижнихъ чиновъ облагороженныя понятія; а обученіе разнымъ женскимъ ремесламъ, необходимымъ въ ихъ домашнемъ быту, сдѣлаетъ ихъ полезными въ семьѣ и въ общественной жизни. Также, въ заботахъ о нуждахъ къ благосостоянію нижнихъ чиновъ, было предоставлено имъ право безплатнаго пользованія медикаментами изъ казенной аптеки для ихъ женъ и дѣтей, а при морскомъ госпиталѣ было устроено женское отдѣленіе для женъ нижнихъ чиновъ морского вѣдомства. Въ тоже время сокращены были вообще всѣ назначенія нижнихъ чиновъ внѣ прямой ихъ службы, и уничтожено обыкновеніе удерживать постоянно при флагманахъ гребцовъ. Въ обмундированіе нижнихъ чиновъ введены шинели, вмѣсто бывшихъ епанчей, а также набрюшники. На содержаніе и обученіе рекрутовъ было также обращено особенное вниманіе. Чтобы избавить ихъ отъ тоски по родинѣ, было предписано не назначать ихъ въ тяжелыя работы ранѣе шести мѣсяцевъ; послѣ такого срока, при расписаніи на суда, пріучать ихъ лазить по вантамъ черезъ марсъ, потомъ черезъ салингъ, а потомъ уже спускаться по фордунамъ, бакстенгамъ и стенгамъ, и только

*) *Юнга*—корабельный мальчикъ-ученикъ; въ старину у насъ *зуй*. Далѣе, на этой же страницѣ: *ванты*=смоленыя веревки, держащія мачту съ боковъ; *марсъ*—досчатая или рѣшетчатая площадка на мачтѣ; *салингъ*—тоже только выше на мачтѣ; *стенга*—второе колѣно мачты или первая наставка ея въ вышину, отъ марса до салинга; *брамстенга*—третье колѣно мачты; *фордунъ*—стоячая снасть, которая держитъ стенги и брамстенги, сзади отъ кормы (по Словарю Даля, откуда приводимъ объясненіе и дальнѣйшихъ морскихъ названій). П. Б.

послѣ такой выдержки, назначать ихъ во всѣ судовыя работы. При пріемѣ рекрутовъ было приказано принимать во вниманіе ихъ способности, здоровье и знаніе ремеслъ, для распредѣленія ихъ въ артилерію, на флотъ и въ рабочіе экипажи.

Вслѣдствіе расформированія въ 1816 году морскихъ солдатъ, матросамъ были розданы ружья; а потому А. С. Грейгъ обращалъ особенное вниманіе на строевую службу, посѣщая ученья и дѣлая часто смотры. Такой заботливостью его о строевой выправкѣ матросы были настолько подготовлены, что, во время военныхъ дѣйствій совокупно съ арміей, они постоянно назначались въ десанты, отдѣльно и вмѣстѣ съ солдатами; въ послѣднемъ случаѣ они нисколько не уступали сухопутнымъ въ знаніи строевой службы. Для однообразнаго обученія офицеровъ и командъ морской службѣ на флотѣ, А. С. Грейгъ ежегодно командовалъ лично практической эскадрой въ продолженіе шести недѣль. Слѣдя за правильностію дѣйствій командировъ и командъ, онъ объявлялъ всѣ свои замѣчанія приказами съ точнымъ изложеніемъ правилъ обученія и исполненія, чтобы каждый могъ руководствоваться ими. Для маневрированія онъ ввелъ эволюціи и сигналы—дневные, ночные, туманные и особенные для транспортныхъ судовъ, а также буквенный телеграфъ; послѣдній оказался особенно полезнымъ при передачѣ многосложныхъ приказаній и сообщеній съ флота на берегъ въ военное время.

Забота А. С. Грейга объ умственномъ образованіи офицеровъ выказалась особенно въ учрежденіи морской офицерской библіотеки въ Севастополѣ, какъ мѣстопребываніи большинства ихъ. Для офицеровъ, желавшихъ пріобрѣсти спеціальныя свѣдѣнія, были открыты въ зимнее время лекціи по теоріи кораблестроенія, механикѣ, физикѣ, статикѣ, гидростатикѣ и гидравликѣ. Грейгомъ было сдѣлано слѣдующее представленіе начальнику Главнаго Морского Штаба отъ 2 Января 1823 года.

«Съ уничтоженіемъ въ 1798 году въ Николаевѣ Морского Кадетскаго Корпуса, содержится при Черноморскомъ флотѣ всегда нѣсколько гардемариновъ, воспитывающихся на собственномъ содержаніи, кои, по сдѣланіи трехъ кампаній и выдержаніи экзамена въ наукахъ до мореплаванія принадлежащихъ, выпускаются въ мичманы. Положеніе сіе не имѣетъ никакого законнаго основанія и заключаетъ въ себѣ слѣдующіе недостатки. 1, Гардемарины сіи, число которыхъ нынѣ до 80 человѣкъ простирается, хотя считаются при Черноморскомъ штурманскомъ училищѣ, но не живутъ и даже не бываютъ извѣстны оному, а находятся у родителей своихъ по разнымъ портамъ, чрезъ что и не могутъ они привыкнуть съ юношескихъ лѣтъ къ тому порядку и дис-

циплинѣ, которая есть душа военной службы. 2. Неимѣніе въ другихъ портахъ хорошихъ учителей заставляетъ ихъ обучаться поверхностно, и то наукамъ до мореплаванія только относящимся; иностраннымъ же языкамъ и словесности, столь необходимымъ для всякаго образованнаго человѣка, а особенно для служащихъ въ такой линіи, гдѣ всякій можетъ имѣть надежду достичь высокихъ государственныхъ чиновъ, рѣдкіе изъ нихъ обучаются, и мнѣ случалось видѣть здѣсь офицеровъ нимало не приносящихъ воспитаніемъ своимъ чести флоту. 3. Отъ такого недостаточного воспитанія случается, что гардемарины сіи, по достиженіи офицерскаго званія, сознавая обязанность на нихъ лежащую и не имѣя средствъ выполнять оную, отчуждаются отъ морской службы и переходятъ въ другую, что̀ во всѣхъ отношеніяхъ вредно для флота. Таковые недостатки, будучи весьма важны, ничѣмъ инымъ исправлены быть не могутъ, какъ или совершеннымъ отказомъ принимать гардемариновъ, или же учрежденіемъ здѣсь Морского Корпуса. Приступленіе къ первому удерживаетъ меня самая справедливость, ибо чрезъ это должно бы было лишить чиновниковъ Черноморскаго вѣдомства сего единственнаго средства не токмо видѣть дѣтей своихъ въ той же службѣ, которой они себя посвятили, но и средства помѣстить ихъ на службу, соотвѣтственную достоинству дворянина; второе же было постояннымъ домогательствомъ Черноморскаго начальства, и даже представленіе въ 1807 году о учрежденіи корпуса сего было высочайше утверждено; но обстоятельства политическія и послѣдовавшая затѣмъ Отечественная война не дозволили совершиться предпріятію сему. Нынѣ же, когда Россія вознесена на верхъ благополучія, и вниманіе Монарха нашего, уврачевавшаго раны отечества, обращено къ благотворенію подданныхъ въ другомъ родѣ, то есть къ развитію между ними свѣта наукъ, я считаю самымъ благопріятнымъ временемъ просить объ учрежденіи въ Николаевѣ Морского Корпуса на 200 воспитанниковъ, чрезъ что не только будутъ осчастливлены чиновники Черноморскаго флота, но и весь южный край Имперіи; ибо въ числѣ здѣшнихъ помѣщиковъ много находится таковыхъ, кои не имѣютъ способовъ дѣтей своихъ отправлять въ Петербургъ для воспитанія, но и опредѣлять ихъ здѣсь въ гардемарины на собственномъ иждивеніи; тѣ же, которые въ состояніи доставить дѣтей для опредѣленія въ Морской, либо въ какой изъ кадетскихъ корпусовъ, по множеству кандидатовъ при оныхъ всегда бывающихъ, не могутъ быть совершенно увѣрены въ успѣхѣ опредѣленія; между тѣмъ какъ отправленіе изъ здѣшнихъ мѣстъ въ столицу и переѣздъ, въ случаѣ неудачи, обратно, сопряжены съ необычайными издержками и затрудненіями. Флотъ Черноморскій черезъ учрежденіе корпуса получитъ ту выгоду, что будетъ имѣть

офицеровъ не только образованныхъ, но и пріобыкшихъ къ порядку службы; ибо извѣстно, что общественное воспитаніе, благоразумно устроенное, по многимъ отношеніямъ превосходитъ домашнее, особливо въ отношеніи дѣтей, для военной службы пріуготовляемыхъ; при томъ воспитанники корпуса, находясь въ походахъ, до выпуска изъ онаго, пріобрѣтутъ къ здѣшнимъ морямъ практику, онымъ соотвѣтствующую». На докладѣ объ этомъ ходатайствѣ императоръ Александръ I собственноручно написалъ: «Отложить до времени».

Въ 1819 году, по ходатайству А. С. Грейга, былъ утвержденъ новый штатъ Черноморскаго Штурманскаго Училища, съ содержаніемъ въ размѣрѣ 51330 рублей. Въ 1823 году было разрѣшено зачислить въ комплектъ этого училища двѣнадцать комерческихъ воспитанниковъ, съ обученіемъ ихъ сверхъ комплекта на счетъ гражданскаго вѣдомства. Въ 1826 году высочайше повелѣно Черноморское Штурманское Училище именовать Черноморской Штурманской Ротой. Съ этого времени окончившихъ курсъ обученія воспитанниковъ съ отличнымъ успѣхомъ начали производить въ прапорщики, а прочихъ въ кондукторы корпуса флотскихъ штурмановъ.

Въ виду необходимости улучшить конструкцію судовъ, съ наибольшей ихъ прочностью, А. С. Грейгъ испросилъ разрѣшеніе строить ихъ по теоріи Шведскаго корабельнаго инженера Чапмана, съ мѣднымъ крѣпленіемъ и съ желѣзными кницами[1]); при этомъ введены улучшенная конопатка и обшивка подводной части мѣдными листами на войлокѣ. Всѣ суда начали строить по новѣйшимъ Англійскимъ чертежамъ, подъ его личнымъ наблюденіемъ, съ постановкою однокалиберныхъ 24 и 36 фунтовыхъ пушекъ. Для канонерскихъ лодокъ также были даны новые чертежи увеличеннаго размѣра, съ постановкою на каждой по три 24 фунтовыхъ пушекъ, со спусковыми мачтами, которыя убирались въ случаѣ противнаго вѣтра, и тогда лодки шли съ помощью веселъ. Вмѣстимость каждой лодки опредѣлялась помѣщеніемъ мѣсячнаго провизіоннаго запаса на шестьдесятъ человѣкъ команды и боевыхъ запасовъ. Кромѣ такихъ лодокъ, были построены для учебной флотиліи суда меньшаго размѣра, по чертежамъ, составленнымъ самимъ А. С. Грейгомъ, на одно орудіе, наклоняющееся ниже палубы при откатѣ и получившее названіе *іолы*. Для гребной флотиліи были составлены особые сигналы.

На всѣхъ судахъ Черноморскаго флота произведены слѣдующія нововведенія. Желѣзные камбузы[2]) для варки пищи и при нихъ опрѣснители; якорныя цѣпи и громоотводы; каменный баластъ замѣненъ чугуннымъ; мѣдныя шкивы[3]) въ блокахъ замѣнены бакаутовыми[4]); слю-

[1]) *Кница* — часть пня для скрѣпы. — [2]) Кухня на кораблѣ. — [3]) *Шкивъ* — кружокъ или катокъ въ блокѣ. — [4]) *Бакаутъ* — особенно крѣпкое, „желѣзное“ дерево.

дяные напальные фонари замѣнены стеклянными; введены илюминаторы и переговорныя трубы *). Для продленія сроковъ службы судовъ и для ихъ сбереженія было отдано приказаніе, чтобы въ мирное время снималось нѣсколько орудій съ носу и кормы, для избѣжанія перелома, и чтобы на зимнее время суда покрывались крышами изъ брезентовъ. По артилерійскому снабженію были введены новые способы пробы пороха и крѣпленія орудій, а также облегченные и болѣе удобные пушечные и коронадные станки, съ указаніемъ новаго способа приготовленія брандскугелей. Для обученія цѣльной стрѣльбѣ и для подготовки комендоровъ назначался брандвахтенный фрегатъ, стоявшій на Севастопольскомъ рейдѣ. Въ Николаевскомъ адмиралтействѣ введены паровыя машины: разрѣзывающія, продавливающія, оттачивающія, нарѣзывающія, сверлящія. Устроены паровая пильная и мортоновъ элингъ, для вытаскиванія и исправленія судовъ не свыше 500 тоннъ грузовой подъемности. Сдѣлано распоряженіе, чтобы валовыя адмиралтейскія работы производились арестантами, взамѣнъ высылаемыхъ для того нижнихъ чиновъ; а также, чтобы адмиралтейскимъ мастеровымъ выдавались казенные инструменты, которые до того времени они обязаны были пріобрѣтать сами. Въ дѣлопроизводствѣ введено печатаніе бланокъ, приказовъ и срочныхъ вѣдомостей. Въ экипажахъ увеличены канцелярскія суммы, введено правильное бракованіе ружей, удовлетворены всѣ старыя претензіи, обращено особенное вниманіе на уменьшеніе пьянства и на нравственное развитіе нижнихъ чиновъ. Въ Николаевскомъ и Севастопольскомъ госпиталяхъ введено однообразное одѣяніе больныхъ, по формѣ военныхъ госпиталей, и устроены офицерскіе лазареты.

Во время управленія А. С. Грейга продолжалась постройка маяковъ, начатая маркизомъ де-Траверсе и пріостановлена въ послѣдующее время. Были сооружены маяки на выдающихся мысахъ южнаго берега Крыма, а также Тарханкутскій и Севастопольскіе створные маяки на Инкерманской возвышенности. По гидрографіи было начато ежегодное производство описныхъ работъ у береговъ Чернаго и Азовскаго морей. Для телеграфнаго сообщенія Николаева съ Севастополемъ, въ виду необходимости сообщать своевременно экстренныя распоряженія и получать таковыя же донесенія, были построены семафорныя башни, на которыя назначались офицеры корпуса флотскихъ штурмановъ и сигнальщики. Ингульская и Лиманская отмели были

*) Вооруженіе судовъ рангоутомъ и наружностью предоставлялось командирамъ судовъ, которые обезображивали командуемыя суда. Зап. Одес. Общ. истор. и древ. т. 6—З. А. Аркасъ. *Д. А. Рангоутъ*—все деревянное вооруженіе судна П. Б.

расчищены паровой землечерпательной машиной, механизмъ которой былъ выписанъ изъ Англіи. Первымъ завѣдывающимъ этой машиной былъ офицеръ корпуса флотскихъ штурмановъ И. В. Григоренко; ему же поручалась и проводка большихъ военныхъ судовъ отъ Николаева до Очакова; онъ кончилъ это занятіе послѣ проводки винтовыхъ кораблей «Синопъ» и «Цесаревичъ».

Первое военное судно, построенное въ Николаевѣ по чертежамъ, составленнымъ А. С. Грейгомъ, былъ фрегатъ «Флора», который безъ груза и мачтъ проведенъ былъ къ Спасскому урочищу, гдѣ на немъ поставлены были мачты. Командиромъ этаго фрегата былъ Ѳ. Ѳ. Беллингсгаузенъ. Первымъ проведенъ былъ безъ камелей*) по Ингульскому и Лиманскому фарватерамъ, безъ вооруженія, корабль «Пантелеймонъ». Когда же Лиманская отмель была расчищена до 23 футъ глубины, то проводка кораблей и фрегатовъ началась вполнѣ вооруженными, кромѣ артиллеріи, которая устанавливалась въ Севастополѣ. Съ окончаніемъ расчистки Ингульскаго и Лиманскаго фарватеровъ было признано возможнымъ прекратить судостроеніе въ Херсонѣ, а потому отданъ слѣдующій приказъ главнаго командира по Черноморскому флоту отъ 7 Мая 1829 года за № 91. «Успѣхъ въ углубленіи Ингульскаго фарватера и доведеніе его до такой степени, что суда всѣхъ ранговъ могутъ проходить оный безъ всякой посторонней помощи, равно и дознанная на опытѣ возможность проводить корабли по Очаковскому фарватеру безъ камелей, освобождая Николаевскій портъ отъ всякаго употребленія, а слѣдовательно и содержанія таковыхъ, доставляетъ ему столь важныя выгоды передъ Херсономъ, гдѣ по мелководію гирлъ пособіе камелей неизбѣжно, что̀ еще въ 1824 году я предположилъ производить все важнѣйшее кораблестроеніе въ Николаевѣ, о чемъ въ то же время и сдѣланы мною подлежащія распоряженія. Когда же въ 1826 году была сообщена мнѣ начальникомъ штаба Его Императорскаго Высочества высочайшая воля о соединеніи въ Николаевѣ верфей и своевременномъ затѣмъ оставленіи Херсона, тогда приняты были самыя рѣшительныя мѣры къ упраздненію сего послѣдняго порта. Нынѣ, по случаю вывода оттуда почти всѣхъ командъ, исключая части 16 рабочаго экипажа, долженствующаго остаться тамъ до устроенія въ Николаевѣ заводовъ канатнаго и литейнаго, и части 12 ластоваго экипажа для караула при сихъ зданіяхъ и другихъ надобностей, а также за предположенной передачею въ сухопутное вѣдомство большаго числа тамошнихъ казармъ и назначеніемъ въ продажу про-

*) *Камели*—пара плоскодонныхъ судовъ, съ выкатомъ для подводки подъ корабль, подъема его и проводки по мелководью (Даль).

чихъ казенныхъ зданій, признавая возможнымъ приступить къ упраздненію въ Херсонѣ настоящаго управленія и учрежденію онаго соотвѣтственно надобности, я назначаю: 1) Канцелярію флотскаго въ Херсонѣ начальника, портовую контору, кригсъ-коммисаріатскія и провіантскія дѣла и казначейное отдѣленіе упразднить вовсе. 2) Завѣдываніе тамъ портомъ поручить одному чиновнику съ званіемъ управляющаго дѣлами Херсонскаго порта и съ назначеніемъ оному канцеляріи по положенію у сего объявленному; а въ отношеніи чиновъ сообразно штату 1827 года для Дунайскихъ портовъ составленному. Со стороны экспедицій исполнительной и хозяйственной имѣть въ Херсонѣ, для содержанія матеріаловъ, только по одному коммисару, съ нужнымъ числомъ вахтеровъ и писарей, и особеннаго чиновника для содержанія зданій».

Таганрогскій портъ былъ упраздненъ въ 1816 году *). Затѣмъ въ немъ была образована только комиссія для перевозки моремъ желѣза и якорей, доставлявшихся съ Воткинскихъ заводовъ для Черноморскаго флота. Эта комиссія существовала до 1822 г., когда признано было болѣе удобнымъ доставлять означенное снабженіе изъ Ростова на Дону.

Начальникомъ главнаго морского штаба Его Императорскаго Величества, въ Ноябрѣ 1827 года, были потребованы свѣдѣнія о томъ, въ какомъ состояніи находится Черноморскій флотъ. По этому вопросу А. С. Грейгъ сообщилъ, что Черноморскій флотъ можетъ быть высланъ въ море не болѣе какъ на двѣ недѣли, по неимѣнію провизій, ни другихъ запасовъ для его снабженія. Если же есть въ виду употребленіе флота, то необходимо принять теперь же мѣры для заготовленія всѣхъ снабженій тѣми средствами, какія по мѣстному соображенію признаются болѣ удобными, не стѣсняясь производствомъ торговъ и соблюденіемъ обыкновенныхъ формъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Грейгъ испрашивалъ разрѣшенія на разоруженіе флота, чтобы имѣть возможность немедленно произвести всѣ необходимыя исправленія послѣ семимѣсячнаго нахожденія судовъ въ полномъ вооруженіи. Вслѣдъ за симъ, отъ него было сдѣлано представленіе о увеличеніи состава Дунайской флотиліи въ виду того, что по собраннымъ свѣдѣніямъ Турецкая флотилія состоитъ изъ 109 судовъ съ 545 орудіями. Также имъ испрашивалось разрѣшеніе о назначеніи дополнительной команды на Дунай, въ помощь 44-му флотскому экипажу, комплектовавшему суда флотиліи. По всѣмъ этимъ представленіямъ было получено согласіе. Для усиленія Дунайской флотиліи разрѣшено было построить пять канонерскихъ

*) Полн. Соб. Зак. № 26186 Къ составленію очерка военныхъ дѣйствій приняты къ руководству: Описаніе дѣйствій Черноморскаго флота—Мелихова; и Послѣдняя война съ Турціею въ 1828—1829 г.г. изданная за подписомъ графовъ А. Орлова и Ѳ. Палена.

лодокъ и восемнадцать іоловъ, а для комплектаціи этой флотиліи былъ назначенъ 42-й флотскій экипажъ. Въ время въ то Черноморскомъ флотѣ состояло судовъ годныхъ къ плаванію: кораблей десять, изъ коихъ два стопушечныхъ, четыре фрегата, одинъ шлюпъ, одинъ корветъ, пять бриговъ, одна бригантина, двѣ шкуны, три люгера, четыре катера, три парохода.

Предусматривая необходимость отсутствія своего изъ Николаева на продолжительное время, А. С. Грейгъ вошелъ съ представленіемъ объ организаціи на такой случай особаго административнаго управленія для исполненія всѣхъ экстренныхъ распоряженій, вызываемыхъ военнымъ временемъ. Вслѣдствіе этого послѣдовалъ высочайшій рескриптъ на его имя, отъ 8 Декабря 1827 года, такого содержанія: «Довѣряя вамъ, въ случаѣ разрыва съ Отоманской Портой, имѣть пребываніе въ Николаевѣ, Севастополѣ и на морѣ, гдѣ по усмотрѣнію вашему потребуютъ нужда и обстоятельства, повелѣваю составить при Черноморскомъ департаментѣ общее присутствіе изъ управляющихъ экспедиціями, подъ предсѣдательствомъ флагмана по вашему избранію». Затѣмъ 10 Марта 1828 года А. С. Грейгъ получилъ высочайшій рескриптъ, въ которомъ высказано: «Предвидя необходимость военныхъ дѣйствій противъ Турецкой имперіи, я поручилъ начальнику главнаго штаба моего сообщить вамъ подробно о первомъ участіи, которое въ сихъ дѣйствіяхъ долженствуетъ принять Черноморскій флотъ». Это назначеніе состояло въ предположенной десантной экспедиціи къ Анапѣ подъ начальствомъ А. С. Грейга. 30 Марта 1828 года сообщено было объ объявленіи войны, а время отправленія десантнаго похода къ Анапѣ было назначено на 20 Апрѣля. Вмѣстѣ съ тѣмъ было предписано командовавшему на Кавказской линіи генералъ-лейтенанту Эммануэлю имѣть въ готовности къ 20 Апрѣля въ Фанагоріи: одинъ баталіонъ 20-й пѣхотной дивизіи, одинъ баталіонъ Таманскаго полка и четыре легкихъ орудія, а отъ Черноморскаго казачьяго войска—два полка пѣшихъ, два полка конныхъ и конно-артиллерійскую роту. Назначивъ въ Николаевѣ общее присутствіе подъ предсѣдательствомъ вице-адмирала Быченскаго *), съ добавленіемъ въ это присутствіе контръ-адмираловъ Карцева и Снаксарева, А. С. Грейгъ, вмѣстѣ съ прибывшимъ въ Николаевъ начальникомъ главнаго морского штаба княземъ Меншиковымъ, назначеннымъ начальствовать десантнымъ отрядомъ, отправился въ Севастополь 17 Апрѣля. Десантныя войска, принятыя на суда флота, состояли изъ двухъ егерскихъ полковъ, одной

*) Вице-адмиралъ Быченскій состоялъ флотскимъ начальникомъ въ Севастополѣ. Вмѣсто него былъ назначенъ контръ-адмиралъ Патаніоти.

роты артиллерійской бригады, военно-рабочей роты и полуотдѣленія осаднаго парка.

Флотъ, съ десантными войсками, прибылъ къ Анапѣ 2 Мая. Въ это время получено было свѣдѣніе, что въ Трапезундѣ готовится десантъ, съ разнаго рода запасами военнаго снабженія, для Анапскаго гарнизона. Вслѣдствіе этого были посланы два брига и катеръ для наблюденія за Суджукской бухтой и съ порученіемъ захватывать всѣ непріятельскія суда, идущія изъ Анатоліи. Эти крейсеры не замедлили исполнить данное имъ приказаніе. Катеръ «Соколъ», подъ командой лейтенанта Вукотича, имѣя 25 человѣкъ команды, взялъ въ плѣнъ Турецкое судно, съ тремя на немъ офицерами и 248 рядовыми, обезоружилъ ихъ, принялъ взятое судно на буксиръ и привелъ его съ плѣнными ко флоту 9 Мая. Вслѣдъ затѣмъ, бриги «Меркурій» и «Ганимедъ» привели къ флоту два непріятельскихъ судна съ военнымъ десантомъ въ 10 офицеровъ и 623 рядовыхъ. Во все время осады Анапы, постоянно, очередные корабль и фрегатъ выходили для стрѣльбы по крѣпостнымъ батареямъ. Назначенные въ осадный отрядъ матросы и команда рабочаго экипажа заняты были устройствомъ траншей и батарей, а потомъ состояли прислугой на осадныхъ батареяхъ, вооруженныхъ взятыми съ флота пушками. Крѣпость сдалась 18 Іюня. За все время осады, въ войскахъ и на флотѣ, потеря въ людяхъ состояла изъ десяти убитыхъ и шестидесяти раненыхъ За покореніе Анапы А. С. Грейгъ произведенъ былъ въ адмиралы, а князь Меншиковъ въ вице-адмиралы, съ утвержденіемъ въ должности начальника главнаго морского штаба Его Императорскаго Величества. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого нашими войсками была взята на Кавказскомъ берегу крѣпость Поти, въ которой оказались 44 орудія и значительный складъ пороху и провіанта.

Распоряженія по отправленію десантныхъ войскъ, плѣнныхъ и взятаго военнаго имущества задержали А. С. Грейга у Анапы до 4 Іюля. Затѣмъ, согласно высочайшему повелѣнію, онъ прибылъ съ флотомъ къ Варнѣ, гдѣ, плавая у Румелійскаго берега, получилъ 21 Іюля новое высочайшее повелѣніе, которымъ поручалась ему осада Варны, а князь Меншиковъ былъ назначенъ командовать сухопутными войсками. Вслѣдствіе этого, подойдя 22 Іюля къ Варнѣ, флотъ сталъ на якорь у залива Саханлыкъ, гдѣ немедленно была устроена пристань для сообщенія съ осаднымъ корпусомъ. Въ тотъ же день былъ сдѣланъ наружный осмотръ крѣпости съ моря и сняты виды приморскихъ укрѣпленій. Численность осаднаго корпуса изъ десяти тысячъ человѣкъ разнаго оружія. Къ этому было отдѣлено съ флота 500 человѣкъ для

производства осадныхъ работъ. Наблюденіе за сооруженіемъ и вооруженіемъ батарей свезенными съ судовъ орудіями было поручено капитану 2 ранга морской артилеріи Залѣсскому, въ вѣдѣніе котораго поступили всѣ офицеры и нижніе чины морской артилеріи, какіе были назначены на осадныя батареи. Продовольствіе осаднаго корпуса производилось черезъ Каварну, занятую при содѣйствіи флота, и черезъ устроенный между Варной и Каварной промежуточный редутъ. Доставка этого продовольствія производилась на военныхъ транспортныхъ и на комерческихъ судахъ. Всѣ предметы снабженія для дѣйствующей за Дунаемъ арміи доставлялись моремъ черезъ Кюстенджи.

24 Іюля прибылъ берегомъ къ Варнѣ Государь Императоръ Николай Павловичъ. Послѣ осмотра мѣстоположенія крѣпости и осадныхъ работъ, его величество посѣтилъ флотъ, причемъ указалъ А. С. Грейгу на то обстоятельство, что стоящая у крѣпости Турецкая флотилія, въ числѣ четырнадцати судовъ, можетъ служить брандерами*) противъ нашего флота, а потому необходимо ее истребить. Въ тотъ же день Государь вышелъ въ Одессу на фрегатѣ «Флора».

Исполненіе высочайшаго повелѣнія было возложено на начальника штаба главнаго командира капитана 2 ранга Мелихова, въ распоряженіе котораго было предоставлено по два вооруженныхъ гребныхъ судовъ отъ кораблей и фрегатовъ. Въ 11 часовъ ночи 26 Іюля отрядъ этотъ отправился по назначенію, слѣдуя какъ можно ближе къ южному высокому берегу, чтобы не быть преждевременно замѣченнымъ. Турки тогда только замѣтили приближающіяся шлюпки, когда онѣ подошли къ нимъ на полуружейный выстрѣлъ. Хотя съ нѣкоторыхъ Турецкихъ судовъ начали стрѣлять по нимъ, но это оказалось уже поздно: люди отряда устремились на непріятельскія суда, атакуя ихъ по способности, и въ полчаса овладѣли Турецкой флотиліей. Первое съ моря судно было взято катеромъ фрегата «Евстафій, подъ командой мичмана Салькова. Второе взято барказомъ корабля «Парменъ», подъ командой мичмана Ситникова. Третіе взято барказомъ корабля «Пименъ», подъ начальствомъ лейтенанта Конкевича, и катеромъ корабля «Нордъ-Адлеръ», подъ командой лейтенанта Аркулова. Четвертое взято катерами корабля «Іоаннъ-Златоустъ», которыми командовали лейтенантъ Вишневецкій и поручикъ Тыртовъ. Пятое взято катерами корабля «Императоръ Францъ», которыми командовали лейтенанты Потемкинъ и Зигури. Шестое взято катерами корабля «Пименъ», которыми командовали лейтенантъ Ивановъ и мичманъ Джжоти. Седьмое взято катеромъ корабля «Пантелеймонъ», подъ начальствомъ

*) Брандеръ—зажигательное судно (Даль).

лейтенанта Чигиря. Восьмое взято катерами кораблей «Парменъ» и «Скорый» и фрегата «Рафаилъ», которыми командовали: лейтенанты-Юрковскій, Ольшевскій, Мангапари 2-й, мичманы Кутузовъ и Вѣтровъ. Это Турецкое судно занимало брандвахтенный постъ; на немъ находился чиновникъ завѣдывавшій флотиліей; при немъ было два барказа, на которыхъ находилось по 25 Турокъ и имѣлось на каждомъ по одному единорогу 12 фунтоваго калибра. Первые катера, при приближеніи къ этому судну, были встрѣчены выстрѣлами изъ ружей и единороговъ, что̀ и было поводомъ направленія къ нему другихъ катеровъ. Съ этимъ судномъ взяты и оборонявшіе его барказы. Девятое взято катеромъ корабля «Парижъ», подъ командой капитана Свирскаго. Десятое взято катеромъ корабля «Парижъ», подъ командой лейтенанта Скаржинскаго. Одиннадцатое взято катеромъ корабля «Нордъ-Адлеръ», подъ командой лейтенанта Мазгана. Двѣнадцатое взято катеромъ транспорта «Марія», подъ командой мичмана Тударева. Тринадцатое взято баркасомъ корабля «Пантелеймонъ», подъ командой лейтенанта Микрюкова. Четырнадцатое, самое ближайшее къ крѣпости, взято барказомъ корабля «Парижъ», подъ командой лейтенанта Зайцевскаго. Хотя нападеніе было сдѣлано почти нечаянно, но Турки сопротивлялись съ большимъ упрямствомъ; многіе изъ нихъ, послѣ отчаянной обороны, видя сопротивленіе напраснымъ, бросались въ воду, чтобы вплавь достичь берега. Взятыя въ плѣнъ суда, съ ними и два брадвахтенныхъ барказа, приняты были на буксиры и приведены къ флоту. Крѣпость, во все время этой атаки, соблюдала молчаніе; но какъ только крѣпостное начальство убѣдилось въ потерѣ своей флотиліи, то былъ открытъ сильный огонь со всѣхъ приморскихъ батарей. Отрядъ Русскихъ судовъ вышелъ изъ подъ выстрѣловъ крѣпости благополучно. Уронъ на немъ состоялъ изъ четырехъ убитыхъ и тринадцати раненыхъ; въ числѣ послѣднихъ были лейтенанты Зигури и Манганари, мичманъ Кутузовъ и гардемаринъ Потуловъ; изъ нихъ мичманъ Кутузовъ и одинъ матросъ вскорѣ умерли. Въ плѣнъ взяты 46 человѣкъ и начальникъ Турецкой флотиліи.

Для прекращенія сообщенія крѣпости съ окрестными мѣстами посредствомъ озера Девно были доставлены на это озеро вооруженные барказъ и ялъ, подъ командой мичмана Липкина. При отраженіи сильной вылазки 9 Августа изъ крѣпости, поддержанной артилерійскимъ огнемъ, князь Меншиковъ, распоряжавшійся лично войсками, былъ тяжело раненъ въ обѣ ноги. Вслѣдствіе этого командованіе осаднымъ корпусомъ временно принялъ генералъ-маіоръ Перовскій, до прибытія изъ Одессы графа Воронцова, назначеннаго, по этому

случаю, высочайшимъ приказомъ, командовать осадными войсками. По представленію графа Воронцова, численность этихъ войскъ была увеличена присылкою двухъ корпусовъ, армейскаго и гвардейскаго. Съ послѣднимъ корпусомъ прибылъ гвардейскій экипажъ, подъ начальствамъ контръ-адмирала Ѳ. Ѳ. Беллинсгаузена, для комплектованія судовъ Черноморскаго флота.

Вслѣдствіе полученнаго свѣдѣнія, что въ Инадѣ находится значительный складъ пороха и аммуниціи, предназначенный для Варны, туда командированъ былъ капитанъ 1 ранга Критскій, съ назначеніемъ въ его распоряженіе двухъ фрегатовъ и трехъ судовъ меньшаго размѣра. По прибытіи къ мѣсту назначенія 16 Августа, фрегаты начали пальбу залпами по укрѣпленіямъ, а прочія суда начали очищать своими выстрѣлами мѣсто для высадки десанта. Въ 10 часовъ утра, когда береговыя батареи замолчали и назначенное для десанта мѣсто очистилось, Критскій, командуя лично 370 матросами, высадился съ ними на берегъ и двинулся къ устроенному на возвышеніи редуту. На половинѣ разстоянія отъ него Русскій отрядъ былъ встрѣченъ многочисленной толпой Турокъ; сдѣлавъ по нимъ залпъ, десантный отрядъ бросился въ штыковую атаку, что̀ заставило непріятелей обратиться въ бѣгство; а матросы, преслѣдуя ихъ, ворвались вмѣстѣ съ ними въ редутъ и овладѣли имъ. Это укрѣпленіе, окруженное широкимъ и глубокимъ рвомъ, оборонялось девятью пушками. Не давая опомниться непріятелямъ, Критскій обратился къ другому редуту, дѣйствовавшему противъ фрегата «Рафаилъ» и составлявшему главный пунктъ Инады. Онъ былъ расположенъ на очень выгодномъ мѣстѣ, имѣя для защиты пять пушекъ большого калибра и четыре единорога; внутри его находилось особое укрѣпленіе въ родѣ цитадели. Паника смущенія защитниковъ была такова, что они очистили этотъ редутъ безъ сопротивленія. Въ устроенной въ немъ трехъ-этажной башнѣ оказался складъ пороха, боевыхъ снарядовъ, шанцеваго инструмента и другихъ военныхъ запасовъ въ значительномъ количествѣ. Имѣя въ виду близость расположенія Турецкаго корпуса, Критскій поторопился окончаніемъ этого дѣла; для этого немедленно было свезено на суда двѣнадцать мѣдныхъ орудій, а остальныя заклепаны; затѣмъ, къ складу военныхъ заготовленій въ башнѣ былъ проведенъ стапель*), и башня эта взорвана. Потеря въ людяхъ, на судахъ и въ десантномъ отрядѣ, состояла изъ одного убитаго и пяти раненыхъ.

Государь Императоръ прибылъ изъ Одессы къ Варнѣ, на фрегатѣ «Флора» 27 Августа. По сближеніи съ флотомъ, съ этого фрегата

*) *Стапель*—помостъ на берегу для спуска тяжестей.

былъ произведенъ установленный салютъ адмиральскому флагу, а потомъ на немъ былъ поднятъ Императорскій штандартъ, вслѣдствіе чего всѣ военныя суда произвели салютъ. Пребываніе его величества было назначено на адмиральскомъ кораблѣ «Парижъ», командиромъ котораго былъ назначенъ контръ-адмиралъ Беллингсгаузенъ. Крѣпость Варна сдалась 29 Сентября; а 2 Октября, въ 3 часа пополудни, Государь Императоръ вышелъ изъ Варны, на кораблѣ «Императрица Марія», подъ командой капитана 1 ранга Папахристо, для слѣдованія въ Одессу, при тихомъ южномъ вѣтрѣ. 3 числа, съ ранняго утра, задулъ сильный сѣверо-восточный вѣтеръ, съ жестокими шквалами. На кораблѣ поочередно, сломались форъ-стеньга, гротъ-брамъ-стеньга, бомъ-утлегарь и утлегарь[1]), которые, по силѣ вѣтра, оставались не убранными. Въ полдень вѣтеръ превратился въ настоящій штормъ, сопровождаемый дождемъ и очень большимъ волненіемъ. Съ изломаннымъ рангоутомъ, при большой качкѣ, не имѣя ходу, корабль дрейфовало[2]) къ берегу, находившемуся по счисленію съ сорока миляхъ подъ вѣтромъ. Такое положеніе продолжалось цѣлые сутки; потомъ, съ полуночи на 5 число, вѣтеръ, перейдя къ Сѣверу, началъ стихать, а затѣмъ задулъ благопріятный юго-западный вѣтеръ, и корабль прибылъ въ Одессу 7 Октября вечеромъ. А. С. Грейгъ прибылъ съ флотомъ въ Севастополь 12 Октября, и въ тотъ же день былъ спущенъ его флагъ. За дѣйствія подъ Варной онъ награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 2-го класса.

Гребная флотилія успѣшно помогала арміи на Дунаѣ въ военныхъ предпріятіяхъ, обстрѣливая Турецкія укрѣпленія и уничтожая рѣчныя перевозныя средства непріятеля. При осадѣ Браилова, начальникъ флотиліи капитанъ 1 ранга Завадовскій, имѣя въ своемъ распоряженіи шестнадцать лодокъ, атаковалъ подъ стѣнами крѣпости, 29 Мая, Турецкія вооруженныя суда; изъ нихъ потоплено было 14, взято въ плѣнъ 12, а шесть успѣли уйти въ Мачинъ. Въ этомъ дѣлѣ былъ убитъ начальникъ Турецкой флотиліи Ахметъ-бей.

Для стоянки въ Варнѣ и для крейсерства у Румелійскаго берега былъ назначенъ отрядъ судовъ, подъ начальствомъ контръ-адмирала М. Н. Кумани. По прибытіи этого отряда въ Варну, командовавшій тамъ войсками генералъ Ротъ сообщилъ М. Н. Кумани, что, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, въ Айдосѣ собрано болѣе тридцати тысячъ Турецкихъ войскъ; а потому онъ желаетъ отвлечь ихъ къ Фаросскому заливу демонстраціей съ моря и тѣмъ обезпечить спокойствіе Русскихъ позицій у «Проводъ». Вслѣдствіе этого Кумани, пройдя въ Фаросскій

[1]) *Утлегарь*—продолженіе *бушприта* (передней мачты); *бомъ-утлегарь*—тоже, но еще выше (Даль).

[2]) *Дрейфовать*—уклоняться отъ прямого пути подъ вѣтеръ, уваливаться (Даль).

заливъ, занялъ тамъ островъ Анастасію, на которомъ взято 90 Турокъ съ двумя орудіями; затѣмъ осмотрѣлъ укрѣпленныя мѣста по всему заливу. Собравъ о ихъ положеніи подробныя свѣдѣнія отъ мѣстныхъ Грековъ, онъ представилъ генералу Роту записку, въ которой заявилъ необходимость немедленно занять Сизополь, чтобы сдѣлать его нашей главной морской станціей у Босфора и такимъ образомъ имѣть военный пунктъ за Балканами, могущій быть полезнымъ для будущихъ дѣйствій арміи. Такъ какъ А. С. Грейгъ вполнѣ одобрилъ это предпріятіе, то объ этомъ было представлено на высочайшее усмотрѣніе. Государь Императоръ, соображая, что овладѣніе портомъ столь безопаснымъ какъ Сизополь, какого бы рода ни были будущія предпріятія наши въ Фаросскомъ заливѣ, должно во всякомъ случаѣ способствовать ощутительно исполненію ихъ, разрѣшилъ получить контръ-адмиралу Кумани предположенную имъ экспедицію противъ Сизополя, ввѣривъ ему и нужное число сухопутныхъ войскъ, въ такомъ однако случаѣ, сли Кумани приметъ на себя отвѣтственность за удержаніе Сизополя.

Составивъ эскадру изъ трехъ кораблей, двухъ фрегатовъ, трехъ канонерскихъ лодокъ и двухъ транспортныхъ судовъ, и принявши десантъ изъ 1622 человѣкъ, при двухъ полевыхъ и двухъ осадныхъ пушкахъ, Кумани прибылъ къ Сизополю 15 Февраля 1829 года. Послѣ усиленной канонады Турецкія батареи были сбиты, гарнизонъ бѣжалъ, и Сизополь былъ занятъ десантомъ. Немедленно было приступлено къ усиленію его укрѣпленій постройкою новаго редута съ береговой стороны, какъ отдѣльнаго укрѣпленія, прикрывавшаго подступъ къ Сизополю. Согласно представленію Кумани, число сухопутныхъ войскъ было усилено присылкою 2500 человѣкъ. Для вооруженія укрѣпленій, кромѣ взятыхъ Турецкихъ пушекъ, было свезено съ эскадры тринадцать орудій и двѣ мортиры; а для работъ по постройкѣ новаго редута было назначено четыреста матросовъ. Начальникомъ артилеріи на всѣхъ укрѣпленіяхъ былъ назначенъ капитанъ морской артилеріи Кошкинъ, въ распоряженіе котораго отдѣлены были съ судовъ артилерійскіе офицеры и нижніе чины. Марта 28 непріятель, въ числѣ четырехъ тысячъ человѣкъ пѣхоты и двухъ тысячъ кавалеріи, сдѣлалъ нападеніе на вновь воздвигаемый, но еще неоконченный редутъ. Съ разсвѣтомъ Турки быстро окружили этотъ редутъ, бросились въ ровъ и полѣзли на валъ. Первый ихъ натискъ былъ встрѣченъ и отраженъ батальономъ Азовскаго полка, занимавшаго караулы въ редутѣ; вслѣдъ за тѣмъ быстрое наступленіе Русскихъ войскъ и сильный огонь съ кораблей вскорѣ рѣшили это сраженіе: Турки были приведены въ полное разстройство и обратились въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ болѣе

250 тѣлъ убитыхъ. Уронъ Русскаго отряда состоялъ изъ 27 убитыхъ и 74 раненыхъ. Отраженіе этого нападенія окончательно обезпечило обладаніе Сизополемъ; позиціи лѣваго фланга Русской арміи получили хорошо укрѣпленный пунктъ и пріобрѣтено господство въ Фаросскомъ заливѣ, по сосѣдству съ Босфоромъ. За покореніе Сизополя Кумани награжденъ орденомъ св. Анны 1 степени и десятью тысячами рублей. Изъ числа взятыхъ въ Сизополѣ пушекъ двѣ, по высочайшему повелѣнію, были подарены городамъ Николаеву и Севастополю.

А. С. Грейгъ прибылъ изъ Николаева въ Севастополь 2 Апрѣля 1829 года. Отправивъ на усиленіе эскадры контръ-адмирала Кумани два корабля, три фрегата и два катера, онъ прибылъ потомъ въ Сизополь съ тремя кораблями, однимъ бригомъ и однимъ пароходомъ. По высочайше утвержденному плану военныхъ дѣйствій на сушѣ и на морѣ, этотъ портъ былъ назначенъ главнымъ пунктомъ пребыванія флота. А. С. Грейгу поручалось: охраненіе Сизополя, наблюденіе за выходомъ Турецкихъ судовъ въ Черное море и возможное содѣйствіе войскамъ, въ снабженіи и военныхъ дѣйствіяхъ. Къ исполненію такого назначенія были высланы крейсеры наблюдать за движеніемъ судовъ у входа въ Босфоръ; остальныя мелкія суда были распредѣлены для содержанія почтоваго сообщенія арміи съ Русскими портами и для особыхъ командировокъ по надобностямъ военнаго времени и начальствующихъ лицъ. Всѣ военныя транспортныя суда, а также нанятыя военнымъ вѣдомствомъ комерческія суда, были заняты доставкою различныхъ предметовъ снабженія арміи и флота и перевозкою раненыхъ и больныхъ воинскихъ чиновъ въ Русскіе порты. Въ виду возможности военныхъ дѣйствій въ Фаросскомъ заливѣ, была вытребована туда часть Дунайской флотиліи.

Въ это время въ Сизополѣ находились: корабли— «Парижъ» подъ флагомъ адмирала Грейга, «Императоръ Францъ», «Іоаннъ Златоустъ», «Пантелеймонъ», подъ флагомъ контръ-адмирала Кумани, «Императрица Марія» подъ флагомъ контръ-адмирала Стожевскаго, «Чесма», «Нордъ-Адлеръ» и «Парменъ»; фрегатъ «Флора», бригъ «Мингрелія», пароходъ «Метеоръ» и отрядъ канонерскихъ лодокъ и іоловъ. Въ крейсерствѣ у Константинопольскаго пролива находились: фрегаты «Поспѣшный» и «Штандартъ» и бриги «Орфей» и «Меркурій». Въ Фаросскомъ заливѣ, у острова Анастасіи, стояли бригъ «Ганимедъ» и катеръ «Жаворонокъ» для охраны острова и прекращенія сообщеній непріятеля по Фаросскому заливу. У Инады крейсировалъ катеръ «Соловей». У Кавказскаго берега находились шлюпъ «Діана», бригантина «Елисавета», бригъ «Пегасъ» и шкуна «Гонецъ».

Капитанъ-лейтенантъ Козарскій, командиръ брига «Меркурій» крейсировавшаго у Босфора, замѣтилъ 12 Апрѣля выходъ трехъ Турецкихъ кораблей въ Черное море, а потому немедленно направился къ Севастополю, расчитывая застать тамъ главнаго командира, но узнавъ тамъ, что онъ находится въ Сизополѣ, прибылъ туда и донесъ А. С. Грейгу о томъ, что онъ видѣлъ. Адмиралъ тотчасъ приказалъ капитану 1 ранга Скаловскому идти къ проливу съ тремя кораблями и двумя бригами, собрать тамъ крейсеровъ, а затѣмъ, если Турецкія корабли не вошли еще въ проливъ, то отыскать ихъ и истребить. Подойдя къ проливу и получивши тамъ свѣдѣнія, что въ немъ находится только пять Турецкихъ кораблей вмѣсто восьми, онъ присоединилъ крейсеровъ къ своей эскадрѣ и направился вдоль Анатолійскаго берега на поискъ вышедшихъ изъ пролива Турецкихъ кораблей. Встрѣтивъ 15 комерческихъ судовъ подъ Турецкимъ флагомъ, спѣшившихъ укрыться въ бухтѣ возлѣ мѣстечка Шили, Скаловскій поручилъ фрегату «Шандартъ» и бригу «Мингрелія» истребить ихъ. Войдя въ бухту и ставши на якорь, подъ сильнымъ огнемъ береговыхъ батарей и разсыпанныхъ по берегу стрѣлковъ, они взяли въ плѣнъ два судна, а остальныя истребили. Получивъ свѣдѣніе отъ Грековъ, взятыхъ на одномъ изъ захваченныхъ судовъ, что въ Пендераклiи вооружается военный корабль, а въ Акчесарѣ приготовляется къ спуску корветъ, Скаловскій отрядилъ въ Акчесаръ фрегатъ «Поспѣшный» и бригъ «Мингрелія» для истребленія корвета, а самъ съ прочими судами направился къ Пендераклiи. Тамъ оказалось нѣсколько сильныхъ батарей, расположенныхъ на высотахъ и у адмиралтейства, возлѣ котораго стоялъ спущенный, но не вооруженный корабль. Послѣ очень продолжительной, до наступленія сумерокъ, перестрѣлки съ батареями и по невооруженному кораблю, всѣ усилія оказались безполезными. Тогда мичманъ Трескинъ испросилъ разрѣшенія отправиться съ охотниками къ непріятельскому кораблю и истребить его. Въ 10 часовъ вечера, съ десятью матросами на шлюпкѣ, онъ приблизился къ Турецкому кораблю, прибилъ къ портамъ и по бокамъ его пеньковые кранцы пропитанные смолою, и зажегъ ихъ, отчего корабль сгорѣлъ. Кромѣ этого корабля, онъ истребилъ такимъ же способомъ нѣсколько разныхъ меньшихъ судовъ, стоявшихъ возлѣ корабля. Въ Акчесарѣ выстрѣлами фрегата и брига, подъ сильной пальбой съ берега, былъ истребленъ стоявшій на стапелѣ корветъ. Въ этихъ состязаніяхъ съ береговыми батареями въ Шили, Пендераклiи и Акчесарѣ всѣ суда получили значительныя поврежденія въ рангоутахъ, и оказались въ корпусахъ пробоины: у кораблей «Нордъ Адлеръ» 32, у «Іоанна Златоустаго» 16, у «Пармена» 20, у фрегата «Поспѣшный» 19. Вслѣд-

ствіе этого, признавая необходимымъ скорѣйшее исправленіе судовъ, Скаловскій оставилъ у пролива крейсеровъ и прибылъ съ эскадрой въ Сизополь 11 Мая.

Съ разсвѣтомъ 15 Мая прибылъ въ Сизополь фрегатъ «Штандартъ» съ донесеніемъ, что, находясь у пролива вмѣстѣ съ бригами «Орфей» и «Меркурій», замѣченъ былъ ими Турецкій флотъ, шедшій изъ Анатоліи въ составѣ восемнадцати судовъ. Когда непріятель направился въ погоню за ними, то онъ сдѣлалъ сигналъ бригамъ «идти курсомъ, при которомъ имѣетъ лучшій ходъ», самъ же направился къ Сизополю, чтобы сообщить объ этомъ. А. С. Грейгъ тотчасъ сдѣлалъ сигналъ, «приготовиться къ походу» и вышелъ съ флотомъ къ проливу. Въ 5 часовъ пополудни подошелъ къ флоту бригъ «Меркурій», наружный видъ котораго свидѣтельствовалъ о выдержанномъ имъ жестокомъ боѣ: корпусъ, рангоутъ, паруса и такелажъ[1]), все было избито выстрѣлами съ непріятельскихъ судовъ. Командиръ брига, капитанъ-лейтенантъ Казарскій, донесъ рапортомъ слѣдующее.

«Когда замѣчено было приближеніе Турецкаго флота къ бригу, онъ, слѣдуя сигналу командира фрегата «Штандартъ», легъ галвиндомъ при юго-западномъ вѣтрѣ, имѣя непріятеля на Югъ. Вскорѣ оказалось, что перемѣна курса принесла мало пользы. Лучшіе ходоки непріятельскаго флота, два корабля, одинъ 110 пушечный, подъ флагомъ капудана-паши, а другой 74 пушечный, подъ адмиральскимъ флагомъ, примѣтно настигали бригъ, а въ исходѣ второго часа пополудни они были отъ него въ разстояніи полутора пушечнаго выстрѣла. Въ это время вѣтеръ стихъ, и ходъ преслѣдующихъ кораблей уменьшился. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, онъ прибѣгнулъ къ единственному средству ускоренія хода, къ весламъ, надѣясь посредствомъ ихъ увеличить разстояніе, отдѣлявшее бригъ отъ непріятеля; но не прошло и получаса, какъ вѣтеръ посвѣжѣлъ снова, корабли стали приближаться къ бригу и открыли по немъ огонь изъ погонныхъ пушекъ. Видя совершенную невозможность уклониться отъ неравнаго боя, онъ собралъ совѣтъ изъ офицеровъ. Поручикъ корпуса штурмановъ Прокофьевъ, отъ котораго перваго было потребовано мнѣніе, предложилъ «взорвать бригъ, когда онъ будетъ доведенъ до крайности». Вслѣдствіе этого мнѣнія, принятаго всѣми единогласно, было положено защищаться до послѣдней возможности и если будетъ сбитъ рангоутъ, или откроется большая течь, тогда схватиться съ ближайшимъ непріятельскимъ кораблемъ, и тотъ офицеръ, который останется въ живыхъ, долженъ зажечь крюйтъ-камору[2]), для чего былъ положенъ на шпиль пистолетъ. Послѣ этого, обратившись къ нижнимъ чинамъ, объяснилъ онъ имъ, чего ожидаетъ отъ

[1]) *Такелажъ*—все веревочное снаряженіе корабля.

[2]) *Крюйтъ-камера*—пороховой погребъ.

нихъ Государь и чего требуетъ честь императорскаго флага, нашелъ въ командѣ тѣже чувства, какъ и въ офицерахъ: всѣ единогласно объявили, что будутъ до конца вѣрны своему долгу и присягѣ. Успокоенный такимъ общимъ единодушіемъ, онъ приказалъ прекратить дѣйствіе веслами, поставить людей къ пушкамъ, сбросить въ море ялъ, висѣвшій за кормой, и открыть огонь изъ ретирадныхъ портовъ. Вскорѣ 110 пушечный корабль началъ спускаться съ тѣмъ, чтобы занять мѣсто съ правой стороны брига и дать продольный залпъ; но «Меркурій» избѣжалъ послѣдняго, приспустившись во время. Такимъ образомъ еще около получаса бригъ подвергался выстрѣламъ однихъ погонныхъ пушекъ, но потомъ былъ поставленъ между двумя кораблями; каждый изъ нихъ сдѣлалъ два залпа по бригу, послѣ чего съ корабля капудана-паши закричали по-русски: «сдавайся и убирай паруса». Отвѣтомъ на это были залпъ всей артилеріи и дружный ружейный огонь. Тогда оба корабля, сдавшись къ кормѣ брига, открыли по немъ непрерывную кононаду ядрами, книпелями и брадскугелями, которыми былъ произведенъ пожаръ, вскорѣ однако потушенный. Во все время «Меркурій» не прерывалъ своего огня, стараясь по возможности уклоняться отъ продольныхъ выстрѣловъ, пока удалось перебить ватеръ-штаги[1]) и повредить гротовый рангоутъ сто-пушечнаго корабля, что̀ заставило его закрѣпить бомъ-брамсели[2]), привести къ вѣтру и лечь въ дрейфъ; но прежде прекращенія дѣйствія онъ послалъ бригу залпъ со всего борта. Другой корабль продолжалъ сраженіе, перемѣняя галсы подъ кормой брига и билъ его продольными выстрѣлами, которыхъ никакими движеніями невозможно было избѣжать; но, со всѣмъ тѣмъ «Меркурій» отстрѣливался до того времени, пока счастливымъ выстрѣломъ удалось перебить у непріятеля нокъ-форъ-марсъ-рею, паденіе которой увлекло за собой лисели[3]); тогда и этотъ корабль привелъ въ бейдевиндъ».

Заканчивая свое донесеніе, Казарскій высказалъ, что онъ не находитъ словъ для описанія храбрости, самоотверженности и точности въ исполненіи своихъ обязанностей, какія были оказаны всѣми вообще офицерами и нижними чинами въ продолженіе этого трехъ-часового сраженія, не представлявшаго никакой совершенно надежды на спасеніе, и что только такому достойному удивленія духу экипажа и милости Божіей должно приписать спасеніе судна и флага Его Императорскаго Величества. Уронъ въ командѣ брига состоялся изъ четырехъ убитыхъ и шести раненыхъ нижнихъ чиновъ. Пробоинъ въ корпусѣ оказалось 22, поврежденій въ рангоутѣ 16, въ парусахъ 133 и

[1]) *Ватерштагъ*—толстая смоленая снасть.

[2]) *Брамсель*—прямой парусъ.—[3]) *Лисели*—прямоугольные паруса.

въ такелажѣ 148; сверхъ того разбиты гребныя суда и повреждена коронада. Командиръ брига «Орфей», капитанъ-лейтенантъ Колтовской, донесъ А. С. Грейгу, что послѣ отбытія фрегата «Штандартъ» онъ слѣдилъ за Турецкимъ флотомъ, который 16 числа въ 5 часовъ пополудни вошелъ въ проливъ.

Приказомъ главнаго командира Черноморскаго флота отъ 4 Іюля было объявлено слѣдующее: «Въ воздаяніе блистательнаго подвига брига «Меркурій», вышедшаго побѣдителемъ изъ безпримѣрнаго боя 14 Мая имъ выдержаннаго противу двухъ Турецкихъ кораблей, Государь Императоръ всемилостивѣйше пожаловать соизволилъ: командира капитанъ-лейтенанта Казарскаго въ капитаны 2 ранга, съ назначеніемъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству, и сверхъ того кавалеромъ ордена св. Георгія 4 класса; лейтенантовъ Скарятина и Новосильскаго, мичмана Притупова и поручика корпуса флотскихъ штурмановъ Прокофьева слѣдующими чинами, и первыхъ орденами св. Владимира 4 степени, а Прокофьева, какъ предложившаго мужественный совѣтъ взорвать бригъ, орденомъ св. Георгія 4 класса. Всѣмъ нижнимъ чинамъ знаки отличія военнаго ордена. Всѣмъ вообще, какъ офицерамъ, такъ и нижнимъ чинамъ, въ пожизненный пенсіонъ двойной окладъ жалованья по окладу, какой они получали до настоящаго времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорское Величество соизволилъ отличить и самый бригъ, пожалованіемъ на оный Георгіевскаго флага. А дабы увѣковѣчить въ родѣ сихъ офицеровъ память примѣрной ихъ храбрости и мужественной рѣшимости на очевидную погибель, Государь Императоръ соизволилъ повелѣть, чтобы пистолетъ, какъ оружіе избранное ими для взорванія на воздухъ при невозможности продолжать оборону, былъ внесенъ въ гербы ихъ». Затѣмъ, 29 Іюля 1829 года состоялся высочайшій указъ на имя морского министра, такого содержанія: «32 флотскаго экипажа 18 пушечному бригу «Меркурій», за славные подвиги съ двумя непріятельскими кораблями, дарованъ флагъ съ знаменіемъ св. великомученника и побѣдоносца Георгія. Мы желаемъ, дабы память безпримѣрнаго дѣла сего сохранилась до позднѣйшихъ временъ, вслѣдствіе сего повелѣваемъ вамъ распорядиться: когда бригъ сей будетъ приходить въ неспособность продолжать болѣе служеніе на морѣ, построить по одному съ нимъ чертежу и совершеннымъ съ нимъ сходствомъ во всемъ другое такое же судно, наименовавъ его «Меркурій», приписавъ къ тому же экипажу, на который перенести и пожалованный флагъ съ вымпеломъ; когда же и сіе судно станетъ приходить въ ветхость, замѣнить его другимъ новымъ, по тому же чертежу построеннымъ, продолжая сіе такимъ образомъ до временъ позднѣйшихъ. Мы желаемъ, дабы память знаменитыхъ

заслугъ команды брига «Меркурій» и его никогда во флотѣ не исчезала, а переходя изъ рода въ родъ на вѣчныя времена, служила примѣромъ потомству».

20 Мая прибылъ въ Сизополь бригъ «Ганимедъ» изъ крейсерства у Босфора. Командиръ этого брига, капитанъ-лейтенантъ Ушаковъ, передалъ адмиралу Грейгу депешу Датскаго министра при Портѣ барона Гибша, полученную отъ Австрійскаго комерческаго судна, шедшаго изъ Константинополя въ Одессу. Баронъ Габшъ увѣдомлялъ о взятіи Турками фрегата «Рафаилъ». Къ этому увѣдомленію былъ приложенъ рапортъ командира фрегата, капитана 2 ранга Стройникова на имя Государя Императора, въ которомъ излагалось слѣдующее объясненіе этого событія. «Слѣдуя согласно предписанію главнаго командира Черноморскаго флота, попутнымъ вѣтромъ, я отправился 10 Мая 1829 года съ ввѣреннымъ мнѣ фрегатомъ въ крейсерство между Требизондомъ и Батумомъ. 11 числа вечеромъ, находясь на траверзѣ Пендеракліи, въ разстояніи отъ берега 40 миль, вѣтеръ сдѣлался крѣпкій, противный, заставившій поворотить въ море. Въ продолженіе ночи вѣтеръ усиливаясь произвелъ большое волненіе, а на разсвѣтѣ 12 числа, находясь отъ ближайшаго берега въ 30 миляхъ, увидѣлъ я непріятельскій флотъ, состоявшій изъ одного трехдечнаго и пяти двухдечныхъ кораблей, двухъ фрегатовъ, двухъ корветовъ и двухъ бриговъ, въ разстояніи шести миль на вѣтрѣ. Судя по направленію вѣтра и мѣстному положенію, я рѣшился продолжать тотъ же курсъ, дабы удалиться отъ онаго. Впослѣдствіи времени вѣтеръ стихъ, отъ коего фрегатъ имѣлъ ходу одну милю въ часъ. Непріятель, пользуясь попутной зыбью и имѣя преимущественный ходъ, не допустилъ до сего и приближался, а пополудни въ два часа пересѣкъ всѣ направленія. Видя себя въ столь неизбѣжномъ положеніи, я созвалъ совѣтъ изъ всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ для отобранія отъ нихъ мнѣнія каждаго, которые общимъ согласіемъ положили: обороняться до послѣдней капли крови, а въ случаѣ нужды свалиться съ непріятелемъ и взорвать фрегатъ; но нижніе чины, узнавъ намѣреніе наше, объявили, что фрегатъ не допустятъ сжечь; а сдѣлавшійся въ сіе время штиль лишилъ меня и послѣднихъ способовъ къ защищенію. Въ 4 часа пополудни фрегатъ взятъ непріятельскимъ флотомъ».

Сообщенное Казарскимъ извѣстіе о выходѣ непріятельскихъ кораблей изъ пролива въ Черное море, посылка Скаловскаго для отысканія этихъ кораблей, сдача фрегата «Рафаилъ» безъ выстрѣла и отчаянная защита брига «Меркурій»,—все это, сопоставленное, какъ одно событіе къ другому, въ совокупности выставляется весьма по-

учительнымъ случаемъ. Посланный на поискъ и истребленіе непріятельскихъ кораблей, Скаловскій имѣлъ достаточныя средства къ исполненію даннаго ему предписанія, тѣмъ болѣе, что, какъ оказалось впослѣдствіи, изъ двѣнадцатя Турецкихъ судовъ было годныхъ для боя только три корабля, вышедшія изъ пролива, а остальныя суда, собранныя по Анатолійскому берегу, были вновь построенныя и оснащенныя, но безъ пушекъ. Слѣдовало только неуклонно исполнить свое назначеніе, и тогда не былъ бы потерянъ фрегатъ, по малодушію и слабохарактерности своего командира, и не было бы отчаяннаго состязанія брига «Меркурій». Но Скаловскій, пренебрегая полученнымъ приказаніемъ, увлекся истребленіемъ беззащитныхъ каботажныхъ судовъ и недоконченныхъ отдѣлкою корабля и корвета, что можно было бы отложить, съ полной увѣренностью, до болѣе удобнаго времени. Это своенравное увлеченіе повело къ такимъ серьезнымъ поврежденіямъ ввѣренныхъ ему судовъ, что онъ не могъ уже продолжать свой поискъ и былъ вынужденъ возвратиться въ Сизополь именно въ тотъ день, когда Турецкая эскадра проходила къ проливу мимо Пендераклiи. При исполненіи каждаго предпріятія требуется сознательное пониманіе распоряженій старшаго начальника, съ неуклонно-точнымъ и самоотверженнымъ исполненіемъ полученныхъ приказаній подчиненнымъ. Это дисциплина всякаго дѣльнаго предпріятія, въ полномъ смыслѣ своего значенія, и составляетъ суть всякаго общественнаго служенія, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Но если отрядный начальникъ, получивъ приказаніе идти направо, руководствуясь собственнымъ произвольнымъ усмотрѣніемъ, поведетъ свой отрядъ налѣво, то послѣдствіемъ такого уклоненія могутъ быть очень печальны. Тоже случилось и со Скаловскимъ. Уклонившись отъ точнаго исполненія полученнаго приказанія, онъ этимъ предоставилъ возможность непріятельской эскадрѣ не только безнаказанно возвратиться въ проливъ, но и захватить Русскій фрегатъ, такъ желанный для Турокъ, терявшихъ до этого времени свои суда.

Въ оправданіе Скаловскаго Мелиховъ, въ своемъ описаніи, высказываетъ: «Счастіе благопріятствовало Туркамъ; если бы онъ встрѣтился съ ними, то непремѣнно вступилъ бы въ бой». Но что же препятствовало такой встрѣчѣ? Счастіе есть слѣпой случай; оно зависитъ отъ нашей здравой сообразительности и умѣнья въ исполненіи даннаго порученія. Отдавая должную дань безспорно большимъ государственнымъ заслугамъ А. С. Грейга, нельзя не отмѣтить тотъ непонятный намъ фактъ его распорядительности въ такомъ серьезномъ случаѣ, какъ выходъ Турецкой эскадры изъ пролива въ Черное море, обусловленное за-

крытіе котораго отъ попытокъ непріятеля составляло главный пунктъ даннаго ему высочайшаго повелѣнія. Непонятно, почему такое важное дѣло, какъ поискъ Турецкой эскадры, не было поручено одному изъ младшихъ флагмановъ находившихся на флотѣ въ Сизополѣ, контръ-адмираламъ Стожевскому и Кумани, тѣмъ болѣе, что послѣдній заявилъ свою энергическую боевую предпріимчивость занятіемъ Сизополя. Знаменательно и то обстоятельство, что Скаловскій, не проявившій никакой личной доблести для исполненія полученнаго приказанія, по представленію А. С. Грейга, былъ произведенъ въ контръ-адмиралы, «за сожженіе подъ стѣнами Пендеракліи 60 пушечнаго корабля, за истребленіе 26 пушечнаго корвета въ Акчесарѣ и непріятельскихъ судовъ въ Шили и Пендераклін».

По случаю появленія чумы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Болгаріи А. С. Грейгъ сдѣлалъ распоряженіе о немедленномъ устройствѣ карантина на островѣ Киріосъ для приходящихъ въ Сизополь комерческихъ судовъ. Въ Сизополѣ также были приняты разныя санитарныя мѣры и учрежденъ строгій надзоръ за сообщеніемъ жителей съ ближайшими мѣстностями. Но, не смотря на эти мѣропріятія, между жителями появилась чума, а затѣмъ были случаи появленія этой болѣзни въ воинскихъ и морскихъ командахъ. Предупредительная и строгая изолировка заболѣвающихъ имѣла послѣдствіемъ очень малый процентъ смертности.

Послѣ побѣды подъ Кулевчи, гдѣ были разбиты главныя Турецкія войска, главнокомандовавшій арміею графъ Дибичъ рѣшился перенести военныя дѣйствія за Балканы. Сообщая объ этомъ адмиралу Грейгу, онъ просилъ его принять мѣры къ занятію всѣхъ укрѣпленныхъ пунктовъ въ Фаросскомъ заливѣ, для чего командировалъ въ его распоряженіе отрядъ войскъ. Послѣдствіемъ этого предложенія было занятіе Месемвріи, въ которой взято 19 пушекъ, болѣе двухъ тысячъ Турокъ и значительный складъ военныхъ и продовольственныхъ запасовъ. Кромѣ того въ Месемвріи оказался недостроенный корветъ, окончаніе постройки котораго было поручено корабельному инженеру Мелетину съ помощью взятыхъ съ флота мастеровыхъ. При спускѣ этого корвета, онъ наименованъ «Ольга», въ честь великой княжны Ольги Николаевны. Въ тоже время былъ занятъ г. Ахіоло бригомъ «Орфей», подъ командой капитанъ-лейтенанта Колтовскаго, который въ донесеніи своемъ объяснилъ слѣдующее. «Ночью прибыли на бригъ Греки изъ Ахіоло съ объявленіемъ, что бо́льшая часть Турокъ выступила изъ города, а потому они просили занять его. Убѣдившись въ

справедливости этого извѣстія, онъ подошелъ къ городу въ 7 часовъ утра, сталъ на якорь и съѣхалъ на берегъ съ десантомъ изъ двухъ офицеровъ и 75 матросовъ. Встрѣченный духовенствомъ и старшинами города, онъ немедленно распорядился объ обезоруженіи оставшихся въ городѣ Турокъ, поставилъ свою команду къ пушкамъ съ береговой стороны, поднялъ на воротахъ Русскій флагъ и послалъ въ Месемврію двухъ Грековъ просить прислать военную команду. Чрезъ три часа прибыла къ нему сотня козаковъ, а за ними прибылъ, съ двумя эскадронами уланъ, генералъ-маіоръ Нобель, которому Колтовской сдалъ городъ и плѣнныхъ».

Затѣмъ, въ послѣдовательномъ дѣйствіи были заняты флотомъ, совмѣстно съ войсками, Бургасъ, Василько, Агатополь и Мидія. Для занятія послѣдняго города былъ посланъ отрядъ судовъ, подъ начальствомъ контръ-адмирала Стожевскаго, изъ двухъ кораблей, двухъ бриговъ, двухъ бомбардирскихъ судовъ и одного люгера, съ десантомъ трехъ ротъ 23-го егерскаго полка. Къ этому отряду присоединились бывшіе у Инады корабль «Пантелеймонъ», бригъ «Орфей» и гребная флотилія изъ четырехъ іоловъ. Мидія расположена на высокой утесистой горѣ, и ее можно было бомбардировать только навѣсными выстрѣлами, что было затруднительно при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ. Для осмотра мѣстности и блокады крѣпости съ берега свезенъ былъ десантъ, встрѣтившій препятствіе въ глубокой рѣкѣ, которую нельзя было перейти въ бродъ. Такое обстоятельство замедлило на нѣсколько дней военную предпріимчивость; но въ это время Турки сами очистили Мидію. 17 Августа, въ 7 часовъ утра, съ іоловъ, стоявшихъ по южную сторону крѣпости, было замѣчено, что Турки оставляютъ городъ. Это подтверждено было и нѣсколькими Греками, прибывшими къ флотиліи. Тогда командовавшій этой флотиліей лейтенантъ Панютинъ, съ пятидесятью матросами, направился къ крѣпости подъ прикрытіемъ огня съ іоловъ. Завидя его, Турки бросились изъ города, и онъ былъ безпрепятственно занятъ Панютинымъ, котораго встрѣтили торжественно митрополитъ со всѣмъ духовенствомъ и старшинами города, поднесшими ему городскіе ключи.

Приказомъ по флоту 5 Сентября было объявлено о заключеніи мира, а 28 Сентября послѣдовалъ слѣдующій высочайшій указъ: «Обращая монаршее вниманіе на заслуги отечеству флотомъ оказанныя и на подвиги въ битвѣ Наваринской, въ Архипелагѣ, при покореніи Анапы, при содѣйствіи въ осадѣ Варны и Дунайскихъ крѣпостей, при завоеваніи Сизополя и береговъ Румеліи, мнѣ, въ сей день торжественнаго празднованія полезнаго для подданныхъ и единовѣрцевъ нашихъ

мира, пріятно изъявить особую признательность флагманамъ и капитанамъ въ войнѣ сей эскадрами, отдѣльными частями и судами начальствовавшими, равномѣрно совершенную благодарность офицерамъ, дѣйствовавшимъ подъ ихъ командою противъ непріятеля, и постановить въ пользу нижнихъ чиновъ слѣдующее. 1) Нижнихъ чиновъ, выслужившихъ безпорочно по сей день въ гвардейскомъ экипажѣ двадцать лѣтъ, въ линейныхъ, ластовыхъ рабочихъ экипажахъ, въ артилерійскихъ бригадахъ и въ Каспійской ротѣ двадцать два года, увольнить въ отставку на законномъ основаніи за выслугу лѣтъ. 2) Тѣмъ изъ нихъ, кои, не пользуясь отставкой, пожелаютъ нынѣ продолжать службу, производить двойной окладъ жалованья, независимо отъ прибавочнаго, полагаемаго прежними постановленіями нижнимъ чинамъ, добровольно оставшимся на службѣ сверхъ узаконеннаго срока. 3) Прослужившимъ пять лѣтъ на семъ основаніи получаемые оклады жалованья удвоить и одну половину всего обратить въ пожизненную пенсію при выходѣ въ отставку; но если отставка послѣдуетъ по дѣйствительной болѣзни или увѣчью, а не по другой причинѣ, то обратить сей полный увеличенный окладъ на содержаніе по смерть. 4) Вышеозначенные оклады производить независимо отъ пенсіоновъ, какіе кто получаетъ на знаки военнаго ордена, св. Анны и по другимъ особеннымъ случаямъ».

По Адріанопольскому мирному трактату мы пріобрѣли Анапу и Поти, съ округами, при чемъ Турція отказалась отъ всякихъ правъ на восточный берегъ Чернаго моря.

Въ 1830 году нѣкоторыя суда Черноморскаго флота были заняты перевозкою изъ Сизополя, Варны и отъ другихъ Турецкихъ городовъ войскъ, больныхъ, снарядовъ и разныхъ военныхъ тяжестей въ свои порты. Въ это время, не смотря на принятыя предосторожности, чума безпрестанно появлялась въ нашей арміи и на флотѣ; она заносилась отъ Турецкихъ лагерей и на зафахтованныхъ для арміи судахъ. Вслѣдствіе этого въ Русскихъ Черноморскихъ портахъ были приняты очень строгія мѣры; но эти мѣропріятія не обошлись безъ злоупотребленій со стороны лицъ, имѣвшихъ денежный интересъ въ доставкѣ продуктовъ жителямъ оцѣпленныхъ мѣстъ. Злоупотребленія эти повели къ тому, что нуждающееся населеніе въ Севастополѣ, преимущественно женщины, взволновалось. 4 Іюня 1830 года произошелъ общій взрывъ, и дѣло окончилось очистительными жертвами, въ числѣ пяти лицъ, которыя были убиты остервенѣвшей толпою, уничтожившей вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ карантинныя преграды, которыя потомъ не возобновлялись. Этимъ взрывомъ закончилась чума.

Въ Августѣ 1830 года А. С. Грейгъ былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ ему было поручено предсѣдательство въ комитетѣ по улучшеніямъ на флотѣ. Этому комитету предстояло разсмотрѣть всѣ современныя нововведенія въ иностранныхъ флотахъ, примѣненныя на эскадрѣ контръ-адмирала М. П. Лазарева. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ему предстояло участвовать въ совѣщаніяхъ по поводу нѣкоторыхъ измѣненій въ управленіи Морскимъ Министерствомъ. Эти назначенія задержали его въ Петербургѣ около года.

Въ 1831 году 16 Декабря утверждено было новое образованіе Черноморскаго управленія, по которому все управленіе должно сосредоточиваться въ лицѣ главнаго командира, съ правами и обязанностями командира отдѣльнаго корпуса; въ случаяхъ же, превышающихъ его власть, онъ обязанъ былъ обращаться къ начальнику главнаго штаба Его Императорскаго Величества или къ морскому министру. Для управленія флотомъ и портами при главномъ командирѣ были учреждены: канцелярія, штабъ, состоявшій изъ канцеляріи, дежурства, аудиторіата, гидрографическаго и медицинскаго отдѣленій и архива; интендантство, состоявшее изъ канцеляріи коммисаріатской, кораблестроительной и артиллерійской экспедиціи и учетнаго кораблестроительнаго комитета. Строительная часть была оставлена временно при интендантствѣ до 1837 года, когда былъ учрежденъ южный округъ, подчиненный строительному департаменту Морского Министерства; по отдаленности же этого округа отъ столицы, при немъ былъ учрежденъ хозяйственный комитетъ, состоявшій въ зависимости главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ. Особымъ постановленіемъ 31 Декабря того же года флотскій начальникъ въ Севастополѣ именованъ командиромъ Севастопольскаго порта; при немъ былъ учрежденъ штабъ съ дежурнымъ штабъ-офицеромъ, а для хозяйственныхъ дѣлъ канцелярія. Въ томъ же году Черноморскій флотъ былъ раздѣленъ на двѣ дивизіи: четвертую и пятую, а каждая дивизія на три бригады, съ учрежденіемъ при нихъ дивизіонныхъ и бригадныхъ штабовъ. Для третьей бригады пятой флотской дивизіи, комплектовавшей Дунайскую флотилію, былъ учрежденъ штабъ командира Дунайской флотиліи *).

Высочайшимъ приказомъ 17 Февраля 1832 года контръ-адмиралъ Михаилъ Петровичъ Лазаревъ былъ назначенъ начальникомъ штаба главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ Чернаго моря. Съ прибытіемъ его въ Николаевъ, А. С. Грейгъ отправился съ нимъ

*) Чубинскій, Устройство управленія морского вѣдомства въ Россіи.

для обзора восточнаго берега Чернаго моря. Этотъ осмотръ былъ произведенъ вслѣдствіе проекта главнокомандовавшаго Кавказскими войсками графа Паскевича о мѣрахъ къ покоренію горскихъ народовъ. Въ этомъ проектѣ заключалось и предположеніе о занятіи восточной береговой линіи Чернаго моря укрѣпленными редутами; а потому отъ главнаго командира Черноморскаго флота требовалось соображеніе о необходимыхъ вспомогательныхъ средствахъ отъ морского вѣдомства къ исполненію этого мѣропріятія, а также для содержанія постоянной блокады этого побережья.

Вслѣдствіе политическаго вмѣшательства Россіи въ 1832 году въ дѣйствія Турецкаго правительства, по поводу начавшихся весьма удачныхъ военныхъ операцій Египетскаго паши на Турецкой территоріи, было признано необходимымъ предложить Султану активную помощь флотомъ и войсками. Для этого былъ сформированъ, въ Декабрѣ того года, отрядъ изъ пяти кораблей, трехъ фрегатовъ, одного корвета и одного брига, командованіе которымъ, по высочайшему повелѣнію, поручено было контръ-адмиралу М. П. Лазареву. Вступивъ въ командованіе отрядомъ, онъ отдалъ слѣдующій приказъ по эскадрѣ 1 Января 1833 года за № 1. «Хотя я увѣренъ, что всѣ гг. штабъ и оберъ офицеры на судахъ Черноморскаго флота, командованію мною порученнаго, состоящіе, руководствуясь законными постановленіями и благоразумными распоряженіями главнаго командира, въ приказахъ и предписаніяхъ его изложенными, въ предстоящую кампанію исполнять будутъ обязанности свои съ надлежащимъ усердіемъ и ревностью; но за всѣмъ тѣмъ признаю небезполезнымъ ввести во всеобщее употребленіе на флотѣ составленную мною инструкцію вахтеннымъ лейтенантамъ, которою руководствовались на эскадрѣ въ Средиземномъ морѣ находившіеся. Объявляя у сего оную, предоставляю гг. командирамъ объясненныя въ инструкціи правила наблюдать въ точности. Вмѣстѣ съ тѣмъ поставить въ непремѣнную обязанность каждаго флотскаго офицера имѣть при себѣ копію съ такой инструкціи, дабы впослѣдствіи никто незнаніемъ заключающагося въ оной отзываться не могъ. Причемъ, однакоже, наблюдать, чтобы всѣ дѣйствія, на произведеніе коихъ по высочайшему повелѣнію изданы особыя правила подъ названіемъ «командныя слова», производимы были по симъ послѣднимъ правиламъ безъ малѣйшихъ измѣненій; а по составленной мною инструкціи, у сего объявляемой, только то, что въ командныхъ словахъ не содержится».

Затѣмъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ были объявлены слѣдующіе административные приказы: 1. О пушечныхъ таляхъ*) и крѣпленіи

*) *Тали* — веревка, основанная по двумъ блокамъ, для подъему тяжести (Даль).

орудій. 2. О сигнальныхъ и телеграфныхъ флагахъ. 3. О составленіи расписаній командъ и офицеровъ по данной формѣ для всѣхъ дѣйствій на судахъ эскадры. 4. О томъ, чтобы, согласно высочайшаго повелѣнія въ 1830 году, на всѣхъ гребныхъ судахъ, на греблѣ, при встрѣчѣ, хотя бы на нихъ были офицеры, флагманамъ и своимъ капитанамъ отдавали честь поднятіемъ всѣхъ весельныхъ лопастей вверхъ. 5. О ежедневномъ производствѣ ученія на судахъ артилерійскаго и парусnаго, наблюдая дѣйствія флагманскаго корабля. 6. О томъ, чтобы всѣ гребныя суда были снабжены лучшими парусами и веслами, и все прочее имѣли бы въ исправности. 7. О производствѣ артилерійскаго ученія по вновь составленнымъ правиламъ. 8. О томъ, чтобы для передѣлки шлюпочныхъ парусовъ выбирать изъ имѣющихся чертежей гребныхъ судовъ разныхъ размѣровъ тѣ, кои признаются болѣе удобными и соотвѣтствовали бы хорошему виду судна. 9. О томъ, чтобы гардемарины, находящіеся на флотѣ и при портѣ, носили всегда установленную форму во всякое время. 10. О принятіи на суда сигнальныхъ книгъ для обученія командъ дѣйствію парусами и орудіями по сигналамъ. 11. О назначеніи лейтенанта Лутятина по особымъ порученіямъ къ начальнику эскадры. 12. О немедленномъ пополненіи обмундированія нижнихъ чиновъ на эскадрѣ всѣмъ слѣдуемымъ по положенію. 13. Дополнительныя правила расписанія офицеровъ и командъ на судахъ по указанному штату. 14. О назначеніи офицеровъ по комплекту. 15. О принятіи плановъ Константинопольскаго и Дарданельскаго проливовъ по одному на каждое судно эскадры. 16. Расписаніе и планъ разстановки судовъ эскадры на Севастопольскомъ рейдѣ по буйкамъ и своза на нихъ командъ, не дозволяя брать съ собою никакой рухляди и тулуповъ. 17. Всѣмъ судамъ, выведеннымъ на рейдъ, производить морскую провизію, но вмѣсто солонины свѣжее мясо, а вмѣсто сухарей печеный хлѣбъ. 18. О пошитьѣ иностранныхъ флаговъ и ихъ храненіи. 19. Расписаніе медиковъ на суда эскадры. 20. О представленіи вѣдомостей по артилерійскому снабженію, что̀ положено, что̀ имѣется и чего недостаетъ. 21. О донесеніи по готовности судовъ къ депутатскому смотру, съ поясненіемъ, все ли по положенію принято и что̀ не дополучено. 22. О списаніи съ кораблей нижнихъ чиновъ имѣющихся противъ штата и объ отсылкѣ ихъ въ береговыя команды. 23. Подробное расписаніе какъ содержать на судахъ гардемаринъ, съ назначеніемъ ихъ къ разнымъ обязанностямъ, а равно объ обученіи ихъ практическимъ работамъ по вооруженію, управленію парусами и шлюпками, стрѣльбѣ и прочему. 24. О уборкѣ брошеннаго въ гавани и на берегу оной судового имущества. О выдачѣ въ портъ расписокъ на принятые матеріалы. 26. О донесеніи, сколько принято двойныхъ блоковъ для пушечныхъ талей. 27. О запрещеніи офицерамъ имѣть свои самовары и чтобы немедленно свезти ихъ на берегъ, не исключая меня и командировъ судовъ. 28. О доставленіи еженедѣльно, по Суботамъ, вѣдомостей о состояніи командъ по данной формѣ. 29. О томъ, чтобы постояно имѣть гюйсы на флагштокахъ на оконечности бушприта. 30. Г. г. командирамъ приведеніемъ въ должный порядокъ наружной окраски судовъ. 31. О постоянномъ внимательномъ усмотрѣніи за сигна-

лами на флагманскомъ кораблѣ, и что тѣ, которые запоздаютъ отвѣтомъ, докажутъ безпорядокъ на судахъ. 32. О назначеніи ежедневно дежурнаго судна по сигналу, съ поднятіемъ на немъ гюйса на форъ-брамъ-стенгѣ въ 8 часовъ утра; а съ окончаніемъ дежурства спускать оный. Обязанность дежурнаго судна наблюдать за всѣми приходящими судами, которымъ дѣлается опросъ по назначенной формѣ. Съ окончаніемъ сутокъ присылать лейтенанта на флагманскій корабль. 33. О назначеніи нижнихъ чиновъ знающихъ парусное мастерство съ посылкою ихъ ежедневно въ парусную въ портѣ; а сколько будетъ посылаться съ каждаго судна, доставлять записки въ флагманскую канцелярію. 34. Напоминаніе о немедленной посылкѣ людей въ гавань для поднятія якорей и швартововъ*) и уборкѣ ихъ, какъ указано. 35. О назначеніи начальникомъ штаба на эскадрѣ капитанъ-лейтенанта Вукотича 2-го. 36. О принятіи на суда картъ по описи Греческихъ острововъ и прилежащихъ береговъ. 37. О томъ, что нѣкоторыя суда не всѣ выписываютъ приказы флагмана, а потому вмѣняется въ обязанность командирамъ присылать ревизоровъ съ приказными тетрадками для провѣрки; а на будущее время присылать офицеровъ съ писаремъ и чтобы этотъ офицеръ расписывался въ выпискѣ приказовъ. 38. Не видя никакого успѣха въ поднятіи якорей и уборки швартововъ въ гавани оставленныхъ, назначаю отдѣльнаго капитанъ-лейтенанта, по очереди съ каждаго корабля и фрегата, съ тѣмъ чтобы назначаемый являлся ко мнѣ въ 7 часовъ вечера съ донесеніемъ о успѣхѣ работы. 39. При учиненіи 22 Января главнымъ командиромъ Черноморскаго флота и портовъ адмираломъ Грейгомъ депутатскаго смотра судовъ эскадры мнѣ ввѣренной, сколько должно быть разставлено людей по реямъ, объявляя у сего для свѣдѣнія и исполненія, присовокупляю, что всѣ подлежащія къ такому смотру письменныя дѣла должны быть совершенно готовы къ представленію при смотрѣ, въ числѣ коихъ должны заключаться, при особыхъ рапортахъ, выписки о количествѣ недополученныхъ отъ порта матеріаловъ и вещей, съ показаніемъ противъ каждаго наименованія сколько слѣдуетъ по штату. Смотръ имѣетъ быть съ 10 часовъ утра, начиная съ фрегата «Архипелагъ», по порядку линіи расположенія судовъ. Предписываю гг. командирамъ обратить все вниманіе на приведеніе ввѣренныхъ имъ судовъ въ совершенныя, какъ наружную такъ и внутреннюю, чистоту и опрятность, а потому наканунѣ смотра никакихъ ученій не производить, палубы вымыть самымъ чистымъ образомъ и покрыть брезентами. При съѣздѣ съ судна депутата должно прокричать *ура* три раза; а когда отъ него будетъ отвѣтъ, то прокричать еще одинъ разъ. Начать салютъ, производя оный, если его высокопревосходительство будетъ имѣть свой флагъ—11 выстрѣловъ, а ежели флагъ депутата—15 выстрѣловъ. По окончаніи смотра послѣднему судну, поднять въ туже минуту, вдругъ на всѣхъ судахъ эскадры, всѣ имѣющіеся сигнальные и прочіе флаги, которые должны оставаться на верху до тѣхъ поръ, пока не будетъ сигнала спустить флаги. 40. Главный командиръ Черноморскаго флота и портовъ изъясняетъ, что Государь Императоръ, высочайшимъ ука-

*) *Швартовъ*—причалъ.

зомъ 16 Декабря минувшаго 1831 года, повелѣть соизволилъ: на случай могущей встрѣтиться надобности въ отправленіи порученнаго мнѣ отряда судовъ въ Константинополь, адмираламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ сего отряда, со времени входа онаго въ Константинопольскій проливъ до обратнаго возвращенія въ Черное море, производить жалованье по заграничному положенію; а производство по тому же положенію порціоновъ начать не ранѣе, какъ по прошествіи трехъ мѣсяцевъ отъ выхода отряда изъ Черноморскихъ портовъ. Плаваніе же въ Черномъ морѣ почитать обыкновеннымъ практическимъ.

Въ дополненіе къ этому отряду были сформированы еще двѣ особыя эскадры, подъ начальствомъ контръ-адмираловъ Кумани и Стожевскаго, для транспортировки изъ Одессы въ Босфоръ отряда войскъ, въ составѣ десяти тысячъ человѣкъ.

Рапортъ контръ-адмирала Лазарева начальнику главнаго морского штаба Его Императорскаго величества князю Меншикову, отъ 10 Февраля 1833 года за № 202.

Люгеръ «Широкій» прибылъ 1 Февраля изъ Константинополя въ Севастополь, съ депешами на имя главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ отъ Россійскаго посланника при портѣ д. с. с. Бутенева, вмѣстѣ съ коими доставилъ и письмо на мое имя, которымъ г. посланникъ извѣстилъ, что мятежныя войска Египетскаго паши приближаются къ столицѣ Отоманской, и что отъ скораго прибытія нашего флота зависитъ участь Константинополя; наконецъ объявляетъ убѣдительную просьбу Султана, чтобъ ежели не вся эскадра, то по крайней мѣрѣ часть ея поспѣшила прибытіемъ. Основываясь на содержаніи вышеозначеннаго письма г. Бутенева и имѣя предписаніе адмирала Грейга отъ 26 Января, въ коемъ сказано, что для выиграніе времени онъ уже сдѣлалъ сношеніе съ нашимъ посланникомъ въ Константинополѣ, дабы, въ случаѣ могущей быть надобности въ эскадрѣ, г. Бутеневъ обратился съ требованіемъ своимъ прямо ко мнѣ, и тогда я, не ожидая уже дальнѣйшихъ повелѣній, старался бы исполнить оное. А потому я, въ присутствіи командира Севастопольскаго порта вице-адмирала Патаніоти, открылъ депеши, на имя адмирала Грейга доставленныя, и нашелъ въ оныхъ изъясненіе той же просьбы отъ имени Султана, касательно эскадры, и сверхъ того присылки десантнаго отряда. Принявъ въ соображеніе, что войскъ для такого назначенія въ Севастополѣ не было и что если бы и воспослѣдовало бы на то повелѣніе, то они легко могли помѣститься на остальныя части флота, я рѣшился, не теряя времени, съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, съ эскадрою мнѣ ввѣренною, сняться съ якоря и отправиться въ Константинополь. Южные вѣтры были причиною, что эскадра приблизилась къ устью Босфора не ранѣе 8 числа утромъ. Тогда командиры прислали изъ крѣпостей двухъ чиновниковъ просить меня, чтобы эскадра въ проливъ не входила до полученія разрѣшенія Султана; но я, имѣя въ виду изъясненное въ письмѣ ко мнѣ и въ отношеніи къ адмиралу

Грейгу необходимую въ эскадрѣ надобность, не могъ съ достовѣрностью положиться на слова сихъ чиновниковъ, тѣмъ болѣе, что имъ таковое требованіе эскадры могло быть неизвѣстно; а потому, отвергнувъ ихъ требованіе, вошелъ съ эскадрою и остановился у Буюкдере. Едва успѣлъ я увидѣться съ посланникомъ и генералъ-лейтенантомъ Муравьевымъ, какъ прибылъ въ Буюкдере военный совѣтникъ Султана и командующій Босфоромъ Ахметъ-паша и съ нимъ вмѣстѣ правитель канцеляріи рейсъ-ефенди изъявить отъ имени Султана полную признательность за милостивое и великодушное вниманіе Государя Императора; но вмѣстѣ съ тѣмъ объявили, что какъ переговоры генералъ-лейтенанта Муравьева кончены въ пользу Порты Отоманской и военныя дѣйствія со стороны возмутившагося паши, вслѣдствіе означенныхъ сношеній, прекратились, и что Мегметомъ-Али заключаются уже окончательныя условія, то Турецкое правительство, не уклоняясь отъ предложенной помощи Государемъ Императоромъ, напротивъ того съ благодарностью принимая оную, убѣдительно проситъ, чтобы я, съ ввѣренной мнѣ эскадрою, на нѣкоторое время удалился бы въ Сизополь и, находясь тамъ въ совершенной готовности, поспѣшилъ бы на помощь по первому извѣщенію. А потому, вслѣдствіе такого объявленія, съ общаго согласія какъ посланника, такъ и генералъ-лейтенанта Муравьева, я рѣшился просьбу Султана уважить, и эскадра теперь находится въ полной готовности, при первомъ благопріятномъ вѣтрѣ, отправиться въ Сизополь съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ надобности, она могла тотчасъ прибыть въ Константинополь, о чемъ вашей свѣтлости почтительнѣйше имѣю честь донести».

Въ составъ этой эскадры входили: корабли «Память Евстафія» (флагманскій), командиръ капитанъ 1 ранга Коростопцевъ; «Императрица Екатерина II, командиръ капитанъ 1 ранга Черниковъ; «Анапа, командиръ капитанъ 1 ранга Нѣмчиновъ; «Чесма» командиръ капитанъ 1 ранга Юрьевъ; фрегаты—«Архипелагъ» командиръ капитанъ-лейтенантъ Богдановичъ ;«Варна», командиръ капитанъ 2 ранга Сунди; «Эривань», командиръ капитанъ 2 ранга Ушаковъ; корветъ «Сизополь», командиръ капитанъ-лейтенантъ Вукотичъ 1-й; бригъ «Пегасъ», командиръ капитанъ лейтенантъ Аркасъ 3-й.

Н. Н. Муравьевъ*) о прибытіи Русской эскадры въ Буюкдере высказалъ слѣдующее замѣчаніе: «Внезапное появленіе этой эскадры крайне поразило Турокъ и недружелюбныя намъ миссіи Европейскихъ дворовъ, едва вѣрившія тому, что происходило передъ ихъ глазами. Грозные союзники Султана навѣстили его владѣнія и столицу въ самый день мусульманскаго праздника Байрама, когда, съ открытіемъ новой луны, они расположились предаться въ беззаботности пресыщенію и увлеченіямъ всякого рода послѣ утомительнаго воздержанія».

*) „Русскіе на Босфорѣ“.

Рапортъ контръ-адмирала Лазарева князю Меншикову отъ 28 Февраля 1833 за № 216.

«Прилагая при семъ дубликатъ донесенія моего къ вашей свѣтлости отъ 10 сего мѣсяца за № 203, имѣю честь увѣдомить, что съ того времени вѣтры, постоянно дувшіе сѣверные, не допустили исполнить желаніе Порты троекратно уже объявленное, т. е. чтобы эскадра оставила Босфоръ и находилась до востребованія въ Сизополѣ. Сего числа вѣтеръ хотя и былъ благопріятный, но я рѣшился не оставлять Константинопольскаго пролива, потому что изъ бывшей вчера конференціи въ домѣ нашего посланника съ Ахметомъ-пашой, видна была явная нерѣшительность какъ Султана, такъ и Турецкаго правительства, принять ли великодушно предложенную помощь Государя Императора, или на нѣкоторое время отклонить оную и положиться на увѣренія Французскаго посланника, обѣщавшаго склонить Египетскаго пашу къ примиренію на предложенныхъ Портою кондиціяхъ. Увѣренія эти сопровождаетъ онъ строгими угрозами, состоящими въ томъ, что ежели Турецкое правительство не откажется отъ предлагаемаго содѣйствія Россіи, то Французская эскадра войдетъ въ Дарданеллы и будетъ способствовать Ибрагиму-пашѣ продолжать свои завоеванія; что, вопреки обѣщанію Мегмета-Али остановить мятежническія дѣйствія, онъ занялъ уже Смирну, назначилъ другого губернатора и, дабы болѣе склонить жителей сего города въ свою пользу, самовольно уменьшилъ нѣкоторыя изъ государственныхъ податей. А съ другой стороны, по полученному здѣсь извѣстію, заслуживающему нѣкоторое вѣроятіе, Египетскій фрегатъ прибылъ къ островамъ Хіо и Метелину, чтобы склонить какъ гарнизонъ, такъ и жителей на оныхъ къ отверженію законнаго государя и къ присоединенію ихъ къ мятежному правительству. Не взирая на столь явное нарушеніе даннаго слова Египетскимъ пашею и существующія сильныя партіи въ Константинополѣ противъ Султана, Порта еще надѣется склонить Мегмета-Али къ миролюбивому соглашенію; а потому, не отвергая совершенно предложенной нашей помощи, не смѣетъ однако рѣшиться и воспользоваться оною, дабы чрезъ то не навлечь на себя негодованія Французскаго посла и озлобленія мятежнаго паши. Впрочемъ, Мегметъ-пашѣ обѣщали дать чрезъ два дня отвѣтъ болѣе удовлетворительный, потому что къ тому времени возвратится отправленный къ Ибрагиму-пашѣ полковникъ съ требованіемъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій».

Копія съ секретнаго отношенія начальника главнаго морского штаба Его Императорскаго Величества къ главному командиру Черноморскаго флота 12 Февраля 1833 года № 145.

«Я получилъ сегодня отправленныя вашимъ высокопревосходительствомъ съ нарочнымъ курьеромъ бумаги, относящіяся до отправленія эскадры и десантныхъ войскъ въ Константинополь и до вооруженія Черноморскаго флота. Государь Императоръ, прочитавъ сіи бумаги,

повелѣлъ мнѣ немедленно отправить фельдъегеря и сообщить вамъ слѣдующія высочайшія повелѣнія. 1, Ежели, паче чаянія, отрядъ контръ-адмирала Лазарева находится въ виду нашихъ береговъ, то предписать ему идти въ Одессу для принятія 3 бригады 26 пѣхотной дивизіи и слѣдовать съ оной въ Константинополь. 2, Вышедшимъ на рейдъ тремъ кораблямъ и одному фрегату, подъ начальствомъ контръ-адмирала Кумани, не взирая на предстоящія затрудненія, идти на Одесскій рейдъ и взять все то число войскъ, приготовленныхъ къ амбаркированію 26 дивизіи, какое на отрядѣ помѣститься можетъ. 3) Отряду сему принять въ свой конвой зафрахтованныя комерческія суда съ военнымъ грузомъ и остальными войсками означенной дивизіи, и слѣдовать съ ними въ Константинополь. 4) Вашему высокопревосходительству войти съ генералъ-адъютантомъ графомъ Воронцовымъ и начальникомъ 26 дивизіи генералъ-лейтенантомъ Отрощенкомъ въ сношеніе объ устройствѣ конвоя зафрахтованныхъ судовъ, назначеніи на оныя отрядовъ съ командирами, сигналовъ, и вообще на счетъ принятія всѣхъ тѣхъ мѣръ, какія изволите признать нужными для удобства амбаркированія и размѣщенія войскъ на суда. 5) Генералъ-маіора Залѣсскаго, съ нѣкоторыми расторопными офицерами морской артилеріи, отправить на флотъ въ Константинополь для содѣйствія Турецкому правительству въ оборонительныхъ мѣрахъ, кои въ сей столицѣ предприняты быть могутъ. Сверхъ того Государь Императоръ поручилъ мнѣ извѣстить ваше высокопревосходительство, что флигель-адъютантъ Казарскій высочайше назначенъ для содѣйствія графу Воронцову по предмету амбаркированія войскъ, и что ему предписано, принявъ повелѣнія отъ графа Воронцова въ Одессѣ, отправиться немедленно къ вашему высокопревосходительству для полученія могущихъ отъ васъ быть по сему предмету порученій и возвратиться съ оными въ Одессу».

Копія такого повелѣнія была послана и контръ-адмиралу Лазареву 13 Февраля 1833 года за № 147, съ предложеніемъ сообщить объ этомъ посланнику Бутеневу.

Рапортъ контръ-адмирала Лазарева начальнику главнаго морского штаба Его Имппмераторскаго Величества 7 Марта 1833 года за № 244.

«Въ тотъ самый день, 28 Февраля, въ который я отправилъ донесеніе къ вашей свѣтлости, узналъ я, что трп Турецкихъ корвета вытянулись на рейдъ и готовились будто бы къ отплытію въ Дарданеллы. Имѣя въ виду, согласно высочайшей волѣ, всѣми мѣрами способствовать Турецкому правительству, я почелъ неизлишнимъ предложить имъ при семъ случаѣ еще разъ содѣйствіе ввѣреннаго мнѣ отряда или части онаго. Послѣ обыкновенныхъ учтивостей и изъявленій признательности, получилъ въ отвѣтъ, что корветы останутся нѣкоторое время на рейдѣ, что послано повелѣніе въ Дарданеллы девяти судамъ тамъ находящимся тоже возвратиться въ Константинополь, и что ежели флотъ ихъ пойдетъ куда либо, то еще нескоро; а потому и предлагаемое мною пособіе на сей разъ съ благодарностью отклоняется. Я

полагаю, что главнѣйшая причина отзыва тѣхъ судовъ изъ Дарданеллъ есть болѣзнь и смертность, которыя существуютъ на нихъ въ высшей степени. До 4 сего Марта ничего особеннаго здѣсь не случилось. Въ сей день, будучи приглашенъ обще съ посланникомъ нашимъ и съ генералъ-лейтенантомъ Муравьевымъ на конференцію къ рейсъ-ефенди, мы отправились и прибыли туда около 11 часовъ дня. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, рейсъ-ефенди объявилъ отъ имени Порты, что по-славу Государя Императора нашего, который присылкою эскадры на самомъ дѣлѣ доказалъ то искреннее участіе, которое Его Величество принимаетъ въ бѣдственномъ положеніи ихъ отечества, Австрія, Англія и Франція равномѣрно послали къ Мегмету-Али уполномоченныхъ чиновниковъ своихъ съ требованіями о немедленномъ прекращеніи военныхъ дѣйствій и соглашеніи его на предложенныя Отоманской Портою кондиціи; а потому, какъ Султанъ такъ и министры его, будучи совершенно увѣрены, что Мегметъ-Али не осмѣлится упорствовать противу четырехъ великихъ державъ, полагаютъ дѣло покончennымъ и просятъ, чтобы Россійская эскадра, согласно прежняго предложенія, при первомъ южномъ вѣтрѣ, удалилась въ Сизополь. Но сколь было удивленіе его, когда посланникъ объявилъ ему лишь за день передъ симъ полученное извѣстіе, что требованныя Портою войска приказано въ Одессѣ посадить на суда и немедленно отправить въ Константинополь, которыхъ ожидать должно со дня на день. Къ сему я прибавилъ, что послѣ таковыхъ извѣстій эскадра мнѣ ввѣренная удалиться отсюда не можетъ: ибо по прибытіи войскъ къ Босфору она должна будетъ находиться при нихъ неразлучно до тѣхъ поръ, покуда не получится дальнѣйшихъ повелѣній о возвращеніи ихъ въ Россію, на которой они и отправятся. Рейсъ-ефенди въ смущеніи отозвался, что самъ собою онъ ничего на сіе сказать не можетъ, но по внимательномъ разсужденіи въ имѣющемъ состояться для сего совѣтѣ онъ о мнѣніи онаго увѣдомитъ насъ. Не получивъ еще никакихъ отъ рейсъ-ефенди по сему предмету извѣстій, я, пользуясь отправляющимся сего числа курьеромъ, имѣю честь донести вашей свѣтлости о томъ, что сдѣлалось мнѣ извѣстнымъ».

Рапортъ контръ-адмирала Лазарева князю Меншикову отъ 20 Марта 1833 года за № 42. «Дѣла Турецко-египетскія, клонившіяся, какъ казалось, къ примиренію, вдругъ приняли совершенно противный тому видъ. Французская шкуна «Месанжъ», отправленная посломъ оной же націи къ Мегмету-Али съ адъютантомъ его Оливье, возвратилась обратно въ Константинополь 11 сего Марта, послѣ восьмидневнаго перехода. Египетскій паша отвергнулъ всѣ требованія Отоманской Порты, какъ и Французскаго посла, и рѣшился искать беззаконныхъ правъ своихъ силою оружія, что съ большею подробностью усмотрѣть изволите изъ прилагаемой копіи съ письма Тосканскаго въ Александріи консула Россета къ генералъ-лейтенанту Муравьеву. На вопросъ посланника нашего въ бывшей конференціи съ рейсъ-ефенди и сераскиромъ 13 числа, нужны ли имъ войска приготовленныя въ Одессѣ, они отвѣчали не ранѣе пяти дней, что нужны и просили при-

сылки ихъ возможно скорѣе. Копію съ отвѣта ихъ въ переводѣ на Французскій языкъ при семъ прилагаю. Между тѣмъ 16 числа Порта отправила депутацію къ Французскому послу съ убѣдительной просьбой, чтобы онъ отправилъ своего повѣреннаго въ дѣлахъ, вмѣстѣ съ посылаемымъ отъ оной курьеромъ, къ Ибрагиму-пашѣ для объявленія ему, что Султанъ соглашается на уступленіе всѣхъ шести пашалыковъ въ Сиріи, и проситъ, чтобы онъ на такое уступленіе согласился и вывелъ войска изъ Анатоліи. Хотя Мегметъ-Али и поручилъ Ибрагиму-пашѣ имѣть по предмету сему соглашеніе съ Портой прямо отъ себя, но такъ какъ Магметъ-Али, включая всю Сирію, требовалъ и часть Караманіи до Анады, то я не полагаю, чтобы Ибрагимъ-паша на такія условія согласился. На вопросъ нашего посланника, какія мѣры они принимаютъ къ защитѣ Дарданеллъ, такъ какъ извѣстно, что Ибрагимъ-паша, по покореніи Бруссы, имѣетъ повелѣніе идти къ Дарданелламъ, сераскиръ отвѣчалъ, что тамъ войска довольно, но въ вѣрности ихъ сомнѣвается и по появленіи Египетскихъ войскъ они сдадутъ Азіатскія крѣпости безъ боя. Не взирая однакожъ на такое опасеніе касательно уничтоженія орудій на Азіатскомъ берегу, они ничего не предпринимаютъ, а напротивъ того стараются еще всякій разговоръ по сему предмету отклонить. Когда спросили ихъ, на какой предметъ просятъ они наши войска, они отвѣчали, что для охраненія спокойствія въ столицѣ; а вслѣдъ за симъ соглашались, что при появленіи Ибрагимовыхъ войскъ неминуемо будетъ всеобщее возмущеніе въ Константинополѣ. Тогда нашъ посланникъ, видя неосновательныя и малообдуманныя ихъ сужденія, объявилъ, что такъ какъ они не желаютъ, чтобы наши войска заняли Дарданеллы, а напротивъ того отклоняютъ такое предложеніе, то ежели ожидаемое возмущеніе въ Константинополѣ случится и Египетскія войска, занявъ Дарданеллы, приблизятся къ столицѣ, то мы должны будемъ, не ожидая позволенія ихъ, занять Босфоръ, какъ для безопасности нашей эскадры и собственно Султана, если бы онъ обратился подъ защиту нашу, такъ равно и для свободнаго сообщенія нашего съ Чернымъ моремъ. Когда же коснулись до мѣръ, которыя они предпринимаютъ для безопасности Султана, то они отвѣчали, что ежели Египетскія войска придутъ въ Константинополь, о защитѣ котораго они болѣе не думаютъ, тогда Султанъ, подъ прикрытіемъ своей гвардіи, около восьми тысячъ человѣкъ составляющей, которую онъ держитъ при себѣ, намѣренъ удалиться въ Адріанополь, гдѣ будетъ ожидать той помощи, которую угодно будетъ назначить Государю Императору, надѣясь, что корпусъ генерала Киселева будетъ достаточенъ, чтобы вытѣснить Египтянъ изъ Константинополя, возстановить правленіе и возвратить Султану престолъ. Сего числа утромъ я отправилъ корветъ «Сизополь» съ депешами отъ посланника нашего къ графу Воронцову, въ коихъ заключаются требованія десантныхъ войскъ, съ нѣкотораго времени находящихся въ готовности и по сіе время ожидавшихъ только рѣшительнаго отвѣта Порты, которая въ продолженіе мѣсяца времени измѣняла требованія свои шесть разъ. Въ заключеніе сего донесенія, имѣю честь просить вашу свѣтлость предписать присоединить къ эскадрѣ нашей два паро-

хода, которые, при занятіи нами Босфора, будутъ крайне необходимы: ибо при безпрестанномъ въ проливѣ теченіи и почти стольже постоянномъ вѣтрѣ отъ норда, эскадра, находясь иногда подъ вѣтромъ нѣкоторыхъ изъ закрытыхъ крѣпостей, не въ состояніи будетъ подавать войскамъ нашимъ той помощи, которую бы слѣдовало, особенно если понадобится свезти оныя или подкрѣпить другими; равномѣрно и при высадкѣ войскъ пароходы будутъ столь же необходимы, ибо въ такомъ случаѣ можно будетъ сажать на оныя по триста человѣкъ и болѣе на каждый».

Предписаніе лейтенанту Путятину 31 Марта 1833 года за № 320. «Назначивъ фрегатъ «Ериванъ» для отвоза въ Дарданеллы полковника Дюгамеля, съ нѣкоторыми инженерными офицерами, для осмотра тамошнихъ крѣпостей и окрестностей, пользуясь случаемъ и желая получить болѣе подробныя свѣдѣнія о Дарданелльскомъ проливѣ и укрѣпленіяхъ онаго, нежели каковыя доселѣ мы имѣли, поручаю вамъ, вмѣстѣ съ лейтенантомъ Корниловымъ, котораго для облегченія дѣйствій вашихъ назначаю вамъ въ помощь, прибывъ на фрегатѣ въ Галлиполи, приступить къ подробному осмотру вышесказаннаго пролива, стараясь по возможности исправить бывшую доселѣ карту Дарданеллъ, обозначивъ на оной всѣ укрѣпленія, какъ на Азіатскомъ берегу, такъ и на Европейскомъ, опредѣлить число орудій и калибръ оныхъ, обратить вниманіе на состояніе артилерійской прислуги и степень обученія оной».

Рапортъ контръ-адмирала Лазарева князю Меншикову 1 Апрѣля 1833 года № 327. «Второй отрядъ эскадры Черноморскаго флота, подъ начальствомъ контръ-адмирала Куманн, состоящій изъ кораблей «Императрица Марія» (флагманскій) командиръ капитанъ 1 ранга Папакристо, «Адріанополь» командиръ капитанъ 1 ранга Костеничъ, «Парменъ», командиръ капитанъ 1 ранга Аптипа, фрегата «Тенедосъ» командиръ капитанъ 2 ранга Тугариновъ; транспортовъ «Китъ», командиръ капитанъ-лейтенантъ Деливронъ, «Ланжеронъ» командиръ капитанъ-лейтенантъ Пулакасъ и «Александръ» командиръ лейтенантъ Аркуловъ, и шести зафрахтованныхъ судовъ, съ десантными войсками третьей бригады 26 пѣхотной дивизіи, третьей легкой роты 26 артилерійской бригады, двухъ ротъ шестого сапернаго батальона, инвалидной № 81 роты и части Донского 41 полка, прибылъ на Буюкдерскій рейдъ. По приходѣ сего отряда, тотчасъ приступлено было къ высадкѣ онаго на Азіатскій берегъ въ Хункіаръ-Искелесси, противъ мѣста Терапіи на Европейской сторонѣ, гдѣ имѣютъ пребываніе посланники Англійскій и Французскій. По высадкѣ войскъ, они расположены лагеремъ. Изъ числа восьми зафрахтованныхъ судовъ, два, одно съ 26 казаками и лошадьми, а другое съ частью егерей и деньгами означенной бригады принадлежащими, отстали въ Черномъ морѣ. По приходѣ эскадры дувшіе съ необыкновенной жестокостью вѣтры, при мрачной съ дождемъ погодѣ, неизвѣстность отставшихъ судовъ, побудили меня отправить бригъ «Пегасъ» для отысканія ихъ. Но какъ и по

сіе время никакихъ извѣстій объ оныхъ не получено, хотя вѣтеръ въ теченіе уже двухъ дней продолжаетъ дуть умѣренный, при весьма хорошей погодѣ, и многія купеческія суда прибыли изъ Одессы, то я не могу сомнѣваться въ безопасности ихъ. Бригъ «Пегасъ», коему предписано осмотрѣть Румелійскій и Анатолійскій берега, тоже еще не возвращался. Генералъ-лейтенантъ Муравьевъ, пользуясь пріязнью Турецкаго правительства, отправляетъ генеральнаго штаба полковника Дюгамеля и инженеръ-подполковника Брюно въ Дарданеллы, для обозрѣнія находящихся тамъ крѣпостей, для чего назначенный мною фрегатъ «Ериванъ» сего числа туда отправился, который и высадитъ означенныхъ чиновъ въ Галлиполи, а по окончаніи ими порученій доставитъ обратно. На семъ же фрегатѣ отправилъ я лейтенантовъ Путятина и Корнилова, какъ для полученія болѣе подробныхъ свѣдѣній о лучшихъ якорныхъ мѣстахъ, отмеляхъ и теченіи въ Дарданелльскомъ проливѣ существующихъ, такъ равно и для исправленія бывшей доселѣ карты сего пролива, предписавъ имъ обозначить на оной всѣ укрѣпленія Азіатскаго и Европейскаго береговъ, число орудій, направленіе и калиберъ оныхъ, и наконецъ обратить вниманіе на тѣ средства, которыя Турки имѣютъ для береговой защиты ихъ укрѣпленій, въ случаѣ если бы Египетскія войска рѣшились атаковать оныя».

Рапортъ контръ-адмирала Лазарева князю Меншикову 2 Апрѣля 1833 года. «Прилагая при семъ дубликатъ посланнаго вчерашняго числа донесенія вашей свѣтлости, присовокупилъ къ оному, что третьяго дня была конференція Французскаго посла съ рейсъ-ефенди, а вчера нашего посланника д. с. с. Бутенева, по случаю пріѣзда курьера съ депешами отъ Турецкаго чиновника Амеджи и отъ Французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Варелли, посланныхъ къ Ибрагиму-пашѣ съ мирными предложеніями. Въ полученныхъ депешахъ заключается, что Ибрагимъ-паша, признавая себя подданнымъ Султана, но дѣйствуя лишь по волѣ своего отца Мегметъ-Али, соглашается прекратить военныя дѣйствія и очистить занятыя имъ мѣста, но проситъ уступки всей Сиріи и пашалыка Аданскаго въ Анатоліи; тѣмъ болѣе настаиваетъ онъ удержать сей пашалыкъ, что въ ономъ заготовлено большое количество корабельнаго лѣсу для Египетскаго флота. Турецкое правительство, соглашаясь уступить Сирію, всю Анатолію намѣрено удержать за собою и съ сими условіями посылаетъ вновь курьера къ Ибрагиму-пашѣ. Не смотря на всѣ происки Французскаго посла, нельзя не замѣтить, сколь сильно дѣйствуетъ въ пользу Порты, при мирныхъ ея переговорахъ съ Ибрагимомъ-пашею, присутствіе войска нашего, расположеннаго на Азіатскомъ берегу, и грозный видъ Россіскаго флота въ Босфорѣ; болѣе же всего рѣшительное вліяніе объявленія посланникомъ нашимъ воли Государя Императора, что доколѣ Египетскія войска не очистятъ Анатолію, до тѣхъ поръ, какъ Россійскія войска, такъ и флотъ, не оставятъ Босфора. Турецкое правительство, впрочемъ, надѣется, что Ибрагимъ-паша на сіи послѣднія предложенія согласится. Сего числа возвратился бригъ «Пегасъ», посланный для отыскиванія двухъ зафрахтованныхъ судовъ №№ 3 и 7, о коихъ донесилъ вашей

свѣтлости вчерашняго числа. Командиръ онаго донесъ, что нашелъ опыя въ Сизополѣ, гдѣ какъ бригъ, такъ и суда тѣ отстаивались въ продолженіи крѣпкаго NO вѣтра до 30 числа прошлаго мѣсяца. Суда сіи показались уже въ виду; а какъ одно изъ нихъ имѣетъ сильную, течь, то я послалъ для буксировки пароходъ «Метеоръ».

Рапортъ контръ-адмирала Лазарева князю Меншикову 12 Апрѣля 1833 года № 388. «Имѣю честь донести вашей свѣтлости, что вчерашняго числа прибылъ въ Буюкдере третій отрядъ Черноморскаго флота, подъ командой контръ-адмирала Стожевскаго, состоитъ изъ слѣдующихъ судовъ: корабль «Парижъ» флагманскій, командиръ капитанъ 1 ранга Польскій, корабль «Пименъ» командиръ капитанъ 2 ранга Шостенко, корабль «Іоаннъ Златоустъ» командиръ капитанъ 2 ранга Ушаковъ, два бомбардирскихъ судна—«Успѣхъ» командиръ капитанъ-лейтенантъ Кропотовъ и «Подобный» командиръ лейтенантъ Бѣллынъ-Колосовскій, транспортъ «Редутъ-Кале» командиръ лейтенантъ Ахраменко, и одиннадцать зафрахтованныхъ комерческихъ судовъ, со 2-й бригадой 26 пѣхотной дивизіи, состоящій изъ Люблинскаго и Замосткаго полковъ и легкой № 2 роты 26 артилерійской бригады. Тотчасъ приступлено было къ высадкѣ ихъ на Азіатскій берегъ, согласно желанію генералъ-лейтенанта Муравьева. Сего числа надѣюсь, что всѣ войска будутъ высажены, а завтра и тяжести имъ принадлежащія. Такъ какъ для трехмѣсячнаго продовольствія всѣхъ войскъ часть провіанта привезена съ симъ же отрядомъ, а остальная будетъ доставлена въ скоромъ времени, то не имѣя ни одного при высаженномъ десантѣ, я рѣшился оставить здѣсь транспортъ «Редутъ-Кале», чтобъ помѣстить на ономъ какъ трехъ-мѣсячный вышесказанный провіантъ, такъ равно госпитальные матеріалы и другія вещи, имъ принадлежащія, которыя генералъ-лейтенантъ Муравьевъ находитъ неудобнымъ выгружать на берегъ, на случай если войска, подъ его начальствомъ находящіяся, принуждены будутъ перемѣнить свое положеніе и идти туда, куда обстоятельства потребуютъ. Но какъ одного транспорта будетъ для сего недостаточно, то я просилъ главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ о присылкѣ еще таковыхъ; ибо десанту безъ нѣсколькихъ транспортовъ обойтись невозможно, тѣмъ болѣе, что съ движеніемъ войскъ и суда сіи, имѣющія трехмѣсячное для нихъ продовольствіе и снаряды, должны слѣдовать отъ одного мѣста къ другому согласно назначенію. 10 числа сего мѣсяца прибылъ отъ Ибрагима-паши татаринъ съ извѣстіемъ и увѣдомленіемъ Порты, что онъ не соглашается на уступку пашалыка Аданскаго, а непремѣнно требуетъ его въ вѣдѣніе отца своего паши Египетскаго. Вчерашняго числа происходило по сему случаю совѣщаніе у рейсъ-ефенди, и съ общаго согласія положено еще разъ послать Ибрагиму-пашѣ и просить его о присылкѣ въ Константинополь чиновника, пользующагося полнымъ его довѣріемъ, съ которымъ они могли бы заключить окончательное условіе, надѣясь склонить его въ свою пользу и черезъ то удержать пашалыкъ Аданскій, какъ непремѣнно составляющій часть Анатоліи; въ случаѣ же несогласія Ибрагима-паши, кажется, что какъ Султанъ, такъ и его

министры рѣшатся противодѣйствовать силою оружія и въ такомъ случаѣ намѣрены прибѣгнуть къ великодушно обѣщанной Государемъ Императоромъ помощи, состоящей въ корпусѣ генералъ-адъютанта Киселева, и дѣйствовать наступательно противъ морскихъ силъ Египетскаго паши, флотъ коего находится въ Александріи, который хотя еще не вышелъ, но можетъ прибыть въ Смирну, вслѣдъ за занятіемъ оной Ибрагимомъ-пашею, войска котораго находятся въ весьма недалекомъ отъ нея разстояніи. Встрѣча наша съ Египетскимъ флотомъ, или далѣе блокада онаго въ Александріи, могла бы быть, при теперешнихъ обстоятельствахъ, весьма полезна Турецкому правительству».

Копія съ отношенія военнаго министра къ генералъ-лейтенанту Муравьеву, отъ 31 Марта 1833 года за № 511.

«Рапортъ вашего превосходительства отъ 12 сего Марта за № 11 о безуспѣшномъ посредничествѣ Франціи въ возстановленіи мира между Портою и Египетскимъ пашею, о чрезмѣрности и настоятельности требованій сего послѣдняго и предвидимаго вслѣдствіе того возобновленія военныхъ дѣйствій, имѣлъ я счастіе доводить до высочайшаго свѣдѣнія. Его Императорское Величество, прочитавъ рапортъ сей вмѣстѣ съ депешами д. с. с. Бутенева, въ одно время отправленными и подтверждающими въ полной мѣрѣ достовѣрность вышеизложенныхъ извѣстій, высочайше повелѣть соизволилъ вновь удостовѣрить Порту, черезъ Бутенева, въ неизмѣнности намѣреній Его Величества оказать ей во всякомъ случаѣ обѣщанную помощь, употребивъ къ тому способы соразмѣрно обстоятельствамъ. Между тѣмъ, имѣя въ виду настоящее неблагонадежное расположеніе войскъ Турецкихъ и обывателей Константинополя, могущихъ возстать противъ Султана, и соображая вѣроятныя предпріятія арміи Египетской, въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій, съ тою помощью, какая къ оной черезъ Дарданеллы отъ Магмета-Али по всей вѣроятности направлена будетъ, Государь Императоръ изволитъ находить весьма важнымъ обезпечить всѣми возможными способами съ одной стороны безопасное пребываніе флота нашего въ Константинопольскомъ проливѣ, а съ другой свободное во всякомъ случаѣ сообщеніе онаго съ Чернымъ моремъ. На сей конецъ Его Величество признавать изволитъ необходимымъ занять войсками нашими два твердые укрѣпленные пункта въ Константинопольскомъ проливѣ, защищающихъ съ Европейской и Азіатской сторонъ входъ изъ онаго въ Черное море. Г. Бутеневу поручено объявить Портѣ о семъ требованіи самымъ положительнымъ настояніемъ объ исполненіи онаго, и Его Величество соизволяетъ, дабы ваше превосходительство и съ своей стороны содѣйствовали Бутеневу въ семъ случаѣ всѣми способами отъ васъ зависящими, убѣдивъ Турецкихъ сановниковъ въ необходимости и особенной пользѣ сей мѣры, какъ для обезпеченія нашего флота, такъ собственно для самой Порты: ибо пункты сіи, бывъ охранены въ рукахъ нашихъ, могутъ весьма сильно содѣйствовать къ удержанію обывателей Константинополя въ должномъ повиновеніи законному правительству. Государь Императоръ полагать

впрочемъ изволитъ, что Порта, съ увеличеніемъ угрожающей ей опасности, не встрѣтитъ затрудненій въ исполненіи сего требованія, а посему Его Величество вамъ предоставляетъ опредѣлить, по вашему усмотрѣнію, тѣ пункты, какіе именно заняты быть должны, т. е. соотвѣтствующіе вышеизложенной главной цѣли, имѣя притомъ въ виду, чтобы пункты сіи не были командуемы близъ-лежащими высотами, и чтобы возможно было привести оные въ оборонительное положеніе со всѣхъ сторонъ, коль скоро пункты сіи рѣшительно избраны будутъ. Его Величество полагать изволитъ занять каждый изъ нихъ гарнизономъ отъ десантнаго отряда въ тысячу человѣкъ и тотчасъ приступить къ приведенію оныхъ въ оборонительное положеніе, дабы замки сіи могли выдержать приступъ. Для успѣшнаго производства крѣпостныхъ работъ имѣются достаточные способы: при отрядѣ войскъ нашихъ состоятъ три инженерныхъ и одна саперная рота, съ запасомъ шанцеваго инструмента. Сверхъ того Его Величество высочайше повелѣть соизволилъ отправить нынѣ же изъ Одессы къ десантному отряду одну военно-рабочую роту и двухъ инженерныхъ офицеровъ, которыхъ вы употребите къ производству работъ. Что принадлежитъ до вооруженія сихъ пунктовъ, то Его Величество полагать изволитъ, что оно можетъ быть приведено въ дѣйствіе Турецкими орудіями на мѣстѣ находящимися, и что Турецкое правительство не откажется доставить и дополнительное число оныхъ. Но если бы Порта оказалась въ невозможности содѣйствовать сему вооруженію по какимъ-либо обстоятельствамъ, то ваше превосходительство уполномочиваетесь требовать высылки нужнаго числа орудій, съ лафетами, принадлежностями и снарядами, изъ Севастополя, отъ находящагося тамъ командира южнаго артиллерійскаго округа, генералъ-маіора Бракера, коему предписано удовлетворить безотлагательно по вашему требованію. Для прислуги къ крѣпостной артилеріи въ занимаемыхъ замкахъ Государь Императоръ изволилъ назначить особую роту гарнизонной артилеріи, дабы не отвлекать къ сей обязанности полевыхъ артилеристовъ. Рота сія будетъ отправлена генералъ-адъютантомъ графомъ Воронцовымъ вмѣстѣ съ военно-рабочей ротой. Между тѣмъ, какъ со стороны вашей будутъ приводимы въ исполненіе сіи распоряженія, генералъ-адъютантъ Киселевъ, или выступилъ уже съ ввѣреннымъ ему корпусомъ, если о томъ получилъ требованіе посланника нашего, или выступитъ по первому его извѣщенію, вслѣдствіе даннаго Бутеневу повелѣнія потребовать перехода войскъ нашихъ за Дунай при первомъ движеніи Ибрагима-паши къ Дарданелламъ. Въ семъ случаѣ генералъ-адъютанту Киселеву предписано слѣдовать къ Дарданелламъ, занять укрѣпленные на оныхъ замки на Европейскомъ и Азіатскомъ берегахъ и учредить такимъ образомъ твердое охраненіе сего пролива. Для совершенія сего предпріятія необходимо содѣйствіе флота нашего, а посему достаточная часть онаго, по соображенію вашему съ контръ-адмираломъ Лазаревымъ, должна быть направлена къ Дарданелламъ, ко времени прихода къ онымъ генералъ-адъютанта Киселева, и оставаться тамъ въ его распоряженіи. Во исполненіе сего вашему превосходительству надлежитъ быть въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ

Киселевымъ. Что же касается контръ-адмирала Лазарева, то онъ о высочайшей вышеизложенной волѣ будетъ увѣдомленъ своимъ начальствомъ. Между тѣмъ, для усиленія обороны Константинопольскаго пролива, часть флота нашего, если не весь онъ, нужна будетъ для перевозки войскъ сухопутныхъ къ Сизополю. Во всякомъ случаѣ флотъ долженъ всѣми способами содѣйствовать къ оборонѣ и охраненію устья пролива, и ваше превосходительство, оставаясь посредствомъ судовъ онаго въ непрерывныхъ съ замками сношеніяхъ, не оставите оказывать имъ всю зависящую отъ васъ помощь».

Рапортъ вице-адмирала Лазарева князю Меншикову отъ 23 Апрѣля 1833 года. «Генералъ-лейтенантъ Муравьевъ сообщилъ мнѣ полученныя имъ 16 числа сего мѣсяца отъ графа Чернышова наставленія о дѣйствіяхъ сухопутныхъ войскъ при помощи флота, а равно и о удержаніи Босфорскихъ замковъ, лежащихъ въ узкомъ мѣстѣ сего пролива, на случай могущихъ случиться переворотовъ въ Константинополѣ, или непріязненныхъ противу него дѣйствій. Всѣ крѣпости, какъ въ Босфорѣ, такъ и въ Дарданеллахъ устроенныя, командуемы высотами сзади ихъ лежащими, которыя, въ такомъ случаѣ, должны быть заняты нашими войсками въ значительномъ числѣ, что̀ безъ всякого сомнѣнія разстроитъ ту важную цѣль, для которой силы наши собраны вмѣстѣ на Азіатскомъ берегу, а именно для отраженія Ибрагима-паши, въ случаѣ что онъ предприметъ наступательное движеніе, и я не мало не сомнѣваюсь, что первая встрѣча войскъ нашихъ съ Египетскими докажетъ Ибрагиму, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, и послужитъ къ ободренію Турецкихъ войскъ, которыя духомъ совершенно упали. Удобнѣйшія укрѣпленія для занятія войсками, дабы чрезъ то воспрепятствовать непріятельскому флоту пройти въ Черное море, суть, по моему мнѣнію Ангали-Кавакъ и Румели-Кавакъ, ибо находятся въ самой узкой части пролива и имѣютъ большее число противъ другихъ орудій, многія изъ которыхъ расположены такъ, что бьютъ вдоль пролива; но лафеты ихъ вообще находятся въ дурномъ состояніи. Я полагаю, что если орудія въ двухъ означенныхъ крѣпостяхъ будутъ приведены въ должное устройство и дѣйствовать оными будутъ знающіе артилеристы, то, при пособіи эскадры нашей, никакой флотъ пройти днемъ въ Черное море не будетъ въ состояніи, тѣмъ долѣе, что онъ долженъ идти противъ значительнаго теченія и встрѣчать выстрѣлы съ крѣпостей и съ эскадры многимъ ранѣе, нежели въ состояніи будетъ отвѣчать на оныя, и наконецъ, если нѣкоторые изъ кораблей его и прорвались бы, то вѣроятно не безъ важныхъ поврежденій, которыхъ исправить въ Черномъ морѣ они не нашли бы средствъ. Въ темную же ночь, при свѣжемъ попутномъ вѣтрѣ, такой прорывъ флота въ Черное море можетъ быть произведенъ съ довольной безопасностью, тѣмъ болѣе, что отъ самаго Буюкдере до выхода въ Черное море проливъ совершенно чистъ, а съ успѣхомъ стрѣлять по оному въ ночное время весьма трудно. Войска наши, при теперешнемъ положеніи, занимаютъ на Азіатскомъ берегу высоты позади крѣпостей и даже гору Великановъ, съ коей они во всякое время могутъ

спуститься и занять оныя безъ всякаго затрудненія. Когда о семъ предложено было сераскиру нѣсколько времени тому назадъ, то онъ отвѣчалъ, что ежели дойдетъ до того, что приближеніе Ибрагима-паши сдѣлаетъ общее возмущеніе въ Константинополѣ, тогда для собственной безопасности вы въ правѣ принимать такія мѣры, какія найдете болѣе для себя выгодными и занять тѣ крѣпости, которыя вамъ будетъ удобно. Къ сему ежели присовокупить, что Французскій посолъ въ объясненіяхъ своихъ съ посланникомъ нашимъ 14 числа объявилъ, что Французское правительство, убѣдясь въ чистотѣ тѣхъ намѣреній, съ коими Государь Императоръ оказываетъ помощь Султану, рѣшилось принять съ своей стороны самыя дѣятельныя мѣры къ принужденію Мегмета-Али согласиться на предложенія Порты, довольствуясь шестью пашалыками Сиріи, не касаясь пашалыка Аданскаго, что на сей конецъ прибыла уже Французская эскадра въ Смирну, которая будетъ дѣйствовать тамъ, гдѣ можетъ сдѣлать болѣе вліянія на упорство Мегмета-Али; а ежели окажется нужнымъ, то отправится и къ Александріи: въ виду этого, занятіе теперь войсками нашими двухъ крѣпостей оказывается не столь необходимымъ, какъ оно было прежде; ибо Ибрагимъ-паша, при теперешнихъ обстоятельствахъ, зная, что онъ встрѣтитъ десять тысячъ войскъ нашихъ, начать наступательныя дѣйствія не осмѣлится; притомъ, всякій секурсъ ему изъ Египта, который доставлялся моремъ, чрезъ дѣйствіе Французской эскадры прекратится. Дня три тому назадъ адмиралъ Руссель требовалъ отъ Порты татарина для отправленія къ Ибрагиму-пашѣ и, сколько извѣстно, посланный сей долженъ доставить настоятельныя требованія Французскаго правительства о немедленномъ очищеніи Анатоліи и пашалыка Аданскаго; въ противномъ случаѣ эскадра имѣетъ повелѣніе приступить къ непріязненнымъ противъ Египетскихъ войскъ дѣйствіямъ. Эскадра сія состоитъ изъ пяти кораблей, пяти фрегатовъ и двухъ малыхъ судовъ. 19 числа возвратился посланный къ Ибрагиму-пашѣ отъ Порты чиновникъ; но привезенныя имъ извѣстія не совсѣмъ удовлетворительны. Ибрагимъ-паша на присылку довѣренной особы въ Константинополь для заключенія окончательныхъ условій не согласился; также не согласился и на очищеніе Аданскаго пашалыка, отзываясь, что онъ не въ правѣ это сдѣлать, ибо это было бы противно приказаніямъ его отца, а предлагаетъ Портѣ имѣть сношеніе съ симъ послѣднимъ. Между тѣмъ дошли сюда слухи, заслуживающіе нѣкотораго вѣроятія, что по приказанію Ибрагима вырублено въ семъ пашалыкѣ огромное количество лѣсу годнаго для кораблестроенія, а также онъ собралъ весь шелкъ и опіумъ; но успѣли ли все сіе отправить въ Александрію, неизвѣстно. Что касается до дѣйствія флотомъ нашимъ при занятіи Дарданеллъ корпусомъ генералъ-адъютанта Киселева, то коль скоро востребуется къ тому надобность, тогда будетъ отъ меня приступлено, и я имѣю честь увѣрить вашу свѣтлость, что, по силѣ моихъ способностей, я не упущу ни одного случая, чтобы эскадра мнѣ ввѣренная не содѣйствовала войскамъ нашимъ вездѣ, гдѣ только употребить оную возможно. Но при семъ случаѣ не могу не довести до свѣдѣнія вашей свѣтлости о необыкновенной беззаботливости оберъ-интенданта Чер-

номорскаго флота, который отправилъ всѣ три отряда съ весьма недостаточнымъ количествомъ провизій, а съ того времени прислалъ только самую незначительную часть оной и довелъ до того, что провизій на эскадрѣ находится нѣкоторыхъ сортовъ не болѣе, какъ на одинъ мѣсяцъ, а другихъ и гораздо менѣе, считая въ томъ числѣ до 7128 пудовъ сухарей, полученныхъ отъ Турецкаго правительства, и купленные ромъ, уксусъ и соль. Я упоминаю о семъ потому болѣе, что ежели Государю угодно будетъ повелѣть эскадрѣ отправиться въ Александрію, или по другому какому-либо назначенію, то недостатокъ въ провизіяхъ можетъ въ дѣйствіяхъ ее затруднить. Въ заключеніе имѣю честь увѣдомить вашу свѣтлость, что 15 сего мѣсяца Султанъ, съ двумя пашами, по предварительному объявленію желанія своего, сдѣлалъ смотръ войскамъ нашимъ, расположеннымъ на Азіатскомъ берегу, къ коимъ я присоединилъ еще тысячу матросовъ. По осмотрѣ всѣхъ войскъ, съ коими онъ здоровался по-русски, выговаривая «здорово, ребята», всѣ проходили мимо его церемоніальнымъ маршемъ два раза, повзводно и колоннами и, не взирая на то, что уже три мѣсяца ноги матросовъ не были не берегу, выключая однихъ саперовъ и гренадерскую роту, они оказались и лучше выправленными, и маршировали лучше прочихъ; въ особенности преимущество это было замѣтно противъ батальона Турецкой гвардіи, который шелъ впереди насъ».

Высочайшее повелѣніе 8 Апрѣля 1833 года на имя начальника главнаго морского штаба. «Назначивъ генералъ-адъютанта графа Орлова чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь и ввѣривъ ему главное распоряженіе всѣми сухопутными и морскими силами, назначенными мною въ помощь Отоманской Портѣ, повелѣваю вамъ, вслѣдствіе сего, сдѣлать нижеслѣдующія распоряженія: 1. Начальствующему отрядомъ военныхъ судовъ въ Константинопольскомъ проливѣ вице-адмиралу Лазареву предписать находиться въ полномъ распоряженіи и зависимости генералъ-адъютанта графа Орлова. 2. Сему генералу присвоивается право, на гротъ-брамъ-стенгѣ того военнаго судна, на которомъ онъ будетъ имѣть пребываніе и на носу гребного судна, на которомъ онъ можетъ находиться, поднимать предназначенный для чрезвычайныхъ Россійскихъ пословъ флагъ, о которомъ вы имѣете словесное мое повелѣніе. 3. Графу Орлову, при отдаваніи воинскихъ почестей судами и караулами, салютовать 17 выстрѣлами и бить походъ». Въ свитѣ графа Орлова, кромѣ чиновъ военнаго вѣдомства, состояли: флигель-адъютантъ фонъ Моллеръ и адъютантъ начальника главнаго морского штаба Его Императорскаго Величества лейтенантъ Васильевъ.

Рапортъ вице-адмирала Лазарева князю Меншикову 29 Апрѣля 1833 года № 84. «Послѣ донесенія моего вашей свѣтлости отъ 23 числа сего мѣсяца, имѣю честь увѣдомить, что того же числа прибылъ въ Босфоръ въ качествѣ чрезвычайнаго посла генералъ-адъютантъ графъ Орловъ. Его сіятельству угодно было назначить смотръ флоту 27 числа, въ день, въ который онъ имѣлъ аудіенцію у Султана. Воз-

вращаясь изъ Константинополя на пароходѣ «Громоносецъ» около трехъ часовъ пополудни, въ разстояніи не болѣе версты отъ эскадры, былъ поднятъ на гротъ-брамъ-стенгѣ парохода высочайше утвержденный для чрезвычайныхъ пословъ флагъ, коему въ тоже время, по постановленіи людей по реямъ, было салютовано со всѣхъ судовъ по 17 выстрѣловъ, на который съ парохода было отвѣтствовано 9 выстрѣлами. Когда графъ Орловъ, оставивъ пароходъ, сталъ приближаться къ эскадрѣ на катерѣ подъ тѣмъ же флагомъ, то я встрѣлилъ его съ рапортомъ и приглашенъ былъ его сіятельствомъ на его катеръ, послѣ чего объѣзжали всѣ суда эскадры. По приближеніи къ каждому изъ судовъ графъ здоровался съ людьми и объявлялъ, что Государь Императоръ на усердіе ихъ совершенно надѣется, на что они отвѣчали крикомъ ура! По осмотрѣ всѣхъ судовъ, графъ прибылъ ко мнѣ на корабль и благодарилъ за порядокъ и устройство, въ которомъ онъ нашелъ ввѣренную мнѣ эскадру и согласно высочайшаго разрѣшенія приказалъ выдать всѣмъ нижнимъ чинамъ, бывшимъ на смотру, по одному рублю. Дѣла Египетскія, какъ кажется, клонятся къ совершенному окончанію. Мирныя условія подписаны, и Ибрагимъ-паша, по самымъ послѣднимъ извѣстіямъ, началъ уже отступленіе. Прилагаю при семъ письмо ко мнѣ Датскаго въ Смирнѣ консула Де-Юнга. Я надѣюсь, что ваша свѣтлость найдете оное довольно любопытнымъ, какъ въ отношеніи Французскихъ судовъ, прибывшихъ въ Смирну, такъ равно и разныхъ слуховъ, распускаемыхъ Французами, касательно соединенія съ ними Англійской эскадры для дѣйствія противъ насъ».

Рапортъ вице-адмирала Лазарева князю Меншикову 10 Мая 1833 года № 557. «По Французской шкунѣ «Месанжъ», входившей въ Дарданеллы изъ Архипелага 3 Мая съ депешами къ Французскому послу, было сдѣлано три выстрѣла съ ядрами изъ крѣпости. Шкуна немедленно стала на якорь. и командиръ оной послалъ гребное судно на ближайшій берегъ, гдѣ, узнавъ, будто бы, что крѣпости заняты Русскими войсками, онъ не рѣшился отправить офицера въ крѣпость, опасаясь, что съ нимъ поступятъ непріязненно, а послалъ донесеніе своему послу берегомъ. Неосновательность показанія командира Французской шкуны, касательно занятія Дарданеллъ Русскими, скоро объяснилась; но не менѣе того Французскій посолъ требовалъ отъ Порты удовлетворенія за причиненное флагу оскорбленіе, тѣмъ болѣе, что одному изъ Французскихъ мелкихъ военныхъ судовъ входъ въ Дарданеллы былъ дозволенъ. Порта съ своей стороны послала узнать о причинѣ такой стрѣльбы и обѣщала полное удовлетвореніе. Между тѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ, что вице-адмиралъ Руссель домогается отъ Порты дозволенія, ежели не всей Французской эскадрѣ, то хотя одному кораблю прибыть въ Константинополь, прибавя къ тому, что Англійскій посолъ намѣренъ войти съ подобнымъ предложеніемъ. Турецкое правительство отказало въ этомъ Французскому послу и тоже сдѣлаетъ съ Англійскимъ, если поступитъ заявленіе. Офицеры, посланные мною для описи Дарданеллъ, лейтенанты Путятинъ и Корниловъ, возвратились берегомъ изъ Галлиполи и занялись теперь черченіемъ набѣло какъ

картъ, такъ и плановъ крѣпостей, которые я буду имѣть честь представить вашей свѣтлости черезъ графа Орлова, согласно объявленнаго на сіе желанія его сіятельства».

Рапортъ вице-адмирала Лазарева князю Меншикову отъ 10 Іюня 1833 года за № 686.

«По послѣднимъ извѣстіямъ отъ барона Ливена, посланнаго графомъ Орловымъ для наблюденія за отступательными движеніями Египетскихъ войскъ, онъ къ 20 числу сего мѣсяца возвратится обратно и о исполненіи обязательствъ Ибрагима - паши лично доставитъ офиціальное извѣщеніе графу Орлову. По симъ причинамъ и согласно желанію его сіятельства, приступлено уже къ погрузкѣ нѣкоторыхъ тяжестей, сухопутнымъ войскамъ принадлежащихъ, на корабли, транспорты и зафрахтованныя суда, здѣсь находящіяся. При семъ имѣю честь представить два письма Де-Юнга о состояніи и движеніи Англійскихъ и Французскихъ эскадръ».

Рапортъ вице-адмирала Лазарева князю Меншикову отъ 3 Іюля 1833 года за № 846.

«По посаженіи 27 Іюня десантныхъ войскъ на флотъ, на другой день, лишь задулъ легкій попутный вѣтеръ юго-западный, я, согласно приказанія графа Орлова, съ ввѣренной мнѣ эскадрой снялся съ якоря у Буюкдере и направился къ Черному морю; но какъ вслѣдъ за симъ вѣтеръ перешелъ на Юго-востокъ, то я съ нѣкоторыми кораблями, бывшими впереди, успѣлъ выйти въ море; а остальныя суда, по силѣ противнаго теченія, стали на якорь въ самомъ входѣ въ проливъ. Вслѣдствіе сего, зная, что въ лѣтнее время часто дуютъ въ Босфорѣ сѣверные вѣтры, я счелъ за лучшее назначить оставшимся въ проливѣ рандеву Ѳеодосію и предоставилъ контръ-адмираламъ Кумани и Стожевскому, при первомъ попутномъ вѣтрѣ оставить проливъ и соединиться со мною. Самъ же, съ кораблями «Память Евстафія», «Императрица Екатерина II», «Адріанополь», «Іоаннъ Златоустъ», съ фрегатами «Штандартъ», «Варна», «Ерпвань» и корветомъ «Сизополь», пустился въ назначенный мнѣ путь и, по четырехдневномъ плаваніи, 2 Іюля, благополучно бросилъ якорь на Ѳеодосійскомъ рейдѣ. Сего числа, утромъ рано, прибыли и соединились со мною корабль «Анапа», фрегатъ «Тенедосъ» и бригъ «Улисъ»; а пополудни пришли корабль «Императрица Марія» и фрегатъ «Архипелагъ». По полученному отъ нихъ свѣдѣнію всѣ остальныя суда, подъ начальствомъ контръ-адмирала Кумани, какъ и зафрахтованныя, оставили Босфоръ одновременно съ ними, а потому я ожидаю прибытія ихъ въ весьма скоромъ времени. Артилерія и часть войскъ высажены уже на берегъ; но остальныя, по недостатку въ городѣ воды, остались, согласно желанію генералъ-лейтенанта Муравьева, на корабляхъ».

На Ѳеодосійскомъ рейдѣ 5 Іюля находились всѣ суда эскадры, кромѣ пароходовъ «Метеоръ» и «Громоносецъ», оставшихся въ Буюкдере въ распоряженіи графа Орлова. 11 Іюля вице-адмиралъ Лазаревъ, со всѣми военными судами командуемой имъ эскадры, вышелъ изъ Ѳеодосіи въ море для крейсерства, чтобы отбыть карантинный срокъ; а 22 Іюля, согласно распоряженію главнаго командира Черноморскаго флота, прибылъ въ Севастополь, гдѣ суда этой эскадры закончили кампанію. Въ знакъ особеннаго вниманія Султана къ графу Орлову, генералъ-лейтенанту Муравьеву и вице-адмиралу Лазареву, они получили отъ него золотыя медали осыпанныя алмазами и его портреты украшенные брилліантами. Всѣмъ чинамъ флота и десантнаго корпуса, въ память пребыванія ихъ въ Босфорѣ, были пожалованы Султаномъ особыя медали.

Въ Іюнѣ 1833 года былъ присланъ Морскимъ Министерствомъ на разсмотрѣніе главнаго командира Черноморскаго флота проектъ о соединеніи всѣхъ частей Черноморскаго управленія въ Севастополѣ, въ томъ предположеніи, что главный командиръ и прочія лица управленія не могутъ обращать свое вниманіе лично на дѣйствія въ Севастополѣ. А. С. Грейгъ сообщилъ слѣдующій отзывъ по сему проекту.

«Проектъ этотъ не заслуживаетъ никакого вниманія, потому что составленъ единственно изъ побужденій болѣе или менѣе маловажныхъ, даже ничтожныхъ причинъ, основанныхъ на ошибочныхъ соображеніяхъ сочинителя, съ упущеніемъ имъ самыхъ важныхъ обстоятельствъ, со вредомъ государству сопряженныхъ, какъ ожидать надлежало бы съ приведеніемъ въ исполненіе помянутаго предположенія, если бы сіе исполнено было. Проектъ этотъ, по существу своему, ничего не обѣщаетъ, кромѣ величайшихъ и невознаградимыхъ пожертвованій многолѣтними издержками и попеченіями правительства, разореніе одного изъ лучшихъ городовъ Новороссійскаго края съ большею частью его жителей, необычайныхъ и отяготительныхъ для казны расходовъ на возведеніе въ Севастополѣ того, что въ Николаевѣ существуетъ, на тотъ только конецъ, дабы въ будущемъ навсегда увеличить государственный расходъ. Но что всего важнѣе—подвергнуть опасности разоренія господствующій на Черномъ морѣ флотъ нашъ, со всѣми имѣющимися способами къ возобновленію и поддержанію онаго, однимъ неотразимымъ ударомъ сильнаго и предпріимчиваго непріятеля. Впрочемъ, какъ соединеніе всѣхъ частей Черноморскаго флота и верфей будетъ сопро-

*) О пребываніи въ Буюкдере отряда судовъ Черноморскаго флота въ Николаевскомъ портовомъ архивѣ имѣется отдѣльное очень объемистое дѣло.

вождаемо тѣми же выгодами и невыгодами, какое имѣло бы подобное соединеніе главнаго управленія въ Ревелѣ, то изъ онаго ваше высокопревосходительство можете заключить, какъ объ удобствѣ, такъ и о благоразуміи онаго» *).

Высочайшимъ приказомъ 2 Августа 1833 года А. С. Грейгъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а исправленіе должности главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ было поручено вице-адмиралу Михаилу Петровичу Лазареву, съ назначеніемъ его генералъ-адъютантомъ Его Императорскаго Величества. Онъ былъ утвержденъ въ этой должности 31 Декабря 1834 года.

Прошло полвѣка со времени смерти М. П. Лазарева, и мы можемъ нынѣ вполнѣ безпристрастно, сопоставляя событія минувшихъ лѣтъ, обсудить многоплодную дѣятельность этого человѣка, посвятившаго жизнь свою самоотверженному и безукоризненному служенію на пользу родной страны, въ ремеслѣ моряка по призванію, сдѣлавшагося наставникомъ молодого поколѣнія моряковъ въ дѣлѣ доблестнаго подвижничества при оборонѣ Севастополя. Смотря на моряка какъ на члена огромной семьи въ своемъ отечествѣ, мы убѣждаемся, что на этой стезѣ служенія нетакъ трудно освоиться съ условіями профессіональности. Небреженіе къ долгу служенія, лѣность и криводушіе, маскируемыя ловкимъ угожденіемъ, съ показнымъ видомъ ревностнаго исполненія обязанностей,—такой соръ легко прилипаетъ къ должностному съ шаткой совѣстью человѣку на берегу, гдѣ многое дѣлается съ сознаніемъ начальниковъ и сослуживцевъ, но не пристаетъ на суднѣ; потому что здѣсь небрежность ведетъ за собою немедленно вредное послѣдствіе и даже гибель людей и самаго судна; лѣность, уклончивость одного становятся бременемъ для многихъ остальныхъ, раздѣляющихъ съ нимъ служебныя обязанности. Постоянное вниманіе къ дѣлу и неподдѣльное рвеніе внушаются силою обстоятельствъ и обращаются въ привычку; множество непредвидѣнныхъ, внезапныхъ случаевъ требуетъ общей дѣятельности внѣ-урочнаго времени, опредѣляемаго порядкомъ службы. Поэтому на суднѣ отбытіе извѣстнаго числа служебныхъ часовъ по назначенію не ведетъ къ бездѣйствію; подобныя желанія не дозволяются моряку силою его исключительной постановки. Такимъ образомъ послѣ долговременной служебной дѣятельности, онъ весь проникается наклонностью посвящать себя всецѣло своимъ спеціальнымъ занятіямъ, знакомясь со всѣми пріемами, современной научной техники по судостроенію, оснасткѣ, по примѣненію механиз-

*) Изъ дѣлъ Николаевскаго портоваго архива.

мовъ, и вообще съ прогрессивными условіями для содержанія судна въ цѣляхъ его назначенія.

Молодой человѣкъ, безъ всякой житейской опытности, поступая на судно въ качествѣ дѣятеля, весьма скоро начинаетъ чувствовать и понимать, что нельзя безнаказанно предаваться прихотямъ своихъ наклонностей. Помимо постояннаго бдительнаго надзора за всѣми его поступками, на который обязываютъ его начальника существующія постановленія, составъ судового общества, всегда немногочисленнаго по тѣснотѣ помѣщенія, заставляетъ его гасить въ себѣ противо-общественныя вожделѣнія. Почти всѣ минуты бодрствованія проводятся вмѣстѣ съ другими; всякій налицо; нужно быть созданнымъ противъ обыкновенной человѣческой природы, чтобы цѣлые годы носить личину скрытности и суемудрія въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ товарищами. Затѣмъ, величіе явленій въ плаваніи по морямъ, совершенная особенность морской жизни и односторонность бесѣдъ въ каютъ-компаніи заставляютъ, по временамъ, искать нѣкотораго уединенія въ своей каютѣ. Такое уединеніе есть колыбель обдумыванія, а пища для мысли на суднѣ представляется ежедневными случайностями въ борьбѣ съ силами природы. Можно прожить много лѣтъ, проплавать нѣсколько разъ отъ одного полюса къ другому и по земной окружности, избороздить все водное пространство океановъ, и все-таки будешь получать все новыя впечатлѣнія, затрогивающія мысли и возбуждающія сообразительность въ примѣненіи къ обыденности. Морская дѣятельность, переносящая человѣка изъ края въ край, всюду разнообразный по своимъ природнымъ условіямъ, открывая новые предметы для наглядности, возбуждаетъ пытливость и желаніе пріобрѣтать познанія.

М. П. Лазаревъ уроженецъ Владимирской губерніи. По окончаніи обученія въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ произведенный въ гардемарины въ Маѣ 1803 года, онъ былъ отправленъ въ Англію, въ числѣ 30 товарищей, для служенія волонтеромъ въ Великобританскомъ флотѣ. Въ такой службѣ онъ пробылъ пять лѣтъ. Въ то время Англія вела войну съ Франціей и Испаніей, а потому и Русскіе гардемарины участвовали въ военныхъ дѣйствіяхъ. Въ некрологахъ, появившихся въ печати послѣ его смерти, нѣтъ указаній, на какихъ судахъ онъ служилъ, подъ начальствомъ какихъ командировъ; въ его формулярномъ спискѣ отмѣчено только, что онъ плавалъ въ Вестъ-Индіи и въ Атлантическомъ океанѣ и что отъ всѣхъ командировъ Англійскихъ судовъ получалъ отличныя рекомендаціи. Въ Декабрѣ 1805 года онъ былъ произведенъ въ мичманы; а 27 Мая 1808 года возвратился въ Россію, гдѣ ежегодно плавалъ на судахъ Балтійскаго

флота, получая отъ командировъ аттестаціи «особенно знающаго морское дѣло, притомъ остраго ума и благороднаго поведенія». Такіе отзывы о немъ не остались незамѣченными начальствомъ, а потому, по рекомендаціи морского министра, онъ получилъ въ 1813 году командованіе кораблемъ «Суворовъ» Россійско-Американской компаніи, на которомъ совершилъ трехъ-лѣтнее плаваніе. Начальникомъ въ Ситхѣ былъ въ то время коллежскій совѣтникъ Барановъ, самовластіе котораго вынудило М. П. Лазарева самовольно оставить Ситху, снарядивъ въ одну ночь свой корабль, который стоялъ разоруженнымъ подъ выстрѣлами батареи. Онъ благополучно возвратился въ Кронштадтъ 1 Сентября 1816 года. Правленіе означенной компаніи вполнѣ оправдало его поступокъ, и Барановъ былъ смѣненъ. Въ 1819 году, командуя шлюпомъ «Мирный», М. П. Лазаревъ отправленъ былъ въ кругосвѣтное плаваніе, совмѣстно со шлюпомъ «Востокъ», которымъ командовалъ капитанъ-лейтенантъ Беллингсгаузенъ. Главною цѣлью этой экспедиціи были изслѣдованіе Южнаго полярнаго океана. По возвращеніи изъ этой экспедиціи въ 1821 году онъ былъ произведенъ, черезъ чинъ, въ капитаны 2-го ранга и получилъ въ пенсію годовой окладъ жалованья. Въ 1822—1825 годахъ онъ совершилъ третіе кругосвѣтное плаваніе, командуя фрегатомъ «Крейсеръ», который считался образцовымъ для вооруженія нашихъ военныхъ судовъ. Это плаваніе имѣло учебное направленіе для его подчиненныхъ, развивая въ нихъ ту страстную любовь къ морскому дѣлу, которая была отличительнымъ свойствомъ ихъ послѣдующей служебной дѣятельности; въ числѣ такихъ были Нахимовъ и Путятинъ, особенно выдавшіеся своими заслугами впослѣдствіи. За это плаваніе М. П. Лазаревъ получилъ чинъ капитана 1 ранга, орденъ св. Владимира 3 степени и пенсію по чину капитана 2 ранга. Получивъ, по возвращеніи, командованіе кораблемъ «Азовъ», строившійся въ Архангельскѣ, онъ, по приходѣ въ Кронштадтъ, поступилъ въ составъ эскадры графа Гейдена, назначенной для плаванія въ Средиземномъ морѣ, и состоялъ, командуя кораблемъ, начальникомъ штаба этой эскадры. За сраженіе при Наваринѣ, 8 Октября 1827 года, онъ былъ произведенъ въ контръ-адмиралы, а кораблю «Азовъ» былъ данъ Георгіевскій флагъ. Въ это время онъ получилъ иностранные ордена: Англійскій—Бани, Французскій—св. Людовика и Греческій—командорскій Спасителя. Принявъ командованіе эскадрой въ Архипелагѣ изъ десяти военныхъ судовъ, онъ привелъ ихъ въ Кронштадтъ 12 Мая 1830 года. Въ томъ же году и въ послѣдующіе два года, онъ плавалъ въ Балтійскомъ морѣ, командуя отдѣльной практической эскадрой. Въ 1830 году онъ получилъ аренду

за составленіе новыхъ штатовъ по вооруженію и запасу военныхъ судовъ всѣхъ ранговъ.

Согласно высочайшей волѣ М. П. Лазаревъ долженъ былъ замѣнить и продолжать дѣятельность А. С. Грейга, который много потрудился для устройства Черноморскаго флота, но въ послѣднее время уже испытывалъ усталость и утрату необходимой энергіи. Вмѣстѣ съ этимъ совпали и разныя тревожныя непріятности, а также чумный бунтъ въ Севастополѣ, поставившій его въ весьма натянутое отношеніе къ генералъ-губернатору Новороссійскаго края графу Воронцову; къ тому же оказались разстройство и безпорядокъ въ управленіяхъ. Всѣ адмиралтейскія строенія приходили въ ветхость, въ запасахъ оказывалась скудость, по кораблестроенію приходилось многого желать, вслѣдствіе пронырливости Евреевъ, завладѣвшихъ подрядами въ этомъ важномъ дѣлѣ; притомъ личный составъ въ начальствующихъ во флотѣ переполнился Греками, старавшимися держаться не столько доблестью и любовью къ дѣлу, сколько льстивостью. Всюду замѣтно становилось отсутствіе живой подбодряющей силы, способной пробудить дремлющій духъ, направить движеніе въ порядкѣ новаго вѣянія и заставить каждаго идти къ цѣли совершенствованія. Надо было возстановить выпадающую изъ рукъ А. С. Грейга власть и придать бодрость служебному персоналу. Это была нелегкая задача, и ее могъ выполнить только такой изъ начальниковъ, какимъ былъ М. П. Лазаревъ. Тридцатилѣтняя служба на морѣ, изъ которой болѣе десяти лѣтъ въ кругосвѣтныхъ плаваніяхъ командиромъ на парусныхъ судахъ, съ боевой опытностью, имѣла для него большое значеніе. Обладая пытливымъ умомъ, энергическимъ характеромъ, умѣньемъ отличать людей дѣла и выбирать изъ нихъ не менѣе энергичныхъ помощниковъ, онъ сроднился со всѣми условіями морской дѣятельности, сдѣлался истымъ морякомъ, душой и сердцемъ преданнымъ своему призванію. Примѣромъ необыкновенной его подвижности служитъ слѣдующее сообщеніе въ Морскомъ Сборникѣ (Соколова): «Во время отсутствія по дѣламъ службы капитанъ-лейтенанта Нахимова, вооружавшаго на Охтѣ назначенный въ его командованіе фрегатъ «Палладу», М. П. Лазаревъ посѣтилъ этотъ фрегатъ и замѣтилъ, что команда фрегата неправильно перевязывала выбленки*) на вантахъ; не сказавши ни слова, онъ немедленно сбросилъ съ себя мундиръ, засучилъ рукава рубашки и принялся перевязывать выбленки, объясняя командѣ, какъ слѣдуетъ это дѣлать. Въ это время Нахимовъ подходилъ на катерѣ къ фрегату и крайне былъ удивленъ, увидя адмирала на вантахъ, работавшаго съ командой».

*) *Выбленки*—тонкія смоленыя веревочки.

Грейгъ и Лазаревъ имѣли, каждый, свою долю геніальности, но были совершенно противоположныхъ наклонностей и характеровъ. Первый работалъ по обязанности, а второй по увлеченію. Первый представлялъ изъ себя философа-методиста, съ задумчивымъ, меланхолическимъ, пытливымъ взглядомъ, съ большимъ запасомъ учености и разнообразныхъ идей, соображеній и рѣшеній, которыми постоянно была занята его голова; а потому, согласно наклонности своей къ кабинетнымъ занятіямъ для соображенія разныхъ научныхъ свѣдѣній, онъ долженъ бы быть не морякомъ, а академикомъ, и дѣйствительно онъ былъ почетнымъ членомъ Императорской Академіи Наукъ. Второй же былъ кипучій сангвиникъ, съ острымъ рѣшительнымъ взглядомъ, въ фигурѣ и пріемахъ котораго выражалась привычка начальника приказывать, со способностью спокойно руководить въ борьбѣ съ атмосферными стихіями на морѣ и съ грознымъ непріятелемъ въ бою. Для М. П. Лазарева не существовало другихъ интересовъ кромѣ интересовъ моря; въ нихъ сосредоточивались его честолюбіе, его надежды, помыслы, весь смыслъ его жизни. Какъ ученый труженикъ забываетъ весь міръ ради служенія наукѣ, такъ и онъ забывалъ все окружающее ради служенія морскому дѣлу. Опытъ труженической жизни съ обширнымъ запасомъ по морской техникѣ и практикѣ слился въ его умѣ въ одно представленіе; онъ не хотѣлъ, а можетъ быть, по свойству своей природы, и не могъ разбрасываться. Онъ слишкомъ страстно любилъ сроднившееся съ нимъ дѣло, а потому не могъ лишить его хотя какой-либо изъ своихъ способностей и если иногда недоволенъ былъ результатами своихъ распоряженій, то не понималъ, за что цѣнили такъ высоко его дѣятельность, и конечно, онъ былъ также искренѣнъ въ своей наивности, какъ добрый семьянинъ не способенъ понять похвалу за любовь къ собственному семейству.

Ободряемый личнымъ вниманіемъ своего Государя, обезпеченный сочувствіемъ близкихъ къ Государю лицъ (князя Меншикова, его прямого начальника, и графа Орлова, съ которымъ онъ сблизился во время пребыванія въ Босфорѣ и который понялъ и высоко цѣнилъ его самоотверженную служилую честность), М. П. Лазаревъ могъ спокойно и увѣренно работать на представившемся ему поприщѣ. Все вниманіе его было обращено на одновременное развитіе тѣла и духа Черноморскаго флота. Служа примѣромъ неутомимой дѣятельности, онъ требовалъ отъ подчиненныхъ ему не между прочимъ и какъ нибудь, а посвященія всѣхъ своихъ способностей избранному служенію, съ соотвѣтствующимъ трудомъ и терпѣніемъ. Характеристика высказанная имъ о П. С. Нахимовѣ «чистъ душою и любитъ море» служила указаніемъ его идеала. Только чистые душою могли разсчитывать попасть

въ кружокъ приближенныхъ къ нему; честность, безукоризненность въ исполненіи, фанатическая заботливость о казенномъ интересѣ въ хозяйствѣ, составляли необходимыя условія такихъ избранныхъ. Направленіе, даваемое начальникомъ, расходилось по всему кругу подчиненныхъ съ плодотворнымъ воздѣйствіемъ. Въ дѣлахъ Николаевскаго портового архива имѣется слѣдующій приказъ М. П. Лазарева отъ 18 Декабря 1833 года: «Если поступятъ на кого-либо изъ служащихъ въ Черноморскомъ вѣдомствѣ три просьбы о взысканіи долговъ, и сумма ихъ будетъ превышать полугодовое его довольствіе, такого, имѣя на замѣчаніи, отмѣчать въ общихъ собраніяхъ, по кондуитнымъ спискамъ, худымъ въ хозяйствѣ». Первыя впечатлѣнія юности, послѣ школьной скамьи имѣютъ на насъ очень большое вліяніе. У М. П. Лазарева эти впечатлѣнія сложились подъ руководствомъ Англійскихъ командировъ временъ Нельсона. Пятилѣтнее служеніе на военныхъ судахъ Англійскаго флота и близкое знакомство съ условіями общежитія на тѣхъ судахъ развили въ немъ, кромѣ серьезнаго знанія морского дѣла, строгое сознаніе обязанностей и рѣдкую любовь къ порядку, не нарушающему опредѣленныя постановленія. Плодомъ его ранней наблюдательности было сложившееся въ немъ убѣжденіе, что всякое положеніе человѣка, прежде всего, возлагаетъ на него обязанности и что съ точнымъ, безукоризненнымъ исполненіемъ ихъ тѣсно связана не только служебная, но и личная честь. Этотъ нравственный законъ послужилъ основаніемъ всей его самостоятельной жизни и служебной дѣятельности. Притомъ, въ немъ сохранилась привычка приводить своимъ подчиненнымъ въ примѣръ все Англійское, какъ въ наружной опрятности и въ общественныхъ отношеніяхъ, такъ и въ служилой дѣятельности.

Регламентарность въ судовой жизни, во время управленія М. П. Лазарева, была доведена до крайней мелочности: все было указано, опредѣлено въ правилахъ и инструкціяхъ, и ничто не ускользало отъ начальническаго взгляда. Математическая точность въ постановкѣ рангоута и расположенія рей, накладка такелажа и проводка снастей, постановка и уборка парусовъ, съ особенными правилами для лиселей, укладка ростръ, подъемъ и крѣпленіе гребныхъ судовъ и орудій, съ тщательной натиркою послѣднихъ, вязка и укладка коекъ, крѣпленіе, укладка или подвѣска снастей, подробное расписаніе офицеровъ и командъ по отдѣламъ судового управленія, работъ и боевого назначенія, командныя слова, чистка мѣди, кубриковъ, трюма, русленей*), съ требованіемъ, чтобы все было на опредѣленномъ мѣстѣ и нигдѣ не бы-

*) *Кубрикъ*—низшій жилой ярусъ корабля.—*Трюмъ*—мѣсто, гдѣ лежитъ баластъ.—*Руслень*—полка.

ло бы забытой швабры, не валялась бы ни одна каболка *), чтобы въ общемъ, отъ льяла и ватеръ-линіи до клотиковъ, судно представлялось въ безукоризненномъ наружномъ и внутреннемъ порядкѣ, какъ массивная игрушка, вымытая, вычищенная, выкрашенная, блестящая, и своей изящной нарядностью поражала бы всякаго посторонняго зрителя, а для служащихъ составляла бы ихъ гордость и тщеславіе, которое развивалось иногда до болѣзненности. При каждомъ замѣченномъ малѣйшемъ безпорядкѣ въ наружномъ видѣ судна, или въ отправленіи шлюпки отъ борта въ неопрятномъ видѣ, спрашивалось: «Кто на вахтѣ?» Это былъ самый непріятный сигналъ, имѣвшій однако большое практическое значеніе, заставляя вахтеннаго начальника не дремать, а постоянно съ напряженнымъ вниманіемъ вглядываться во все и на все. Неуклонное требованіе исполненія всѣхъ мелочей въ судовой обстановкѣ и настойчивой зоркой наблюдательности со стороны подчиненныхъ при отправленіи ими своихъ обязанностей, устраняя всякій поводъ къ праздности, вводило ихъ незамѣтно въ культъ морского служенія до того, что онъ становился для нихъ жизненной потребностью. Молодые офицеры, подвигаясь послѣдовательно въ служебномъ повышеніи, становясь старшими офицерами или командирами мелкихъ судовъ, сами обращались въ блюстителей ежедневнаго судового порядка до всѣхъ тонкостей его развѣтвленія. Чтобы вполнѣ пріохотить офицеровъ къ морской службѣ и возбудить въ нихъ наибольшее соревнованіе, М. П. Лазаревъ заботился объ увеличеніи числа судовъ малаго размѣра; а когда ему намекали о напрасныхъ на это расходахъ, утверждая, что подобныя суда ни на что не годятся, то онъ говорилъ, что офицеръ, бывшій командиромъ въ чинѣ лейтенанта, никогда не разстанется съ моремъ.

Флагъ главнаго командира Черноморскаго флота ежегодно поднимался на одной изъ практическихъ эскадръ. Эти практическія эскадры составляли 4 и 5 дивизіи, выходившія поочередно для плаванія на три мѣсяца. Во всѣхъ эволюціонныхъ построеніяхъ и въ судовыхъ ученьяхъ требовались точность, тишина, скорость безъ торопливости съ опредѣленіемъ исполненія сигнала по минутамъ и секундамъ; перемѣна на кораблѣ гротъ-марселя, въ свѣжую погоду при двухъ рифахъ, производилась отъ 7 до 9 минутъ. Такая пунктуальность экзалтировала всѣхъ и каждаго отдѣльно, офицеровъ и матросовъ, вселяя въ нихъ соревнованіе съ другими судами эскадры, въ пламенномъ желаніи отличиться передъ ними быстротою и акуратностью исполненія. Во время стоянки на рейдѣ производились ежедневно разныя ученья;

*) *Каболка*—пеньковая нить, изъ коей вьются веревки.—*Клотикъ*—набалдашникъ.

а въ праздничные дни, въ три часа пополудни поднимался сигналъ: «Выслать учебныя суда для катанья». Вслѣдъ затѣмъ немедленно весь обширный Севастопольскій рейдъ покрывался множествомъ разнообразныхъ шлюпокъ, барказовъ и полубарказовъ, съ судовъ практической эскадры и отъ находящихся въ гавани, лавирующихъ подъ парусами, быстро несущихся на взморье и обратно въ глубь залива, ловко увертывавшихся отъ столкновенія. Изъ нихъ иногда группировались маленькія эскадры, для чего были составлены особые сигналы. Каждый изъ офицеровъ, командовавшихъ шлюпкой, зналъ, что начальствующіе, отъ адмирала до командира и старшаго офицера его судна включительно, слѣдятъ за нимъ и при малѣйшемъ упущеніи не замедлятъ сдѣлать ему замѣчаніе; притомъ, каждая шлюпка должна была проходить подъ кормой корабля главнаго командира, наблюдая съ точностью разстояніе отъ кормы, чтобы адмиралъ могъ видѣть исправное состояніе проходящаго судна и его команды. Это была замѣчательная въ своемъ родѣ школа для молодыхъ офицеровъ, заставлявшая ихъ изучать всю разносторонность морской практики, давая имъ возможность пріобрѣтать навыкъ въ осмотрительной наглядности при управленіи шлюпкой и побуждая такимъ образомъ незамѣтно втягиваться въ свою профессіональность и воодушевляться въ тоже время желаніемъ заслужить личное одобреніе командира своего судна и главнаго командира, въ отдаваемомъ имъ приказѣ; послѣднее въ особенности считалось очень высокой и желанной наградой. Въ то время въ Черноморскомъ флотѣ не было оберъ-офицеровъ украшенныхъ разными орденами. Если старый лейтенантъ, состоя въ званіи командира или старшаго офицера, получалъ за особенныя заслуги орденъ св. Анны 3 степени, то это считалось необыкновеннымъ событіемъ и возбуждало общій говоръ и удивленіе.

Послѣ каждаго судового ученья или катанья на шлюпкахъ, въ каютъ-компаніи не было иного разговора, какъ только самыя оживленныя объясненія о мелочахъ исполненія и о всѣхъ замѣченныхъ неисправностяхъ. Тоже было и во время вечернихъ посѣщеніяхъ на Графской пристани, служившей въ то время шумнымъ собраніемъ Севастопольскаго общества. Роскошная южная ночь съ пріятнымъ береговымъ вѣтеркомъ, фосфорическій блескъ отъ снующихъ постоянно шлюпокъ, два хора музыки и оживленный говоръ молодыхъ моряковъ съ лицами прекраснаго пола, придавали этому муравейнику чарующую прелесть. Въ то время Севастополь жилъ въ полномъ обаяніи морского увлеченія. Входъ эскадры съ моря собиралъ все (интеллигентное) общество на маломъ бульварѣ. Это была оживленная, великолѣпная картина, возбуждавшая особенно напряженное вниманіе жен-

скаго пола. Корабли и фрегаты, въ послѣдовательномъ порядкѣ одинъ за другимъ, подъ всѣми парусами и лиселями неслись на рейдъ; каждое судно, подходя къ опредѣленному мѣсту, чтобы стать на якорь, мгновенно сбрасывались лисели, а потомъ всѣ паруса и шлюпки; въ четверть часа все убрано, уложено, реп выправлены, шлюпки у выстрѣловъ, трапы спущены. И не только входъ практической эскадры, но приходъ на рейдъ каждаго отдѣльнаго военнаго судна всѣхъ ранговъ одинаково интересовалъ всякого праздпаго зрителя. Пристрастная любовь къ морю и морскому освоенію была привита не только къ семьямъ моряковъ, но этимъ повѣтріемъ были заражены и прочіе обыватели, которые отъ стараго до малаго знали всю морскую номенклатуру. Севастопольскія дамы и дѣвицы былого времени оживленно трактовали о галсахъ, шкотахъ, гòрденяхъ и т. п. не хуже знакомыхъ имъ моряковъ, которые знали это, а потому, возможность строгаго осужденія со стороны прекраснаго пола, за не вовремя отданный брамъ-шкотъ и т. п., еще болѣе возбуждала въ нихъ соревнованіе перещеголять одинъ другого.

Въ Балтійскомъ флотѣ того времени строевая армейская служба въ флотскихъ экипажахъ была въ полномъ ходу. Постоянныя строевыя ученья, караулы, разводы съ церемоніей, офиціальные смотры, занимали все время продолжительнаго пребыванія на берегу. Каждый изъ Балтійскихъ офицеровъ умѣлъ безошибочно пропѣть всѣ мотивы сигнальнаго рожка для строевого и разсыпного строя; даже при высочайшихъ смотрахъ гребныхъ канонерскихъ лодокъ, они, по сигнальному рожку, строили каре и проходили церемоніальнымъ ходомъ, по двѣ въ рядъ, мимо императорскаго парохода. Для Черноморскаго флота тоже былъ учрежденъ второй учебный экипажъ, который подготовлялъ унтеръ-офицеровъ, инструкторовъ для обученія флотскихъ командъ строевому дѣлу и стрѣльбѣ въ цѣль изъ ружей, чтобы они могли нести береговую службу и участвовать въ десантахъ. На судахъ, во время плаванія, производились иногда десантныя ученья, и свозомъ людей на вооруженныхъ гребныхъ судахъ, и военною прогулкою на берегу. Для обученія фехтовальному искусству были выписаны инструкторы. Но вообще, офицеры Черноморскаго флота, забывая скоро корпусную муштровку подъ наплывомъ иныхъ требованій, не отличались особеннымъ знаніемъ строевой службы, и большинство изъ нихъ имѣло очень смутное понятіе о взводныхъ, полувзводныхъ и другихъ построеніяхъ. Вмѣсто солдатчины, какъ они называли пѣхотный строй, въ ихъ средѣ господствовала своя морская строгая дисциплина; всѣ начальствующія лица, отъ главнаго командира до вахтеннаго началь-

ника включительно, пользовались должнымъ почетомъ младшихъ, ихъ приказанія и распоряженія исполнялись буквально, замѣчанія выслушивались безпрекословно; каждымъ руководило полное уваженіе къ старшимъ, со строгимъ сознаніемъ подчиненной обязанности. Такія отношенія младшихъ къ старшимъ не забывались и въ каютъ-компаніи, временно соединявшей ихъ въ одну семью; она нѣкоторымъ образомъ роднила ихъ, и никакая ссора въ служебныхъ и общественныхъ отношеніяхъ между сослуживцами не была терпима, каждый старался деликатно обойти могущее столкновеніе. Какъ въ морѣ, такъ и на берегу у всѣхъ офицеровъ Черноморскаго флота, въ подражаніе старшимъ, были въ большомъ ходу бѣлые углы отъ воротниковъ рубашекъ, выставляемые изъ за галстуковъ и называвшіеся лиселями, что въ Балтійскомъ флотѣ считалось преступленіемъ. Императоръ Николай Павловичъ, хотя былъ строгій блюститель установленныхъ правилъ, относился снисходительно къ отступленію Черноморскихъ моряковъ отъ формалистики, потому что они подражали своему главному командиру.

По ходатайству М. П. Лазарева было разрѣшено посылать ежегодно четыре военныя судна малаго ранга изъ Севастополя въ Средиземное море, въ распоряженіе нашихъ посольствъ. Такая командировка давала возможность знакомить съ состояніемъ морского военнаго дѣла въ иностранныхъ флотахъ тѣхъ офицеровъ, которые особенно выдѣлялись своими способностями и образованіемъ. При встрѣчѣ тамъ съ иностранными станціонерами на рейдахъ возбуждалось соперничество съ ними, сильное желаніе командировъ, офицеровъ и матросовъ непремѣнно превзойти ихъ щеголеватою наружностью своего судна, постановкою и уборкою парусовъ, быстрымъ спускомъ и подъемомъ гребныхъ судовъ, стрѣльбою изъ пушекъ на ходу безъ промаха по выпускному буйку съ флагштокомъ, катаньемъ на шлюпкахъ подъ парусами, выигрываніемъ призовъ на гонкахъ. Это желаніе превосходства заставляло ихъ постоянно производить практическія ученья и придумывать новыя морскія затѣи на изумленіе своихъ иностранныхъ пріятелей. Такое направленіе имѣло то важное значеніе, что, вкореняя національную гордость, увѣренность въ своей способности къ исполненію выпавшихъ на ихъ долю обязанностей, нравственный устой для честнаго самотверженнаго служенія Государю и отечеству, въ тоже время служило отличной школою для подготовки молодыхъ помощниковъ въ дѣлѣ развитія духа и тѣла Черноморскаго флота.

Въ Балтійскомъ флотѣ двадцатыхъ годовъ находились офицеры, служившіе на военныхъ судахъ Англійскаго флота, побывавшіе въ

портахъ Европы, сдѣлавшіе кругосвѣтныя плаванія. Такіе офицеры вносили въ среду своихъ товарищей новыя понятія, облагораживающія ихъ бытъ, оживляя и расширяя ихъ кругозоръ, и такимъ образомъ имѣли значительное вліяніе на умственное развитіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на нравственную упорядочность ихъ поведенія. Иное было въ Черноморскомъ флотѣ. Изъ предыдущихъ очерковъ мы видѣли особенную настойчивую заботливость князя Потемкина, Мордвинова, маркиза де-Траверсе и Грейга, чтобы учредить мѣстныя образовательныя средства и такимъ образомъ создать болѣе развитой и облагороженный составъ чиновъ офицерскаго званія. А. С. Грейгъ, въ представленіи своемъ объ учрежденіи въ Николаевѣ Морского кадетскаго корпуса, рѣзко очертилъ низкій уровень подчиненныхъ ему офицеровъ флота, въ число которыхъ ежегодно поступало до тридцати недоучекъ изъ Черноморскихъ гардемариновъ; а эти недоучки были дѣти тѣхъ начальствующихъ лицъ, вліяніемъ которыхъ они проводились на высшія должности по служебной лѣстницѣ. Читая «Записки врача» (Закревскаго, въ Морскомъ Сборникѣ), поражаешься картиною безпутства, разгула и невѣжества, господствовавшихъ въ средѣ офицерскаго сословія въ Севастополѣ въ двадцатыхъ годахъ. Низкій уровень развитія, замкнутость служебнаго положенія въ практическомъ плаваніи не болѣе трехъ мѣсяцевъ у Крымскихъ береговъ и праздность береговой жизни имѣли растлѣвающее дѣйствіе въ этомъ сословіи; поэтому и тѣ молодые офицеры, которые назначились съ Сѣвера въ Черноморскій флотъ съ лучшими образовательными и нравственными зачатками, получаемыми ими въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, подъ вліяніемъ такой среды и праздности скоро втягивались въ тину умственнаго затменія. Притомъ управленіе Морского Министерства, пользуясь правомъ главенства, высылало на службу въ Черноморскій флотъ изъ Балтики всѣхъ тѣхъ офицеровъ, которые получали атестаціи неодобрительнаго поведенія.

Чтобы упорядочить эту глухую среду невѣжества и безобразія, надо было приложить много труда и обладать большимъ терпѣніемъ и находчивостью. Лучшимъ средствомъ для этого должны считаться крейсерскія и транспортныя плаванія у восточнаго берега Чернаго моря. Посылка крейсерскихъ судовъ къ этому побережью началась съ занятіемъ Анапы, Поти и Сухума, для наблюденія, чтобы иностранныя суда не приставали къ тѣмъ мѣстамъ гдѣ не было таможень и карантиновъ, для прекращенія торга невольниками и препятствія доставлять Горцамъ оружіе и огнестрѣльные снаряды. Эти крейсерскія суда высылались въ 1828 и 1829 годахъ отъ вооруженнаго флота на назначаемыя имъ дистанціи, а потомъ изъ Севастополя. Въ началѣ 1831

года было сдѣлано распоряженіе высылать къ тому побережью особые отряды судовъ на три смѣны въ теченіе одного года, подъ начальствомъ штабъ-офицера, командовавшаго фрегатомъ, мѣстопребываніе котораго было въ Сухумѣ, гдѣ были учреждены таможня и карантинъ. Первымъ начальникомъ такого отряда былъ капитанъ 2 ранга Нѣмчиновъ, котораго въ очередь смѣнилъ капитанъ-лейтенантъ Стерлиговъ, а въ Декабрѣ того года былъ назначенъ капитанъ-лейтенантъ Синицинъ. Всѣ посылавшіяся въ то время къ Кавказскому восточному побережью суда, крейсерскія и транспортныя, недостаточно снабжались какъ продовольствіемъ, такъ и всѣми предметами по вооруженію и боевому запасу, и отправлялись изъ Севастополя безъ должнаго осмотра и ремонта. Такъ, напримѣръ, транспортъ «Бугъ», подъ командой капитанъ-лейтенанта Арищенко, прибылъ въ Сухумъ въ Декабрѣ 1831 года съ грузомъ, въ самомъ неблагонадежномъ видѣ. При отправленіи изъ Севастополя въ его корпусѣ была течь до 12 дюймовъ, а на переходѣ она увеличилась до 28 дюймовъ. При осмотрѣ оказались въ носовой подводной части три щели, сквозь которыя пробивалась вода; изъ четырехъ его помпъ для выкачиванія воды двѣ были въ полной неисправности, а остальныя находились въ ненадежномъ состояніи. Хотя командиръ этого судна доводилъ до свѣдѣнія Севастопольскаго начальства, что для командуемаго имъ транспорта необходимо капитальное исправленіе, но на его представленіе не было обращено никакого вниманія. 16 Іюля 1832 года прибылъ изъ Севастополя транспортъ «Ревнитель», подъ командой лейтенанта Зайцевскаго, который немедленно обратился съ просьбой къ начальнику отряда о назначеніи комисіи для освидѣтельствованія командуемаго имъ судна. По заключенію комисіи оказалось, что на «Ревнителѣ» гребныя снасти стары и негодны, течь въ подводной части значительная, стоячій такелажъ въ совершенной худости, братскій котелъ для варки пищи командѣ въ неисправности.

Послѣ овладѣнія Анапскимъ округомъ и отказа Турціи отъ правъ на западный берегъ Кавказа, признано было необходимымъ принять мѣры для приведенія въ покорность воинственныя горскія племена, населявшія западную часть Кавказа къ побережью, дѣйствуя на нихъ съ суши и съ моря. Въ виду этого въ 1830 году было построено укрѣпленіе Гагры для прикрытія Абхазіи. Въ томъ же году большой отрядъ войскъ, подъ начальствомъ графа Паскевича, перешелъ рѣку Кубань и направился въ землю Шапсуговъ, гдѣ разгромилъ много ауловъ. Въ тоже время построены укрѣпленія для прикрытія Кубанской линіи: Мостовое, Алексѣевское, Афитское и Ивано-Пшебское. Въ

1832 году генералъ баронъ Розенъ занялъ Геленджикъ и построилъ тамъ укрѣпленіе.

Графъ Паскевичъ, находясь уже въ Варшавѣ, составилъ въ 1832 году планъ покоренія Горцевъ западной части Кавказа. Онъ признавалъ необходимымъ проложить путь отъ Кубани на Геленджикъ, построить на этой дорогѣ нѣсколько укрѣпленій и сдѣлать ихъ основными для дѣйствія отдѣльныхъ отрядовъ, которые должны бы были подвигаться одновременно на Западъ, съ тѣмъ чтобы гнать Горцевъ къ Анапѣ и къ морю, дабы тамъ заставить ихъ покориться; послѣ того, провести другую линію, паралельную первой, и такъ далѣе до верховьевъ р. Кубани, очищая или покоряя пространство между линіями; вмѣстѣ съ тѣмъ блокировать берегъ этой мѣстности, занимая его укрѣпленными редутами. Филипсонъ, бывшій начальникъ штаба у генерала Вельяминова, командовавшаго войсками на сѣверо-западной Кавказской линіи, въ своихъ Воспоминаніяхъ, изданныхъ въ «Р.Архивѣ» (1885), высказалъ объ этомъ проектѣ, что «едвали можно выдумать что-нибудь болѣе нелѣпое и доказывающее совершенное незнаніе края и непріятеля». Тѣмъ не менѣе проектъ этотъ принятъ былъ въ Петербургѣ безусловно, и исполненіе его было поручено генералу Вельяминову. Вслѣдствіе такого распоряженія онъ построилъ въ 1833 году на р. Кубани Ольгинское укрѣпленіе, назначенное основнымъ пунктомъ проектированной линіи. Въ 1834 году онъ построилъ на рѣкѣ Абинъ Абинское укрѣпленіе на одинъ батальонъ. Въ 1835 году имъ построено Николаевское укрѣпленіе при впаденіи рѣки Атакауфъ въ р. Абинъ. Въ этомъ году на Югѣ построены: на рѣкѣ Кадоръ укрѣпленіе Дранды и мостовое укрѣпленіе на рѣкѣ Бзыбь; а также разработана дорога отъ Сухума черезъ Бомборы къ Пицундѣ и къ Гагрѣ. Въ 1836 году построено въ Суджунской бухтѣ укрѣпленіе Кабардинское. Въ 1837 году построены укрѣпленія: Св. Духа при рѣкѣ Мдзымты, Новотроицкое при устьѣ рѣки Пшада и Михайловское при устьи рѣки Вуланъ. Для содѣйствія военному вѣдомству на прибрежьи восточнаго берега Чернаго моря были построены особыя транспортныя суда: «Цемесъ», «Мамай», «Субаши», «Кадосъ», «Адлеръ» и «Лаба»; а также построены пароходы: «Язонъ», «Колхида», «Могучій», «Боецъ», «Молодецъ» и «Эльборусъ». Эти транспортныя суда и пароходы назывались Кавказскими и состояли въ вѣдѣніи военнаго вѣдомства; вслѣдствіе этаго, къ штабу генерала Вельяминова былъ прикомандированъ капитанъ 2 ранга Серебряковъ для исполненія должности дежурнаго штабъ-офицера по морской части. Серебряковъ былъ уроженецъ Карасубазара, изъ Армянъ. Знакомый хорошо съ Турецкимъ языкомъ, онъ состоялъ

при князѣ Меншиковѣ во время осады Анапы, а потомъ былъ при немъ адъютантомъ. По замѣчанію Филипсона, Серебряковъ имѣлъ бойкія умственныя способности, расположеніе къ военному дѣлу и торговлѣ и эластическую совѣсть.

Въ Январѣ 1838 года, по представленію генерала Вельяминова, была учреждена должность начальника береговой линіи, и къ исполненію этой должности былъ назначенъ генералъ-майоръ Раевскій. Ему было разрѣшено занимать, по своему усмотрѣнію, береговые пункты съ содѣйствіемъ флота. Вслѣдствіе этого онъ отправился въ Николаевъ, представился тамъ адмиралу М. П. Лазареву и испросилъ его содѣйствія къ исполненію возложеннаго на него порученія. Сборнымъ пунктомъ войскъ, состоявшихъ подъ начальствомъ Раевскаго, была назначена Анапа, куда прибылъ флотъ, съ 4 на 5 Мая, подъ начальствомъ М. П. Лазарева. Мая 12 была произведена высадка войскъ у рѣки Туапсе и тамъ устроено укрѣпленіе Вельяминовское. Потомъ былъ занятъ берегъ у рѣки Шапсуго, и тамъ устроено укрѣпленіе Тенгинское. Въ обѣихъ этихъ высадкахъ, при занятіи берега и удаленія отъ него Горцевъ, участвовалъ флотскій сводный батальонъ, командиромъ котораго былъ капитанъ 2 ранга Путятинъ. Въ этомъ же году, десантнымъ отрядомъ генералъ-маіора Симборскаго со стороны Абхазіи, занята мѣстность у рѣки Сочи и тамъ построено укрѣпленіе Навагинское; затѣмъ отрядомъ Раевскаго построено укрѣпленіе въ Суджунской бухтѣ, на сѣверо-западномъ берегу рѣки Цемесъ, названное Новороссійскъ. Это укрѣпленіе было назначено центральнымъ пунктомъ управленій Кавказской побережной линіи. Въ 1839 году былъ построенъ фортъ Раевскій у рѣки Мессаге, на сообщеніи Анапы съ Новороссійскомъ; а на береговой линіи построены, съ содѣйствіемъ флота, укрѣпленія: у рѣки Субаши фортъ Головинскій, а у рѣки Псезуапе фортъ Лазаревъ. Этимъ закончено было занятіе береговой линіи укрѣпленіями, и другихъ предпріятій къ занятію предполагавшихся мѣстностей не производилось. Вся береговая линія была раздѣлена на три отдѣленія, а съ присоединеніемъ къ ней Самурзакани и Гуріи было учреждено въ 1843 году четвертое отдѣленіе.

По предложенію М. П. Лазарева была заведена для береговой линіи особая флотилія изъ барказовъ, по образцу Мальтійскихъ, которые могли поднимать сорокъ человѣкъ десанта, съ коронадой или фалкопетомъ на носу, по одному или по два, при каждомъ укрѣпленіи. Въ команды для управленія ими были назначены Азовскіе казаки (Запорожцы, вышедшіе въ 1828 году изъ за Дуная), оказавшіеся, какъ рыболовы, смѣлыми и искуснымп моряками. Мотивомъ такого учреж-

денія было то обстоятельство, что, при невозможности имѣть береговое сообщеніе между укрѣпленіями, они могли сообщаться между собою только моремъ, для чего очень пригодны такіе барказы; притомъ, при ихъ содѣйствіи удобнѣе наблюдать за мелкими контрабандными судами, такъ какъ морскимъ крейсерамъ невозможно было услѣдить Турецкія кочермы, которыя, увидя крейсерское судно, бросаются на берегъ и вытаскиваются при помощи Горцевъ. Къ тому же, по международному трактату, крейсеръ можетъ взять контрабандное судно только въ трехъ верстахъ отъ берега, что для него, какъ для паруснаго судна, невсегда возможно, потому что состояніе моря часто не дозволяетъ ему подходить очень близко къ берегу. Также, по предложенію М. П. Лазарева, были заведены при крѣпостныхъ гарнизонахъ лодки и рыболовныя сѣти, какъ для развлеченія людей, такъ и для доставленія имъ по временамъ свѣжей пищи.

Съ постройкой укрѣпленій по береговой линіи сношеніе Горцевъ моремъ нѣсколько затруднилось, но не прекратилось; положеніе въ нихъ гарнизоновъ было очень отяготительное. Филипсонъ сообщаетъ объ этомъ слѣдующее: «При малочисленности войскъ для обороны укрѣпленій и неимѣніи подвижного состава для частаго пополненія или замѣны гарнизоновъ новыми командами, всѣ они были очень ослаблены жестокими болѣзнями и неестественнымъ порядкомъ службы. Всѣ ночи люди проводили подъ ружьемъ, ожидая ежеминутно нападенія, и ложились спать тогда только, когда ободнѣетъ, а обходы осмотрятъ ближайшія мѣстности. Если къ этому прибавить скуку, недостатокъ движенія въ тѣсномъ редутѣ, такъ какъ нельзя было выходить изъ него не подвергаясь выстрѣламъ Горцевъ, рѣдкость свѣжаго мяса и овощей, отсутствіе женщинъ, то станетъ понятнымъ, почему роты не доходили до половиннаго даже состава, и иногда и менѣе. Къ тому же все вооруженіе ихъ, ружья и артилерія, были негодныя; первые были Тульскіе кремневые, прослужившіе болѣе 25 лѣтъ, а пушки разнаго калибра чугунныя, служившія съ 1813 года, съ деревянными лафетами, которые были до того гнилы, что нерѣдко разсыпались послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ. Всѣ настоятельныя представленія Раевскаго о пополненіи и увеличеніи его отряда войскъ и о присылкѣ годнаго вооруженія оставались безъ исполненія. И это было тамъ, гдѣ полевыя укрѣпленія, защищаемыя одной или двумя ротами слабаго состава, были предоставлены самимъ себѣ безъ всякой надежды на помощь. Такое бѣдственное положеніе гарнизоновъ не могло укрыться отъ Горцевъ, которые зорко слѣдили за ихъ состояніемъ и выжидали случая сдѣлать имъ возможное зло».

Когда западное побережье Кавказа поступило въ вѣдѣніе Россіи, изъ Англіи начали высылать эмисаровъ для снабженія Горцевъ оружіемъ, порохомъ и свинцомъ, а также для возбужденія ихъ противъ

Россіи. Изъ портовъ Анатоліи высылались не только контрабандныя кочермы, но галеры и шкуны; хотя Русскіе крейсерскія суда захватывали нѣкоторыя изъ нихъ, или истребляли тѣ, которыя были вытащены на берегъ и прикрывались хворостомъ, но большая часть этихъ судовъ сообщалась съ береговыми мѣстами безнаказанно. Въ 1836 году Трапезондскій консулъ Гисси увѣдомлялъ начальника отряда крейсерскихъ судовъ, что много мелкихъ судовъ изъ разныхъ мѣстъ Анатоліи предположено отправить къ Кавказскимъ берегамъ. Затѣмъ начальникъ 20-й пѣхотной дивизіи сообщилъ, что онъ получилъ увѣдомленіе отъ Закубанскихъ Горцевъ о прибытіи многихъ Турецкихъ судовъ съ разными грузами, а также съ большимъ количествомъ пороха, оружія и свинца, а именно: въ Суджукскую бухту семь, въ Пшады шесть, а также въ другія мѣста и къ устьямъ рѣкъ, до Абхазіи, пристало ихъ очень много. Въ тоже время изъ Константинополя получено было увѣдомленіе, что по наущенію Англійскаго посланника предполагается послать десантный флотъ, подъ начальствомъ паши и въ сопровожденіи Черкесскаго князя Сафербея, на помощь Черкесамъ, а для того посланы письма къ разнымъ вліятельнымъ Горцамъ. Вслѣдъ затѣмъ сообщено было отъ главнокомандовавшаго войсками за Кавказомъ барона Розена, на имя начальника крейсерскаго отряда контръ-адмирала Патаніоти, что по увѣдомленію консула Гисси извѣстный князь Сафербей отправился изъ Константинополя въ Батумъ, для доставленія оттуда Горцамъ восьмидесяти бочекъ пороху и что два Англійскихъ агента прибыли въ Трапезондъ, съ намѣреніемъ перейти наши границы и проникнуть къ Горцамъ. Потомъ, баронъ Розенъ увѣдомилъ контръ-адмирала Патаніоти, что князь Шервашидзе сообщилъ ему о прибытіи въ Абхазію двухъ Европейцевъ, повидимому, Англичанъ, знающихъ Турецкій языкъ; они увѣряютъ джигитовъ, что имѣютъ отъ Султана фирманъ, которымъ Горцы убѣждаются не подчиняться Русскимъ и что Султанъ дастъ имъ помощь, если они будутъ сопротивляться.

Въ 1838 году отъ главнаго командира Черноморскаго флота было сообщено начальнику крейсерскаго отряда контръ-адмиралу Станюковичу о томъ, что въ Константинополь прибыли съ западнаго берега Кавказа Англійскіе офицеры, капитанъ Маррикъ и лейтенантъ Нудо черезъ Анатолію и намѣрены, въ сопровожденіи переводчика Полянскаго принявшаго магометанство, отправиться тѣмъ же путемъ обратно; также, что у Горцевъ находятся Англичане Барроу и Лангвортъ; наконецъ, что предположено отправить изъ Константинополя къ восточному берегу Чернаго моря шкуну «Портландъ» (капитанъ

Броунъ) съ разнымъ боевымъ снабженіемъ, скрытымъ подъ грузомъ угля. Вслѣдъ затѣмъ было получено сообщеніе, что Англичанинъ Бейль нанялъ въ Лондонѣ шкуну для доставленія Горцамъ оружія и огнестрѣльныхъ снарядовъ. Этотъ Бейль прожилъ три года между Горцами, съ цѣлью примиренія частой вражды между племенами и для составленія изъ всѣхъ племенъ одного правильно организованнаго союза, подъ покровительствомъ Турціи и Англіи, чтобы общими силами истребить Русскія укрѣпленія и вообще затруднить усилія Россіи для покоренія горскихъ племенъ Кавказа. Послѣ этого, главный командиръ Черноморскаго флота сообщилъ начальнику крейсерскаго отряда контръ-адмиралу Захарьину, что генералъ-маіоръ Раевскій увѣдомилъ его о постоянномъ увеличеніи снабженія Горцевъ боевыми снарядами и оружіемъ, чему покровительствуетъ Турецкій паша въ Самунѣ; для этого употребляются легкія суда, отправляемыя изъ Самуна при попутномъ южномъ вѣтрѣ вечеромъ и достигаютъ по назначенію ночью слѣдующаго дня. Послѣдствіемъ такихъ враждебныхъ дѣйствій Англійскаго правительства, при содѣйствіи Турецкаго, для пропаганды между Горцами и снабженія ихъ боевыми средствами, произошли слѣдующія событія на прибрежной линіи.

Въ 1837 году, командиръ тендера «Спѣшный» лейтенантъ Бутвевичъ донесъ начальнику отряда о полученномъ имъ въ Михайловскомъ укрѣпленіи свѣдѣніи, что болѣе двухъ тысячъ Горцевъ, съ двумя пушками, осаждали это укрѣпленіе въ продолженіе трехъ дней и что гарнизонъ въ немъ состоялъ въ это время изъ 120 человѣкъ. Для предупрежденія новой атаки у этого укрѣпленія оставленъ одинъ Азовскій баркасъ, а шкуна «Гонецъ» крейсируетъ возлѣ него. Въ 1840 году уничтожены Горцами слѣдующія укрѣпленія: 7 Февраля—фортъ Лазаревъ; 29 Февраля—укрѣпленіе Вельяминовское; 23 Марта—укрѣпленіе Михайловское; 2 Апрѣля—укрѣпленіе Николаевское. Затѣмъ, при осмотрѣ начальникомъ крейсерскаго отряда контръ-адмираломъ Юрьевымъ двухъ приморскихъ укрѣпленій на фрегатѣ «Тенедосъ», ему было сообщено въ Навагинскомъ фортѣ, что съ 10 по 20 Мая того года Горцы въ многочисленномъ сборѣ, дѣйствовали по этому форту съ горы изъ четырехъ батарей ядрами, картечью и порожними гранатами; притомъ неоднократно покушались дѣлать нападеніе, небезуспѣшно; вреда не причинили, исключая нѣсколькихъ контузій людямъ и пробоинъ строенія въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Выстрѣлами артилеріи съ форта горскія батареи были сбиты; затѣмъ непріятельскія дѣйствія прекратились. Въ Гаграхъ Юрьевъ призналъ необходимымъ исправить туровыя стѣны, которыя были настолько повреждены, что предвидѣлось полное раз-

рушеніе ихъ. Въ укрѣпленіи Св. Духа ему было сообщено, что 9 Мая Горцы покушались взять его, но были отбиты. Гарнизонъ тамъ оказался очень незначителенъ, истощенъ и терпѣлъ во всемъ недостатокъ.

Эти событія заставили Военное Министерство обратить вниманіе, на представленія Раевскаго. Въ его распоряженіе были присланы одна пѣхотная дивизія и четыре Черноморскихъ пѣхотныхъ полка; вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлано распоряженіе о сформированіи вновь четырехъ линейныхъ батальоновъ для береговой линіи. Такія распоряженія доставили возможность возобновить разоренныя укрѣпленія съ усиленіемъ и хъ обороны, обновить на всей линіи составъ гарнизоновъ, сформировать подвижные резервы и тѣмъ избавить ихъ отъ изнуренія. Также негодное вооруженіе замѣнено болѣе соотвѣтствующимъ.

Восточный берегъ Чернаго моря вообще лишенъ безопасныхъ пристанищъ для судовъ. Простираясь отъ нордвеста къ зюйдосту, онъ обставленъ высокими скалистыми берегами; вслѣдствіе этого сильный юго-западный вѣтеръ, дующій къ нему перпендикулярно, встрѣчая препятствіе въ этихъ возвышенностяхъ, отражается, и такимъ образомъ образуется у берега штилевая полоса. Парусное судно, застигнутое въ этой полосѣ, не имѣя возможности при сильномъ юго-западномъ вѣтрѣ выйти на просторъ въ море, неминуемо сбивается огромнымъ волненіемъ къ берегу и терпитъ крушеніе; стоящія же на якоряхъ срываются прибоемъ, или дрейфуютъ къ берегу, что̀ тоже неминуемо ведетъ къ гибели. Такія неблагопріятныя условія заставляютъ моряковъ, плавающихъ на парусныхъ судахъ, быть очень осторожными, чтобы предупредить возможность своей гибели. Обширная Новороссійская (Суджукская) бухта расположена длинной осью своей отъ Сѣверо-запада къ Юго-востоку, параллельно однообразному горному хребту Варадъ, достигающему средней высоты 1800 футъ съ пониженіемъ до 1500 и возвышеніемъ до 2500 футъ. Эта бухта открыта только отъ Юга до Юго-востока. Хотя южные вѣтры дуютъ иногда съ большой силой и производятъ значительное волненіе, но они не опасны. Самый большой вредъ на этой водной мѣстности производитъ *бора*, т. е. сильный сѣверо-восточный вѣтеръ. Этотъ вѣтеръ въ лѣтнее время, при нѣкоторой осторожности, не тревожитъ стоящія на рейдѣ суда; но осенью и зимой бора превращается иногда въ разрушительный ураганъ. Голыя вершины Варада передъ борою бываютъ совершенно чисты; но за нѣсколько времени до нея начинаютъ появляться на вершинахъ небольшія бѣловатыя облака, выходящія изъ-за хребта; затѣмъ эти облака садятся на вершины, спускаются ниже и по мѣрѣ накопленія ихъ какъ будто толпятся упредить одни другихъ. Въ воздухѣ въ это время замѣтенъ безпорядокъ, такъ какъ сильные порывы

находятъ иногда отъ совершенно противоположныхъ румбовъ. Стоя въ это время на бочкѣ, нужно быть предупредительнымъ, чтобы не найти на нее; а имѣя одинъ якорь слѣдуетъ не торопиться бросать другой, иначе легко перепутать канаты. Когда порывы съ разныхъ сторонъ очистятъ бухту отъ застоявшагося въ ней воздуха, скопившіяся на вершинахъ облака начинаютъ отрываться по одиночкѣ отъ общей массы и падать внизъ съ ужасными порывами. Вихри рвутъ воду и гонятъ ее брызгами, такъ что все пространство рейда представляется какъ бы покрытое паромъ. Въ городѣ въ это время невозможно выходить на улицу, потому что мелкіе камни, поднимаемые вѣтромъ, бьютъ въ лицо, а силою вѣтра сбиваетъ съ ногъ. Зимой бора бываетъ особенно безпокойна и сопровождается семью или восемью градусами мороза, а иногда и вдвое больше; поднимаемыя брызги тотчасъ леденѣютъ; судно обмерзаетъ и покрывается очень скоро льдомъ; у канатовъ на ватеръ-штагахъ и вообще по наружной передней части судна образуются ледяныя массы, которыя необходимо немедленно уничтожать обрубкою, особенно на мелкихъ судахъ: иначе отъ накопленія и тяжести льда носовая часть грузнетъ, и судно можетъ затонуть. При наступленіи боры спускаютъ весь рангоутъ и поднимаютъ шлюпки. Этотъ вѣтеръ безпрестанно переходитъ отъ нордъ-нордъ-оста къ остъ-нордъ-осту и обратно, а потому при двухъ якоряхъ судно при каждомъ порывѣ стоитъ только на одномъ якорѣ. Во время боры часто показываются смерчи. Порывы не такъ сильны подъ восточнымъ берегомъ вслѣдствіе того, что вѣтры, спускаясь съ крутизны, оставляютъ у подошвы хребта какъ бы мертвое пространство, неподверженное ихъ сильному вліянію. Бора у сѣверо-восточнаго берега Чернаго моря дуетъ съ различной силой исключительно на пространствѣ отъ Анапы до Туапсе; далѣе къ зюйдъ-осту она постепенно слабѣетъ и очень часто переходитъ въ свѣжій зюйдъ-остъ. Разрушительная сила бываетъ только у береговъ; далѣе же въ морѣ она чувствительно ослабѣваетъ. Бывали случаи, что суда, находившіяся въ недальномъ разстояніи отъ берега, при порывахъ боры, вынуждены были крѣпить марсели[1]), между тѣмъ какъ другія, идущія мористѣе, несли брамсели[2]).

Самая ужасная бора случилась въ Новороссійскѣ въ 1838 году. 12 Января этого года находились тамъ на рейдѣ, стоя на бриделяхъ[3]): фрегатъ «Мидія», подъ флагомъ контръ-адмирала Юрьева командиръ капитанъ 1 ранга Касторфъ; кореетъ «Пиладъ» командиръ капитанъ

---

[1]) *Марсель*, *брамсель*—названіе парусовъ.

[2]) Лоція Чернаго моря.—Новороссійская бора, барона Врангеля.

[3]) *Бридель*—мертвый якорь, т. е. положенный въ гавани навсегда

2 ранга Юрковскій, бригъ «Паламедъ» командиръ капитанъ-лейтенандъ Вердеманъ; шкуна «Смѣлая» командиръ лейтенантъ Колчакъ; тендеръ «Струя» командиръ капитанъ-лейтенандъ Леоновъ; транспортъ «Гастогай» командиръ лейтенантъ Щегловъ; пароходъ «Боецъ» командиръ лейтенантъ Дандри. Въ этотъ день съ утра начали проявляться признаки боры; затѣмъ вѣтеръ началъ усиливаться, съ вихрями и жестокими шквалами. Въ половинѣ второго часа пополудни на корветъ «Пиладъ» набѣжалъ смерчъ, силою котораго корветъ накренило на лѣвую сторону, при чемъ лопнули, одна за другой, обѣ цѣпи отъ бриделя, вырвавъ передніе стопоры съ рымъ-болтами, а у заднихъ вырваны гаки; брошенные въ тоже время дагликсъ съ 55 и плехтъ[1]) съ 35 саженями цѣпей задержали корветъ на глубинѣ 22 футъ за кормой. Вѣтеръ, усиливаясь, превратился къ ночи въ жесточайшій ураганъ, при 20° мороза по Реомюру; густой мракъ, несущаяся по воздухѣ ледяная пыль въ видѣ тончайшихъ иголокъ, трескъ, свистъ и гулъ, все смѣшивалось въ одинъ хаосъ. Такое состояніе продолжалось около трехъ сутокъ безъ ослабленія. Невыразимо тягостная борьба съ этимъ явленіемъ представилась командамъ судовъ стоявшимъ на рейдѣ; суда обрастали снаружи толстой массой льда, отрывавшіяся съ рангоута и снастей льдины падали на работавшихъ людей, которые, обдаваемые брызгами замерзавшими на нихъ, коченѣли отъ стужи, а непрерывное напряженіе всѣхъ силъ истощало ихъ. Въ $2^1/_2$ часа по полуночи у брига «Паламедъ» лопнула цѣпь съ лѣвой стороны на бриделѣ, на которомъ онъ стоялъ; тотчасъ были брошены якорь дагликсъ съ 55 саженями и плехтъ съ 45 саженями цѣпей. Вскорѣ затѣмъ лопнула и правая цѣпь отъ бриделя, а потому брошенъ былъ запасный якорь съ 50 саженями пеньковаго каната. Глубина за кормой брига была 26 футъ. Сильнымъ волненіемъ выбило у него погонный бортъ, и положеніе его съ этого времени особенно сдѣлалось опаснымъ. Три раза усиліемъ команды бортъ былъ заколоченъ снутри досками, но сильнымъ напоромъ воды каждый разъ выпирало доски, отбрасывая работавшихъ людей; вода стала накопляться на бакѣ и превращаясь въ ледъ погружала носъ болѣе и болѣе, благодаря наружной массѣ льда, которая образовалась на всей передней части судна отъ форъ-русленей до гальюна[2]). Бригъ съ трудомъ поднимался на волненіи, которое входило черезъ бакъ, отчего прекратилась возможность облегчать переднюю часть обрубкою льда. Въ 4 часа утра онъ началъ дрейфовать, а черезъ часъ ударился кормой объ отмель,

[1]) *Дагликсъ* и *плехтъ*—названія якорей.

[2]) *Гальюнъ*—носъ мореходнаго судна.

и у него выбило руль. Около полудня буря нѣсколько смягчилась, а потому экипажъ брига съ помощью береговыхъ жителей былъ свезенъ на берегъ. Всѣ офицеры и большая часть команды брига поступили въ госпиталь съ ознобленными руками и ногами.

Такой же участи подвергся и транспортъ «Гастогай».

Пароходъ «Боецъ», выбросивъ второй якорь, имѣлъ на клюзахъ[1]) 40 сажень отъ дагликса и 90 сажень отъ плехта цѣпныхъ канатовъ; а когда вѣтеръ началъ усиливаться, то на пароходѣ были разведены пары, и машина была пущена полнымъ ходомъ. Однако такая предосторожность не избавила парохода отъ катастрофы. Когда бора обратилась въ порывистый ураганъ, то въ два часа пополудни 13 числа лопнула дагликсовая цѣпь; пароходъ до четырехъ часовъ утра удерживался еще на плехтѣ съ помощью паровъ, но затѣмъ его начало дрейфовать, а въ $6\frac{1}{2}$ часовъ утра онъ былъ прибитъ волненіемъ лѣвымъ бокомъ къ берегу, въ разстояніи 20 сажень отъ пристани.

Корветъ «Пиладъ» стоялъ на трехъ якоряхъ. Когда жестокость урагана дошла до высшей степени, то и это судно въ два часа пополудни 13 числа стало тихо дрейфовать, а потому немедленно были брошены оба запасныя якоря съ пеньковыми канатами, которые выравнились съ цѣпными; но, не смотря на это, корветъ ударился въ восемь часовъ объ отмель и былъ выброшенъ. Изъ судовъ, стоявшихъ на бриделяхъ, не были сбиты къ берегу: флагманскій фрегатъ «Мидія», шкуна «Смѣлая» и тендеръ «Струя». У фрегата, отъ большого нароста льда, низко опустилась въ воду носовая часть. На шкунѣ офицеры и команда болѣе 47 часовъ находились въ безпрерывной авральной работѣ, занимаясь очисткою льда съ корпуса судна, рангоута и снастей; для этого употреблялось все, что могло служить къ этой цѣли: раскаленное желѣзо, кипятокъ и абордажное оружіе. Заблаговременно были сброшены якоря, а орудія передвинуты къ кормѣ; наконецъ былъ сброшенъ брифокъ-рей и обрубленъ утлегарь у эзельгофта, съ штагами и бакштагами, что̀ команда исполнила съ величайшей опасностью. Только такими напряженными дѣйствіями была спасена шкуна, а съ нею и всѣ служащіе на ней. Иная участь постигла тендеръ «Струя». 14 Января, когда мракъ, сталъ нѣсколько проясниваться, увидѣли, что надъ мѣстомъ, гдѣ стоялъ тендеръ, возвышается топъ[2]) его мачты, который съ салингомъ представлялъ собою какъ бы крестъ надъ влажной могилой 52 человѣкъ. Въ числѣ погибшихъ были: командиръ капитанъ-лейтенантъ Леоновъ, мичманы Обольяниновъ и Ковалевскій и корпуса-

---

[1]) *Клюзъ*—круглая дыра въ носу корабля, въ которую проходитъ якорный канатъ.

[2]) *Топъ*—самый верхъ мачты.

флотскихъ штурмановъ прапорщикъ Скогоревъ. Изъ служившихъ на тендерѣ остались въ живыхъ мичманъ Данилевскій и 4 матроса, посланные на берегъ и оставшіеся тамъ вслѣдствіе начавшейся боры.

Дѣйствіе этой боры было жестоко не только въ Новороссійскѣ, но оно простиралось и далѣе по Черному морю. Шкуна «Дротикъ», подъ командой капитанъ-лейтенанта Данилевскаго, вышла изъ Севастополя 13 Января, при тихомъ сѣверномъ вѣтрѣ. На высотѣ Херсонскаго маяка она получила жестокій шквалъ отъ нордоста съ пониженіемъ температура до 15° ниже ноля по Реомюру. Крѣпившіе паруса люди такъ отморозили руки, что ихъ съ трудомъ могли снять съ марсовъ и оттереть льдомъ ознобленные члены. Съ усилившеюся затѣмъ бурей брызги отъ волненія, замерзая кругомъ и внутри судна, образовали вездѣ слой толстаго льда; снасти, паруса, шхивы въ блокахъ—все обледенѣло. Люди, раздѣленные на четыре смѣны, безпрерывно обрубали ледъ; они перемѣнялись черезъ каждыя пять минутъ, но и въ этотъ короткій промежутокъ, при жестокой стужѣ, лопаты и топоры выпадали изъ ихъ рукъ. Новая смѣна, не успѣвая отогрѣться, должна была выходить на ужасную борьбу, отчего люди изнурялись такой работой, превозмогавшей человѣческія силы. Отъ большой качки нельзя было разводить огонь, чтобы разогрѣвать воду, которую сначала употребляли для оттаиванія льда. Носовая часть судна замѣтно стала погружаться, и нѣсколько волнъ перекатилось черезъ бакъ по длинѣ всей шкуны. Такое бѣдственное положеніе продолжалось двое сутокъ; но наконецъ задулъ благодатный легкій юго-западный вѣтеръ, принеся съ собою оттепель, и шкуна избавилась отъ неминуемй гибели.

Въ 1838 году, 30 Мая, по всему восточному берегу Чернаго моря разразилась ужасная буря. Въ это время на рейдѣ Туапсе находились: пароходъ «Язонъ» подъ командой капитанъ-лейтенанта Хомутова, бригъ «Ѳемистоклъ» подъ командой капитанъ-лейтенанта Метлина, тендеры «Лучъ» подъ командой капитанъ-лейтенанта Панфилова и «Скорый» подъ командой лейтенанта Кислинскаго, транспортъ» Ланжеронъ» подъ командой лейтенанта Моцениго и восемь комерческихъ судовъ, доставившихъ разные грузы для войскъ отряда, занимавшаго мѣстности и строившаго укрѣпленія. Сначала съ моря появилась юго-западная зыбь, увеличиваясь быстро. При совершенномъ безвѣтріи парусныя суда не могли сняться съ якоря и уйти въ море, а пароходъ опоздалъ сдавая доставленный грузъ. Съ полдня задулъ сильный вѣтеръ, который скоро обратился въ жестокій штормъ отъ Юго-запада. На пароходѣ немедленно были подняты пары, а у всѣхъ судовъ были отданы вторые якоря; но вѣтеръ и волненіе достигли такихъ размѣровъ, что всѣ суда подрейфовало къ берегу съ якорями. Большое

трехъ-мачтовое Австрійское судно, стоявшее ближе другихъ къ берегу, видя неминуемую гибель, обрубило якорные канаты и выбросилось на берегъ; экипажъ его спасся кромѣ одного матроса, раздавленнаго другимъ навалившимъ на него судномъ. Затѣмъ началось выбрасываніе остальныхъ судовъ, сначала комерческихъ а потомъ военныхъ. Тендеръ «Скорый» успѣлъ срубить мачту и былъ выброшенъ противъ устья рѣки Туапсе. Изъ остальныхъ судовъ «Язонъ», на которомъ залило топку, «Ланжеронъ» и всѣ коммерческія суда были выброшены внутри расположенія лагеря, а «Ѳемистоклъ» и «Лучъ»—въ 150 саженяхъ отъ аванпостовъ, подъ горой. Изъ всѣхъ пострадавшихъ судовъ оказалось возможнымъ снять и исправить только пароходъ «Язонъ» и тендеръ «Лучъ». Изъ служившихъ на пароходѣ «Язонъ» утонули: лейтенанты Данковъ и Бефани, мичманъ Гораненко, кондукторъ Басовъ и 37 нижнихъ чиновъ, а два матроса умерли отъ ушибовъ. На бригѣ «Ѳемистоклъ» утонулъ прапорщикъ корпуса флотскихъ штурмановъ Беданъ и одинъ унтеръ-офицеръ. На тендерѣ «Лучъ» убитъ Черкесами одинъ матросъ, ранено четыре, утонуло два и оказалось больныхъ отъ ушибовъ четыре. Въ тоже время у Сочи были выброшены на берегъ: фрегатъ «Варна» подъ командой капитана 2 ранга Тишевскаго и корветъ «Месеврія» подъ командой капитанъ-лейтенанта Бутакова; съ этаго послѣдняго судна были потеряны всѣ гребныя суда, причемъ погибло 12 человѣкъ нижнихъ чиновъ, и взяты Горцами въ плѣнъ: лейтенантъ Зоринъ, штурманскій офицеръ Горюшкинъ, юнкеръ Филатовъ и девять человѣкъ команды. Близъ укрѣпленія Св. Духа былъ выброшенъ люгеръ «Глубокій» подъ командой лейтенанта Леонтьева. Въ 1847 году, съ погибшаго у Тапсе транспорта «Адлеръ» были захвачены Горцами въ плѣнъ лейтенантъ Кульчицкій и 37 матросовъ.

Въ такомъ суровомъ подвижничествѣ представляются намъ крейсерская и транспортная служба у негостепріимнаго восточнаго берега Чернаго моря. Въ разное время, до Крымской войны 1854—1855 годовъ, потерпѣло крушеніе у этихъ береговъ 23 военныхъ судна разныхъ ранговъ, не считая тѣхъ, которыя послѣ крушенія могли быть исправлены для продолженія своего служебнаго назначенія. Такое непригляднное положеніе уснащалось еще разными другими тяжкими обстоятельствами. Такъ, отсутствіе рынковъ на всей этой линіи лишало моряковъ возможности имѣть свѣжую провизію; а наливка прѣсной водой производилась подъ военнымъ прикрытіемъ, и приходилось иногда брать ее съ боя. Лѣтомъ сильная жара, особенно при маловѣтріи, съ неутолимой жаждой отъ солонины, безъ достаточнаго движенія на палубѣ не болѣе ста футъ длины, притупляла мысль, располагая къ полной апатіи, а между тѣмъ требовалась зоркая наблюдательность

относительно появленія на окружности горизонта искомаго, такъ равно и атмосферныхъ перемѣнъ, для принятія своевременно соотвѣтственныхъ распоряженій. Но въ особенности тяжело было въ зимнее время, когда преимущественно господствуютъ сильныя бури, съ мрачностью и дождемъ, вслѣдствіе чего на судахъ часто не было мѣста и возможности, чтобы отогрѣться и просушиться послѣ томительной вахты въ промокшей одеждѣ, такъ какъ въ то время не было дождевиковъ, а течь изъ илюминаторовъ превращала койку въ сырое ложе. Только сознаніе долга своей обязанности придавало бодрость терпѣливо и безропотно выносить такое опасное для здоровья горестное, безотрадное положеніе, притомъ въ постоянной борьбѣ за цѣлость рангоута и самого судна, а равно и за собственное существованіе, въ увѣренности, что въ случаѣ крушенія спасеніе на берегъ могло быть иногда хуже смерти, потому что легко было попасть къ враждебнымъ Горцамъ, подъ гнетъ дикаго рабовладѣльца.

На сколько такое крейсерство удовлетворяло требованію, чтобы прекратить сообщеніе Горцевъ съ Турціею и снабженіе ихъ боевыми снарядами, этотъ вопросъ подлежитъ болѣе глубокому обслѣдованію, какъ въ видахъ политической и военной необходимости того времени, такъ и возможности пользоваться наличными для этого средствами въ мѣрѣ желаемаго воздѣйствія. Англійскій агентъ Бель, въ своемъ дневникѣ (Шавровъ, Морской Сборникъ) сообщалъ, что въ продолженіе 17 дней онъ видѣлъ только одинъ разъ два Русскихъ крейсера, находившихся вдали отъ берега; тѣмъ не менѣе, принадлежавшая Белю шкуна «Виксенъ» была захвачена бригомъ «Меркурій» подъ командой кап.-лейтенанта Вульфа. Однако дѣятельность Англійскихъ агентовъ была настолько успѣшна, что выразилась въ разгромѣ укрѣпленій на береговой поморской линіи. Горцы настолько были снабжены ими для военныхъ дѣйствій, что даже входили въ состязаніе съ крейсерскими судами. Такъ, напримѣръ, въ 1837 году люгеръ «Глубокій» былъ атакованъ Горцами на галерахъ и былъ обязанъ своимъ спасеніемъ только превосходству своей артилеріи. Въ 1846 году, корветъ «Пиладъ» и бригъ «Паламедъ», встрѣтивши нѣсколько кочермъ, атаковали ихъ своими вооруженными гребными судами; но эти кочермы вступили съ ними въ бой и такъ успѣшно, что заставили Русскія гребныя суда выпустить всѣ огнестрѣльные снаряды, при чемъ на нихъ были убиты одинъ офицеръ и нѣсколько матросовъ, послѣ чего кочермы свободно пристали къ берегу у Вардана. Впрочемъ, нельзя было и ожидать многаго отъ морской стражи, состоявшей изъ семи парусныхъ крейсеровъ, выходившихъ поочередно для обхода отдѣловъ береговой линіи на протяженіи болѣе трехъ сотъ миль, особенно при тѣхъ тяжкихъ обсто-

ятельствахъ, въ какія поставлена была эта стража. Но, съ другой стороны, такая крейсерская служба предоставляла превосходную школу для молодыхъ Черноморцевъ, изъ которыхъ каждый, какъ офицеры такъ и матросы, побывалъ въ такихъ назначеніяхъ неоднократно. Послѣ нѣсколькихъ такихъ кампаній, освоивъ привычку выносить хладнокровно всѣ суровыя невзгоды въ тягостномъ испытаніи ихъ стойкаго самообладанія, они складывались въ особый типъ бывалыхъ людей, смѣлыхъ на всякое отчаянное предпріятіе, неустрашимыхъ въ опасности, находчивыхъ въ непредвидѣнныхъ случайностяхъ. Нѣкоторые изъ молодыхъ офицеровъ моряковъ такъ заражались искательствомъ сильныхъ ощущеній на восточной береговой линіи, что, списываясь съ одного оканчивающаго плаваніе судна на другое командируемое, по нѣскольку лѣтъ не жили на берегу.

Таковы были средства въ Черноморскомъ флотѣ къ подготовкѣ молодого поколѣнія моряковъ. Въ техническомъ и хозяйственномъ распорядкѣ М. П. Лазаревъ былъ неуклонный послѣдователь А. С. Грейга. Пользуясь тѣми средствами, какія были созданы труженической дѣятельностью его предшественника, онъ продолжалъ, съ свойственной ему энергіей, заканчивать все недодѣланное и исполнять все намѣченное, примѣняя къ тому болѣе усовершенствованные способы, по устройству адмиралтейскихъ мастерскихъ и разныхъ приспособленій, по кораблестроенію, по вооруженію судовъ и боевой ихъ подготовкѣ.

Вопросъ о необходимости перестроить и расширить Николаевское адмиралтейство возникъ еще въ 1825 году. Была назначена по этому поводу комиссія для разсмотрѣнія проекта инженеръ-полковника Рокурта. Въ 1831 году составленъ былъ планъ расположенія предполагаемыхъ строеній на лѣвой и на правой сторонѣ Ингула, но этотъ проектъ остался безъ исполненія. М. П. Лазаревъ обратилъ особенное вниманіе на такую необходимость, и по его указаніямъ были составлены: общій планъ новаго расположенія адмиралтейства, планы и смѣтныя исчисленія на постройку проектируемыхъ новыхъ элинговъ, зданій и прочихъ необходимыхъ сооруженій. Этотъ планъ былъ утвержденъ 5 Января 1838 года. По новому плану увеличенъ Мортоновъ элингъ на 25 футъ и сооружено 48 разныхъ адмиралтейскихъ строеній, а въ числѣ ихъ канатный и литейный заводы; построены три элинга для строенія судовъ; все адмиралтейство обнесено каменной стѣной и въ ней сооружены верхніе ворота, съ совѣтницкой и гауптвахтой, и нижніе ворота, по западную сторону у берега рѣки, съ караульнымъ домомъ; устроенъ на горѣ колодезь съ приспособленіемъ механизма для подъема воды на случай пожара; установлены боны по

обѣимъ сторонамъ адмиралтейства на Ингулѣ; разработанъ спускъ въ адмиралтейство отъ главныхъ воротъ и обсаженъ деревьями. Внѣ главнаго адмиралтейства, заведено адмиралтейство въ Спасскомъ урочищѣ, съ двумя открытыми элингами для постройки судовъ подрядным способомъ; построены: три трехъ-этажныя казармы на три тысячи человѣкъ, со службами и оградой; каменное зданіе для училища дочерей нижнихъ чиновъ морского вѣдомства; каменная мечеть для магометанъ, служащихъ въ морскомъ вѣдомствѣ; окончено зданіе на соборной площади для помѣщенія присутственныхъ мѣстъ портового управленія и архива.

Въ 1838 году былъ учрежденъ въ Николаевѣ второй учебный экипажъ, къ которому было причислено артилерійское училище подъ наименованіемъ пятой роты. Въ составъ этаго экипажа вошло и училище флотскихъ юнговъ. Подъ помѣщеніе этаго экипажа была отведена одна изъ новыхъ казармъ, а въ зданіи, занимавшемся до того времени артилерійскимъ училищемъ, была помѣщена штурманская рота.

Съ 1834 по 1852 годъ въ Севастополѣ произведены были слѣдующія постройки. У Графской пристани портикъ съ двумя боковыми площадками и домиками; домъ подъ училище для дочерей нижнихъ чиновъ морского вѣдомства со службами; лѣстница отъ Екатерининской площади на малый бульваръ, на которомъ сооружены памятникъ Казарскому и павильонъ; зданія для морской офицерской библіотеки и для морского офицерскаго собранія; каменныя приморскія батареи Николаевская, Александровская, Константиновская, Михайловская и Павловская; каменная стѣна отъ Карантинной бухты до Южной. Набережная Корабельной бухты обдѣлана камнемъ, и на этой набережной построены двухъ-этажные каменные магазины; а въ углубленіи этой бухты сооруженъ сухой докъ, съ общимъ большимъ бассейномъ и пятью въ немъ отдѣленіями для исправленія въ нихъ судовъ; для наполненія этого дока водою сооруженъ былъ каменный водопроводъ отъ Черной рѣки въ 18 верстъ длиною. Между Корабельной и Южной бухтами срыта часть горы, отъ 15 до 20 сажень высоты, и на этомъ пониженномъ мѣстѣ было заложено новое адмиралтейство; тутъ же сооруженъ и Мортоновъ элингъ. На продолженіи этой возвышенности къ Югу построены трехъ-этажныя казармы на шесть тысячъ человѣкъ, со службами и флигелями. Была засыпана низменность въ углубленіи Южной бухты, и къ ней вырублена въ каменной возвышенности дорога отъ Екатерининской улицы, съ разработкою подъема на противоположную возвышенность этой бухты. Императоръ Николай Павловичъ, посѣтивъ Севастополь въ 1837 году, повелѣлъ построить на городской горѣ храмъ Св. Владимира.

Въ должности командира Севастопольскаго порта за это время состояли: съ 1 Января 1833 года по 1835 годъ контръ-адмиралъ Кумани; съ 1835 года по 6 Декабря 1837 года контръ-адмиралъ Стожевскій, котораго замѣнилъ вице-адмиралъ Авиновъ; съ 1849 года по 1852 годъ вице-адмиралъ Хрущовъ, котораго замѣнилъ вице-адмиралъ Станюковичъ.

Съ 1833 года по 1851 годъ въ Николаевѣ, по судостроенію, построено: кораблей шестнадцать, фрегатовъ девять, корветовъ пять, бриговъ девять, шкунъ десять, тендеровъ семь, яхтъ двѣ, пароходовъ восемь, транспортныхъ судовъ пятнадцать, для лоціи шесть судовъ, канонерскихъ лодокъ двадцать пять. Въ тоже время въ Севастополѣ построено: фрегатовъ три, корветовъ два, бриговъ три, шкуна одна, тендеръ одинъ, транспортныхъ судовъ шесть. Рабочую силу Николаевскаго адмиралтейства составляли четыре рабочихъ экипажа, каждый въ одну тысячу человѣкъ. Кромѣ того высылалась третья часть сельчанъ отъ шести адмиралтейскихъ селеній, въ которыхъ въ 1842 году числилось 5044 человѣка мужского пола, способныхъ къ работамъ; этимъ сельчанамъ, подъ названіемъ Охтенцовъ, за время работъ отпускалось пищевое довольствіе и жалованье по девяти рублей въ мѣсяцъ.

Въ послѣднее время своего управленія М. П. Лазаревъ сталъ хворать. Первые признаки болѣзненности онъ почувствовалъ еще въ 1847 году, вначалѣ очень слабые, но по времени увеличивавшіеся; они сопровождались общимъ разстройствомъ организма, очень крѣпкаго отъ природы. Не смотря на это, онъ не только дѣятельно занимался административными дѣлами и лично слѣдилъ за кораблестроеніемъ, но посѣщалъ Севастополь и поднималъ свой флагъ на практической эскадрѣ. Въ послѣднее время эти болѣзненные припадки очень усилились. Князь Меншиковъ, получая объ этомъ свѣдѣнія, призналъ необходимымъ доложить объ этомъ Государю Императору. Вслѣдствіе такого доклада, отъ Его Величества послѣдовалъ именной рескриптъ, отъ 3 Февраля 1851 года за № 839, слѣдующаго содержанія.

«Михаилъ Петровичъ! Съ искреннимъ соболѣзнованіемъ узналъ я о разстроенномъ состояніи вашего здоровья, а потому поручилъ начальнику главнаго морского штаба моего выразить какъ участіе мое, такъ и желаніе, чтобы вы поспѣшили прибѣгнуть къ врачебнымъ пособіямъ для возстановленія вашихъ силъ. Усматривая изъ вашего къ нему отзыва, что, не смотря на утомленіе болѣзнію, вы продолжаете неослабно заниматься дѣлами, я опасаюсь, что труды, по свойственной вамъ ревности къ любимому вами дѣлу, для котораго не щадите себя, не усугубили еще болѣе вашихъ страданій; а потому, если только съ желаніемъ вашимъ согласно отдохнуть отъ занятій и предпри-

нять путешествіе за границу, или куда по совѣту врачей, что̀ можетъ быть для вашего здоровья цѣлебно, то я, озабочиваясь сохраненіемъ цѣнимой мною дѣятельности и полезной жизни вашей, не токмо дозволяю вамъ, но прошу послѣдовать указаніямъ медиковъ, не стѣсняясь нисколько лежащими на васъ обязанностями, какъ по званію главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ, такъ и Николаевскаго и Севастопольскаго военнаго губернатора, которые вы передадите, впредь до особаго распоряженія, старшему послѣ васъ генералъ-лейтенанту Берху. Но путевыя издержки, при сохраненіи вамъ всего получаемаго вами на службѣ содержанія, разрѣшаю взять безотчетно двѣ тысячи червонцевъ, или равною имъ стоимостію другою монетой, изъ суммъ въ вашемъ распоряженіи находящихся. Дай Богъ вамъ скораго и совершеннаго здоровья, чтобъ потомъ, съ тѣмъ же усердіемъ и съ тою же пользою, какими всегда отличалось достохвальное ваше служеніе, продолжать его отечеству. Этимъ искреннимъ желаніемъ сопутствуя вамъ повсюду, пребываю навсегда благосклоннымъ».

Приказъ по Черноморскому флоту о передачѣ управленія корпуса флотскихъ штурмановъ генералъ-лейтенанту Берху, временно до выздоровленія, состоялся 18 Февраля 1851 года; а затѣмъ М. П. Лазаревъ отправился за границу, въ сопровожденіи капитана 1 ранга В. И. Истомина и морского врача статскаго совѣтника Таубе. Смерть его послѣдовала въ Вѣнѣ 11 Апрѣля того же года. На третій день послѣ смерти адмирала тѣло его было перенесено 13 Апрѣля въ церковь Русскаго посольства, въ которой, на другой день, совершено было отпѣваніе въ присутствіи ихъ высочествъ эксъ-герцоговъ Австрійскихъ Вильгельма и Эрнеста, при многочисленномъ собраніи Австрійскихъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и всѣхъ чиновъ Русскаго посольства. По окончаніи отпѣванія, восемь унтеръ-офицеровъ въ траурѣ вынесли гробъ изъ церкви и поставили на дроги. Печальная церемонія двинулась въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди дивизіонъ кирасиръ, за ними шесть пушекъ при батальонѣ пѣхоты, потомъ дивизіонъ гренадеръ, за которыми слѣдовали ордена, пѣвчіе, духовенство и гробъ; позади гроба ѣхалъ рыцарь въ черныхъ латахъ, шло семейство покойнаго, члены Русскаго посольства, а за ними ихъ высочества Вильгельмъ и Эрнестъ, весь Вѣнскій генералитетъ, пѣхота и артилерія. Войсками, состоявшими изъ трехъ баталіоновъ пѣхоты полка Эмиля, одного баталіона полка Бреда, дивизіона кирасиръ и двухъ пѣшихъ батарей, командовали: фельдцейхмейстеръ графъ Фалкенштейнъ, фельдмаршалъ-лейтенантъ принцъ Виртембергскій и генералъ-маіоръ Кордонъ. По выходѣ изъ городскихъ воротъ войска, выстроившись на гласисѣ, произвели прощальный салютъ изъ 36 пушечныхъ выстрѣловъ и въ трехъ промежуткахъ девять ружейныхъ выстрѣловъ. Потомъ гробъ, въ сопровожденіи дивизіона кирасиръ, былъ перевезенъ на клад-

бище, а оттуда отправленъ въ Галацъ на одномъ изъ пароходовъ Дунайской К°. Для принятія гроба въ Галацѣ туда прибылъ пароходъ «Силачъ» съ исправляющимъ должность главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ. На этомъ пароходѣ гробъ былъ доставленъ къ Сулинскому устью Дуная и тамъ поставленъ на катафалкъ, устроенный на пароходѣ «Владиміръ», который, въ сопровожденіи парохода «Громоносецъ», прибылъ 5 Мая въ Севастополь.

Для встрѣчи этого гроба весь флотъ стоялъ въ это время на Севастопольскомъ рейдѣ, съ перекрещенными реями и приспущенными флагами, а на пароходѣ «Владиміръ», проходившемъ по всей линіи судовъ, былъ поднятъ адмиральскій флагъ съ черной перевязью. Похороны, съ полнымъ церемоніаломъ по уставу, были совершены 7 Мая архіепископомъ Херсонскимъ и Таврическимъ Иннокентіемъ. Гробъ этотъ былъ поставленъ въ склепъ по срединѣ города, на горѣ, въ центрѣ фундаментальной ограды, возведенной для построенія храма Св. Владимира. Моряки, движимые чувствомъ глубокой признательности къ покойному адмиралу, ихъ учителю, собрались послѣ похоронъ въ зданіи морской офицерской библіотеки и рѣшили составить подписку на сооруженіе памятника высокочтимому своему начальнику; тотчасъ былъ поданъ листъ бумаги, который покрылся 95 подписями, давшими на это дѣло болѣе семи тысячъ рублей.

Мориць Борисовичъ Берхъ, назначенный исправлять должность главнаго командира Черноморскаго флота, воспитывался въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ 1794 году произведенъ въ мичманы. Плавая ежегодно на судахъ Балтійскаго флота, онъ назначенъ былъ въ кругосвѣтное плаваніе на шлюпѣ «Нева» съ 1806 по 1810 годъ. Въ 1813 году онъ получилъ въ командованіе фрегатъ «Эммануилъ». Въ 1817 году, по ходатайству А. С. Грейга, онъ былъ опредѣленъ директоромъ Черноморскихъ маяковъ и завѣдующимъ производствомъ описныхъ работъ Черного и Азовскаго морей. Въ 1827 году состоялось назначеніе его въ должность инспектора корпуса флотскихъ штурмановъ. Въ 1849 году онъ былъ назначенъ членомъ Адмиралтействъ - совѣта, съ оставленіемъ при управленіи Черноморскаго флота. Въ 1851 году онъ былъ переименованъ въ вице-адмиралы, а въ 1853 году произведенъ въ адмиралы. При назначеніи его въ должность главнаго командира ему было 75 лѣтъ. Такія преклонныя лѣта и слабость здоровья не соотвѣтствовали условіямъ исполненія предоставленной ему должности; а потому, тяготясь возложенной на него обязанностію, связанною съ усиленными занятіями и большой нравственной отвѣтственностью, онъ писалъ князю Меншикову, въ Январѣ 1854 года, что чувствуетъ большой упадокъ силъ, не дозволяющій ему въ должной мѣрѣ заниматься

дѣлами, и просилъ его ходатайства объ увольненіи отъ занимаемыхъ должностей; но по обстоятельствамъ того времени потребовалось продолженіе такого его служебнаго положенія, и онъ терпѣливо сносилъ это бремя.

Изъ числа многихъ даровитыхъ сослуживцевъ М. П. Лазарева въ Черноморскомъ флотѣ пользовались особымъ его расположеніемъ Нахимовъ, Корниловъ, Путятинъ, Метлинъ, Истоминъ, Лѣсовскій, Унковскій и Шестаковъ. Всѣ они, сошедшіе уже съ житейскаго пути, въ свое время, пройдя подготовительную школу совершенствованія подъ руководствомъ одного и того же начальника, въ свою очередь были видными дѣятелями, ихъ имена внесены въ государственную лѣтопись; ихъ полезнымъ заслугамъ потомство отдаетъ должную справедливость. Въ этой средѣ особымъ довѣріемъ М. П. Лазарева были почтены первые два—Нахимовъ и Корниловъ. Перваго онъ уважалъ какъ безупречно честнаго, прямодушнаго и трудолюбиваго человѣка, большого знатока по разносторонности морского дѣла и вполнѣ преданнаго ему совѣтника; во второмъ онъ видѣлъ очень даровитаго и энергическаго помощника, а потому позаботился о разносторонней его подготовкѣ, чтобы онъ могъ быть его пріемникомъ въ дѣлѣ дальнѣйшаго преуспѣянія Черноморскаго флота. Оба эти дѣятеля особенно выдѣлялись своимъ возбуждающимъ воздѣйствіемъ на подчиненныхъ, какъ начальники и ревнители въ предѣлахъ предоставленной имъ дѣятельности, а потомъ, самоотверженной предпріимчивостью въ оборонѣ Севастополя увѣнчались нетлѣннымъ вѣнцомъ павшихъ въ бою. Воспоминаніе объ этихъ герояхъ, мученикахъ долга и чести, затрогиваетъ гадательную мысль: какъ сложилась и развилась та могучесть духовной силы, которая служила двигателемъ ихъ подвижничества и увѣнчала память о нихъ ореоломъ славы? Былой ихъ сослуживецъ, я принимаю смѣлость познакомить читателей, по возможности, съ достоинствами и значеніемъ этихъ двухъ оригинальныхъ лицъ, имѣвшихъ разные характеры, способности, качества и побужденія, но которые, въ исполненіи своего назначенія составляли необходимое дополненіе главнаго двигателя въ той эпохѣ жизненныхъ силъ Черноморскаго флота.

Павелъ Степановичъ Нахимовъ, происходя изъ небогатой дворянской семьи Смоленской губерніи, Вяземскаго уѣзда, обучался въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ и поступилъ въ чинѣ мичмана 19 лѣтъ на фрегатъ «Крейсеръ», отправлявшійся въ кругосвѣтное плаваніе въ 1822 году, подъ командою М. П. Лазарева. Эта случайная встрѣча на служебномъ пути съ такимъ энергичнымъ и разностороннимъ по своимъ опытнымъ свѣдѣніямъ начальникомъ имѣла вліяніе на всю послѣдующую жизнь его. Чуткій на все хорошее, впечатлительный во всѣхъ

случайностяхъ, воспріимчивый къ усвоенію всего полезнаго, съ рвеніемъ къ наибольшему самообразованію и съ любовью къ морскому подвижничеству, безгранично точный въ исполненіи своихъ обязанностей, онъ, подъ руководствомъ вліятельнаго и требовательнаго начальника, воспринималъ тѣ строгія правила самоотверженнаго служенія, какія потомъ отличали въ высшей степени его полезную дѣятельность во флотѣ. М. П. Лазаревъ вполнѣ постигъ его, оцѣнилъ по достоинству, и такимъ образомъ между ними сложилось незамѣтно духовное сродство, сдѣлавшее Нахимова самымъ преданнымъ почитателемъ своего руководителя на первомъ поприщѣ морского служенія. Этотъ своеобразный человѣкъ обладалъ очень рѣдкой, не всѣмъ доступной способностію, при открытомъ добродушіи и легкости сближенія со всѣми служащими, отличать всѣ тонкости ихъ наклонностей, снисходить къ ихъ слабостямъ и врожденнымъ характернымъ неровностямъ, заглядывать въ ихъ душу, взвѣшивать ихъ побужденія. Этотъ неоцѣненный даръ, какъ въ человѣкѣ, такъ и въ начальникѣ, сдѣлалъ его чрезвычайно вліятельнымъ на сослуживцевъ. Владѣя острымъ, выразительнымъ юморомъ, онъ любилъ говорить при всякомъ случаѣ съ матросами о ихъ происхожденіи, семейномъ положеніи и служебныхъ отношеніяхъ, экзаменуя ихъ знанія и пытливо подмѣчая оттѣнки въ ихъ самобытности, свойственныя каждой натурѣ и расѣ по происхожденію. Это общеніе сдѣлало его знатокомъ человѣческаго достоинства, вооружило его умѣньемъ дѣйствовать на слабую сторону соприкасавшихся съ нимъ людей, говорить съ ними по душѣ, трогать и направлять ихъ своимъ логичнымъ словомъ. Въ такомъ безнамѣренномъ способѣ сближенія со своими сослуживцами, не смотря на видимую требовательность въ служебныхъ отношеніяхъ, онъ былъ уважаемъ и любимъ всѣми одинаково. Всѣ его дѣйствія были практически вѣрны, слова просты безъ малѣйшаго педанства и саркастической надменности, его добродушный взглядъ вызывалъ расположеніе къ нему съ полнымъ довѣріемъ, не смотря на разность служебнаго положенія. Зная, что матросъ подмѣчаетъ и оцѣниваетъ дѣйствія и приказанія своего начальника, хотя исполняетъ ихъ безпрекословно, онъ часто говорилъ офицерамъ, указывая на ихъ промахи: «Неужели вы думаете, что матросъ не замѣчаетъ этого? Онъ замѣтитъ лучше чѣмъ нашъ братъ. Мы лучше умѣемъ говорить, чѣмъ замѣчать; послѣднее же его дѣло». Дальное плаваніе въ молодыхъ лѣтахъ служило для него, въ этой наклонности изучать людей, весьма счастливымъ случаемъ, тѣсно сближая его въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ съ людьми разносторонніхъ воззрѣній и характеровъ. Такимъ образомъ, съ самаго начала своей службы П. С. Нахимовъ поставилъ себя въ условія близкихъ от-

ношеній къ низшей братіи и неотступно слѣдовалъ этому правилу до конца своей жизни. Его сердечная симпатія къ человѣку всякого сословія не порабощалась честолюбіемъ, свѣтлый умъ его не прельщался блескомъ мишурнаго общежитія; онъ не искалъ популярности, хотя имя его было очень авторитетно и популярно, не заботился о томъ, какъ относится къ нему большинство молодыхъ офицеровъ, вполнѣ сознавая, что житейскій опытъ научитъ ихъ понимать отношенія его къ нимъ и доброжелательное со стороны его требованіе. «Матросъ, высказывалъ онъ имъ, есть главный двигатель на военномъ суднѣ, а мы только пружины дѣйствующія на него; онъ все сдѣлаетъ, если мы начальники не будемъ эгоистами, если не будемъ смотрѣть на службу, какъ на средство для удовлетворенія своего честолюбія, а на подчиненныхъ, какъ на ступени своего возвышенія».

Служившій подъ флагомъ П. С. Нахимова у восточнаго берега Чернаго моря, въ числѣ мичмана, В. Зарудный, сообщилъ между прочимъ слѣдующій съ нимъ случай[1]). «Командиръ фрегата, вслѣдствіе несвоевременнаго исполненія распоряженія, приказалъ ему отправиться на бакъ, а онъ отказался идти; тогда адмиралъ, бывшій въ то время на палубѣ, велѣлъ ему исполнить приказаніе, и онъ повиновался. Послѣ такого ареста, онъ пришелъ въ каюту адмирала и просилъ списать его на одинъ изъ крейсеровъ. Вмѣсто отвѣта адмиралъ спросилъ его: «Вы читали исторію Рима?» Получивъ утвердительный отвѣтъ, адмиралъ сказалъ: «Что было бы съ Римомъ, если бы патриціи были также малодушны какъ вы и при неудачахъ бѣжали бы изъ своего отечества? Намъ не мѣшаетъ разобрать подробнѣе обстоятельства непріятнаго происшествія. За ничтожную неисправность вамъ дано приказаніе, несообразное съ обычаями и честью, а вы поторопились сдѣлать возраженіе несогласное съ законами. Вниманіе всей команды было возбуждено въ присутствіи адмирала. Неужели вы поступили бы иначе на моемъ мѣстѣ въ то время, когда начальникъ рискуетъ потерять уваженіе общества и быть вреднымъ государству вслѣдствіе своей слабости? Г. Зарудный! Нужно имѣть болѣе героизма и болѣе обширный взглядъ на жизнь, а въ особенности на службѣ. Пора намъ не считать себя помѣщиками, а матросовъ крѣпостными. У многихъ командировъ служба не клеится на судахъ оттого, что они невѣрно понимаютъ значеніе дворянина и презираютъ матроса, забывая, что у мужика есть умъ, душа и сердце также какъ и у всякаго другого. Эти господа совершенно не понимаютъ достоинства и назначенія дворянина. Вы также не безъ грѣха. Помните, какъ шереховато отвѣтили вы мнѣ на замѣчаніе мое по случаю лопнувшаго бизань-шката?[2]) Я оставилъ это безъ вниманія, хотя и не сомнѣвался въ томъ, что мнѣ ничего не значитъ заставить васъ перемѣнить способъ выраженія въ разговорахъ съ адмираломъ. Познакомившись съ вашимъ

[1]) Морской Сборникъ 1856 г. Фрегатъ „Бальчикъ".

[2]) Шкатъ—лейка для оканчиванія корабля снаружи со шлюпки.

нравомъ, я предоставилъ времени исправить нѣкоторыя ваши недостатки, зная по опыту, какъ вредно безъ жалости ломать человѣка, когда онъ молодъ и горячъ. Да и зачѣмъ же ломать васъ, когда, Богъ дастъ, вы со временемъ будете служить какъ слѣдуетъ; ваши силы еще пригодятся. Выбросьте изъ головы всякое неудовольствіе, служите на фрегатѣ попрежнему. Теперь вамъ не легко; но время исправитъ и забудется. Этотъ случай для васъ не безъ пользы; опытность, какъ сталь, нуждается въ закалѣ. Если вы не будете падать духомъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, то со временемъ будете молодцомъ. Неужели вы думаете, что мнѣ легко было отдать то приказаніе, о которомъ вы говорите? Но мало ли что обходится не легко намъ въ жизни». Зарудный говоритъ, что общественное самолюбіе смирилось въ немъ предъ священнымъ долгомъ службы, а потому онъ вышелъ изъ адмиральской каюты другимъ человѣкомъ. Такими убѣжденіями дѣйствовалъ Нахимовъ на молодыхъ людей, и въ ихъ памяти врѣзались глубоко эти уроки, имѣвшіе большое исцѣляющее значеніе въ отношеніяхъ ихъ къ начальникамъ и подчиненнымъ.

Въ одномъ практическомъ плаваніи, во время эволюцій, корабль «Адріанополь», шедшій контра-галсомъ близко къ кораблю «Силистрія», сдѣлалъ такой неудачный маневръ, что столкновеніе было неминуемо. Командиръ корабля «Селистрія» П. С. Нахимовъ скомандовалъ «съ крюселя долой», и быстро спустившіеся люди, со всѣми бывшими вблизи, были отосланы имъ на шкафутъ за гротъ-мачту, а самъ онъ остался на ютѣ въ ожиданіи катастрофы. «Адріанополь» врѣзался около гротъ-русленей, и на немъ затрещалъ утлегарь, а на «Силистріи» половина гротъ-вантъ была порвана и всѣ бизань-ванты срѣзаны; съ трескомъ полетѣлъ въ воду съ боканцевъ катеръ вмѣстѣ съ шлюпъ-балками, закачалась бизань-мачта, крюйсъ-стеньга рухнула внизъ, сломавъ марсъ и бегинъ-рей и осыпавъ осколками Нахимова, котораго по счастливой случайности не ушибло. Еще минута, и «Адріанополь» былъ за кормой. Хотя это случилось передъ вечеромъ, но на другой день, около десяти часовъ утра, на «Силистріи» былъ поднятъ сигналъ: «Поврежденія исправлены». Только опытные моряки, бывалые и пріобрѣтшіе опытность въ разныхъ случайностяхъ, могутъ оцѣнить громадность работы, произведенной командой этого корабля въ такой короткій промежутокъ времени. Когда на другой день старшій офицеръ на кораблѣ спросилъ Павла Степановича, почему онъ не сошелъ съ юта и подвергалъ себя явной опасности, онъ отвѣчалъ, что такіе случаи представляются рѣдко, и командиръ долженъ ими пользоваться. Надо, чтобы команда видѣла присутствіе духа въ своемъ начальникѣ; тогда она будетъ вполнѣ увѣрена въ немъ и въ критическія минуты будетъ спокойна.

Начальствуя отрядомъ крейсерующихъ судовъ у восточнаго берега Чернаго моря и имѣя свой флагъ на фрегатѣ «Кагулъ», П. С. Нахимовъ подошелъ къ Головинскому укрѣпленію у Субаши, приказалъ лечь въ дрейфъ и позволилъ офицерамъ съѣхать на берегъ. По возвращеніи ихъ онъ узналъ, что тамъ находится въ крайне-бѣдственномъ положеніи больной лейтенантъ Стройниковъ, свезенный съ корвета «Пиладъ», безъ бѣлья, безъ свѣжей провизіи и безъ всякихъ удобствъ въ сыромъ лазаретѣ; вслѣдствіе этого онъ приказалъ своему адъютанту немедленно отправить для Стройникова чаю, сахару, лимоны, провизіи и сто рублей денегъ. Встрѣтивъ вскорѣ корветъ «Пиладъ», онъ сигналомъ приказалъ ему подойти для переговоровъ. Когда командиръ корвета прибылъ на фрегатъ, то при встрѣчѣ адмиралъ спросилъ его: «Скажите, какъ вы могли сбросить больного офицера на берегъ, не снабдивъ его ни бѣльемъ, ни всѣмъ необходимымъ?» Командиръ сталъ оправдываться тѣмъ, что въ то время разводило сильное волненіе, и онъ торопился уйти. «Стыдно, сказалъ адмиралъ. Было бы простительно поступить такъ мнѣ, человѣку одинокому, у котораго сердце должно быть черствѣе; а вы человѣкъ семейный, и у васъ есть сыновья. Что если бы съ однимъ изъ нихъ было такъ поступлено? Прощайте! Я ничего больше сказать не имѣю». Вслѣдъ затѣмъ онъ приказалъ одной изъ шкунъ зайти въ Головинское укрѣпленіе, взять тамъ Стройникова и доставить его въ Севастополь.

А. Б. Асланбековъ, служившій въ 41 флотскомъ экипажѣ, въ біографическомъ очеркѣ П. С. Нахимова (Спб. 1868 г.), высказалъ о своемъ начальникѣ слѣдующее: «Онъ имѣлъ особенный даръ пріохотить къ морскому дѣлу, внушить энергію и любовь къ службѣ, какъ своимъ примѣромъ, постояннымъ сосредоточеннымъ вниманіемъ, такъ и своими интересными разсказами о томъ, какъ это дѣлалось на «Крейсерѣ» и на «Азовѣ», что говорилъ М. П. Лазаревъ въ томъ или другомъ случаѣ, какъ бы забывая, изъ врожденной ему скромности и глубокаго уваженія къ своему наставнику, что «Наваринъ», «Паллада» и «Силистрія», которыми онъ командовалъ, были вполнѣ новыми авторитетами и примѣромъ для подражанія. Радушіе и гостепріимство его были извѣстны всякому. Изысканная чистота и порядокъ на кораблѣ и въ его квартирѣ, сердечная доброта, прямодушіе выражались на его открытомъ лицѣ. Вниманіе его къ своимъ ближайшимъ подчиненнымъ офицерамъ и матросамъ 41 флотскаго экипажа было неисчерпаемо. Онъ слѣдилъ за ними не только въ Севастополѣ, но и у Кавказскаго берега, и за границей; они могли обращаться къ нему какъ къ родному отцу. Эта честная, благородная, безкорыстная личность, это доброе великодушное сердце, эта искренняя безграничная любовь ко всѣмъ и каждому, весьма скоро привлекли къ нему сослуживцевъ. Во всемъ Черноморскомъ флотѣ не было ни одного ма-

троса, который не зналъ, если не лично, или по наслышкѣ, и не любилъ, хотя бы заочно, капитана «Силистріи». Никто не умѣлъ такъ понимать ихъ нужды, такъ говорить съ ними, а потому они были слѣпо преданы ему. Выходитъ ли эскадра, отдѣльный корабль или другое военное судно изъ гавани, идетъ ли въ гавань, возвращается ли съ моря, или снимается съ якоря, П. С. Нахимова можно было видѣть всегда на Графской пристани съ зрительной трубой въ рукѣ. Даже всякая шлюпка, качающаяся подъ парусами на рейдѣ, была имъ замѣчаема. Но, не смотря на то, что за малѣйшее упущеніе молодые офицеры, при удобномъ случаѣ, подвергались его замѣчаніямъ, они его обожали; потому что всякій, обратившій на себя его вниманіе съ одобреніемъ, могъ расчитывать на его готовность научить, облегчить, заступиться, ходатайствовать, на его всегда протянутую руку помощи и даже его денежную поддержку. Въ то время каждый изъ молодыхъ командировъ, встрѣчаясь въ морѣ съ кораблемъ «Силистрія», или выходя на рейдъ, гдѣ стоялъ этотъ корабль, осматривалъ свое судно, чтобы показаться въ возможно-лучшемъ, безукоризненномъ состояніи зоркому командиру «Силистріи», отъ котораго не скроется ни малѣйшій недостатокъ, а равно и образцовое управленіе. Одобреніе его считалось наградой, которую каждый старался заслужить. Такъ было велико нравственное, вліяніе этого человѣка».

П. С. Нахимовъ смотрѣлъ на людей, какъ на разумныя существа, а потому внѣ службы онъ говорилъ съ младшими, какъ съ равными ему. Въ немъ не было собственнаго *я*, быть по сему и т. п.; его желаніе было заставлять каждаго разсуждать, вдумываться, слѣдить за собой, сдерживать свои страстныя влеченія, подчинять ихъ здравому смыслу, составлять особенность своего склада мышленія, соединеннаго съ твердой устойчивостью въ преслѣдованіи равноправности безъ ослабленія предержащей власти. Какъ могъ человѣкъ дойти до такой идеальной обособленности въ міровозрѣніи? Это тайна природы. Во время его жизни нѣкоторые не понимали его достоинствъ, прикрытыхъ свойственною такимъ натурамъ скромностью и простотой; только послѣдствія обнаружился успѣхъ такой системы мышленія и дѣйствія, выяснились предъ массой сослуживцевъ благодѣтельные симптомы его нравственнаго міра, послужившіе основаніемъ житейской мудрости этого необыкновеннаго человѣка, который жилъ сосредоточеннымъ въ себѣ, дѣйствовалъ силой увлеченія, страдалъ отъ него и погибъ въ увлеченіи обязательнаго, безупречнаго исполненія своей обязанности.

По возвращеніи изъ кругосвѣтнаго плаванія на фрегатѣ «Крейсеръ», П. С. Нахимовъ былъ назначенъ на корабль «Азовъ», а потому опять поступилъ подъ начальство М. П. Лазарева. За отличную храбрость и мужество, оказанныя имъ при истребленіи Турецко-Египетскаго флота въ Наваринской бухтѣ, онъ получилъ орденъ св. Георгія 4 степени и чинъ капитанъ-лейтенанта, а потомъ, за тоже от-

личіе, ордена: Англійскій Бани, Французскій Почетнаго Легіона и Греческій Спасителя. Въ 1828 году онъ получилъ въ командованіе корветъ «Наваринъ», отнятый у Египтянъ, и былъ назначенъ станціонеромъ въ Мальту, гдѣ вооружилъ и привелъ въ порядокъ этотъ корветъ съ такимъ щегольствомъ, что удивилъ Англійскихъ моряковъ, считавшихъ себя авторитетными въ морскомъ дѣлѣ. По возвращеніи въ Кронштадтъ въ 1832 году онъ былъ назначенъ командиромъ фрегата «Паллада». Этотъ фрегатъ, какъ отзывались современники, былъ образцовымъ по вооруженію, чистотѣ и военному порядку, обращая на себя особенное вниманіе всѣхъ моряковъ. Въ первую кампанію этого фрегата въ эскадрѣ подъ начальствомъ многоопытнаго моряка Ѳ. Ѳ. Беллинсгаузена, произошелъ замѣчательный случай, не предусмотрѣнный Морскимъ Уставомъ. Эта эскадра, въ составѣ семи кораблей, семи фрегатовъ, брига и шкуны, была недалеко отъ Дагерорта въ бурную и мрачную погоду. 16 Августа открылся на очень короткое время маякъ, но за тѣмъ снова занесло его мрачностью. На фрегатѣ «Паллада» успѣли однако заполенговать маякъ и провѣрить счисленіе. Въ полночь, пригласивъ смѣнившагося съ вахты лейтенанта Алферова, Нахимовъ снова провѣрилъ съ нимъ курсъ слѣдованія эскадры и, придя къ сознанію вѣрности своего опредѣленія, рѣшился сдѣлать сигналъ: «Флотъ идетъ къ опасности», а затѣмъ поворотилъ, не ожидая приказанія командовавшаго эскадрою. Слѣдуя его примѣру, и другія суда стали немедленно поворачивать; но корабль «Арсисъ», не замѣтивъ этого сигнала, выскочилъ на каменья, вслѣдствіе чего въ немъ открылась течь, вынудившая срубить мачты и выбросить въ воду орудія верхней палубы. За такое превышеніе власти и дисциплины Нахимовъ подлежалъ суду и разжалованію, на что и послѣдовало высочайшее повелѣніе, и только личное заступничество адмирала Беллинсгаузена избавило его отъ такого взысканія. Впослѣдствіи, Государь Императоръ, посѣтивъ эскадру въ Ревелѣ, лично благодарилъ Нахимова за спасеніе судовъ эскадры отъ крушенія. Въ 1834 году онъ былъ назначенъ командиромъ 41 Черноморскаго флотскаго экипажа и корабля «Силистрія», строившагося въ Николаевѣ, съ производствомъ въ капитаны 2 ранга. Въ 1837 году онъ произведенъ въ капитаны 1 ранга, а въ 1845 году произведенъ въ контръ-адмиралы, съ назначеніемъ начальникомъ 1 бригады 4 флотской дивизіи. Въ Мартѣ 1852 года онъ былъ назначенъ начальникомъ 5 флотской дивизіи и въ томъ же году, въ Октябрѣ, произведенъ въ вице-адмиралы; а 27 Марта 1855 года въ адмиралы.

Владимиръ Алексѣевичъ Корниловъ родился въ 1806 году, былъ опредѣленъ въ Морской Кадетскій Корпусъ въ 1821 году, произведенъ

въ мичманы въ 1823 году. По сообщенію его біографа И. А. Шестакова, Корниловъ былъ сынъ бывшаго моряка, а потомъ сенатора, жившаго въ Петербургѣ. Всему учившись, онъ ничего не зналъ основательно и не имѣлъ никакого направленія; одаренный природой, былъ способенъ на все и ни на что особенно не пригоденъ. По производствѣ въ мичмана онъ мало плавалъ и много развлекался въ столицѣ, колеблясь между желаніемъ трудиться и весело жить, между охотой къ занятіямъ и пріятнымъ бездѣльемъ, между дѣломъ и заманчивыми удовольствіями. Въ такомъ неопредѣленномъ состояніи, по ходатайству своего отца, бывшаго въ дружескихъ отношеніяхъ съ адмираломъ Сенявинымъ, онъ былъ зачисленъ въ 12 флотскій экипажъ, съ назначеніемъ на корабль «Азовъ». Зоркій капитанъ корабля, замѣтивъ способности молодого мичмана, но видя безполезное растрачиваніе ихъ на чтеніе легкихъ и вредныхъ Французскихъ романовъ, отнесся къ нему съ бо́льшею требовательностью въ исполненіи служебныхъ назначеній, чѣмъ къ другимъ, что̀ заставило его просить адмирала графа Гейдена о переводѣ на другой корабль. Вслѣдствіе этого Корниловъ былъ приглашенъ въ каюту своего командира, который предложилъ ему вопросъ—желаетъ ли онъ служить во флотѣ? Получивъ утвердительный отвѣтъ, М. П. Лазаревъ объяснилъ ему всю пустоту его занятій и необходимость учиться всему тому, что̀ относится къ морскому дѣлу; затѣмъ приказалъ ему выбросить за бортъ свои Французскія книги и пользоваться его библіотекой, въ которой онъ можетъ найти много для себя полезнаго. Такимъ образомъ онъ былъ поставленъ на путь перерожденія, началъ слѣдить за собой, жить новой жизнью съ стремленіемъ изучать всю разносторонность морского научнаго дѣла. М. П. Лазаревъ не призналъ нужнымъ торопиться въ дѣлѣ таковой важности какъ исправленіе молодого сослуживца, а потому Корниловъ, за время пребыванія въ Средиземномъ морѣ, получилъ только орденъ Анны 4 степени, а произведенъ въ лейтенанты по линіи, по возвращеніи въ Кронштадтъ. Тѣмъ не менѣе Лазаревъ не выпускалъ его изъ виду; по его ходатайству онъ получилъ въ 1831 году (24 лѣтъ отъ роду) въ командованіе тендеръ «Лебедь», какъ пробное испытаніе его самостоятельной дѣятельности.

Съ назначеніемъ М. П. Лазарева начальникомъ вспомогательной эскадры въ Босфорѣ, Корниловъ явился къ нему на корабль и былъ назначенъ по особымъ порученіямъ при адмиралѣ, съ исправленіемъ должности вахтеннаго офицера на флагманскомъ кораблѣ. Главнымъ занятіемъ его въ томъ году было описаніе укрѣпленій Дарданельскаго пролива и Босфора, совмѣстно съ лейтенантомъ Путятинымъ; въ этой экспедиціи участвовали и офицеры генеральнаго штаба. Трудолюби-

вые лейтенанты занимались преимущественно гидрографическими работами и тѣми укрѣпленіями, которыя составляли оборону проливовъ. За успѣшное производство этихъ работъ Корниловъ получилъ орденъ св. Владимира 4 степени.

Вслѣдствіе пріязненныхъ отношеній къ Отоманской Портѣ, развитыхъ Босфорской экспедиціею, началась ежегодная посылка станціонеровъ въ Константинополь и въ порты Средиземнаго моря. Въ первую серію такихъ судовъ былъ назначенъ вновь построенный въ Николаевѣ бригъ «Ѳемистоклъ» подъ командой капитанъ-лейтенанта Корнилова. Онъ былъ сначала въ Константинополѣ, а потомъ получилъ назначеніе въ Пирей. Тамъ, снимаясь часто съ якоря и плавая у береговъ Мореи, онъ въ короткое время обучилъ команду и привелъ бригъ въ такое состояніе, что по возвращеніи въ Севастополь въ 1835 году сталъ пользоватся репутаціей распорядительнаго начальника. Въ 1837 году онъ былъ назначенъ командиромъ корвета «Орестъ». Несомнѣнныя достоинства и способности, еще ближе узнанныя его начальникомъ по возникшимъ родственнымъ отношеніямъ, быстро повели Корнилова на служебномъ пути. Съ 1838 по 1842 годъ онъ получилъ нѣсколько знаковъ отличія, чины капитана 2 и 1 ранговъ и назначеніе командиромъ 120 пушечнаго корабля «Двѣнадцать Апостоловъ», заложеннаго въ Николаевѣ въ 1840 году. Во время постройки этого корабля онъ занимался, по порученію главнаго командира, редакціею и коректурой штатовъ для судовъ Черноморскаго флота, съ провѣркою множества цифръ, что требовало вполнѣ добросовѣстнаго отношенія къ этому дѣлу и особеннаго сосредоточеннаго вниманія, чтобы въ точности изложить составленныя указанія. Въ тоже время, по желанію своего начальника, онъ перевелъ на Русскій языкъ сочиненіе «Морская служба въ Англіи», изданное въ 1840 году и служившее руководствомъ для молодыхъ офицеровъ. Корабль «Двѣнадцать Апостоловъ» началъ первую кампанію въ 1842 году, и съ этого времени Корниловъ постоянно назначался начальникомъ штаба на эскадрѣ, когда главный командиръ поднималъ свой флагъ на командуемомъ имъ кораблѣ.

А. П. Жандръ, служившій нѣсколько лѣтъ на кораблѣ «Двѣнадцать Апостоловъ», такъ очертилъ образовательную дѣятельность В. А. Корнилова, въ составленномъ имъ сочиненіи «Матеріалы для исторіи обороны Севастополя». «Между другими достоинствами Корнилова были умѣнье употреблять съ пользой способности и самолюбіе подчиненныхъ и особенная способность властвовать, которою обладалъ въ высшей степени. На кораблѣ всегда было много офицеровъ, но каждый имѣлъ свое мѣсто и свою обязанность съ личной отвѣтственностью. Во время ученій, послѣ каждой работы, онъ призывалъ на ютъ офицеровъ, сдѣлавшихъ какія-либо ошибки, и объяснялъ каждому, какимъ образомъ

можно избѣгнуть упущеній и скорѣе достигнуть совершенства. Въ обученіи матросовъ онъ требовалъ наибольшей скорости во всѣхъ работахъ и всегда говорилъ, что ошибаются тѣ, которые учатъ сначала правильности и думаютъ достигнуть со временемъ скорости; ибо матросы, привыкнувъ дѣлать медленно, никогда уже не пріобрѣтутъ быстроты въ работѣ. Ни одно упущеніе вахтенныхъ офицеровъ не проходило безъ замѣчанія; онъ призывалъ смѣнившагося съ вахты офицера и объяснялъ ему его ошибки. Вслѣдствіе такого способа внушеній, служившіе на этомъ кораблѣ офицеры считали такое направленіе командира очень непріятной суровой школой и старались, потомъ, по возможности, уклонитѣся отъ службы съ такимъ командиромъ. Подъемъ брамъ[1]) и бомъ-брамъ-реевъ, постановка и уборка парусовъ совершались очень быстро; брамъ-гордени не останавливались для накладки брамъ-топенантовъ, они тянулись бѣгомъ до салинговъ, а при наложеніи тамъ топенантовъ—ходомъ. Лежа въ дрейфѣ подъ марселями въ два рифа, корабль быстро спускался, паруса росли съ необыкновенной скоростью, и онъ летѣлъ на фордевиндъ съ распущенными лиселями; а потомъ вдругъ сбрасывалъ лисели и ложился въ дрейфъ. На этомъ кораблѣ существовалъ приказъ, чтобы мѣнять шесть разъ сряду топъ-марсель, который перемѣнятъ болѣе чѣмъ въ пять минутъ отъ начала работы. Тишина и порядокъ на кораблѣ при совершеніи разныхъ ученій и маневровъ были примѣрные. Такъ, при проходѣ однажды ночью на Севастопольскій рейдъ, на кораблѣ былъ запрещенъ свистъ унтеръ-офицерскихъ дудокъ, и одни только старшіе боцманы тихо повторяли распоряженія старшаго офицера. Съ 4 до 5½ часовъ по полудни ежедневно производилось артилерійское ученье; все производилось методически, какъ-то: умѣнье и быстрота заряжанія, вѣрность прицѣливанія, скорость подачи зарядовъ, удобство всѣхъ приспособленій въ бою. Быстрота изготовленія къ бою была такова, что корабль, идя подъ парусами съ выдвинутыми внутрь и закрѣпленными орудіями, открывалъ огонь со шканцевъ и оперъ-дека[2]) черезъ двѣ минуты, а изъ мидельдека и гондека[3]) черезъ три минуты послѣ пробитія тревоги. Артилерійское ученье производилось по Англійскому руководству, которое было переведено на Русскій языкъ; а для распредѣленія нижнихъ чиновъ при разныхъ маневрахъ и ученьяхъ на этомъ кораблѣ были приняты къ руководству таблицы расписаній, составленныя Путятинымъ».

Въ то время въ Черноморскомъ флотѣ было два корабля-соперника, управлявшіеся, по замѣчанію И. А. Шестакова, по разной системѣ. Командиръ корабля «Силистрія» желалъ видѣть въ своихъ под-

---

[1]) *Брамъ*—частица придаваемая къ названіямъ предметовъ третьяго порядка или яруса корабельнаго вооруженія, какъ *стень* или *марсъ* къ *вооруженію втораго*, и *бомъ* и *бомбранъ* къ вооруженію четвертаго яруса.—*Горденъ*—снасть или веревка, продернутая въ блокъ для подъему небольшихъ тяжестей,—*Топенантъ*—снасть, поддерживающая нокъ (конецъ) рея.—*Рей*—поперечное дерево на мачтѣ, за которое привязанъ парусъ.

[2]) *Декъ*—пространство между палубами.

[3]) Верхняя, средняя и нижняя палубы.—*Шканцы*—часть верхней палубы.

чиненныхъ не акробатовъ, боящихся своего начальника, трепещущихъ при его взглядѣ и словѣ, напрягающихъ всѣ силы до истомленія, чтобы избѣжать наказанія, но людей осмысленныхъ, самостоятельныхъ, хорошо знающихъ всѣ разносторонности своего дѣла, разумно относящихся къ желаніямъ и требованіямъ начальника, работающихъ съ чувствомъ желанія угодить ему, получить отъ него одобрительную похвалу. При такомъ направленіи работы производились безъ суеты, сознательно, съ точной акуратностью, съ быстротой исполненія, а потому корабль «Силистрія» былъ вполнѣ образцовымъ примѣромъ для всѣхъ. На «Двѣнадцати Апостоловъ» ревниво слѣдили за всѣмъ, что̀ дѣлается на «Силистріи», принимая всѣ мѣры упредить исполненіе маневра хотя бы на полминуты; отъ этого происходило насилованіе людей подобными распоряженіями, какъ напримѣръ перемѣна шесть разъ сряду марселя, не принимая во вниманіе излишнее утомленіе команды подъ жгучимъ солнцемъ Юга, или изготовленіе къ бою корабля съ необыкновенной быстротою, чего вовсе не требуется при встрѣчѣ съ непріятелемъ.

Когда прекращалось плаваніе, Корниловъ исполнялъ разныя порученія главнаго командира. Одно изъ такихъ порученій, весьма плодотворное по своему назначенію, было преобразованіе морской офицерской библіотеки. Въ отдаленномъ городѣ, лишенномъ средствъ разнообразить съ пользой жизнь, при одностороннемъ неизмѣняющемся обществѣ, библіотека могла представлять вполнѣ доступное и пріятное развлеченіе въ часы досуга, а въ тоже время быть возбуждающимъ источникомъ для пополненія научныхъ знаній служилого сословія. Основанная адмираломъ А. С. Грейгомъ съ такой гуманной цѣлью, она, по времени и небрежности первоначальнаго по ея основаніи рутиннаго общественнаго отношенія къ ней, заветшала; вкрались послабленія и злоупотребленія, а отведенное для помѣщенія ея зданіе разрушалось. Дѣятельностью Корнилова и учрежденнаго для того комитета было построено зданіе библіотеки въ Севастополѣ, вполнѣ приспособленное вмѣщать въ себѣ музей науки и искусства морского дѣла; притомъ введены строгія правила для пользованія книгами и журналами, съ доступностью послѣднихъ своевременно для всѣхъ членовъ библіотеки. Выборъ книгъ получилъ опредѣленную полезность, какъ въ обще-литературномъ значеніи, такъ и для научнаго и спеціальнаго ознакомленія; а собраніе различныхъ моделей судовъ и прочаго относящагося къ мореходству, во всѣхъ его развѣтвленіяхъ, своею наглядностью способствовало расширенію кругозора. М. П. Лазаревъ, пользуясь случаемъ одновременнаго заказа нѣсколькихъ пароходовъ, командировалъ Корнилова въ Англію (въ 1846 г.) для исполненія этого порученія. Двухлѣтнее пребываніе въ Англіи, кромѣ близкаго знаком-

ства съ судостроеніемъ и приспособленіемъ къ нему парового двигателя, дало ему возможность расширить свой кругозоръ на современное состояніе иностранныхъ флотовъ и ихъ заводскихъ, административныхъ и образовательныхъ учрежденій по морской спеціальности.

По возвращеніи изъ Англіи Корниловъ произведенъ въ 1848 г. въ контръ-адмиралы, а въ 1849 году назначенъ былъ начальникомъ штаба главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ. Въ это время М. П. Лазаревъ, чувствуя ослабленіе силъ, очень нуждался въ такомъ помощникѣ, которому, послѣ долгихъ лѣтъ испытанія, могъ довѣрить многое для облегченія своего личнаго труда. Корниловъ, принялся немедленно за пересмотръ всѣхъ предположеній и руководствъ, исходившихъ отъ главнаго командира, внося въ нихъ все то, что онъ видѣлъ и узналъ во время пребыванія въ Англіи, представляя ему на утвержденіе необходимыя измѣненія, соотвѣтственныя новому направленію морского искусства. Въ тоже время онъ испросилъ разрѣшеніе составлять подъ своимъ начальствомъ ежегодно летучія эскадры изъ судовъ малаго ранга, которыя могли бы служить школой для офицеровъ и командъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему было разрѣшено производить инспекторскіе смотры всѣмъ судамъ и отрядамъ, кромѣ кораблей, дѣятельность которыхъ подлежала личному усмотрѣнію главнаго командира; а также совершать обзоръ всѣхъ портовъ Чернаго моря и на Дунаѣ, чтобы вполнѣ ознакомиться съ ихъ дѣйствительнымъ благосостояніемъ и такимъ образомъ имѣть возможность обсуждать всѣ представленія по ихъ надобностямъ. Производимые имъ инспекторскіе смотры имѣли большое значеніе, вызывая соревнованіе командировъ судовъ, способствуя развитію морского искусства и усовершенствованію боевой части, водворяя въ тоже время однообразный порядокъ на судахъ флота. По возвращеніи судовъ изъ заграничнаго плаванія, или изъ крейсерства у восточнаго берега Чернаго моря, онъ являлся въ Севастополь и начиналъ осмотръ каждаго судна. Замѣтивъ найденные недостатки и объясняя каждому какъ надо дѣлать, онъ записывалъ свои замѣчанія въ памятную книжку, а при слѣдующихъ смотрахъ удостовѣрялся въ успѣхѣ на каждомъ суднѣ. Въ туже книжку вносились имена способнѣйшихъ офицеровъ, какъ кандидатовъ въ старшіе офицеры и командиры, а также записывались и тѣ выдающіеся командиры, для которыхъ предполагалось ходатайствовать о наградахъ и повышеніяхъ, а равно и тѣ, которые не соотвѣтствуютъ своему назначенію. Въ 1850 году, съ разрѣшенія главнаго командира, имъ сдѣланъ былъ пересмотръ всѣхъ судовыхъ расписаній, и въ нихъ внесены были необходимыя дополненія и исправленія, вызываемыя опытомъ и вѣяніемъ новаго времени; эти таблицы и указанія были напечатаны и розданы на всѣ суда для руководства.

Смерть М. П. Лазарева поставила Корнилова въ весьма неопредѣленное положеніе. Онъ былъ крайне стѣсненъ въ своихъ отношеніяхъ къ новому начальнику, находившемуся до этого времени внѣ сферы управленія, а потому не вполнѣ сознававшему необходимость реформенной предпріимчивости начальника штаба; а между тѣмъ этотъ начальникъ былъ непосредственнымъ и отвѣтственнымъ распорядителемъ и утверждающей властью. Это щекотливое отношеніе было немедленно устранено самимъ М. Б. Берхомъ, который хотя официально показывался въ Севастополѣ и поднималъ свой флагъ на флотѣ, но какъ человѣкъ просвѣщенный и добродушный, притомъ въ преклонномъ возрастѣ, не пожелалъ вмѣшиваться въ кипучую дѣятельность начальника штаба, предоставивъ ему полную самостоятельность въ управленіи и участіе при составленіи годовыхъ смѣтныхъ исчисленій, а также и примѣненіе всѣхъ улучшеній въ кораблестроеніи, въ чемъ энергическимъ помощникомъ Корнилова былъ оберъ-интендантъ Н. Ѳ. Метлинъ. Съ своей стороны князь Меншиковъ, желая придать болѣе значенія Корнилову и пріучить Черноморскихъ моряковъ видѣть въ немъ будущаго своего главнаго командира, исходатайствовалъ ему назначеніе въ свиту Его Императорскаго Величества, а въ 1852 году производство въ вице-адмиралы, съ назначеніемъ генералъ-адъютантомъ Его Императорскаго Величества.

Корниловъ съ разрѣшенія подлежащаго начальства, собралъ въ Николаевѣ всѣхъ юнкеровъ Черноморскаго флота, помѣстилъ ихъ въ особомъ зданіи, съ платою по 150 рублей въ годъ отъ ихъ родителей, а для ихъ обученія назначилъ преподавателей. Такимъ образомъ въ 1852 году было учреждено Училище флотскихъ юнкеровъ. Въ 1855 году, во время посѣщенія Николаева Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, это училище было наименовано «Черноморскою Гардемаринскою Ротою *).

Вслѣдствіе необходимости замѣнить старыя отслужившія свой срокъ, кремневыя ружья, было исходатайствовано заказать въ Бельгіи на имѣвшуюся въ наличіи Черноморскаго управленія сумму, дальнобойные штуцеры новаго образца, для вооруженія ими Черноморскихъ флотскихъ экипажей. Для этого былъ командированъ въ Белгію капитанъ 2 ранга Штофрегенъ, которому поручено было слѣдить за правильностію отдѣлки штуцеровъ, пріема ихъ и доставки въ Николаевъ. Хотя эти шуцеры были изготовлены и доставлены въ Россію черезъ Петербургъ, но они остались тамъ и не дошли по назначенію.

*) Эта Гардемаринская Рота, по распоряженію Морского Министерства, была закрыта въ 1861 году.

Изобрѣтеніе винтового двигателя предоставляло возможность значительно увеличить боевую способность военныхъ судовъ. Это нововведеніе вызвало и въ Россіи подражаніе. Для Балтійскаго флота былъ построенъ, въ видѣ опыта, фрегатъ «Архимедъ», съ винтовымъ двигателемъ, спущенный на воду съ Охтенской верфи въ 1848 году; а для Черноморскаго флота построена была въ Англіи винтовая шкуна «Анапа», прибывшая по назначенію въ 1850 году. Чуткій ко всему полезному въ морскомъ дѣлѣ, Корниловъ составилъ обширный планъ замѣнить парусный Черноморскій флотъ паровымъ, съ винтовымъ двигателемъ. По его докладной запискѣ, представленной главнымъ командиромъ князю Меншикову, было высочайше разрѣшено строить въ Черноморскомъ флотѣ корабли только съ винтовымъ двигателемъ, а потому передѣлать, по возможности, всѣ годные восьмидесяти пушечные корабли, вводя ихъ по очередно въ Севастопольскій докъ для удлиненія и установки двигателя. Вслѣдствіе этого былъ заложенъ въ Николаевѣ, 26 Октября 1852 года, 120 пушечный корабль «Босфоръ», переименованный впослѣдствіи въ «Симонъ», съ винтовымъ двигателемъ и машиной въ 800 силъ. Въ тоже время были заказаны въ Англіи винтовые корветы «Витязь» и «Воинъ»*). Въ 1853 году 1 Мая, былъ заложенъ въ Николаевѣ второй такой-же корабль «Цесаревичъ».

Нѣтъ сомнѣнія, что предпріимчивая настойчивость В. А. Корнилова поставила бы Черноморскій флотъ, въ непродолжительное время, въ условія вполнѣ соотвѣтствующія современному требованію боевой правоспособности, съ замѣной паруснаго судостроенія паровымъ, и мы продолжали бы покойно и безпрепятственно распоряжаться на Черномъ морѣ, ограждая прилежащія къ нему Русскія области, въ ихъ экономическомъ преуспѣяніи, отъ иноземнаго посягательства. Но такая полезная мирная дѣятельность была парализована неожиданнымъ событіемъ: въ предѣлахъ Чернаго моря, завистливой интригой всесвѣтныхъ мореплавателей, возгорѣлась война, результатомъ которой были экономическое потрясеніе Россіи и уничтоженіе такого учрежденія, надъ устроеніемъ котораго трудилось много лѣтъ нѣсколько поколѣній моряковъ. Погибъ Черноморскій флотъ, погибли послѣдніе представители этого флота Нахимовъ и Корниловъ, разрушенъ Севастополь и цвѣтущая молодежь, полная силъ и надеждъ, имѣвшая въ своей средѣ много даровитыхъ людей, улеглась непробуднымъ сномъ вокругъ могилы своего наставника адмирала Лазарева.

Д. Аванасьевъ.

---

*) Эти корветы не могли быть закончены ранѣе наступившей внезапно войны, а потому они были конфискованы Англійскимъ правительствомъ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ.

(Изъ записокъ и воспоминаній современника).

Изумительная дѣятельность, крайняя строгость и выдающаяся память, которыми отличался императоръ Николай Павловичъ, проявились въ немъ уже въ ранней молодости, одновременно со вступленіемъ въ должность генералъ-инспектора по инженерной части и началомъ сопряженной съ нею службы. Нѣкто Кулибановъ, служившій въ то время въ гвардейскомъ саперномъ батальонѣ, передавалъ мнѣ, что великій князь Николай Павловичъ, часто навѣщая этотъ батальонъ, зналъ поименно не только офицеровъ, но и всѣхъ нижнихъ чиновъ; а что̀ касалось его неутомимости въ занятіяхъ, то она просто всѣхъ поражала. Лѣтомъ, во время лагернаго сбора, онъ уже рано утромъ являлся на линейное и ружейное ученія своихъ саперъ; уѣзжалъ въ 12 часовъ въ Петергофъ, предоставляя жаркое время дня на отдыхъ офицерамъ и солдатамъ, а затѣмъ, въ 4 часа, скакалъ вновь 12 верстъ до лагеря и оставался тамъ до вечерней зари, лично руководя работами по сооруженію полевыхъ укрѣпленій, проложенію траншей, заложенію минъ и фугасовъ и прочими саперными занятіями военнаго времени. Образцово подготовленный и до совершенства знавшій свое дѣло, онъ требовалъ того же отъ порученныхъ его завѣдыванію частей войскъ и до крайности строго взыскивалъ не только за промахи въ работахъ, но и за фронтовымъ ученіемъ и продѣлываніемъ ружейныхъ пріемовъ. Наказанныхъ по его приказанію солдатъ часто уносили на носилкахъ въ лазаретъ; но въ оправданіе такой жестокости слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ случаѣ Великій Князь придерживался только воинскаго устава того времени, требовавшаго безпощаднаго вколачиванія ума и памяти въ недостаточно-сообразительного солдата, а за исполненіемъ строгихъ правилъ устава наблюдалъ приснопамятный по своей безчеловѣчности, всесильный Аракчеевъ, котораго побаивались даже великіе князья. Чтобы не подвергаться замѣчаніямъ зазнавшагося временщика, требованія его исполнялись буквально, а въ числѣ этихъ требованій одно изъ главныхъ заключалось въ наказаніи солдатъ за всякую провинность палками, розгами и шпицрутенами до потери сознанія.

При такихъ условіяхъ началась служба Николая Павловича и, конечно, не могли эти условія не оставить слѣдовъ на немъ. Ученья, смотры, парады и разводы онъ любилъ неизмѣнно до самой смерти; производилъ ихъ даже зимою. Въ гвардейскомъ корпусѣ, состоявшемъ изъ 24 пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ и 6 отдѣльныхъ батальоновъ и кавалерійскихъ дивизіоновъ, онъ зналъ по фамиліямъ почти всѣхъ офицеровъ и фельдфебелей, большинство пажей Пажескаго корпуса и многихъ воспитанниковъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ и кадетскихъ корпусовъ. А между тѣмъ ознакомленіе съ этими многими сотнями лицъ и учащейся молодежи производилось несистематично: государственныя дѣла отнимали у Николая Павловича много времени, но разъ узнавъ фамилію офицера на ученьи, въ караулѣ, на гауптвахтѣ или на придворномъ балу, а воспитанника при посылѣ на ординарцы, онъ уже не забывалъ ея.

Впервыя мнѣ довелось увидѣть Николая Павловича вблизи, въ Августѣ мѣсяцѣ 1840 года, въ день въѣзда въ Петербургъ невѣсты Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, впослѣдствіи супруги его Маріи Александровны. Занимая мѣсто въ первой шеренгѣ двухвзводнаго отряда Института Корпуса Путей Сообщенія, стоявшаго на Дворцовой площади, я могъ хорошо всѣхъ видѣхъ и въ числѣ этихъ всѣхъ особенно выдавшагося своимъ ростомъ и фигурою Императора, ѣхавшаго верхомъ съ Наслѣдникомъ и большою свитой вслѣдъ за коляской съ помолвленною принцессой. Во второй разъ я стоялъ уже лицомъ къ лицу передъ нимъ, будучи посланъ на ординарцы, на второй день Пасхи, въ слѣдующемъ году. Близко былъ я тогда отъ него, всего на шагъ разстоянія, но уже не думалъ его разсматривать: у меня, какъ говорится, душа ушла въ пятки, и не мудрено: я стоялъ передъ требовательнымъ по фронту Николаемъ Павловичемъ. Только когда я отрапортовалъ ему: «къ Вашему Императорскому Величеству отъ Института Корпуса Путей Сообщенія на посылки присланъ», и Государь, съ довольнымъ лицомъ, взявъ за плеча, похристосовался со мной, душа моя изъ пятокъ перекочевала въ седьмое небо. Ахъ, какая была это счастливая минута въ жизни, и какъ хотѣлось мнѣ еще разъ пережить ее, попавъ снова въ ординарцы. Но это оказалось невозможнымъ: за послѣдній годъ моего пребыванія въ Институтѣ я настолько выросъ, что годился во фронтъ гренадерскихъ ротъ, а кадетъ такого роста Николай Павловичъ не любилъ; великановъ было въ гвардіи довольно, въ кадетахъ же онъ видѣлъ только ребятъ, и такихъ на показъ ему и посылали. Но если я не могъ болѣе попасть къ нему на ординарцы, за то любовался имъ ежемѣсячно на разводахъ (караульные взводы наши чередовались; ихъ было въ

Институтѣ четыре, а разводы съ церемоніей Государь дѣлалъ только по Воскресеньямъ) и на ежегодномъ весеннемъ, называвшемся Майскимъ, но часто бывавшемъ въ Апрѣлѣ, парадѣ. Какихъ только гвардейскихъ мундировъ я не видѣлъ за это время на Николаѣ Павловичѣ, и всѣ они шли къ нему; что же касается до посадки его на конѣ, то такого молодца-кавалериста, не смотря на его мощную, прямо богатырскую фигуру, рѣдко можно было встрѣтить. Государственныя дѣла не допускали Николая Павловича заниматься не только исключительно, но даже лишній часъ войсками и военными дѣлами; тѣмъ не менѣе всякому бросалось въ глаза, что онъ былъ военнымъ по призванію и совершенно доволенъ, когда, гарцуя на конѣ, объѣзжалъ свои войска или, стоя на мѣстѣ, пропускалъ ихъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ.

Окончивъ курсъ, я, передъ отправленіемъ на службу въ провинцію, не могъ отказать себѣ въ удовольствіи еще разъ взглянуть на Государя и кстати на его семейство, блестящую свиту и еще болѣе блестящій дворъ. 25 Іюня 1844 года, въ день рожденія Государя, былъ назначенъ выходъ въ большомъ Петергофскомъ дворцѣ. Въ царствованіе Николая Павловича, всякій имѣвшій на плечахъ пару эполетъ, безъ разбора къ какой части войскъ или спеціальному роду службы онъ ни принадлежалъ, могъ являться на выходы, во дворецъ безъ приглашенія или разрѣшенія. Этимъ правомъ я воспользовался, чтобы взглянуть на невиданную дотолѣ церемонію и, можетъ быть, въ послѣдній разъ въ жизни на обожаемаго Монарха и его семейство. Судьбѣ угодно было, чтобы послѣдняго не случилось: семейныя дѣла принудили меня выйти въ отставку, и только черезъ 3 года я сдѣлался снова жителемъ Петербурга. Тутъ уже мнѣ приходилось видѣть Государя почти ежедневно. Его можно было встрѣтить въ разные часы дня на улицѣ, вечеромъ въ театрѣ и даже ночью въ маскарадѣ. Николай Павловичъ любилъ вечернія развлеченія, что̀ являлось, конечно необходимостью послѣ усиленныхъ занятій съ очень ранняго утра вплоть до обѣда. Онъ усердно посѣщалъ Итальянскую оперу, въ его царствованіе всегда первоклассную по составу труппы; бывалъ часто въ балетѣ и во Французскомъ театрѣ, рѣже въ Русскомъ и никогда въ Нѣмецкомъ (вѣроятно, по недостатку выдающихся артистовъ въ труппѣ). Рѣдко пропускалъ онъ и маскарады въ Большомъ театрѣ и Дворянскомъ Собраніи. Въ мундирѣ съ чернымъ кружевнымъ домино черезъ плечо (обязательная маскарадная форма, вскорѣ отмѣненная), обыкновенно съ маской подъ руку, ходилъ онъ по заламъ, не требуя никакихъ почестей, не отвѣчая даже на поклоны и сниманіе передъ нимъ шляпы лицами, не знавшими общепринятыхъ маскарадныхъ правилъ. Какимъ страннымъ казалось это правило въ Россіи многимъ,

привыкшимъ встрѣчать Николая Павловича не только съ почестями подобающими Государю, но и со страхомъ внушавшимся однимъ его пристальнымъ взглядомъ. Не такъ, однако, смотрѣлъ онъ на свои прерогативы въ театрѣ и маскарадѣ: въ первомъ онъ позволялъ публикѣ самостоятельно высказывать свое одобреніе или неодобреніе пьесѣ и артистамъ, а въ маскарадѣ, гдѣ всѣ должны быть равны, онъ такимъ и самъ хотѣлъ быть. Въ маскарадѣ онъ оставался обыкновенно до 2-хъ часовъ, если же промедлялъ четверть или въ крайнемъ случаѣ полчаса, то въ этомъ, безъ сомнѣнія, была виновата маска, заставлявшая его забыть поздній часъ.

Извѣстно, что Николай Павловичъ былъ образцовый семьянинъ. Проведя все утро и передобѣденное время въ занятіяхъ, онъ за обѣдомъ въ семейномъ кругу начиналъ свой отдыхъ. Почти ежедневно, около 7 часовъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, онъ проходилъ пѣшкомъ въ Маріинскій дворецъ, чтобы навѣстить свою старшую дочь герцогиню Лейхтенбергскую, а младшія, тогда еще незамужнія дочери, Ольга и Александра Николаевны, пріѣзжали съ императрицей Александрой Ѳеодоровной въ театръ, гдѣ поджидалъ ихъ отецъ. Нечего и говорить, что, имѣя двухъ дочерей - невѣстъ, онъ заботился о ихъ развлеченіи, вывозя на балы и вечера съ музыкой и танцами, въ виду чего покидалъ часто театръ послѣ первыхъ двухъ актовъ. Посѣщались балы пословъ и знати, концертные и танцовальные вечера Михаила Павловича и его супруги Елены Павловны, у которыхъ были свои три дочери невѣсты (Марія, Елисавета и Екатерина Михаиловны), но чаще всего балы и вечера въ Аничковомъ дворцѣ, гдѣ жилъ съ молодою супругой Наслѣдникъ Цесаревичъ. Понятно, что и въ Зимнемъ дворцѣ, давались часто балы и, изрѣдка любимые Николаемъ Павловичемъ маскарады; не было недостатка и въ спектакляхъ въ эрмитажномъ театрѣ, съ участіемъ всѣхъ труппъ, кромѣ опять-таки Нѣмецкой; но самыми интересными были почти ежедневные семейные вечера на половинѣ Императрицы, на которые кромѣ родныхъ имѣли доступъ приближенныя къ Государю и Императрицѣ лица. Такихъ лицъ при дворѣ и въ городѣ было немало и, благодаря имъ, въ Петербургѣ знали все, что на этихъ вечерахъ происходило. На первомъ планѣ стояла музыка, исполнителями которой были солисты императорскаго двора, а иногда и знаменитые виртуозы иностранцы и пѣвцы Итальянской оперы. Часто въ такихъ домашнихъ концертахъ принималъ участіе самъ Государь, отлично игравшій на флейтѣ. Когда не было музыки, занимались чтеніемъ новѣйшихъ Русскихъ и иностранныхъ литературныхъ произведеній, а желающіе играли въ карты. И въ этомъ занятіи Николай Павловичъ не отставалъ отъ дру-

гихъ, только онъ любилъ играть вдвоемъ, въ баккара. По этому поводу разсказывали, какой урокъ онъ далъ одному изъ придворныхъ, обратившемуся къ нему съ не совсѣмъ умѣстной шуткой.

— Что сказалъ бы Александръ Христофоровичъ (Бенкендорфъ), увидя васъ играющимъ въ такую игру? — Нечего бы не сказалъ. — Несомнѣнно; но игра все-таки запрещенная.—Почему?—Потому, что она безкозырная.—Вы забываете, что я самъ козырь, отвѣчалъ Николай Павловичъ, хотя и съ улыбкой, но ясно намекая, что онъ стоитъ выше закона.

За слабостью здоровья Императрицы, такіе вечера не заходили за полночь, и Государь очень часто занимался еще часъ-другой передъ сномъ особенно - спѣшными дѣлами, которыя не успѣлъ обдумать и рѣшить въ урочное время утреннихъ занятій. Вставалъ онъ очень рано. Въ зимніе дни, въ 7 часовъ утра, проходившіе по набережной Невы, мимо зимняго дворца, могли видѣть Государя, сидящаго у себя въ кабинетѣ за письменнымъ столомъ, при свѣтѣ 4-хъ свѣчей, прикрытыхъ абажуромъ, читающаго, подписывающаго и перебирающаго цѣлые вороха лежавшихъ передъ нимъ бумагъ. Но это было только начало его дневной работы—работы недоконченной или отложенной для соображенія въ предшествующіе дни, настоящая же работа закипала въ 9 часовъ съ прибытіемъ министровъ. У каждаго изъ нихъ были извѣстные дни въ недѣлѣ, когда они являлись съ своими туго набитыми портфелями; но въ иной день приходилось Государю принимать нѣсколько министровъ и выслушивать доклады по совершенно различнымъ отраслямъ управленія. Сколько сосредоточенности, памяти и навыка нужно было имѣть Николаю Павловичу, чтобы не сбиться въ приказаніяхъ и распоряженіяхъ, отдаваемыхъ то одному, то другому изъ его 13 министровъ, имѣвшихъ мало общихъ дѣлъ между собой.

Въ первомъ часу дня, не взирая ни на какую погоду, Государь отправлялся, если не было назначено военнаго ученія, смотра или парада, въ визитацію, или вѣрнѣе инспектированіе, учебныхъ заведеній, казармъ, присутственныхъ мѣстъ и другихъ казенныхъ учрежденій. Чаще всего онъ посѣщалъ кадетскіе корпуса и женскіе институты, гдѣ принимались дѣти съ десятилѣтняго возраста и рѣже, заведенія даже закрытыя, гдѣ пріемный возрастъ учащихся напоминалъ нѣчто университетское. Въ такихъ заведеніяхъ онъ входилъ обыкновенно во всѣ подробности управленія и почти никогда не покидалъ ихъ безъ замѣчанія, что одно слѣдуетъ измѣнить, а другое вовсе уничтожить. При своей необычайной памяти онъ никогда не забывалъ того, что приказывалъ, и горе тому начальству заведенія если, при вторичномъ посѣщеніи послѣдняго, онъ находилъ свои замѣчанія хотя не вполнѣ

исполненнымп. И не въ однѣ учебныя заведенія и казенныя учрежденія проникалъ бдительный глазъ Николая Павловича. Въ Петербургѣ, ни одинъ частный домъ въ центрѣ, въ Россіи, ни одно общественное зданіе не возводились и не перестраивались безъ его вѣдома: всѣ проекты на такихъ родовъ постройки онъ разсматривалъ и утверждалъ самъ. Когда успѣвалъ онъ этимъ заниматься, было для всѣхъ загадкой, но что онъ вникалъ въ характеръ каждой постройки, было видно изъ замѣчаній и надписей, дѣлавшихся имъ на проектахъ. Иногда тѣ и другія имѣли шуточный характеръ въ отношеніи приближеннаго лица, строившаго или передѣлывавшаго свой домъ; иногда же въ дурномъ расположеніи духа, дѣлалась придирка къ какой-нибудь детали, и проектъ не утверждался. Такъ на одномъ изъ такихъ проектовъ составитель его нарисовалъ $2^1/_2$ аршинную масштабную фигуру человѣка, долженствовавшую наглядно изображать высоту цоколя, въ цилиндрѣ, цвѣтномъ фракѣ, жилетѣ и панталонахъ. Государь зачеркнулъ фигуру съ надписью: «это что за республиканецъ!» и только. По поводу этой замѣтки, по Корпусу Путей Сообщенія былъ изданъ приказъ, чтобы масштабныя фигуры на проектахъ изображались только въ видѣ солдатъ въ шинели и фуражкѣ. На проектахъ церквей и другихъ общественныхъ зданій въ провинціи Николай Павловичъ, утверждая ихъ, часто надписывалъ: «Витбергъ»! Или: работа «Витберга!» Извѣстный строитель проектированнаго храма, Московскаго храма Христа Спасителя на Воробьевыхъ горахъ, былъ обвиненъ въ разныхъ злоупотребленіяхъ, лишенъ всего имущества и сосланъ въ Вятскую губернію. Выдающійся талантъ его, какъ зодчаго, какихъ немного было въ то время въ Россіи, привлекалъ къ нему немало заказчиковъ на разнаго рода проекты, тѣмъ болѣе, что, нуждаясь въ средствахъ, онъ не дорого бралъ за работу. Николай Павловичъ по одному взгляду на фасадъ, сдѣланный рукою выдающагося художника, узнавалъ эту руку, утверждалъ проэктъ, но Витберга не помиловалъ.

Военныхъ и все военное Государь отличалъ и любилъ по преимуществу: войска въ строю, мундиръ и воротникъ застегнутые на всѣ крючки и пуговицы, военная выправка и руки по швамъ тѣшили его глазъ. Военныхъ людей на службѣ и въ отставкѣ отличали усы; усы была ихъ привилегія, и никто кромѣ нихъ не смѣлъ ихъ отращивать, кромѣ купцовъ и простолюдиновъ, не брившихъ бородъ. Права на усы лишены были даже медицинскій персоналъ военнаго вѣдомства и капельмейстеры военныхъ оркестровъ, дирижировавшіе музыкантами съ усами. Сбривать усы были должны не только переименовавшіеся изъ военныхъ въ гражданскіе чины, но и поступавшіе на гражданскую службу съ сохраненіемъ военныхъ чиновъ. На все

была форма, распространявшаяся даже на женщинъ: неправильно присвоенная выѣздная форма лакея или дамская шляпка на головѣ купчихи или мѣщанки вызывали вмѣшательство полиціи. Впрочемъ эта старинная регламентація временъ Павла и Екатерины въ послѣдніе годы жизни Николая Павловича соблюдалась нестрого; она не была отмѣнена, но на несоблюденіе ея смотрѣли сквозь пальцы, только незаконное ношеніе усовъ преслѣдовалось еще по старому.

Николай Павловичъ любилъ окружать себя военными и всегда и во всемъ отдавалъ имъ предпочтеніе. Ни у одного изъ Русскихъ императоровъ не было столько флигель-адъютантовъ, свиты генералъ-маіоровъ и генералъ и адъютантовъ сколько у него, и ни у кого не было такъ много министровъ въ военномъ мундирѣ. Несомнѣнно, что трехъ своихъ министровъ, носившихъ гражданскіе чины, онъ съ удовольствіемъ замѣнилъ бы военными, если бы нашелъ между ними послѣдними спеціалистовъ, способныхъ принять ихъ портфели.

Вотъ списокъ министровъ начала сороковыхъ годовъ.

1. Генер.-адъют. князь Волконскій — министръ Императорскаго Двора, впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь и генералъ-фельдмаршалъ.
2. » графъ Чернышовъ—военный министръ, позднѣе свѣтлѣйшій князь.
3. » » Канкринъ—министръ финанс. Съ 1843 г. тайный совѣтникъ Вронченко.
4. » » Бенкендорфъ— шефъ жандармовъ.
5. » » Перовскій—министръ внутреннихъ дѣлъ.
6. Статсъ-секр. » Уваровъ—мин. народнаго просвѣщенія.
7. Генер.-адъют. » Протасовъ—оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода.
8. » » Толь—главноуправляющій путями сообщенія и публичныхъ зданій.
— » » Клейнмихель—тоже съ 1842 г., позднѣе министръ Путей Сообщенія.
9. Вице-канцлеръ » Нессельроде — министръ иностранныхъ дѣлъ, позднѣе государ. канцлеръ.
10. Статсъ-секр. » Панинъ—министръ юстиціи.
11. Генер.-адъют. » Киселевъ — министръ государственныхъ имуществъ.
12. » » Адлербергъ—главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ, позднѣе и министръ Императорскаго Двора.
13. » свѣтлѣйшій князь Меншиковъ — управляющій Морскимъ Министерствомъ.

Послѣдніе шесть министровъ пережили Николая Павловича, а прочихъ девять онъ самъ проводилъ на вѣчный покой.

Изъ числа переименованныхъ министерствъ и управленій три были учреждены Николаемъ Павловичемъ. Первымъ, по вступленіи его на престолъ, начало дѣйствовать Третье Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи съ шефомъ жандармовъ графомъ Бенкендорфомъ во главѣ. Государь питалъ къ послѣднему большое расположеніе; о публикѣ сказать того же не приходится, хотя поводомъ для этого былъ не онъ самъ, а начальникъ его штаба и управлявшій Отдѣленіемъ, темнаго происхожденія генералъ Дуббельтъ. Особыхъ, бросающихся въ глаза отличій ни тотъ, ни другой, впрочемъ, не получали, какъ это имѣло мѣсто съ княземъ П. М. Волконскимъ, принявшимъ въ свое управленіе второе изъ вновь учрежденныхъ—министерство Императорскаго Двора. Онъ получилъ и титулъ свѣтлѣйшаго князя, и чинъ генералъ-фельдмаршала, хотя никакою арміей не командовалъ. У Николая Павловича было много любимцевъ и между министрами (графы Клейнмихель и Адлербергъ), но выдающіяся награды онъ давалъ только тѣмъ, кого считалъ достойными ихъ. Можетъ быть, онъ не всегда вѣрно оцѣнивалъ заслуги отличаемыхъ, но современники его въ такомъ случаѣ говорили: «на милость образца нѣтъ»; лучше излишество въ наградахъ, чѣмъ въ наказаніяхъ...

Третье министерство—Государственныхъ Имуществъ, учрежденное Николаемъ Павловичемъ въ 1839 году, принялъ въ завѣдываніе графъ П. Д. Киселевъ, управлявшій послѣ войны съ Турками въ 1828—29 г.г. княжествами Валахіей и Молдавіей (нынѣшняя Румынія). Въ началѣ сороковыхъ годовъ онъ только устраивалъ свое министерство.

Необычайными милостями Николая Павловича пользовался военный министръ А. И. Чернышовъ, далеко не блестяще ведшій хозяйство арміи, что и обнаружилось въ Крымскую кампанію неудовлетворительнымъ вооруженіемъ пѣхоты и недостаткомъ самыхъ необходимыхъ военныхъ запасовъ; а между тѣмъ онъ за время управленія министерствомъ получилъ титулъ князя, потомъ свѣтлѣйшаго князя, а при увольненіи отъ должности казенный домъ, въ которомъ жилъ, въ собственность. Въ сдѣланныхъ упущеніяхъ Государь, быть можетъ, бралъ вину на себя, такъ какъ всѣмъ, что̀ касалось до военнаго вѣдомства управлялъ самъ, предоставляя Чернышову лишь исполнительную часть; но все же обращать вниманіе Государя на недостатки арміи было его дѣло. Особеннымъ благоволеніемъ Николая Павловича пользовался министръ финансовъ графъ Канкринъ, считавшійся на своемъ постѣ чуть-чуть что не геніемъ. Какъ-то странно называть геніальнымъ министра финансовъ, въ концѣ своей карьеры отвергавшаго пользу и тормозившаго постройку желѣзныхъ дорогъ въ Россіи на томъ основаніи, что шестимѣсячная санная дорога вполнѣ достаточна для раз-

витія внутренней торговли и промышленности, лѣтомъ же существуютъ для этого моря и рѣки. Положимъ, что говорилъ онъ такъ уже одряхлѣвшій и до крайности утомленный своею предыдущею дѣятельностью, когда постройка желѣзныхъ дорогъ, требовавшая громадныхъ заграничныхъ займовъ, могла поколебать блестящее, созданное имъ финансовое положеніе Россіи. Этого онъ не хотѣлъ и отстранился, сохраняя за собой славу выдающагося министра финансовъ. Никто не отнимаетъ у него этой славы; но еще вопросъ, онъ ли одинъ создалъ блестящее положеніе финансовъ въ царствованіе императора Николая Павловича или ему помогли особенныя экономическія условія Россіи и Европы того времени. Сорокалѣтній миръ Европы значительно увеличилъ ея народонаселеніе, а быстрое развитіе промышленности на Западѣ сократило тамъ земледѣліе. Тогда ни Сѣверная, ни Южная Америка, ни Индія, ни Египетъ, ни еще менѣе едва начинавшая заселяться Австралія не доставляли своихъ продуктовъ земледѣлія въ Европу, а помѣщичья Россія могла отправлять ихъ сколько угодно. Можно ли удивляться послѣ этого, что жители Россіи не знали куда дѣвать и почемъ принимать иностранную звонкую монету, что за ассигнаціи платили лажъ отъ 10 до 15 % и что Русскій рубль цѣнился постоянно выше al pari на иностранныхъ биржахъ? Такое состояніе финансовъ продолжалось до начала Крымской войны, т. е. еще 10 лѣтъ по уходѣ Канкрина, при министрахъ вовсе не считавшихся особенно талантливыми; слѣдовательно и таланты Канкрина не играли въ этомъ успѣхѣ особенной роли. Какъ бы то ни было, Николай Павловичъ не только цѣнилъ Канкрина, но даже въ одномъ отношеніи, вопреки своихъ правилъ, снисходилъ къ нему: Государь, самъ строго соблюдая установленную форму одежды, требовалъ того же отъ другихъ, а между тѣмъ старикъ Канкринъ былъ всегдашнимъ нарушителемъ ея.

Отправляясь на прогулку, въ большинствѣ случаевъ по Зеркальной линіи Гостиннаго Двора (вѣроятно во избѣжаніе встрѣчи съ Государемъ или другими нежелательными лицами) онъ такимъ образомъ облачался въ свой военный генеральскій костюмъ: на ногахъ теплые полуботфорты съ кисточками и вложенными въ голенища панталонами (въ царствованіе Николая Павловича полуботфорты не употреблялись, это форма временъ Александра Павловича), теплая шинель въ рукава съ поднятымъ воротникомъ, обвязаннымъ шерстянымъ шарфомъ, на головѣ единственная форменная вещь: трехуголка съ султаномъ изъ бѣлыхъ перьевъ, а на глазахъ зеленый шелковый зонтикъ. Государю съ хохотомъ докладывали о такомъ военномъ костюмѣ графа Канкрина. Николай Павловичъ выговаривалъ ему, но убѣдить старика въ необходимости соблюдать установленную форму было невозможно. «Ваше

Величество не желаете, конечно, чтобы я простудился и слегъ въ постель; кто же тогда будетъ работать за меня?» былъ отвѣтъ его. Въ концѣ концовъ Государь махнулъ на него рукой. Онъ могъ, понятно, переименовать его въ гражданскій чинъ, но предпочелъ имѣть министромъ хотя и карикатурнаго, но военнаго генерала. Въ 1843 году графъ Канкринъ почти потерялъ зрѣніе и до того ослабъ здоровьемъ, что принужденъ былъ просить объ увольненіи отъ службы. На свое мѣсто онъ рекомендовалъ тайнаго совѣтника Вронченка. Государь согласился, такъ какъ у него не было въ виду другого лица, способнаго занять трудную и отвѣтственную должность министра финансовъ. Вронченко былъ всегда дѣятельнымъ и исполнительнымъ чиновникомъ; тѣ же качества проявилъ онъ и въ новомъ званіи; продолжая дѣло и способъ управленія министерствомъ своего учителя и благодѣтеля графа Канкрина, и не выказывая съ своей стороны никакихъ особенныхъ талантовъ. Онъ не былъ красивъ ни лицомъ, ни фигурой, но донельзя щепетенъ. Объ его неумѣніи держать себя въ обществѣ, несоблюденіи обычныхъ приличій даже со старшими изъ своихъ подчиненныхъ и о ночныхъ похожденіяхъ на Невскомъ проспектѣ говорили тогда въ каждомъ Петербургскомъ домѣ; но какъ природный Малороссъ, онъ былъ очень хитеръ и скоро успѣлъ войти въ довѣріе и добиться расположенія къ себѣ Николая Павловича. Вотъ одинъ изъ случаевъ, происшедшихъ на пріемѣ Государемъ министровъ съ докладами. Доклады производились министрами по старшинству. Вронченко былъ самымъ младшимъ между собравшимися въ пріемной передъ кабинетомъ Государя и зналъ, что ему придется докладывать послѣ всѣхъ; но тѣмъ не менѣе онъ, какъ всегда, явился заблаговременно, что и дало поводъ находившимся тутъ генераламъ и въ особенности князю Меншикову подтрунивать надъ нимъ, что онъ явился съ докладомъ прямо съ ночной прогулки. Всѣ, конечно, засмѣялись. Въ это время Государь, отпустивъ докладывавшаго князя Волконскаго, показался въ дверяхъ кабинета съ вопросомъ: Что за шумъ?... При этомъ вопросѣ, Вронченко со страху или показывая только видъ, что испугался, уронилъ изъ рукъ портфель, содержимое котораго, состоявшее изъ докладныхъ бумагъ, разлетѣлось по полу. Общій хохотъ собравшихся раздался вновь. Николай Павловичъ обвелъ смѣявшихся своими большими на выкатѣ глазами и громко произнесъ: Тутъ нѣтъ ничего смѣшного!... Вронченко, тѣмъ временемъ, собралъ при помощи камерлакея свои бумаги и когда опустилъ ихъ снова въ портфель, Государь, показывая на свой кабинетъ, сказалъ ему: Пожалуйте, я приму васъ. Вотъ какъ Николай Павловичъ, не скрываясь ни передъ кѣмъ, любилъ отличать тѣхъ, кто его боялся. Въ первый изъ пагадныхъ дней, затѣмъ, Вронченко полу-

чилъ звѣзду и ленту Александра Невскаго, а вскорѣ послѣ того графское достоинство.

Государственный канцлеръ графъ Нессельроде единственный изъ министровъ, оставшихся на посту въ теченіе всего царствованія императора Николая I, начавшій править Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ при Александрѣ I-мъ и кончившій свою карьеру при Александрѣ II. Это одно доказываетъ, что онъ былъ на высотѣ своего призванія, но тѣмъ не менѣе онъ далеко не пользовался такими милостями Николая Павловича, какъ Чернышовъ и Волконскій: съ 1828 года вице-канцлеръ, онъ едва добился до канцлерства уже старикомъ.

Еще меньшими успѣхами по службѣ могли похвалиться два другіе гражданскіе министра, графы Уваровъ и Паннъ. Менѣе всего Николай Павловичъ занимался ихъ дѣлами, но за то урѣзывалъ бюджеты ихъ министерствъ до минимума и ничѣмъ не отличалъ самихъ министровъ.

Управлявшій Морскимъ Министерствомъ свѣтлѣйшій князь Меншиковъ славился своими находчивостью и остроуміемъ и былъ не только любимъ Николаемъ Павловичемъ, но пользовался даже расположеніемъ всего его семейства, въ кругу котораго былъ частымъ и желаннымъ гостемъ. Тѣмъ не менѣе это былъ одинъ изъ самыхъ неудачнѣйшихъ дѣятелей въ числѣ приближенныхъ къ Государю лицъ. Самое назначеніе его, кавалерійскаго генерала, на постъ морскаго министра, не обѣщало удачи; но судьба послала ему замѣчательнаго помощника на Черномъ морѣ въ лицѣ адмирала Лазарева, создавшаго прославившійся впослѣдствіи подъ Синопомъ и на Севастопольскихъ бастіонахъ Черноморскій флотъ, а на Балтійскомъ морѣ распоряжался всѣмъ самъ Государь. Лишенный Александромъ I-мъ генералъ-адъютантства, онъ получилъ его вновь по воцареніи Николая Павловича. Неудачно дѣйствовалъ онъ съ сухого пути въ 1828 году подъ Анапой, павшей только при содѣйствіи адмирала Грейга съ моря; еще неудачнѣе кончилось его посольство, передъ Крымской войной, въ Константинополь, гдѣ выкинутый имъ фарсъ входа въ диванъ (Турецкій совѣтъ министровъ) въ шляпѣ, возмутилъ всѣхъ; но самымъ неудачнымъ было его командованіе Крымской арміей, ознаменовавшееся допущеніемъ высадки непріятеля въ Евпаторіи, проигранными сраженіями при Альмѣ, на Бельбекѣ и подъ Инкерманомъ и прямо трусливымъ бездѣйствіемъ во время зимы, когда Англичане и Французы, непривычные къ климату, мерзли въ своихъ палаткахъ.

Главноуправляющій путями сообщенія и публичныхъ зданій графъ Толь былъ образованный и очень даровитый офицеръ генеральнаго штаба, что и доказалъ своимъ планомъ взятія Варшавы—планомъ, ко-

торымъ воспользовался вновь прибывшій главнокомандующій арміей графъ Паскевичъ. Начальнику штаба арміи графу Толю ничего не оставалось болѣе какъ распрощаться съ послѣдней и принять предложенный постъ главноуправляющаго путями сообщенія. Хотя и не получившій спеціальнаго инженернаго образованія, графъ Толь былъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ. Желѣзныхъ дорогъ тогда не существовало еще въ Россіи, кромѣ небольшой частной отъ Петербурга до Павловска; за постройку же шоссейныхъ и особенно водяныхъ сообщеній, по примѣру своего предшественника герцога Александра Виртембергскаго, онъ принялся въ началѣ своего управленія съ большимъ усердіемъ. Къ сожалѣнію, Николай Павловичъ почему-то не благоволилъ къ нему: его бюджетъ подвергался часто большимъ урѣзкамъ, и это охладило рвеніе его. Въ послѣдніе годы своего управленія онъ даже рѣдко показывался при дворѣ и, ссылаясь на свое болѣзненное состояніе, пересылалъ докладъ Государю черезъ Первое Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи.

Совсѣмъ въ иномъ родѣ былъ смѣнившій графъ Толя графъ П. А. Клейнмихель. Точно такъ же, какъ и первый, не-инженеръ, онъ отдался поверхностному наблюденію за постройкой только что утвержденной С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги, не обращая почти никакого вниманія на прочія сухопутныя и водяныя сообщенія. Шоссейныя дороги строились лишь небольшими участками въ западномъ краѣ, преимущественно съ стратегическою цѣлью, а водяныя сообщенія были совсѣмъ запущены. Между тѣмъ графъ Клейнмихель пользовался исключительнымъ довѣріемъ къ себѣ Николая Павловича, имѣлъ въ своемъ распоряженіи громадныя суммы и при своемъ безкорыстіи (какъ теперь установлено) могъ бы покрыть Россію столь необходимыми ей искусственными путями сообщеній. Будь онъ не строгимъ и исполнительнымъ только военнымъ генераломъ, а настоящимъ министромъ-инженеромъ, то на тѣ суммы, которыхъ стоила Николаевская желѣзная дорога, было бы возможно довести ее не до Москвы, а до Чернаго и Азовскаго морей. Но этого сдѣлано не было; коалиція Европейскихъ державъ этимъ воспользовалась, напавъ на Крымскій полуостровъ, и первымъ, по окончаніи войны, пострадалъ графъ Клейнмихель: онъ былъ уволенъ отъ должности министра путей сообщенія за дурное состояніе дорогъ въ южной Россіи.

Главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ графъ В. Ѳ. Адлербергъ былъ тоже любимцемъ Николая Павловича. Самое названіе должности показываетъ, что въ департаментѣ, т. е. въ управленіи почтовомъ, былъ еще другой ближайшій начальникъ (въ сороковыхъ годахъ—Прокоповичъ-Антонскій); слѣдовательно роль графа Ад-

лерберга была лишь наблюдательная, да и не могла быть иной, такъ какъ онъ, постоянно вращаясь въ придворномъ кругу, менѣе всего могъ быть спеціалистомъ по почтовой части. Во время его управленія почтовое вѣдомство приносило большіе убытки казнѣ; дефицитъ доходилъ почти до 10 мил. рублей. Дефицитъ сталъ уменьшаться съ пониженіемъ почтовой таксы за письма и посылки и съ постепеннымъ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, повлекшимъ за собой уничтоженіе почтовыхъ станцій, а съ ними и крупныя приплаты за содержаніе почтовыхъ лошадей. Но это не относится къ царствованію императора Николая I; онъ могъ только досадовать что почтовый дефицитъ не уменьшался. Послѣ смерти князя Волконскаго графъ Адлербергъ былъ сдѣланъ министромъ Императорскаго Двора съ сохраненіемъ и прежней должности по почтовому вѣдомству. Это была большая милость, представлявшая графу Адлербергу содержаніе двухъ министровъ; но о наградахъ въ родѣ выпавшихъ на долю князя Волконскаго не было и рѣчи.

Изъ списка министровъ начала сороковыхъ годовъ видно, что всѣ носили по меньшей мѣрѣ графскій титулъ; у кого его не было, тотъ его скоро получалъ, просто какъ очередную награду между двумя звѣздами; по крайней мѣрѣ такимъ образомъ получили графство Вронченко, Перовскій, Клейнмихель (во время бытности еще дежурнымъ генераломъ главнаго штаба) и много другихъ лицъ, преимущественно изъ числа военныхъ, командовавшихъ отдѣльными воинскими частями (Ридигеръ, Никитинъ и др.). Но если императоръ Николай Павловичъ давалъ относительно легко графское достоинство извѣстнымъ и приближеннымъ къ нему лицамъ, за то титуломъ князя и особенно свѣтлѣйшаго онъ, очевидно, награждалъ или желалъ награждать только за особенныя государственныя заслуги, и на этомъ основаніи такой награды не удостоивались даже завѣдомые его любимцы. Достойны ли были особенно высокихъ наградъ князья Волконскій, Чернышовъ и даже Паскевичъ (получившій за Персидскую кампанію и взятіе по чужому плану Варшавы, почти все то, что имѣлъ безсмертный Суворовъ за свою сотню одержанныхъ побѣдъ и безпримѣрный переходъ черезъ Альпы), судить не намъ. На это была воля самодержавнаго монарха, строго наказывавшаго провинившихся передъ нимъ, но и щедро награждавшаго признанныхъ имъ достойными награды.

Съ годами, Николай Павловичъ сталъ еще усиленнѣе заниматься государственными дѣлами, почти единолично, и требовалъ отъ своихъ министровъ не самостоятельныхъ дѣйствій, а лишь исполненія его предначертаній и приказаній. При такихъ условіяхъ не могло быть выдающихся по своей иниціативѣ министровъ.

Перехожу къ послѣднимъ мѣсяцамъ и днямъ его жизни. Крымская война доставила ему много заботъ и непріятностей. Недостатокъ военныхъ запасовъ, неудовлетворительность оружія въ войскахъ и бездорожье на Югѣ тяготили его, конечно, не менѣе чѣмъ всю Россію. Быть можетъ, онъ сознавалъ тогда, что управлять одному государствомъ невозможно и что министры нужны не для одного исполненія приказаній, но и для совѣта. Однако выказать такого рода мысли онъ не хотѣлъ; онъ только работалъ еще усиленнѣе прежняго и остался до послѣднихъ дней своихъ непреклоннымъ исполнителемъ взятой на себя задачи. Если вѣрить нѣкоторымъ слухамъ и даннымъ, онъ самъ руководилъ защитою Севастополя. Тотлебенъ, выдвигая укрѣпленія за первоначальную линію обороны и сооружая въ одну ночь, одинъ за другимъ, ошеломившіе своимъ неожиданнымъ появленіемъ непріятеля знаменитые Камчатскій и Волынскій редуты, исполнялъ только приказанія Императора. Это легко могло быть, потому что, какъ извѣстно, Николай Павловичъ былъ съ молодыхъ лѣтъ хорошо подготовленнымъ военнымъ инженеромъ. Судя по маневрамъ, онъ былъ также замѣчательнымъ тактикомъ и стратегомъ; но командовать арміей за двѣ тысячи верстъ отъ поля сраженія, не зная мѣстности и имѣя на мѣстѣ такого помощника, какъ князь Меншиковъ, было положительно невозможно; а между тѣмъ по приказанію Николая Павловича было дано Инкерманское сраженіе, планъ котораго онъ одобрилъ. При нападеніи съ двухъ сторонъ непріятель былъ бы смятъ и сброшенъ въ море; но шедшій въ обходъ командиръ 4-го корпуса Даннепбергъ встрѣтилъ на пути такую изрытую оврагами мѣстность, что артилерію приходилось переносить на рукахъ; онъ, конечно, опоздалъ, и сраженіе было проиграно. Будь на мѣстѣ настоящій главнокомандующій, тотъ, исполняя волю Государя, впередъ изслѣдовалъ бы мѣстность, а не пускалъ бы цѣлый корпусъ войскъ на удачу, князь же Меншиковъ это сдѣлалъ. Только тогда Императоръ убѣдился, что этотъ остроумный царедворецъ въ Крыму не на своемъ мѣстѣ. Еще неудачнѣе кончилось сраженіе на Черной рѣчкѣ, гдѣ легло цѣлкомъ не одно Курское ополченіе. Но, не взирая на такія крупныя непріятности, на лицѣ Николая Павловича не было замѣтно ни упадка духа, ни отсутствія въ извѣстныхъ случаяхъ обычной его веселости. За нѣсколько недѣль до своей кончины, слѣдовательно когда онъ уже зналъ, что войну необходимо кончить и что намъ нельзя разсчитывать на почетный миръ, мнѣ привелось видѣть изъ креселъ Большого театра, какъ онъ, встрѣченный въ своей ложѣ графомъ Адлербергомъ, расшаркался передъ послѣднимъ точно гость передъ хозяиномъ. Николай Павловичъ не былъ расположенъ къ шуткамъ, даже съ самыми близкими и родственными ему

лицами, тѣмъ болѣе подобная шутка въ глазахъ публики, когда изъ Крыма получались самыя безотрадныя вѣсти, показалась всѣмъ непонятною. Но, очевидно, онъ не желалъ серьезнымъ видомъ усиливать общее уныніе; напротивъ, появляясь въ театрѣ такимъ веселымъ, онъ хотѣлъ всѣмъ внушить, что не все еще потеряно. Однако хорошихъ извѣстій съ театра войны не было, театральный сезонъ кончился, наступалъ великій постъ, и Государя можно было видѣть только случайно на улицѣ. Такой случай представился мнѣ за нѣсколько дней до его смерти.

Выйдя около полудня на прогулку, я съ удивленіемъ увидѣлъ по одну сторону Невскаго проспекта выстроившіяся войска, въ походной формѣ. Было около 10° мороза. Чтобы это значило? подумалъ я. Невскій проспектъ вовсе необычное мѣсто для смотровъ, на это есть манежи. Да и какія это войска и куда собираются ихъ посылать? (Гвардія находилась тогда на побережьи Балтійскаго моря для защиты края отъ возможной высадки непріятеля; въ Петербургѣ же было очень мало войска, всего по одному батальону отъ каждаго гвардейскаго полка и нѣсколько резервныхъ батальоновъ). Машинально я пошелъ къ Адмиралтейству. Очевидно, смотръ будетъ дѣлать Государь; иначе не было причины выстраивать войска вблизи дворца. По чувству особаго влеченія къ Николаю Павловичу съ юныхъ лѣтъ, я всегда встрѣчалъ его съ радостнымъ біеніемъ сердца и чтобы вновь увидѣть его, я спѣшилъ къ флангу войскъ, гдѣ могъ услышать и голосъ его. Я подошелъ къ углу Невскаго проспекта и Адмиралтейской площади и остановился позади командовавшаго парадомъ генерала, сидѣвшаго на лошади, на краю фланга. Лица его я не видѣлъ и не знаю, кто былъ этотъ генералъ. Прошло лишь нѣсколько минутъ, какъ раздалась команда: «слушай, на караулъ!» Такъ какъ это былъ лѣвый флангъ, то музыки здѣсь не было; оркестры находились на правыхъ флангахъ своихъ частей и хотя заиграли при командѣ «на караулъ», но здѣсь были едва слышны. Николай Павловичъ, верхомъ, въ мундирѣ, безъ шинели, не доѣзжая шаговъ десяти до фронта, громко произнесъ по адресу командовавшаго генерала: Bonjour! Comment vous va? Отвѣта генерала я не слыхалъ; вѣроятно, его не было; но руку его приложенную къ шляпѣ съ султаномъ и какъ будто легкое наклоненіе головы я видѣлъ. Конечно, и мой цилиндръ былъ уже въ рукѣ, и глубокій поклонъ отвѣшенъ; но я не успѣлъ еще выпрямиться, какъ раздалось столь часто слышанное, громогласное: «Здорово, ребята!» И въ отвѣтъ: «Здравія желаемъ Вашему Императорскому Величеству», понесшееся вдоль Невскаго проспекта, по которому, всегдашнимъ молодцомъ, летѣлъ галопомъ Государь.

— Въ одномъ мундирчикѣ сердечный... послышался сзади меня женскій голосъ. Я оглянулся. Какая-то деревенская баба крестилась и продолжала причитывать: въ одномъ мундирчикѣ... долго ли до бѣды!

— Ты напрасно безпокоишься, голубушка. Государь всегда такъ на смотры выѣзжаетъ: онъ мороза не боится, вразумлялъ я бабу.

— Какъ, баринъ, не бояться... Не ровёнъ часъ! Не паренекъ онъ молодой... Кровь, чай, не попрежнему грѣетъ...

— Грѣетъ, матушка! Его грѣетъ: насъ съ тобой переживетъ!

— Кто это знаетъ. На все Божья воля....

— Развѣ ты не видѣла, какъ онъ точно вѣтеръ пронесся?

— Видѣть-то видѣла, а все ему слѣдъ поберечься. Такъ не сдобровать ему...

— Полно каркать и вздоръ молоть, произнесъ я съ нѣкоторымъ раздраженіемъ и началъ пробираться во-свояси, сквозь толпу, которая не расходилась, потому что солдаты еще стояли на мѣстѣ.

Прошло пять дней. Государя я больше не встрѣчалъ. 18 Февраля, часовъ около 11 утра, захожу я въ книжный магазинъ за какой-то книгой. Знакомый хозяинъ магазина, пока доставали книгу, подалъ мнѣ листокъ съ нѣсколькими крупно напечатанными строками.

— Что это? Бюллетень! Кто заболѣлъ? спросилъ я довольно хладнокровно, не ожидая ничего необычайнаго...

— Прочтите! какъ-то особенно внушительно сказалъ хозяинъ магазина. Я пробѣжалъ шесть строкъ бюллетеня и невольно вскрикнулъ: Ну, такъ и есть! Простудился на смотру пять дней назадъ... Какая-то баба ему напророчила, добавилъ я смѣясь и собрался разсказать что говорила причитальщица.

— Нѣтъ, его видѣли еще третьяго дня совершенно здоровымъ.

— Да. Значитъ позже, а все-таки простудился; такъ и въ бюллетенѣ сказано. Гриппъ болѣзнь не важная; скоро оправится...

— Не оправится, потому что онъ уже скончался, шепнулъ мнѣ на ухо книготорговецъ. Послѣ полудня выйдетъ второй бюллетень, а затѣмъ вѣроятно и окончательный...

Я оцѣпенѣлъ отъ этихъ словъ. Въ первую минуту мнѣ показалось, что я слышу совсѣмъ не то, что мнѣ сказано. Опомнившись, я громко произнесъ: какъ это возможно, чтобы такой богатырь не могъ перенести такой пустяшной болѣзни? Книготорговецъ оставилъ свою конторку и отвелъ меня въ сторону. Во-первыхъ, не говорите такъ громко: у насъ это, какъ вамъ извѣстно, не годится, особенно если найдутся нежелательныя уши; а во-вторыхъ, нельзя вѣрить всему печатному...

— Что вы хотите этимъ сказать? спросилъ я въ недоумѣніи.

— Да не болѣе того, что онъ умеръ, вѣроятно, не отъ гриппа...

— Отчего же? Книготорговецъ взглянулъ на меня съ проническою улыбкой и произнесъ скороговоркой: отъ непріятностей, понятно. Могъ ли онъ перенести столько невзгодъ, сколько обрушилось на его голову за все время этой несчастной имъ же затѣянной войны?

— Однако, позвольте... Я живу постоянно въ Петербургѣ, видѣлъ Государя чуть не ежедневно и никогда не замѣчалъ, чтобы самыя непріятныя даже извѣстія съ театра войны дѣйствовали на него до болѣзненности.

На то онъ и былъ Николай Павловичъ, чтобы не походить на другихъ. Строгій къ другимъ, онъ, какъ герой, не могъ быть нестрогимъ и къ себѣ самому... Онъ молча переносилъ удары судьбы и не выдержалъ...

Прежде чѣмъ я успѣлъ задать новый, начинавшій мучить меня вопросъ, собесѣдникъ мой прибавилъ: больше я ничего не могу сказать вамъ, потому, что самъ говорю по слухамъ, и съ этими словами ушелъ за конторку.

Какъ я былъ предупрежденъ, такъ и вышло: за вторымъ очень тревожнымъ бюллетенемъ, вышелъ третій, равносильный провозглашенію новаго царствованія—Николая Павловича не стало. Оставалось только въ первый и послѣдній разъ облобызать руку того, который цѣловалъ меня христосуясь съ ординарцемъ-юношей, того, съ которымъ я часто встрѣчался въ теченіе 15 лѣтъ и былъ всегда счастливъ и доволенъ, когда это случалось. Доступъ во дворецъ для поклоненія покойному былъ разрѣшенъ всѣмъ. Гробъ съ тѣломъ усопшаго стоялъ на возвышеніи въ одной изъ залъ нижняго этажа зимняго дворца, окна которой были обращены на дворцовую площадку. Мощная фигура покойнаго Государя производила впечатлѣніе и въ гробу; строгія черты лица не измѣнились нисколько, но въ закрытыхъ глазахъ уже нельзя было видѣть ни привѣтливаго взгляда въ большинствѣ случаевъ, ни грознаго въ иныхъ, приводившаго тысячи людей въ трепетъ. Теперь тоже тысячи людей подходили къ гробу усопшаго, безъ боязни всматриваясь въ охладѣвшее лицо Государя и читая молитву объ отпущеніи грѣховъ ему.

В. Шиманъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ЕКАТЕРИНЫ ИВАНОВНЫ ЕЛАГИНОЙ.

Приводимыя здѣсь воспоминанія Е. И. Елагиной представляютъ собою весьма разнообразный интересъ. Трогательное, по своей простотѣ и глубинѣ, оскорбленное чувство дочери, сметая пыль, навѣваемую клеветою на дорогія для нея имена, въ тоже время короткими, но сильными чертами характеризуетъ одну изъ страницъ бытовой исторіи нашего Дерптскаго университета. Профессоръ Моіеръ, учитель профессоровъ Ѳ. И. Иноземцева и Н. И. Пирогова, былъ одною изъ свѣтлыхъ и даровитыхъ личностей, высоко поднимавшихъ въ свое время научное и образовательное значеніе этого университета. Каждый изъ его учениковъ почерпалъ изъ его ученія то, что по своей природѣ могъ почерпнуть. Честность въ наукѣ и нераздѣльная съ нею честность въ жизни были девизомъ этого ученія. Небольшой эпизодъ, разсказанный Е. И. Елагиной по случаю студенческихъ дуэлей, достаточно характеризуетъ и душевную высоту человѣка въ исполненіи нравственнаго долга, и благородную твердость ректора по отношенію къ своему начальству. Въ самомъ подчиненіи своемъ онъ сумѣлъ быть честенъ. Могли ли молодыя сердца слушателей не откликаться сочувственно такому ректору?

Къ сожалѣнію, самое доброе сѣмя не на всякой почвѣ пускаетъ одинаковые ростки, и два ученика Моіера изъ его ученія внесли не одинаковыя убѣжденія въ науку и въ свою общественную и частную дѣятельность. Оба они предназначались для каѳедры хирургіи, Пироговъ въ Московскій Университетъ, Иноземцевъ въ Петербургскую Медико-хирургическую Академію. Судьбѣ угодно было измѣнить это предначертаніе: Пироговъ заболѣлъ, и Иноземцевъ былъ назначенъ на каѳедру Московскую. Не знаемъ, чѣмъ былъ бы Иноземцевъ на каѳедрѣ Петербургской; писалъ ли бы онъ больше, чѣмъ въ Москвѣ, издавалъ ли бы свои сочиненія на Нѣмецкомъ языкѣ, дорожа болѣе Европейскою извѣстностью, чѣмъ интересомъ Русскаго студента; но знаемъ, что Иноземцевъ въ Москвѣ сталъ рядомъ съ Грановскимъ и отдалъ всю свою душу Русскому врачебному дѣлу. Первый призывный кличъ къ самостоятельному труду на поприщѣ отечественной медицины послышался отъ Иноземцева, и студенты-медики Московскаго университета, въ теченіи четверти вѣка, откликались на него.

Время и случайность иногда заставляютъ забывать многое достойное пьедестала и ставить на него то, что не заслуживаетъ его; но судъ исторіи неотразимъ и вѣренъ: онъ рано или поздно возстановляетъ истину, снимая незаслуженные лавры и дѣлая великихъ людей иногда очень невеликими. Конечно отъ профессора учащійся юноша въ правѣ ожидать обогащенія

современными научными знаніями; но чуткимъ сердцемъ онъ въ тоже время ищетъ въ немъ руководителя и въ нравственной сферѣ. Современныя знанія безпрерывно смѣняются новыми открытіями, предъ которыми часто блѣднѣютъ старыя. Одинъ законъ нравственный остается непоколебимъ во всѣ времена, и проповѣдники его не умираютъ въ потомствѣ. Недалекъ отъ насъ примѣръ скромнаго труженика добра и человѣколюбія, Ѳ. П. Гааза. Тихо сошелъ онъ въ могилу замѣченный только тѣми, кому онъ благотворилъ. Проходитъ полстолѣтія, и является перо, возстановляющее передъ современниками чистый образъ беззавѣтнаго служителя нравственнаго начала. Сороковые годы минувшаго столѣтія, о которыхъ съ такимъ уваженіемъ вспоминаетъ настоящее время, сложились людьми мало заявившими свою дѣятельность въ литературѣ; но Грановскіе, Иноземцевы, Гаазы никогда не будутъ забыты. Утомленный суетностью своихъ великихъ практическихъ открытій, сводящихся въ концѣ концовъ лишь къ болѣе или менѣе успѣшной борьбѣ за существованіе и за его комфортъ и оставляющихъ развитіе жизни духовной въ сторонѣ, настоящій вѣкъ ищетъ для себя отдохновенія въ идеалахъ прежняго времени. Истинные носители этихъ идеаловъ не знали мелкихъ вожделѣній личнаго самолюбія, стремленія къ матеріальной наживѣ, хотя бы и въ ущербъ нравственному чувству, и не умѣли клеветать.

С. Смирновъ.

Можетъ быть, кто нибудь изъ внуковъ моихъ полюбопытствуетъ прочесть Записки Пирогова въ «Русской Старинѣ» 1884—1885 годовъ, зная, что Пироговъ былъ ученикомъ моего отца, профессора хирургіи въ Дерптѣ. По Запискамъ этимъ (и по Запискамъ Ф. Ф. Вигеля) получитъ онъ или она совершенно превратное понятіе о Моіерѣ, а мнѣ было бы очень горько, если бы дѣти Маши*) не знали, какой человѣкъ былъ ихъ прадѣдъ. Пироговъ говоритъ: Моіеръ послѣдніе года въ Дерптѣ вовсе не занимался наукой и больными, онъ занятъ былъ своимъ ректорствомъ и заботился объ одномъ—выслужить свои 25 лѣтъ до пенсіи. Потомъ самъ же, говоря о томъ же годѣ (1836), пишетъ, что Моіеръ предложилъ ему занять его каѳедру и что самъ онъ выходитъ въ отставку, что̀ и было.

Отецъ мой служилъ 22 года профессоромъ, въ числѣ этихъ 22 лѣтъ три года ректоромъ. Когда онъ вышелъ въ отставку, попечитель университета говорилъ ему, что онъ имѣетъ полное право на пенсію, исполняя двѣ должности въ теченіе трехъ лѣтъ, и предлагалъ ему представить его къ пенсіи; но отецъ мой отказался, говоря, что будучи ректоромъ, онъ выпрашивалъ для вдовъ профессоровъ много незаконныхъ

*) Внучка Ивана Филипповича Моіера, дочь Екатерины Ивановны и Василья Алексѣевича Елагиныхъ, Марья Васильевна Безъ. Ей обязаны мы за сообщеніе въ „Русскій Архивъ“ этихъ воспоминаній. П. Б.

пенсій и боится, что подумаютъ, будто этимъ онъ прокладывалъ дорогу себѣ на полученіе незаконной пенсіи. Пироговъ же говоритъ, что Моіеръ былъ нехорошимъ ректоромъ, что его ненавидѣли студенты. Это совершенная неправда. Когда онъ уѣзжалъ изъ Дерпта, ему всѣ студенты устроили огромный факельцугъ. Разбитое стекло въ его кабинетѣ, на которомъ Пироговъ основываетъ свое мнѣніе о ненависти студентовъ, было отчасти поводомъ къ этой демонстраціи. Я помню, какъ при разбитомъ окнѣ въ нашемъ домѣ по всей улицѣ раздались крики: «Burschen heraus!» и какъ студенты бѣжали, чтобы догнать разбившаго. Оказалось, что это былъ какой-то Полякъ, о которомъ отецъ мой узналъ, что онъ шпіонъ и доносилъ на товарищей своихъ, студентовъ Поляковъ, будто у нихъ какой-то заговоръ. Объ этомъ написалъ отцу министръ Уваровъ, приславшій доносъ въ подлинникѣ, и поручалъ сдѣлать слѣдствіе. Доносъ вышелъ ложный; отецъ мой, въ силу власти данной ректору (не знаю, существуетъ ли она теперь), исключилъ доносчика изъ числа студентовъ и велѣлъ ему въ 24 часа оставить Дерптъ. Этотъ-то студентъ, передъ отъѣздомъ изъ Дерпта, бросилъ увѣсистый кирпичъ въ окно, разбившій и стекла, и раму окна.

Университетъ Дерптскій, не смотря на уваженіе, въ которомъ ему не могло отказать правительство въ научномъ отношеніи, былъ въ опалѣ при императорѣ Николаѣ Павловичѣ: ввели мундиры, преслѣдовали несоблюденіе формы, уничтожали корпораціи, строго преслѣдовались дуэли. Ректору дѣлались безпрестанные выговоры за недонесеніе въ Петербургъ о дуэляхъ, за непредупрежденіе ихъ. Часто отца моего, при опасныхъ ранахъ на дуэли, приглашали перевязывать раны, вынуть пулю. На выговоръ министра отецъ отвѣчалъ ему, что онъ не можетъ узнавать о готовящейся дуэли, потому что студенты тщательно скрываютъ это. Уваровъ отвѣчалъ, что онъ этому вѣрить не можетъ, что онъ навѣрное знаетъ, что ректоръ такому-то вырѣзывалъ пулю, и вообще при опасныхъ ранахъ бываетъ приглашаемъ къ раненому. Отецъ мой написалъ ему въ отвѣтъ, что *ректора* никогда не зовутъ въ такихъ случаяхъ, а можетъ быть, *профессора хирургіи* Моіера, но что Моіеръ, въ силу докторской присяги имъ данной при полученіи диплома, клялся никому не разсказывать о болѣзни паціента, если паціентъ этого не хочетъ и конечно ему *ректору* никогда не скажетъ. Этимъ дѣло и кончилось. Уваровъ не посмѣлъ сказать, что присяга вздоръ.

Еще говоритъ Пироговъ, что отецъ мой небрежно относился къ лекціямъ и дурно дѣлалъ операціи, что при немъ вырѣзывалъ онъ камень у старика, и чуть не уморилъ его, не взявъ достаточно большого ножа. Во сколько лучше Пироговъ сдѣлалъ бы эту операцію, не

знаю; знаю одно, что отецъ мой долго учился въ Павіи у Скарпы, и изучилъ именно операцію камня, которой славился Скарпа. (Болѣзнь эта въ Италіи очень распространена среди народа, отъ кислаго вина, которое пьютъ простолюдины). Шульцу (тотъ старикъ, которому отецъ мой дѣлалъ операцію камня) было около 80 лѣтъ, и весь городъ увѣренъ былъ, что онъ умретъ подъ ножомъ. Операція удалась, отецъ вырѣзалъ у него два большіе камня, онъ жилъ еще долго послѣ того и считалъ отца моего своимъ благодѣтелемъ и спасителемъ. Онъ предоставилъ намъ мѣсяца на два свою деревню Кидіерфъ, узнавъ, что бабушка моя не захотѣла ѣхать лѣтомъ на дачу (какъ мы это дѣлывали) чтобы не оставлять отца моего въ городѣ одного. Операція была во время ваканцій. Насъ угощали въ Кидіерфѣ, какъ принцевъ крови, мы прожили тамъ очень весело (мѣстоположеніе прелестное).

А сколько помогалъ отецъ мой бѣднымъ и больнымъ, этого никто не знаетъ и никогда не узнаетъ. Онъ замѣчательно хорошо игралъ на фортепьянахъ, и своими концертами удалось ему основать въ Дерптѣ первый Бѣдный домъ на 12 старухъ и стариковъ. Мать моя для того же бѣднаго дома продала все, что у нея было драгоцѣннаго. Я до сихъ поръ не могу понять, какъ они съ своими маленькими средствами могли дѣлать столько добра. Жалованье его было 5 тысячъ ассигнаціями, т. е. меньше 1500 р. Муратово давало, можетъ быть, тысячи 2 ассигнаціями, т. е. меньше 600 р. с. У него въ домѣ жили его племянники, сыновья сестеръ его, Дерптскіе студенты или гимназисты; росли двѣ племянницы Воейковы, одно время три. Моя бабушка, теща Моіера, которую онъ любилъ и уважалъ и о которой онъ заботился, какъ о родной матери, тоже жила съ нимъ. Уѣзжая изъ Дерпта (какъ узнала я изъ отчетовъ его Бѣднаго дома, которые мнѣ въ Дерптѣ сообщали), онъ оставилъ капиталъ въ 5000 рублей сер. въ банкѣ, проценты съ котораго должны быть употребляемы на содержаніе этой богадѣльни. По смерти отца на ней прибили вывѣску Moiersches Armenhaus. Окна этого дома противъ могилы моей матери. Старухи (ихъ теперь уже 24) говорили мнѣ, что молятся за него и за нее, глядя на крестъ на ея могилѣ. Вотъ какова была ихъ общественная дѣятельность.

Теперь о томъ, какой онъ былъ семьянинъ и какой былъ онъ благородный, умный, любезный, острый въ семейной жизни. Ф. Ф. Вигель говоритъ въ своихъ мемуарахъ, что, проѣзжая черезъ Дерптъ, захотѣлъ увидѣть ту, которую такъ любилъ Жуковскій, пошелъ познакомиться съ моей матерью и очень былъ удивленъ, увидавъ, ея мужа, *толстаго, бѣлокураго Нѣмца, лицомъ напоминающаго мясника!* Отецъ мой былъ очень красивъ, руки его были такъ изящны и малы, что

имъ могла бы позавидовать любая красавица; манеры его были необыкновенно изящны, онъ былъ очень образованъ, музыку зналъ въ совершенствѣ и превосходно игралъ на фортепьянахъ. Онъ прекрасно разсказывалъ и очень ясно и кратко излагалъ. Слушатели его говорили, что его лекціи, на которыя онъ часто опаздывалъ, полезнѣе для нихъ, хотя бы продолжались полчаса вмѣсто часа.

Кромѣ родныхъ жили у насъ еще въ домѣ въ разное время Зейдлицъ и Даль. Оба, особливо первый, остались на всю жизнь нашими самыми искренними, преданными друзьями. Пироговъ тоже жилъ въ нашемъ домѣ одно время; но, видно, это время не оставило въ немъ благодарнаго воспоминанія объ отцѣ моемъ, что меня очень удивило. Онъ очень многимъ обязанъ былъ отцу моему. Отецъ мой заступился за него, когда его за лѣнь собирались исключить изъ числа профессорскихъ студентовъ, присланныхъ на казенный счетъ готовиться къ слушанью лекцій въ чужихъ краяхъ.

До послѣднихъ 12 или 13 лѣтъ своей жизни, отецъ мой былъ необыкновенно веселый собесѣдникъ, очень любимъ въ обществѣ, смѣхъ его былъ веселый, заразительный, какой я когда-либо слыхала. Ректорство и многія другія обстоятельства мало-по-малу отняли у него беззаботность и веселье. Университетъ былъ въ опалѣ (хоть и не такой какъ теперь, когда его уничтожаютъ совсѣмъ) и находился подъ особеннымъ гоненіемъ правительства. Приходилось безпрестанно бояться, какъ бы не отдали въ солдаты кого-нибудь изъ студентовъ. А солдатчина тогда была на 25 лѣтъ, съ палками, розгами, сквозьстроемъ.

Жизнь въ нашемъ домѣ въ Дерптѣ была веселая, но очень простая. Напримѣръ, праздникомъ для племянниковъ отца моего и домочадцевъ было: уходить съ утра въ Бѣдный домъ, весною, чтобы собственноручно вспахать тамъ огородъ, посадить картофелю, сдѣлать грядки и разсадить капусту, а осенью убрать. Отецъ и мать моя, разумѣется, шли съ ними и работали вмѣстѣ и больше дѣтей. Тамъ готовили имъ незатѣйливый обѣдъ; возвращались вечеромъ, кончивъ заданный себѣ урокъ. И меня брали они съ собой, но я этого не помню (мнѣ еще не было трехъ лѣтъ, когда скончалась мать моя). Я знаю объ этомъ изъ писемъ матери моей. Когда бывалъ у отца бѣдный паціентъ въ городѣ, онъ лѣчилъ его также внимательно, такъ же тщательно, какъ и богатаго; у насъ на кухнѣ готовилась пища для него, а часто и для семьи его, и обѣдъ этотъ мать моя иногда сама относила вмѣстѣ съ Полюшкой, моей няней, которая мнѣ это разсказывала.

Смерть матери на всю жизнь отца подѣйствовала сильно: онъ въ одинъ годъ (1823) посѣдѣлъ совершенно. Когда Авдотья Петровна Елагина увидала его въ этомъ году и ахнула, онъ сказалъ ей: «C'est

la poudre du voyage», разумѣя ту пыль, которую налагаетъ на насъ путь жизни. Сознаніе строгаго исполненія долга, пользы, которую онъ приносилъ, сознаніе честной, безупречной жизни его поддержали. Онъ умеръ въ Бунинѣ въ 1858 году 1-го Апрѣля, протянувъ руки впередъ, и воскликнувъ «Маша!» Я убѣждена, что за нимъ пришла мать моя. Потомъ онъ перекрестился и сложилъ руки крестомъ на груди. Теперь еще живы мужики, помнящіе его; они вспоминаютъ о немъ съ любовью и благодарностью. Когда была объявлена эманципація, и имъ вручили манифестъ, они пошли на его могилу и громко запѣли: «Святый Боже, святый крѣпкій и проч.». Больной за мѣсяцъ до смерти, онъ присоединился къ нашей церкви, послалъ сказать объ этомъ крестьянамъ и звать всѣхъ поздравить его. Они пришли, и онъ по случаю этого событія роздалъ имъ почти весь находившійся въ амбарахъ хлѣбъ. Я убѣждена, что, если бы онъ, здоровый, прожилъ еще года два, наши крестьяне были бы свободны до общаго освобожденія.

У него была артель рабочихъ въ 20 человѣкъ, 20 рабочихъ лошадей, телѣгъ, сохъ, боронъ и проч. Прикупленная къ Бунину земля въ Черногрязкахъ обрабатывалась этими наемными рабочими; онъ хотѣлъ мало-по-малу все прибавлять рабочихъ, прикупать лошадей, телѣги, сани и проч., и со временемъ всѣ свои поля обработывать наймомъ, а крестьянскую землю предоставить имъ даромъ. Когда введены были общественные магазины (нынѣ уничтоженные), отецъ мой вырѣзалъ крестьянамъ изъ своего поля 12 десятинъ, сборъ съ которыхъ шелъ на пополненіе магазина. Когда магазинъ былъ полонъ, земля эта возвратилась въ господское поле. Артель его зимою била масло на нашей маслобойнѣ; съ каждаго двора отецъ бралъ извѣстное количество конопли, ее пробивали, масло продавалось, жмыхи отдавались владѣльцамъ конопли. Отецъ мой за крестьянъ платилъ подушныя (въ то время по 1 рублю съ души, теперь же, въ 1886 году, съ выкупомъ почти 15 рублей); конопля, которая была взята у крестьянъ, разсчитывалась по самой дорогóй, въ теченіе зимы, цѣнѣ, и мужикамъ раздавалось все, что̀ приходилось имъ за уплатою подушныхъ. Изъ господскихъ луговъ нѣсколько десятинъ косилось въ пользу крестьянъ; но сѣно это не отдавалось имъ на руки, а сохранялось у насъ, и выдавалось весной, во время посѣва овса. Всякіе поборы, какъ бывали у другихъ помѣщиковъ, у насъ были отмѣнены; за всякую посылку мужика платилось, и на это была такса: въ Орелъ 75 коп., въ Болховъ 1 рубль, въ Петрищево 1 р. 50 к. за лошадь. У крестьянъ Бунинскихъ было тогда очень много лошадей; мнѣ разъ случилось выставить на подставы 10 троекъ. Лошади были сытыя, выѣзженныя. Проданные рожь и овесъ отвозились тоже съ най-

ма; во время крѣпостного права у насъ платили съ пуда, смотря по разстоянью, дороже если продавали въ полѣсье, потому что тогда на возвратныхъ подводахъ привозили дрова или лѣсъ для построекъ. Строила артель; они были каменщики и плотники. Домъ въ Бунинѣ строенъ артелью подъ руководствомъ одного пацієнта отца моего. Одинъ бѣдный каменщикъ пріѣхалъ въ Дерптъ изъ Германіи искать работы, отморозилъ себѣ руку, и отецъ мой принужденъ былъ ему ее отрѣзать. Когда пришло время ему выдти изъ клиники, этотъ несчастный заплакалъ и сказалъ отцу моему: «Вы спасли мнѣ жизнь, для того, чтобы я умеръ съ голоду». Отецъ предложилъ ему ѣхать съ нимъ въ Бунино и научить рабочихъ, которыхъ онъ дастъ ему, дѣлать кирпичи и возводить каменныя стѣны. Тотъ съ благодарностью принялъ мѣсто, и вотъ начало артели, которая, если бы мысли отца моего осуществились, могла бы, можетъ быть, имѣть огромное значеніе для освобожденія крестьянъ, совсѣмъ на другихъ началахъ. Но отецъ мой не любилъ говорить о томъ, что̀ имъ еще не сдѣлано. Мы одни, мужъ и я, знали что̀ онъ замышляетъ. Обработка крестьянской земли также строго наблюдалась имъ, какъ и господской; онъ хорошо зналъ хозяйство полевое, всякій день объѣзжалъ свои и крестьянскія поля, заставлялъ ихъ перепахивать землю, такъ же какъ и свою, когда находилъ, что она дурно вспахана. Трехдневная барщина у насъ не наблюдалась; смотря по надобности иногда всю недѣлю работали на нашемъ полѣ, а иногда на крестьянскомъ. Тоже во время сѣнокоса. Частые передѣлы строго запрещались, тоже и раздѣлы. Наказанья розгами за работу не бывало. Высѣкли одинъ разъ сына по просьбѣ отца, котораго сынъ билъ.

Вы, дѣти, можете благодарить Бога за то, что ваши дѣды и прадѣды были честные, благородные, замѣчательно образованные люди. Дай Богъ, чтобы вы были достойны ихъ. Надѣясь, что вы будете жить въ Бунинѣ, хочу, чтобы вы знали, что посажены вашимъ прадѣдомъ садъ и всѣ рощи. Онъ посадилъ въ одну осень 140 тысячъ березъ. Когда мы въ 1837 году пріѣхали изъ Дерпта въ Бунино, здѣсь не было ни одного дерева, кромѣ Пожаровскихъ и Вышнихъ дубовъ. Глядя на эти рощи, вспоминайте о томъ, кто вамъ ихъ приготовилъ. Есть одна березовая аллея, ведущая отъ воротъ въ садъ, къ колодцу; ее собственноручно посадилъ отецъ мой въ одну безсонную ночь, вернувшись отъ родильницы, которая умерла: ему это напомнило смерть жены его. Не знаю, увижу ли я кого изъ васъ, и будете ли вы когда-нибудь существовать, но пишу все это затѣмъ, что если будутъ дѣти у моей Маши, чтобъ они знали, что noblesse oblige, въ томъ смыслѣ, что внуки *хорошихъ* предковъ должны подражать имъ.

Бунино. Іюнь 1886 г.

УБІЕНІЕ ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ ВЪ УГЛИЧѢ *).

Смерть царевича Дмитрія имѣла для исторіи Россіи громадное значеніе, такъ какъ она была одной изъ причинъ смутной эпохи, когда вѣра и народность Россіи подвергались крайней опасности погибнуть навсегда подъ вражескимъ напоромъ Поляковъ, Іезуитовъ и внутренней неурядицы. Современники этой эпохи сознавали ея значеніе и оставили намъ много историческаго матеріала, въ которомъ историки до сихъ поръ еще не разобрались, какъ слѣдуетъ, хотя смутное время имѣетъ самую обширную литературу. Вопросъ объ убіеніи царевича Дмитрія принадлежитъ къ наименѣе темнымъ; но и въ немъ есть рядъ сомнительныхъ чертъ, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ. Въ то время, какъ Карамзинъ, Соловьевъ и Иловайскій признаютъ безспорнымъ, что царевичъ Дмитрій былъ убитъ въ Угличѣ 15 Мая 1591 г., среди бѣлаго дня, что тѣло его лежало на виду всѣхъ гражданъ Углича съ перерѣзаннымъ горломъ и потомъ положено было въ церкви Спаса Преображенія, многіе еще даютъ вѣру сказанію, пущенному въ ходъ самозванцемъ, что царевичъ не былъ убитъ, а вмѣсто него *ночью* убитъ другой мальчикъ. Устряловъ признаетъ, что царевичъ былъ убитъ; но думаетъ, что еще не рѣшено, кто былъ виновникомъ его кончины (Сказ. Соврем. II ч., стр. 265) «Для каждой души благородной было бы утѣшительно снять проклятіе съ мужа великаго, обвиняемаго, можетъ быть, только по стеченію обстоятельствъ» (тамъ же, стр. 288). Изслѣдованіе историческихъ фактовъ показываетъ, что Годуновъ былъ дѣйствительно великій мужъ въ правленіи, но онъ не былъ хорошимъ

*) Подлинное слѣдственное дѣло о событіи 15 Мая 1591 года находится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Рукопись, состоящая изъ склеенныхъ одна за другою „сказокъ“ или показаній, которыя отбирались отъ привлеченныхъ къ слѣдствію лицъ, удивляетъ своею сохранностью, крѣпостью бумаги и свѣжестью чернилъ. Она напечатана въ Румянцовскомъ Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ А. Ѳ. Малиновскимъ; но рукопись не полна и въ самомъ началѣ ея находится современная, неизданная доселѣ помѣта о томъ, что дѣло сохранилось не все. Угличскимъ событіемъ началось Смутное время, неизбѣжное послѣдствіе дѣятельности Іоанна Грознаго. Было отчего изолгаться Русскимъ людямъ. П. Б.

человѣкомъ. Онъ неспособенъ былъ стѣсняться въ погубленіи людей, стоявшихъ на пути его стремленій къ власти.

1582 года 19 Октября, въ день памяти св. мученика Уара, у царя Ивана Васильевича Грознаго, отъ седьмой его супруги Маріи, изъ рода Нагихъ, родился сынъ, названный Димитріемъ. Только одинъ годъ и пять мѣсяцевъ ребенокъ съ матерью оставался при царскомъ дворѣ. 18-го Марта 1584 г. умеръ царь, и въ туже ночь шуринъ царя Ѳеодора Ивановича, Борисъ Годуновъ съ своими совѣтниками возложилъ на Нагихъ измѣну, повелѣлъ ихъ поймать и однихъ отдать приставамъ, другихъ заключить въ темницу. (Нов. Лѣтоп., стр. 21). Юнаго царевича вмѣстѣ съ матерью и многими Нагими бояре сочли нужнымъ удалить въ Угличъ. «Каковы бы ни были въ частности поводы къ высылкѣ Нагихъ и Бѣльскаго, смыслъ этой мѣры внѣ спора: ни Нагіе, ни Бѣльскій на самомъ дѣлѣ не поднимали крамолы противъ Ѳеодора, но пребываніе въ Москвѣ, какъ ихъ самихъ, такъ и питомца ихъ, маленькаго Димитрія, показалось опаснымъ для старшаго царевича, хотя и нареченнаго царемъ, но неспособнаго къ правленію». (Очерки исторіи Смуты, С. Ѳ. Платонова, стр. 196.). Такъ съ самаго начала для царствованія Ѳеодора Ивановича присутствіе маленькаго царевича Димитрія въ Москвѣ показалось опаснымъ, бояръ и его удаляютъ въ Угличъ. Кто были эти бояре? По всей вѣроятности, это были тѣ самые бояре, которыхъ Грозный назначилъ сыну своему Ѳеодору помощниками въ трудномъ дѣлѣ управленія государствомъ: князь Иванъ Петровичъ Шуйскій, Иванъ Ѳеодоровичъ Мстиславскій, Никита Романовичъ Юрьевъ, Борисъ Годуновъ и Бѣльскій. Несомнѣнно, главнымъ руководителемъ высылки царевича былъ Борисъ Годуновъ. Ему, какъ шурину царя, болѣе всѣхъ было важно удержать на престолѣ царя Ѳеодора, и онъ болѣе всѣхъ соправителей, при помощи сестры своей, царицы Ирины, имѣлъ вліянія на царя Ѳеодора. Годунову болѣе всѣхъ было выгодно удалить изъ Москвы царевича Димитрія и Нагихъ, какъ лицъ, могущихъ вмѣшиваться въ дѣла правленія. Дальнѣйшія дѣйствія Годунова показали, что онъ послѣдовательно отдѣлывался отъ своихъ соправителей. За Нагими быстро послѣдовалъ Бѣльскій. Люди *знатные* возмутили народъ, распустивъ ложную молву, что Бѣльскій отравилъ Іоанна, думаетъ погубить Ѳеодора, умертвить всѣхъ бояръ и возвести на престолъ своего друга и совѣтника Бориса Годунова. Бояре знали невинность Бѣльскаго, но не очень защищали его передъ народомъ, и предложили его выслать изъ Москвы, что̀ немедленно и сдѣлали, отправивъ его воеводою въ Нижній Новгородъ. Чтобы отвратить отъ себя подозрѣніе въ возмущеніи черни, Годуновъ наказалъ явныхъ возбудителей ея, Ляпуновыхъ и Кикиныхъ. Такъ въ первый же годъ смер-

ти Грознаго былъ удаленъ изъ Москвы одинъ соправитель. Въ 1585 году Борисъ приказалъ схватить князя Ивана Ѳеодоровича Мстиславскаго, сослать въ Кириловъ монастырь и тамъ постричь его. Боярин Никита Романовичъ Юрьевъ, хотя и пользовался большимъ вліяніемъ на государственныя дѣла, но, по слабости своего здоровья, не былъ опаснымъ соправителемъ и своею смертью въ 1586 г. избавилъ Годунова еще отъ одного соправителя. Въ 1587 г. Годуновъ покончилъ съ княземъ Иваномъ Петровичемъ Шуйскимъ. Борисъ имѣлъ на Шуйскихъ большую злобу (Нов. Лѣтопис., стр. 26.), но Шуйскіе поддерживались торговыми людьми и чернью. Митрополитъ Діонисій желалъ помирить враждующихъ, призвалъ ихъ къ себѣ, убѣждалъ и упрашивалъ прекратить вражду. Оба согласились исполнить желаніе митрополита и дали въ этомъ клятву. Когда князь Иванъ Петровичъ объявилъ, по выходѣ отъ митрополита, торговымъ людямъ, что они съ Борисомъ помирились и впредь враждовать съ нимъ не хотятъ, то изъ толпы вышли два человѣка и сказали: Сей миръ на пагубу нашимъ головамъ, да и вамъ, князь Иванъ Петровичъ, отъ Бориса пропасть. Въ туже ночь Борисъ приказалъ этихъ двухъ человѣкъ схватить и «не увѣда никто, камо подѣшася», на Шуйскихъ же научилъ людей ихъ, съ Ѳеодоромъ Старковымъ во главѣ, сдѣлать доносъ, по которому ихъ обвинили въ измѣнѣ и взяли подъ стражу. Вмѣстѣ съ Шуйскими взяты были Татевы, Колычевы, Иванъ Крюкъ-Колычевъ, Андрей Быкасовъ съ братьею и Урусовы. Князя Ивана Петровича Шуйскаго сослали сначала въ его помѣстье Лопатицы, а оттуда на Бѣлоозеро и тамъ удавили. Князя Андрея Ивановича Шуйскаго Борисъ сначала сослалъ въ село Воскресенское, а потомъ въ Каргополь и тамъ тоже приказалъ удавить. Князя Ивана Татева сослали въ Астрахань, Крюкъ-Колычева въ темницу въ Нижній Новгородъ, Быкасовыхъ и иныхъ дворянъ многихъ разослали по разнымъ городамъ, гостей Ѳеодора Нагая и съ нимъ шесть человѣкъ казнили на Москвѣ, многихъ торговыхъ людей разослали по разнымъ городамъ и по темницамъ. Такъ изъ сопровителей никого не осталось. За исключеніемъ Никиты Романовича, всѣ они сдѣлались жертвой насилія Годунова. Эти злодѣйства вынудили митрополита Діонисія предъ лицемъ царя Ѳеодора и въ присутствіи бояръ назвать Годунова клеветникомъ и тираномъ. Діонисій утверждалъ, что Шуйскіе и друзья ихъ гибнутъ отъ алчнаго властолюбія Годунова невинно. Крутицкій архимандритъ Варлаамъ поддерживалъ митрополита и обличалъ Годунова. Эти обличенія не имѣли никихъ послѣдствій для Годунова; напротивъ, для митрополита и архіепископа они кончились дурно: они были сосланы въ заточеніе, гдѣ и скончались.

Дѣйствія Годунова ясно свидѣтельствуютъ о его крайней жестокости, которая нисколько не подчинялась нравственнымъ началамъ. Для него клятва, священный санъ, заслуги были ничто. Воспитанный въ кровожадной школѣ Іоанна Грознаго, Годуновъ не былъ способенъ стѣсняться безвинно отнимать жизнь у своихъ противниковъ. Дѣйствія Годунова по отношенію къ Маріи Владимировнѣ, дочери Владимира Андреевича Старицкаго, показываютъ, что онъ не враговъ своихъ только преслѣдовалъ, но очищалъ себѣ дорогу къ престолу. Мужъ этой Маріи Владимировны, Магнусъ, умеръ еще при жизни Іоанна Грознаго въ Пильтенѣ. Вдова оставалась тамъ съ своею дочерью. И вотъ Годуновъ вызываетъ ее въ Москву, обѣщая богатый удѣлъ и знаменитаго женіха. Та пріѣзжаетъ въ Москву. Но здѣсь ей вмѣсто удѣла назначаютъ монастырскія стѣны, а двухлѣтняя дочь ея умираетъ какою-то неестественною смертью. Это Марія была правнучка Іоанна III-го. Въ случаѣ кончины Ѳеодора и Димитрія могли предъявить ея права на Московскій престолъ. Вотъ эту-то наслѣдницу такъ нагло устраняетъ Борисъ. Если жену Магнуса, правнучку Іоанна III, Борисъ находилъ нужнымъ устранить съ своего пути, то въ отношеніи къ царевичу Димитрію ему было необходимо дѣйствовать еще по чувству самохраненія. Борису, какъ близкому человѣку къ царю Ѳеодору, было хорошо извѣстно слабое здоровье царя. Онъ зналъ, что со смертью Ѳеодора царскій престолъ долженъ перейти къ Димитрію, а до его совершеннолѣтія власть будетъ находиться въ рукахъ Нагихъ, которымъ онъ причинилъ столько зла, тѣхъ Нагихъ, которые воспитывали въ царевичѣ ненависть къ Годунову, какъ къ его личному врагу. (Сказанія Авраамія Палицына, Историч. Библіот. т. XIII, стр. 475). Борисъ понималъ, что со смертью слабаго Ѳеодора онъ терялъ не только имущество и власть, но опасность грозила даже его жизни и жизни его семейства. Чѣмъ была больше власть, больше имущества, тѣмъ труднѣе было разстаться съ ними. Власть же и имущество Бориса были громадны: онъ имѣлъ званіе царскаго конюшаго, титулъ ближняго великаго боярина, намѣстника царства Казанскаго и Астраханскаго. Къ своимъ родовымъ имѣніямъ въ Вязьмѣ и Дорогобужѣ онъ присоединилъ доходы земли Двинской, Ваги, всѣ луга на берегу Москвы-рѣки съ лѣсомъ и пчельниками, разные казенные сборы Московскіе, Рязанскіе, Тверскіе и Сѣверскіе. Съ помощью сестры своей Ирины Годуновъ совершенно овладѣлъ особою царя Ѳеодора и не былъ уже просто временщикомъ и любимцемъ царя, но властителемъ царства, правителемъ, какъ его называли, правителемъ единодержавнымъ. Было рѣшено царемъ, что «отъ конюшаго и боярина Бориса Ѳеодоровича Годунова грамоты писать къ цесарю Римскому и брату его Максими-

ліану пригоже, нынѣ и впредь: это царскому имени къ чести и прибавленью, что его государевъ конюшій и бояринъ ближній станетъ ссылаться съ великими государями, да и къ инымъ кб всѣмъ государямъ, которые станутъ къ Борису Ѳеодоровичу грамоты писать; отвѣтныя отъ Бориса Ѳеодоровича грамоты писать въ Посольскомъ Приказѣ вмѣстѣ съ государевыми грамотами» (Соловьевъ, т. VII, стр. 334). Такъ Борисъ продвигался къ престолу. Ему необходимо было овладѣть престоломъ не по одному властолюбію, а по чувству самохраненія (Соловьевъ т. VIII, стр. 17). Чтобы удержать власть въ своихъ рукахъ, чтобы не быть убитымъ или по крайней мѣрѣ сосланнымъ, Борису нужно было самому сдѣлаться царемъ, а для этого необходимо было устранить царевича Димитрія. Оспаривать его право на престолъ тѣмъ, что онъ сынъ седьмой супруги Іоанна Грознаго, предъ Русскимъ народомъ было невозможно: бракъ этотъ былъ нарушеніемъ церковныхъ правилъ, но все-таки былъ бракъ, а Димитрій Іоановичъ былъ сынъ царя Грознаго, признанный всѣмъ народомъ; его иначе не называли какъ царевичъ, а мать его царицею. Пребываніе царевича въ Угличѣ, вдали отъ брата царя, дѣлало возможнымъ безъ шума отдѣлаться отъ него. Борисъ и прежде по отношенію къ врагамъ своимъ пользовался такою политикою, что сначала вышлетъ изъ Москвы, а тамъ прикажетъ удавить: такъ онъ поступилъ съ Шуйскими. Конечно Борису было бы пріятнѣе спровадить на тотъ свѣтъ царевича какъ можно незамѣтнѣе. Попытки въ этомъ направленіи дѣлались. Не безъ основанія царица Марья юродивую женку, которая жила у Михаила Битяговскаго, хаживала къ Андрею Нагому и въ домъ къ ней царицѣ, велѣла чрезъ два дня послѣ смерти царевича, добыть и убить, что будто-сь та женка царевича портила (Сказ. соврем. т. II, стр. 269). Когда порча не удалась, Годуновъ рѣшается дѣйствовать болѣе открыто. Онъ созываетъ единомышленниковъ своихъ Годуновыхъ и совѣтниковъ Андрея Клешнина съ товарищи. Дѣло объ убіеніи царевича Димитрія не было личнымъ только дѣломъ Годунова, оно было дѣломъ и его партіи: вмѣстѣ съ Годуновымъ погибали и его приверженцы. Поэтому ничего нѣтъ невѣроятнаго, что Годуновъ на совѣтъ объ убіеніи царевича приглашаетъ единомышленниковъ своихъ. «Обыкновенный убійца могъ обойтись безъ соучастниковъ и совѣтниковъ, но не могъ безъ нихъ обойтись правитель Годуновъ: не самому же ему было ѣхать въ Угличъ, для совершенія преступленія», говоритъ Соловьевъ (т. VII, стр. 470, примѣч. 131). Годунову нечего было бояться обнаруженія своего намѣренія: а) лица, которыхъ онъ призвалъ на совѣтъ, были сами заинтересованы въ этомъ дѣлѣ и, стало быть, не въ ихъ интересахъ было разбалтывать о немъ; б) Годунову нечего

было бояться обнаруженія своего намѣренія по безнаказанности для него даже въ случаѣ и обнаруженія. Вся власть находилась у него въ рукахъ, всѣ дѣла, доходившія до царя, если и доходили, то лишь чрезъ него. Дѣло велось настолько открыто, что на совѣтъ объ убіеніи царевича попадали люди, не сочувствующіе этому дѣлу. Такъ одинъ изъ родственниковъ Бориса Годунова, Григорій Васильевичъ Годуновъ «не приста къ совѣту ихъ и плакался горько, они же начаша его чуждатися и въ совѣтъ его къ себѣ болѣе не призывали». Прочіе же совѣтники Борисовы рѣшились, для убіенія царевича, послать въ Угличъ одного изъ двухъ своихъ сообщниковъ, Владимира Загряжскаго и Никифора Чепчугова. Но ни тотъ, ни другой не захотѣли принять на себя исполненіе порученія. «Возвѣстиша же Борису ихъ нехотѣніе; онъ же зѣло скорбяше о томъ, яко не обрѣтаетъ по хотѣнію своему, дабы кто исполнилъ волю его и убилъ царевича Димитрія. Совѣтникъ же Борисовъ Андрей Клешнинъ рече къ Борису: не скорби, господине, азъ твоему желанію сотворю исполненіе. Борисъ же, возрадовався, рече ему: аще самъ сіе сотвориши, или иного кого обрящеши, дабы сіе сотворилъ, азъ имамъ многіе дары дати; *зла же никоего не будетъ за то*, азъ бо васъ защитити имамъ. Преждереченнымъ же Владимиру и Никифору той Борисъ многія бѣды и напасти содѣя». Андрей Клешнинъ собралъ единомышленниковъ своихъ у себя и обѣщалъ богатство и знатность тому, кто исполнитъ волю Бориса Ѳеодоровича; но всѣ отказались за исключеніемъ Михаила Битяговскаго, котораго Борисъ призвалъ къ себѣ, обѣщалъ ему воздать большую честь, одарилъ дарами и «отпусти» на Угличъ. Отпустилъ; такъ сказано потому, что Михаилъ Битяговскій и ранѣе жилъ въ Угличѣ, въ Москву же онъ былъ вызываемъ, чтобы получить новое порученіе, которое онъ взялся исполнить. Такимъ образомъ во главѣ заговора на жизнь царевича былъ поставленъ Михаилъ Битяговскій. Онъ одинъ являлся къ Борису, прочіе же соучастники были выбраны уже самимъ Битяговскимъ. То были: сынъ его Даніилъ Битяговскій, Никита Качаловъ и Осипъ Волоховъ, сынъ мамки царевича, вдовы Василисы Волоховой. Эта Василиса была «вящая боярыня, отъ малаго рода: прежде была постельница, потомъ возлюбила ее царица Марья Ѳеодоровна и пожаловала ее въ боярыни у себя, и жаловала ее паче всѣхъ иныхъ боярынь (Истор. Библіот. 7. XIII. Сказаніе о царствѣ Ѳеод. Ив., стр. 765). Она, равно и сынъ ея и Никита Качаловъ, были отправлены въ Угличъ вмѣстѣ съ отправленіемъ туда царицы и царевича (Нов. Лѣтоп., стр. 21). Такимъ образомъ Борисъ Годуновъ нашелъ исполнителей своей воли въ числѣ самыхъ приближенныхъ лицъ ко двору царевича. Нельзя отказать заговорщикамъ въ большомъ искусствѣ составленія

заговора. Нельзя также не признать, что для устройства всего заговора потребовались большія средства.

Вотъ какъ лѣтопись повѣствуетъ о совершеніи убійства. 15 Мая 1591 года, въ Субботу, царевичъ былъ у обѣдни вмѣстѣ съ матерью. Послѣ обѣдни, когда понесли кушанье наверхъ къ царицѣ (показаніе истопниковъ), и отправились къ себѣ на подворье обѣдать дяди царевича Михаилъ и Григорій Нагіе, а Андрей Александровичъ Нагой былъ у ѣствы въ домѣ царицы, Василиса Волохова, вопреки желанію кормилицы, вывела царевича изъ комнатъ, для прогулки. Кормилица шла сзади. На нижнемъ крыльцѣ встрѣтилъ царевича Осипъ Волоховъ; какъ свой человѣкъ, онъ взялъ царевича за руку и сказалъ: у тебя, государь, новое ожерелье. Царевичъ отвѣчалъ: «Это не новое ожерелье, а старое» и, чтобы показать его, поднялъ голову. Тогда Волоховъ ударилъ царевича ножемъ по шеѣ. Ударъ былъ поверхностный. «Удари ножемъ по выи и не улучи гортани его». Кормилица начала кричать, бросилась на царевича, «паде вверху его», т. е. хотѣла закрыть царевича собою. Испугавшись крика, Осипъ Волоховъ бросилъ ножъ и побѣжалъ прочь. Сообщники же его, сынъ Михаила Битяговскаго, Даніилъ Битяговскій и Никита Качаловъ, начали бить лежавшую вверху царевича кормилицу за то, что она кричала, увидали, что царевичъ еще живъ, дорѣзали его и тоже убѣжали. Въ своемъ слѣдственномъ показаніи Василиса Волохова говоритъ, что когда царевичъ въ болѣзни черной покололся ножемъ, то царица Марья сбѣжала на дворъ. Михаилъ и Григорій Нагіе прибѣжали вскорѣ съ своего подворья, когда тѣло царевича еще трепетало (показ. Григорія Нагого). Судорожныя подергиванія при наступленіи остраго малокровія мозга продолжаются не особенно долго; такъ что, если Нагіе успѣли застать еще трепещущее тѣло царевича, то они пришли скоро. Царица же пришла прежде ихъ. Она выбѣжала на крикъ кормилицы и могла видѣть даже убійцъ, тѣмъ болѣе, что кормилица закричала тотчасъ послѣ нанесенія раны царевичу Осипомъ Волоховымъ, вторые же убійцы задержаны были на мѣстѣ преступленія расправою съ кормилицей и довершеніемъ преступленія. Если царица Марія и не увидала сама убійцъ, то она узнала о нихъ отъ кормилицы. Всѣ убійцы были люди извѣстные при дворѣ царицы Маріи Ѳеодоровны. Кормилица не могла не сказать, что мамка Василиса Волохова насильно повела царевича на прогулку, что сынъ этой Волоховой первый нанесъ царевичу рану по горлу, и что онъ ему говорилъ объ ожерельи. И «начала царица Волохову бить полѣномъ, и стала ей Василисѣ говорить, что сынъ ея Осипъ съ Михайловымъ сыномъ Битяговскимъ, да Никита Качаловъ царевича Димитрія зарѣзали» (показ. Волоховой). Такимъ образомъ изъ

показанія Василисы Волоховой узнаёмъ, кто прежде всѣхъ назвалъ убійцъ царевича, это была мать царевича—Марья. Царица убѣждена была въ виновности Волоховой; она бьетъ ее полѣномъ и приказываетъ бить ее Нагому. Между тѣмъ кормилицу она не бьетъ и не считаетъ ее участницею въ заговорѣ. Сама Василиса въ своемъ показаніи предъ слѣдственной комиссіей показываетъ, за что ее била царица: «Почала ей Василисѣ приговаривать, что будто сынъ ея Василисинъ Осипъ, съ Михайловымъ сыномъ Битяговскимъ, да Никита Качаловъ царевича Димитрія зарѣзали». Когда по набату на царскій дворъ сбѣжались посадскіе и всякіе люди, то царица велѣла имъ взять Василису, и ее, ободранную и простоволосую, держали предъ царицей. Когда на дворъ прибѣжалъ Михаилъ Битяговскій, то царица Марья и брать ея, Михаилъ Нагой, велѣли убить Михаила Битяговскаго и Никиту Качалова и Даніила Третьякова, а говорила царица міру: «То-де душегубцы царевичу». Такъ царица Марья нѣсколько разъ опредѣленно указала убійцъ своего сына; по ея показанію, посадскіе люди ихъ убиваютъ. Толпа въ своихъ дѣйствіяхъ разбиралась. Осипа Волохова не убили на дворѣ Михаила Битяговскаго, куда онъ убѣжалъ, а его представили предъ царицу и убили, когда изъ устъ ея услышали, что это убійца ея сына.

Такимъ образомъ, хотя въ слѣдственномъ дѣлѣ нѣтъ показаній царицы, но изъ показаній Волоховой мы узнаёмъ, что̀ кого она считала убійцами своего сына и на кого указывала. Есть ли какое-нибудь основаніе не довѣрять словамъ царицы въ данномъ случаѣ? Нѣтъ никакого. Она могла знать и видѣть, о чемъ говорила. Она первая явилась на крикъ кормилицы и застала преступленіе почти въ самую минуту его совершенія. Тутъ была кормилица, которая видѣла *все*. Трудно повѣрить, чтобы у трупа своего единственнаго царственнаго сына, который составлялъ всю надежду несчастной матери, царица стала напрасно обвинять ни въ чемъ неповинныхъ людей въ смерти его. Трудно повѣрить, чтобы она сама стала бить свою любимую боярыню, приказала ее бить Григорью Нагому и напрасно, наконецъ приказала убить ея сына Осипа Волохова. Мы не можемъ также заподозривать свидѣтельство кормилицы предъ царицей. Подробности убійства, разговоръ Осипа Волохова съ царевичемъ, что отъ перваго удара по выѣ царевичъ не умеръ, наконецъ крикъ кормилицы, который услышала царица, указаніе именъ убійцъ, людей извѣстныхъ, все это говоритъ, что кормилица не хотѣла скрывать истину и была права. И если при розыскѣ ея показаніе записано такъ: «Ходилъ царевичъ Димитрій въ Суботу по двору, игралъ съ жильцы ножикомъ, и она того не уберегла, какъ пришла на царевича болѣзнь

черная; а у него въ тѣ поры былъ ножъ въ рукахъ, и онъ ножемъ покололся, и она царевича взяла къ себѣ на руки, и у нея царевича на рукахъ не стало». Можно навѣрное сказать, что такого показанія кормилица не давала. Показаніями кормилицы Орины власти не были довольны. По окончаніи слѣдствія, когда «Углицкое дѣло по договору вершили, а по тѣхъ людей, которые въ дѣлѣ объявились, велѣлъ государь посылати», то привезли въ Москву Нагихъ, кормилицу Димитрія съ мужемъ и вѣщуна Мочалова». Если кормилицу Орину обвинили въ неприсмотрѣ за царевичемъ, то эта вина падала въ большей мѣрѣ на Василису, а между тѣмъ эта послѣдняя не была обвинена, а даже послѣ получила «имѣнія многая». Изъ дѣла очевидно, что при совершеніи преступленія были только: Василиса Волохова, кормилица Орина, быть можетъ въ концѣ мать царица Марья и преступники. Нагіе пришли позже и не могли видѣть самаго преступленіа, какъ характерно и показываетъ Андрей Нагой: «прибѣжалъ тутожъ къ царицѣ, а царевичъ лежитъ у кормилицы на рукахъ мертвъ; а *сказываютъ*, что его зарѣзали; а онъ того не видалъ, кто его зарѣзалъ». Въ показаніи жильцовъ, съ которыми будто игралъ царевичъ, есть такая странность. Они говорятъ: «Были за царевичемъ *въ тѣ поры* они четыре человѣка жильцовъ, да кормилица, да постельница»; про Волохову они не показываютъ, а Волохова несомнѣнно была. Изъ этого мы въ правѣ заключить, что жильцовъ-то самихъ не было. Для уясненія дѣла характерны показанія архимандрита Ѳеодорита и игумена Саватія. Они «послали слугъ провѣдать... и слуги имъ пришедчи, сказали, что они слышали отъ посадскихъ людей и отъ посошныхъ, что будто-се царевича Димитрія убили, а того невѣдомо, кто его убилъ; и они пріѣхали въ городъ; и какъ они пріѣхали въ городъ, а царевичево тѣло ужъ въ Спасѣ лежитъ; а Михайло Битяговскій и сынъ его Данило, и Никита Качаловъ, и Данило Третьяковъ, и Михайловы люди Битяговскаго, и Осиповы люди Волохова, посадскіе люди три человѣка лежатъ побиты. А Осипа Волохова привели при нихъ, при немъ архимандритѣ и при игуменѣ Саватіи, къ церкви къ Спасу, предъ царицу, только чуть жива, и тутъ его предъ царицею прибили до смерти; а Михайлову жену Битяговскаго съ двумя дочерьми привели тутъ же къ Спасу и хотѣли ихъ побити жъ, и они, архимандритъ Ѳеодоритъ и игуменъ Саватій, ухватили Михайлову жену Битяговскаго съ дочерьми и отняли ихъ и убити не дали; и посадскіе люди Михайлову жену и дочерей держали у Спаса, а Осипову мать Волохова посадили въ полату за сторожи». Изъ этого показанія видно, что въ первое время по совершеніи убійства посадскіе и посошные люди и всѣ вообще жители Углича считали смерть царевича не самоубійствомъ, а убій-

ствомъ, и что виновники убійства были извѣстны; одни лежали убитые, а Осипа Волохова привели предъ царицу, и тѣ архимандритъ и игуменъ, которые съ успѣхомъ защитили и Михаилову жену, и его дочерей, даже не дѣлаютъ попытки защитить Осипа Волохова. Тѣло царевича внесено было въ церковь вскорѣ по совершеніи убійства. Случай былъ судебно-медицинскій: въ домъ внести было нельзя, оставить на дворѣ тоже невозможно; и блюлись, чтобы кто царевича тѣла не укралъ (показ. Григ. Нагого), а потому Андр. Александровичъ Нагой «былъ у царевичева тѣла безотлучно и тѣло царевичево внесъ въ церковь». Въ Нов. Лѣтописцѣ (стр. 34—35) читаемъ: «граждане жъ и тѣхъ убійцъ каменіемъ побиша, всѣхъ же убіенныхъ убійцъ 12, и ввергоша ихъ вкупѣ въ яму, тѣло же блаженнаго вложиша во гробъ и внесоша въ церковь соборную Преображенія Спасова. Къ царю же Ѳеодору послаша съ вѣстію, яко братъ его отъ рабовъ убіенъ бысть. Вѣстника жъ онаго на Москвѣ приведоша къ Борису Годунову. Борисъ же, взятъ отъ него посланная писанія, повелѣ переписати, якобы одержимъ былъ тяжкимъ недугомъ и заклалъ самъ себя небреженіемъ Нагихъ, и донесе оныя писанія царю Ѳеодору». Да. Углицкое посланіе навѣрное было переписано Годуновымъ. Изъ Углича, гдѣ посадскіе и посошные люди знали, что царевичъ отъ рабъ убіенъ бысть и гдѣ знали, что Нагіе не небрегли о царевичѣ (а можетъ быть, сами Нагіе и послали въ Москву извѣстіе объ убіеніи царевича) не могло быть послано извѣщеніе, что царевичъ самъ себя закололъ въ припадкѣ болѣзни, небреженіемъ Нагихъ. Если же Годуновъ передѣлалъ извѣщеніе изъ Углича, то это будетъ обвиненіемъ его въ участіи убіеніи царевича Димитрія.

19 Мая 1591 года въ Угличъ явился князь В. И. Шуйскій съ окольничимъ Клешнинымъ и дьякомъ Вылузгинымъ. Они осмотрѣли въ церкви тѣло убіеннаго царевича и похоронили его въ той же церкви Преображенія. Послѣ того князь В. И. Шуйскій «и прочіи присланніи съ нимъ начаша испытывать, како небреженіемъ Нагихъ самъ царевичъ зарѣзался? Всѣ же людіе вопіяху единогласно, яко отъ рабовъ убіенъ бысть, отъ Михаила Битяговскаго съ товарищи повелѣніемъ Бориса Годунова». Здѣсь какъ будто Углицкіе граждане допускаютъ скачокъ. Откуда взялся Годуновъ? Почему они прямо на него указываютъ? Объясненіе этому мы можемъ найти въ словахъ «Сказанія о царствѣ царя Ѳеодора Ивановича». «И рече имъ (убійцамъ) граждане: о, окаянные и злые человѣцы, святоубійцы! Какъ есте такое зло дѣло сотворили и свои окаянныя руки подняли на государя своего и благодѣтеля царевича Димитрія Іоанновича, на таковаго сущаго младенца, неповиннаго отрока? Кое вамъ онъ, государь нашъ, зло сотво-

рилъ, или онъ вамъ, окаяннымъ, неправду чинилъ? Какъ вы Бога не убоялись, его, государя нашего погубили, таковаго неповиннаго отрока, и кровь проліяли напрасно? Они же окаянные стояху и зряху, и видя свою вину и неправду, и рече къ народу: *наша винность и наше дѣло,* неповинная насъ кровь обличила, послушали прелестника и богоотступника Бориса Годунова». (Историч. Библіот. т. XIII, стр. 170—171). Если и не всѣ могли такъ виниться, то достаточно было одному изъ убійцъ назвать имя главнаго виновника, чтобы граждане Углицкіе стали утверждать, что убійство совершено повелѣніемъ Бориса Годунова. Кому кромѣ него нужна была смерть царевича Димитрія? На вопросъ слѣдственной комиссіи: «Какъ заколотъ царевичъ Димитрій Іоанновичъ? граждяня *(Клешнину)* сказали всю правду, какъ сотворилось убивство царевича Димитрія Іоанновича. Той же злоправный и лукавый совѣтникъ, Борисовъ угодникъ, Андрей Клешнинъ учалъ рыкати на гражданъ, аки левъ, и рече имъ: О льстивые человѣцы! Что неправду сказываете, хотя оправити такихъ же подобныхъ себѣ? А то истинно, самъ зарѣзался небреженіемъ тутошнихъ людей, которые за нимъ приставлены. Граждяня же, видѣвше Андреево злохитрѣніе, что неправду изыскуетъ, а по Борисѣ Годуновѣ покрываетъ, и убояся страху и смерти, вси умолкоша и ничто глаголаше, токмо рекоша: истиннаго мы дѣла не вѣдаемъ, тутъ не были». (Историч. Библіот. т. XIII, стр. 782). Какъ характерна и типична эта картина народнаго опроса! Ее нельзя даже придумать. Храбро говорятъ Углицкіе граждане, но до тѣхъ поръ, пока самихъ ихъ не стали обвинять, убояся же страху и смерти умолкаютъ. «Клешнинъ, видя гражданъ сумнѣнье страха ради его, и повелѣ тотчасъ рѣчи ихъ писати по своему проклятому умыслу и велѣлъ всѣмъ гражданѣмъ къ тѣмъ рѣчамъ руки прикладывать, и неволею иныхъ прельщая» (тамъ же, 782). Это извѣстіе «Сказанія» даетъ намъ понятіе о способѣ производства слѣдствія. Въ самомъ «розыскѣ» мы находимъ также указанія пристрастнаго веденія дѣла. Во-первыхъ, при осмотрѣ тѣла царевича ничего не сказано о ранѣ: гдѣ она была, какъ глубока, въ какомъ направленіи и одна она была, или нѣсколько. Во-вторыхъ, всякаго не можетъ не поразить, что свидѣтели, какъ по заученному, повторяютъ: «ходилъ въ Суботу по двору и тѣшился съ жильцы ножикомъ, и пришла на него болѣзнь черный недугъ, у него былъ ножикъ въ рукахъ, и онъ самъ покололся». Ходить по двору и тѣшиться ножикомъ съ жильцы (играть въ тычку) въ одно и тоже время нельзя: играютъ въ тычку обыкновенно сидя. За исключеніемъ жильцовъ, постельницы и Семейки Юдина, который «въ тѣ поры стоялъ у поставца, а то видѣлъ», другіе свидѣтели не были очевидцами преступленія, конечно кро-

мѣ мамки Волоховой и кормилицы Арины. Мы уже указали, что жильцы едва ли были очевидцами, такъ какъ, перечисляя лицъ, бывшихъ при зарѣзаніи царевича, они не упоминаютъ о Волоховой. Лѣтопись прямо говоритъ, что царевичъ получилъ ударъ ножомъ отъ Осипа Волохова на нижнемъ крыльцѣ. Убійцы избѣгали многолюдства. Они рѣшили совершить свое преступленье во время обѣда, когда и Нагіе и Битяговскій Михаилъ были за яствой. Вся исторія съ игрой въ тычку ножикомъ придумана. При открытіи мощей царевича Димитрія комиссія изъ Ростовскаго митрополита Филарета, Астраханскаго епископа Ѳеодосія, Спасскаго архимандрита Сергія, Андроновскаго архимандрита Авраамія, изъ бояръ князя Ивана Михайловича Воротынскаго, Петра Никитича Шереметева, Григорія Ѳеодоровича и Андрея Александровича Нагихъ нашла: «На царевичевыхъ мощѣхъ положено орѣховъ съ пригорщи, а сказываютъ: какъ онъ тѣшился, и въ тоё пору орѣшки кушалъ, и какъ его убили, и тѣ орѣхи кровію его обагрилися, и для того тѣ орѣхи на немъ во гробъ положили». (Историч. Библіот. т. XIII, стр. 84). Мы не можемъ эту комиссію заподозрить въ неправильности показаній. Если же царевичъ кушалъ орѣшки, то онъ въ это же время не могъ играть въ тычку: руки его были заняты орѣшками, и онъ въ нихъ не могъ держать ножа. Падучая болѣзнь у царевича тоже придумана. Въ своемъ показаніи слѣдственной комиссіи Волохова говоритъ: «Разболѣлся царевичъ Димитрій, въ Среду нынѣшняго 99 года Мая въ 12-й день, падучею болѣзнью, и въ Пятницу маленько стало полегче». Падучая болѣзнь, какъ извѣстно, выражается припадкомъ судорогъ съ потерею сознанія; припадокъ большею частію наступаетъ неожиданно, иногда только за короткое время является предвѣстникъ aura epileptica, и такъ же очень скоро проходитъ. Падучею болѣзнью нельзя разбаливаться. Нелѣпо говорить, что въ падучей болѣзни на третій день стало маленько полегче. Если Волохова такъ говоритъ о падучей болѣзни, то *она ея никогда не видала*, а слѣдовательно ея у царевича не было, и вся эта исторія придумана умными людьми, а усердная и болтливая мамка выдала ложь придуманной исторіи.

Хитрый Шуйскій не препятствовалъ пристрастному веденію слѣдственнаго дѣла, но самъ въ немъ замѣтнаго усердія не проявлялъ. Андрей же Клешнинъ, несомнѣнный сторонникъ Годунова, участникъ въ заговорѣ на убіеніе царевича, старался съ дерзостію направить слѣдствіе по указанію своего милостивца. Если публично всѣхъ гражданъ города Углича Клешнинъ заставилъ умолкнуть и сказать: «истиннаго дѣла мы не вѣдаемъ», то при одиночномъ допросѣ вѣроятно употреблялись болѣе рѣзкія мѣры.

2 Іюня 1591 г. царь Ѳеодоръ Ивановичъ приказалъ боярамъ и дьякамъ съ Углицкимъ обыскомъ идти на соборъ къ Іову патріарху всея Руси, и къ митрополитамъ, и къ архіепископамъ, и ко владыкамъ, и ко всему освященному собору, и велѣлъ государь предъ патріархомъ на соборѣ тотъ обыскъ прочесть. Мы знаемъ, что всѣми дѣлами у Ѳеодора Ивановича заправлялъ Борисъ Годуновъ; стало быть, и въ данномъ случаѣ такое распоряженіе Ѳеодора Ивановича было внушено тѣмъ же Годуновымъ. Нельзя не признать, что такое направленіе дѣла Годуновымъ было въ высшей степени искуснымъ съ его стороны ходомъ. За простымъ рѣшеніемъ царя всѣ увидали бы рѣшеніе его Годуновымъ; другое дѣло рѣшеніе собора. Патріархъ съ архіепископами и владыками не могъ быть заподозрѣнъ въ пристрастіи. Патріарху же съ освященнымъ соборомъ были представлены ложныя данныя, добытыя пристрастнымъ слѣдствіемъ. Изъ ложныхъ данныхъ нельзя было вывести правильнаго заключенія. Нужно удивляться тонкости патріарха Іова, который нашелъ нужнымъ выразиться такъ: «Царевичу Дмитрію смерть учинилась Божіимъ судомъ». По суду Божію или по волѣ Божіей все совершается. Зарѣзался ли самъ царевичъ въ припадкѣ падучей болѣзни, или его зарѣзали,—во всемъ будетъ воля Божія. О дѣйствіяхъ царицы Маріи Ѳеодоровны патріархъ вмѣстѣ съ освященнымъ соборомъ умалчиваетъ; но «Михайло Нагой съ братьею и мужики Угличане, по своимъ винамъ, дошли до всякаго наказанья. А то дѣло земское, градское, въ томъ вѣдаетъ Богъ, да государь царь и великій князь Ѳеодоръ Ивановичъ всея Россіи, все въ его царской рукѣ, и казнь, и опала, и милость». Конечно Михаилъ Нагой и Угличане поступили неправильно, учинивши самосудъ надъ убійцами царевича, и въ этомъ смыслѣ, конечно, царица Марія Ѳеодоровна, призвавъ митрополита Геласія предъ отъѣздомъ его въ Москву къ себѣ, говорила: «Какъ Михаила Битяговскаго съ сыномъ и жильцомъ побили, и то дѣло учинилось грѣшное, виноватое». Тутъ царица признаетъ себя виновной только въ самосудѣ и нисколько не отказывается отъ обвиненія извѣстныхъ лицъ въ убійствѣ ея сына.

Согласно опредѣлію собора, царь приказалъ боярамъ «Углицкое дѣло по договору вершить». Вслѣдствіе сего привезли въ Москву Нагихъ, кормилицу Димитрія съ мужемъ и вѣщуна Мочалова въ оковахъ, снова допрашивали ихъ, наконецъ кончили дѣло такъ: всѣхъ Нагихъ сослали въ отдаленные города и заключили въ темницы; вдовствующую царицу постригли и отвезли въ пустыню Св. Николая на Выскѣ; тѣло Битяговскаго и товарищей его, кинутыя Угличкимъ народомъ въ яму, вынули, отпѣли въ церкви и предали землѣ съ великою почестію; а гражданъ тамошнихъ, за то, что они убивали невинныхъ, казнили смертію, числомъ около двухъ сотъ; другимъ отрѣзали

языки; многихъ заточили; большую часть вывели въ Сибирь и населили ими городъ Пелымъ. Свѣтскій судъ не внялъ совѣту патріарха, что во власти царя и милость и опала: онъ только принялъ мѣры строгости. Такое огульное наказаніе Угличанъ объясняется тѣмъ, что они осмѣлились обвинять Бориса Годунова въ убійствѣ царевича.

Наши лѣтописи единогласно приписываютъ смерть царевича Димитрія Годунову, и мы видѣли, что умственный и нравственный складъ этого человѣка былъ таковъ, что дѣлаетъ вполнѣ возможнымъ ожидать отъ него такого преступленія. Ему выгодно было избавиться отъ наслѣдника престола, было необходимо удержать власть въ своихъ рукахъ. Какъ былъ устроенъ заговоръ, какъ онъ совершенъ, подробно описывается въ памятникахъ. Сказатели могли подробно знать все, потому что къ дѣлу привлечено было много лицъ даже такихъ, которые не сочувствовали преступленію. Затѣмъ отъ царицы Маріи Ѳеодоровны и кормилицы подробности убійства могли быть сообщены повѣствователямъ. Слѣдствіе произведено пристрастно. Показанія вымышлены, свидѣтели научены.

Сказанія о спасеніи царевича появились уже послѣ появленія самозванца. Понятно, ему нужно было говорить о спасеніи. Надо полагать, что въ «Дневникѣ» Марины Мнишекъ и Польскихъ пословъ исторія спасенія царевича изложена такъ, какъ самъ Лжедимитрій составилъ ее и передалъ своей невѣстѣ и Полякамъ. При царевичѣ былъ докторъ, родомъ Волохъ. Свѣдавъ о злomъ умыслѣ, онъ принялъ для спасенія царскаго отрока слѣдующія мѣры: нашелъ мальчика похожаго на Димитрія и велѣлъ ему быть безотлучно при царевичѣ, даже спать на одной постели. Когда же мальчикъ засыпалъ, осторожный докторъ переносилъ Димитрія на другую постель. Такъ прошло немало времени. Злодѣи, нетерпѣливо желая исполнить замыселъ, ворвались во дворецъ, нашли царевичеву спальню, убили мальчика, лежавшаго въ постели и унесли трупъ». (Сказан. Совр. II т., стр. 129—130). Въ этомъ разсказѣ много несообразностей: а) За царевичемъ ходили мамка, постельница, кормилица, наблюдала сама мать, царица Марья Ѳеодоровна и дяди Нагіе. Всѣ эти лица не могли позволить доктору на ночь куда-то уносить царевича; б) злодѣи ворвались во дворецъ ночью, нашли царевичеву спальню, убили мальчика, лежавшаго въ постели и унесли трупъ. Ворваться во дворецъ ночью не было легко, а тѣмъ болѣе отыскать спальню царевича. Этому противорѣчитъ единогласное свидѣтельство всѣхъ, что дѣло случилось днемъ, послѣ обѣдни, у которой царевичъ былъ съ матерью, гдѣ его видѣли люди бывшіе въ церкви, въ то время, когда Нагіе пошли обѣдать а царицѣ подавали кушанье.

Нѣкоторые предполагаютъ, что сама царица и окружавшіе ее люди помѣстили царевича въ другое мѣсто, а вмѣсто него взяли другого мальчика. Такое предположеніе невѣроятно само по себѣ. Трудно допустить, чтобы мать, сознающая опасность для своего сына, могла вдали отъ себя искать его безопасности. Главное же возраженіе этому предположенію заключается въ томъ, что царица, если бы и вздумала это сдѣлать, то подмѣнить его не могла, когда у нея была Волохова, пріѣхавшая въ Угличъ изъ Москвы вмѣстѣ съ царицей: какъ соучастница Годунова она сейчасъ же извѣстила бы его объ удаленіи царевича. Соучастницей же царицы Волохова быть не могла; иначе царица не била бы ея полѣномъ и не приказывала бы ее бить своему брату, а, главное, не приказала бы сына ея Осипа Волохова убить, какъ виновника въ смерти царевича.

Когда царевичъ былъ убитъ, то въ первое время онъ оставался лежать на дворѣ, куда сбѣжались Угличане; они знали царевича, видали его въ церкви, и теперь видѣли его лежащимъ съ перерѣзаннымъ горломъ. Со двора тѣло царевичево прямо внесли въ церковь. Случай былъ судебно-медицинскій, и Нагіе поступили очень благоразумно и осторожно, что внесли тѣло въ церковь, а не въ домъ царицы.

Въ 1605 году было въ Астрахани «смятеніе великое о признаніи царемъ ростриги Гришки Отрепьева; сей же святитель мужественно тому противился, внушая народу, что именующійся царемъ Димитріемъ Ивановичемъ есть самозванецъ, похититель царскаго имени, неправедный и нечестивый; народъ же за сіе его хотѣлъ убити... Съ безчестіемъ отвезли его въ Москву и представили предъ нечестиваго онаго самозванца, ростригу, который съ великимъ гнѣвомъ и устрашеніемъ сказалъ: «Астраханскія всѣ смуты отъ тебя, и людямъ ты говоришь, и меня называешь непрямымъ царемъ; да кто-де я?» Архіепископъ же ему небоязненно отвѣчалъ: «вѣдаю-де, что ты называешься царемъ, но прямое-де твое имя Богъ вѣсть; ибо-де прирожденный царевичъ Димитрій Ивановичъ убіенъ на Угличѣ, и мощи его тамо» (Сборн. древностей Платона Любавскаго, стр. 194). Этотъ архіепископъ Ѳеодосій, родомъ изъ села Яковлевскаго близъ Ярославля, во время убіенія царевича былъ игуменомъ въ монастырѣ Богородицы, на Волгѣ, въ 6 верстахъ отъ Ярославля. Волга была дорогой въ Угличъ, и Ѳеодосію можно было знать, что было въ Угличѣ.

Царевичъ Димитрій Іоанновичъ убитъ въ Угличѣ, а назвавшійся его именемъ—Самозванецъ.

Д. М. Глаголевъ.

ПИСЬМО АРСЕНІЯ МАЦѢЕВИЧА КЪ ОБЕРЪ-ПРОКУРОРУ СВ. СИНОДА.

Это письмо знаменитаго Ростовскаго митрополита Арсенія писано къ лейбъ-гвардіи отставному премьеръ-маіору, впослѣдствіи генералу-поручику и сенатору, Алексѣю Семеновичу Козловскому, занимавшему должность оберъ-прокурора Св. Синода съ 1758 по 1763 годъ.

Письмо Арсенія пріобрѣтено мной въ Ярославлѣ. Писано оно на листѣ бумаги съ своеручной подписью митрополита Арсенія. Года на письмѣ не обозначено; но оно писано, конечно, въ царствованіе Екатерины.

А. Титовъ.

Благосклонный благодѣтель мой!

Божіе и моего смиренія благословеніе вамъ съ дѣтками препосылая, желаю мира, здравія, благополучія, долгоденствія и спасенія.

По присланному нынѣ ко мнѣ изъ Святѣйшаго Синода указу велѣно о тетрадкахъ чудесъ святаго Димитрія Ростовскаго Чудотворца справиться достовѣрнѣйше: оныя тетрадки съ чьего позволенія и кѣмъ именно монашествующими и для чего безъ апробаціи Святѣйшаго Правительствующаго Синода, и давно-ль богомольцамъ раздаются, и что по справкѣ окажется, о томъ Святѣйшему Синоду прислать обстоятельное извѣстіе немедленно, а оныя о чудесахъ тетрадки впредь до разсмотрѣнія и апробаціи Святѣйшаго Правительствующаго Синода раздавать запретить. Точію у насъ таковой тетрадкамъ раздачи не бывало, о чемъ отъ меня нынѣ Святѣйшему Синоду и отрепортовано. А оныя тетрадки болѣе отъ тѣхъ самыхъ людей вышли, которые исцѣленія получаютъ, а можетъ быть, что съ посылаемыхъ отъ насъ въ Синодъ чудесъ даваны кому списывать, и надобно тамо наипаче смотрѣть. Однакожъ и строго о томъ настоять и запрещать, кажется, не должно, чтобы раскольники и наипаче хулить Святаго Чудотворца не стали, съ тѣмъ, что чудеса раздаваться не будутъ. Архимандритъ Спасоярославскій Владимиръ сего Августа, 9 дня въ Троицкой (Лаврѣ) померъ; и (*конецъ оторванъ, а на оборотѣ*): Вашего сіятельства всегдашній доброжелатель и богомолецъ смиренный Арсеній, митрополитъ Ростовскій и Ярославскій (*подпись подлинная*).

КЪ ИСТОРІИ ЦЕНЗУРЫ.

Московскій генералъ-губернаторъ А. П. Тормасовъ попечителю Учебнаго Округа князю А. П. Оболенскому.

Милостивый государь мой князь Андрей Петровичъ!

Въ 15-мъ № Московскихъ Вѣдомостей на 981-й страницѣ, въ статьѣ о Бонапарте, въ которой уподобляется онъ между прочимъ Александру Македонскому съ невыгодной стороны для сего послѣдняго, замѣтилъ я, что имя Александра, безъ обозначенія впрочемъ Македонскаго, напечатано большими литерами, подобно высочайшему имени Государя Императора, почему обязанностью поставилъ отнестить къ вашему сіятельству, дабы вы, милостивый государь мой, сдѣлали кому слѣдуетъ съ вашей стороны надлежащее замѣчаніе, чтобы впредъ въ подобныхъ случаяхъ корректоры Вѣдомостей были осмотрительнѣе и столь непростительныхъ опечатокъ не пропускали.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою графъ Тормасовъ.

Москва, 7 Мая 1817 г.

*

Попечитель Московскаго Учебнаго Округа князь А. П. Оболенскій, къ которому было обращено приведенное письмо, на другой же день извѣстилъ генералъ-губернатора, что онъ за подобный проступокъ уже сдѣлалъ редактору, тотчасъ по выходѣ означеннаго № Вѣдомостей, строжайшій выговоръ, а по полученіи письма отъ графа «не оставитъ вторично, кому слѣдуетъ, дать на замѣчаніе».

Сообщилъ Д. М. Щепкинъ.

АЛЬБОМЪ АННЫ ПЕТРОВНЫ БУНИНОЙ.

Въ исторіи нашей литературной жизни и поэзіи первой четверти минувшаго столѣтія не можетъ быть забыто имя одной изъ первыхъ по времени Русскихъ писательницъ-поэтовъ, пользовавшейся во дни оны немалою извѣстностью и уваженіемъ въ Русскомъ обществѣ и дружившею съ лучшими современными писателями, какъ Державинъ, Дмитріевъ, Шишковъ и др.,—имя Анны Петровны Буниной.

Воспоминаніе объ этой выдающейся Русской женщинѣ, прослывшей, какъ извѣстно, у современниковъ Русской „Сафо“, „Сѣверной Коринной“ и „Десятой Музой“, навсегда останется связаннымъ съ рядомъ славныхъ именъ и явленій нашей литературной исторіи.

Всецѣло обязанная своимъ образованіемъ и своими успѣхами себѣ самой, своему дарованію и энергіи, Бунина, прибывшая въ столицу по собственному влеченію изъ деревенской глуши, создала себѣ видное и почетное положеніе въ Петербургскомъ литературномъ мірѣ 1810-хъ—20-хъ годовъ. Обласканная и поощряемая какъ въ кругу свѣтилъ нашей словесности [1]), такъ и съ высоты престола (ее отличали и государь Александръ I, и императрицы Марія Ѳеодоровна, и Елисавета Алексѣевна), она до конца дней и даже подъ бременемъ тяжкаго недуга съ любовью работала на излюбленномъ ею поприщѣ. Къ сожалѣнію, неизлѣчимая болѣзнь (ракъ въ груди) заставила ее уже въ началѣ 20-хъ годовъ (когда ей было съ небольшимъ 40 лѣтъ) покинуть Петербургъ и кругъ тамошнихъ друзей и удалиться къ роднымъ въ деревню (Рязан. губ.), откуда она, впрочемъ безъ успѣха, ѣздила еще лѣчиться на воды въ Липецкъ и на Кавказъ. Послѣдніе годы она жила въ домѣ своего двоюроднаго племянника Дм. Макс. Бунина и скончалась 4 Декабря 1829 г., въ его имѣніи Раненбургскаго уѣзда, с. Денисовкѣ [2]), а погребена въ с. Урусовѣ, нѣкогда также владѣніи Буниныхъ, нынѣ князя П. Н. Крапоткина [3]).

Вотъ что мы находимъ объ Аннѣ Петровнѣ и ея кончинѣ въ недавно изданныхъ „Воспоминаніяхъ для дѣтей и внуковъ“ покойной матери моей

---

[1]) Благодаря особенному расположенію къ ней Державина и Шишкова, она была избрана членомъ Бесѣды любителей Русскаго слова.

[2]) Свѣдѣнія о А. П. Буниной (род. 1774) разбросаны во многихъ статьяхъ и извѣстіяхъ. См. С. А. Венгерова „Источники словаря Русскихъ писателей“, т. I, Спб. 1900, стр. 380. Наиболѣе полная о ней статья М. Д. Хмырова въ „Разсвѣтѣ“ 1861, № 11 (т. XII), и на ней основанный очеркъ А. П. Чехова, Истор. Вѣстн. 1895, т. 62, стр. 164.

[3]) Могила Буниной (вмѣстѣ съ могилой отца ея, прапорщ. Петра Макс. Бунина), бывшая донынѣ въ довольно запущенномъ видѣ, будетъ скоро приведена въ порядокъ, и на ней сооруженъ новый памятникъ заботами ея родной племянницы Над. Ив. Буниной и члена Госуд. Совѣта П. П. Семенова, крестника ея и внука ея родной сестры.

Наталіи Петровны Гротъ, рожденной Семеновой, внучки родной сестры писательницы, Маріи Петровны Буниной, бывшей замужемъ за Рязанскимъ помѣщикомъ, секундъ-майоромъ въ отставкѣ Николаемъ Петровичемъ Семеновымъ.

„Жена его (т. е. Н. П. Семенова), Марья Петровна, рожденная Бунина, была дочь владѣльца села Урусова Петра Максимовича Бунина и родная сестра писательницы Анны Петровны Буниной, которая сначала жила у дѣдушки и бабушки и отъ нихъ поѣхала учиться и довершать свое образованіе въ Петербургѣ. Дѣдъ мой самъ отвезъ ее туда и, устроивъ тамъ, никогда не переставалъ о ней заботиться. Умерла Анна Петровна отъ рака въ груди, въ деревнѣ Денисовкѣ, въ 5-ти верстахъ отъ Урусова, гдѣ жила у племянника своего Д. М. Бунина. Отецъ мой заботливо за ней ухаживалъ, и она скончалась на рукахъ его. Помню, какъ онъ разъ, вернувшись отъ нея, позвалъ насъ всѣхъ троихъ, поставилъ передъ кіотомъ на колѣни и велѣлъ молиться за упокой рабы Божіей Анны. Имѣнье это, Денисовка, передано было одною изъ наслѣдницъ Бунина Раненбургскому мужскому монастырю“.

Въ бумагахъ Н. П. Гротъ сохранился маленькій въ четверку альбомчикъ Анны Петровны Буниной, въ желтой кожѣ, куда—по распространенному тогда обычаю—ея близкіе, друзья и почитатели вписывали свои привѣтствія и задушевныя мысли по большей части въ стихахъ собственнаго издѣлія.

Эти записи, какъ людей извѣстныхъ, такъ и неизвѣстныхъ, а также и самой А. П., независимо отъ достоинства стиховъ и мыслей, любопытны, съ одной стороны характеризуя отношенія къ Буниной ея современниковъ и тѣмъ самымъ полнѣе освѣщая ея личность, съ другой иллюстрируя до нѣкоторой степени ту эпоху, ея понятія и бытовыя черты.

Анна Петровна строго разграничила своихъ поклонниковъ: съ одного конца альбома идутъ записи литературныхъ знаменитостей, къ которымъ она присоединила и нѣсколько своихъ замѣтокъ; съ другого конца мѣсто предоставлено ея роднымъ, друзьямъ и почитателямъ изъ простыхъ смертныхъ. Кромѣ того въ альбомѣ находимъ нѣсколько изящныхъ рисунковъ карандашемъ (все больше изображенія ангеловъ—тоже характерная черта эпохи), изъ которыхъ одинъ изображаетъ погруженнаго въ думу поэта подъ деревомъ, на берегу озера, съ лежащими у ногъ его посохомъ и лирою.

Приведемъ здѣсь записи въ томъ порядкѣ, какъ онѣ внесены.

На 1-й страницѣ красуется автографъ Г. Р. Державина:

Стихи твои пріятны, звонки,
Показываютъ умъ намъ тонкій
И нравятся тѣмъ всѣмъ,
А болѣе ничѣмъ. *Державинъ.*

Марта 21 дня 1810 года.

Далѣе слѣдуютъ записи (стихи и проза) А. С. Шишкова:

Отъ прелестей твоихъ стиховъ
Всѣ, всѣ безъ обороны;
Такъ каркнемъ же хоть пару словъ
И мы, вороны.
Намъ кажется, ты то между людей,
Что между нами соловей.

*

Когда стихи не хороши,
Когда не видишь въ нихъ души,
Ни мысли сильной и богатой,
Себя считай ты виноватой.
У всѣхъ писателей стиховъ
Такой обычай изъ вѣковъ,
Что Музы всѣмъ имъ помогаютъ;
А ты ни въ явѣ, ни во снѣ,
Ни слова не шепнула мнѣ. *А. Шишковъ.*

Въ альбомахъ все пишется, и такъ можно написать нѣсколько своихъ мнѣній:

Коль хочешь быть почтенъ,
Коль хочешь быть щастливъ,
Не будь надменъ,
Не будь самолюбивъ.

*

Пиши, пари, превозносись,
Но разсуждать всегда учись.

*

Кто душу щастіемъ свою обогащаетъ,
Нещастливъ никогда на свѣтѣ не бываетъ.

*

Чтобъ всякъ доволенъ былъ тобою
Умѣй владѣть собою.

*

Надобно помнить, что истинная слава писателя сіяетъ сквозь умъ и сердце правдивыхъ и честныхъ людей. Хвала злонравныхъ невѣждъ приноситъ безславіе, а хула ихъ—славу.

*

Берегись критиковать; критика трудная наука; она сколько требуетъ знанія, столько же и безпристрастія. Нападать на глупаго нѣтъ ни пользы, ни славы; нападать на умнаго, легко обманешься, и вмѣсто его невѣжества покажешь свое.

*

Всего похвальнѣе въ женщинѣ кротость, въ мущинѣ справедливость. А. Ш.

*

Послѣднее пзреченіе Шишкова очевидно задѣло за живое Бунину, и она присоединила къ нему нижеслѣдующія размышленія.

Кротость въ женщинѣ бываетъ двоякая: одна есть драгоцѣннѣйшій ея монистъ, другая безславіе. Унижая себя, теряетъ она главное и единственное пола своего преимущество.

Мущинамъ не противна бываетъ сія двоякая женщинъ кротость. Пользуясь ею, покушаютея они на все и дѣлаются самовластными господами. Помѣщику не бываетъ противно имѣть многихъ слугъ. Чѣмъ ихъ болѣе, тѣмъ болѣе для него и выгодъ; но спросимъ у сихъ слугъ, не пожелаютъ ли они сдѣлать нѣкотораго съ помѣщикомъ своимъ условія.

*

Слѣдующія два размышленія Анны Петровны довольно тщательно зачернены чьей-то (вѣроятно, мужской) рукой, и слѣдующія странички, къ

сожалѣнію, совсѣмъ вырѣзаны. Но зачеркнутое намъ все-таки, хотя и съ трудомъ, удалось разобрать. Вотъ эти строки:

Мущинамъ еще полезнѣе двоякая кротость тѣхъ женщинъ, которыя пробѣгаютъ одно съ ними поприще.

*

Стихотворецъ охотнѣе осыпаетъ похвалами женщину-писательницу, нежели своего сотоварища; ибо онъ привыкъ о себѣ думать, что знаетъ больше, чѣмъ она. Онъ готовъ расточать ей похвалы, самыя даже неумѣренныя.....

*

Наконецъ вотъ и послѣдняя сохранившаяся запись Буниной:

Мадригалы нравятся женщинамъ легкомысленнымъ. Та, которая привыкла разсуждать, желаетъ только, чтобы съ нею достойно обходились. Не хвали ее, но не приноси въ жертву своей гордости; она станетъ болѣе тебя тогда любить, нежели какъ по своенравію ты вдругъ то начнешь осыпать ее неумѣстными хвалами, то унижать неумѣстнымъ господствомъ.

А. Бунина.

Изъ записей близкихъ, друзей и другихъ почитателей Анны Петровны (съ другого конца альбома) приведемъ наиболѣе любопытныя:

Мнѣ-ль смѣть писать стихи, Линдана! въ твой альбомъ,
Когда и самые писатели безсмертны
Твоимъ плѣняются талантомъ и умомъ,
И находя въ стихахъ твоихъ красы несмѣтны,
Изъ миртовъ съ лаврами вѣнокъ тебѣ сплели,
Десятой Музой нарекли? *Борисъ Бланкъ**).

7 Генваря 1810-го года, при подаркѣ альбома, въ день ея рожденія.

Подъ этими стихами рукою брата Анны Петровны, Ивана Петровича Бунина написано:

„Кто-жъ подъ руку тебя толкалъ!
Не смѣешь—лучше-бъ не писалъ.

*

Къ тебѣ я духомъ возносился,
Когда на высотѣ Олимпа ты жила,
Днесь въ хижину мою ты мирную сошла,
Къ тебѣ я сердцемъ обратился. *Н. Б.*
1813 Сент. 15.

Жилище горнее оставя ты Парнасъ,
Свела къ намъ радости съ собою,
Но что возьмешь отъ насъ?
Сердечну скорбь—стѣсненный духъ тоскою. *Н. Б.*
1813 Сент. 15.

Средь Музъ—ты имъ подобна,
Средь насъ—ты намъ равна.

---

*) Борисъ Карловичъ Бланкъ, род. 1769, ум. 1826, сынъ извѣстнаго Московскаго архитектора, былъ весьма посредственнымъ, но небезъизвѣстнымъ въ свое время стихотворцемъ и переводчикомъ, сотрудникомъ кн. Шаликова и М. Макарова (въ изд.: Журналъ Драматическій, Аглая, Дамскій журналъ). Какъ человѣкъ, онъ отличался рѣдкой добротой и честностью. Б. К. Бланкъ былъ въ свойствѣ съ А. П. Буниной: онъ былъ женатъ на Аннѣ Григорьевнѣ, дочери ея сестры Варвары Петровны (Усовой).

Лишь ты одна
На все способна!

Н. Б. [1]).

*

Изъ трехъ вещей желалъ бы хоть одну имѣть:
Какъ ты, на лирѣ пѣть,
Быть въ горѣ равнодушнымъ,
А въ скукѣ не быть скучнымъ.
Но есть-ли никогда такимъ мнѣ не бывать,
Всегда любя
Тебя,
Я вѣрно буду горе забывать.

Искреной братъ твой И. П. [2]).

*

Предъ Русской Сафою—предъ Вами —
Мнѣ-ль звуки слабые изъ лиры извлекать?
Мнѣ-ль слухъ тревожить вашъ нескладными стихами?
Поэтъ незнаемый, дерзну ли я вплетать
Цвѣты свои въ вѣнокъ, которымъ увѣнчали
Достойно музы Васъ, и Вамъ безсмертье дали?
Страшусь Икаромъ быть! И здѣсь на сей листокъ
Осмѣливаюсь я излить одно желанье,
Чтобъ, слабому пѣвцу, хоть малый уголокъ
Вы удѣлили мнѣ въ своемъ воспоминаньи. *Сіяновъ.*

30-го Іюля 1826. Горячія воды.

*

Всѣхъ благъ тебѣ земныхъ желая всей душой,
Могу я Небеса лишь объ одномъ просить:
Довольна чтобъ собой
И въ совѣсти спокойна
Ты щастья бывъ достойна,
Умѣла горести сносить

N. *Ах.*

Февраля 3-го 1810 года, въ день ея именинъ (припис. рукою А. П.).

Вслѣдъ за этимъ слѣдуютъ стишки самой хозяйки альбома:

Когда не вѣдала бы я кто тотъ,
Котораго рука сіи стихи слагала,
Тогда послѣдняя строка бы мнѣ сказала:
„То истинный твой другъ, твой нѣжный доброхотъ“.
Тебя воззвавшаго, Творецъ, вонми моленье!
Изливъ свой ярый гнѣвъ, пролей съ небесъ терпѣнье.

Анна Бунина [3]).

---

[1]) Быть можетъ, подъ этими иниціалами скрывается родственникъ А. П. Буниной—Николай Анатоліевичъ Бунинъ.

[2]) Иванъ Петровичъ Бунинъ, флотскій офицеръ, участникъ Шведскаго похода, былъ однимъ изъ поводовъ переѣзда Буниной въ Петербургъ. Онъ познакомилъ сестру со многими Петербургскими литераторами. Онъ ум. въ 1858 г. 86 лѣтъ. О немъ упом. въ статьѣ. „Къ исторіи Шведской войны въ 1788 г.“ Я. К Грота, „Труды“, т. IV (стр. 461).

[3]) Эта запись по содержанію своему позволяетъ сдѣлать предположеніе, что она относится уже ко времени болѣзни А. П. (послѣ 1815 г.).

Въ ратномъ полѣ подъ шатрами
Я всю жизнь свою провелъ,
Заниматься тамъ стихами,
Признаюся, не умѣлъ.
Съ Марсомъ вѣчно обращаясь,
Могъ ли Музамъ угождать?
Могъ ли, смертью окружаясь,
О безсмертьи помышлять?
Ты достойна лишь сей части,
Твоей славы быстръ полетъ.
Мой удѣлъ—встрѣчать напасти,
Безпокойство, кучу бѣдъ. *Г. А. Кутайсовъ* *).

Ноябр. 20, 1811.

Послѣднею записью въ альбомѣ Буниной являются стихи М. Н. Макарова, извѣстнаго плодовитаго литератора и журналиста (1789—1847), издателя „Журнала для милыхъ“ (когда ему было всего 15 лѣтъ), а позже „Журнала Драматическаго“ и т. д. По смерти Буниной онъ помѣстилъ довольно обстоятельную о ней статью въ „Дамскомъ Журналѣ“ за 1831 г. ч. XXXIII, № 9, стр. 129—137. (За подписью М.). Вотъ его запись въ альбомѣ ея.

Несчастливецъ.

(Романсъ).

„Ахъ! время счастія сокрылось
И вѣчно, вѣчно не придетъ!
Какъ рано солнце закатилось,
Едва мой полдень настаетъ!“
Такъ Несчастливецъ, размышляя,
Вздыхалъ и горьки слезы лилъ,
Потомъ гласъ къ сердцу обращая,
Вотъ что онъ сердцу говорилъ:
„Не долго, сердце, биться станешь,
Не долго бѣдному грустить,
Какъ цвѣтъ въ осенній день увянешь,
Зима спѣшитъ тебя мертвить.
„О Лила, Лила! Какъ ужасно
Среди надежды умирать!
И съ тѣмъ, что мило, что прекрасно,
Отрады жизни всѣ терять!
„Мечталъ счастливымъ быть съ тобою,
Мечталъ блаженствовать—но ты!..
Ахъ, сколь жестокою тоскою
Плачу за льстивыя мечты!...
„Почто вы духъ обворожали?
Свершилось—Лила не моя;

*) Едва-ли можно сомнѣваться, что авторъ этихъ стиховъ—графъ Александръ Ивановичъ Кутайсовъ (1784—1812), генералъ-маіоръ, извѣстный молодой герой, убитый подъ Бородинымъ (26 Авг. 1812), менѣе чѣмъ черезъ годъ по написаніи этихъ строкъ.

Не умираютъ знать съ печали,
Когда живу на свѣтѣ я?
„Но что за жизнь, когда страдаю
Съ утра до вечера всегда
И съ пробужденьемъ ожидаю,
Что вновь готовится бѣда?
„Давно-ль, питая страстью чувства,
Себя любовью нѣжной льстилъ,
Любилъ я вѣрно, безъ искусства,
И сладкой сей любовью жилъ!
„Въ душѣ съ надеждой просыпаясь,
Встрѣчалъ я дни весны моей,
Свиданьемъ съ Лилой утѣшаясь
Спѣшилъ съ восторгомъ сердца къ ней.
„Но гдѣ-жъ то счастье! Гдѣ? Не знаю!
Послѣдній лучъ его угасъ,
Я мракъ одинъ вездѣ встрѣчаю,
Насталъ ужасный жизни часъ!
„А Лилу зрю тогда блаженной,
Когда я смерть къ себѣ зову,
Когда униженный, презрѣнной
Я только лишь для мукъ живу!..“
Тутъ конча рѣчь страдалецъ бѣдной,
Взглянулъ на небо и—вздохнулъ,
Упалъ безъ чувствій, силъ лишенной,
И вѣчнымъ сномъ глаза сомкнулъ.

*

Желать чего-нибудь всѣхъ смертныхъ есть удѣлъ:
А потому и я желаю,
Чтобъ сей *романсъ*, которой здѣсь я пѣлъ,
Понравился тебѣ.—Не знаю
Притомъ мнѣ смѣть-ли пожелать,
Чтобъ въ памяти твоей чрезъ то существовать. *М. Мкрвъ.*

Борисовка, 1813 Сентябрь.

О происхожденіи этой піесы, т. е. „Романса“ мы ничего не знаемъ, равно какъ и объ авторствѣ Макарова въ этомъ случаѣ. Но интересны не стихи сами по себѣ, а посвященіе ихъ А. П. Буниной. Всего же интереснѣе изо всѣхъ записей этого альбома—несомнѣнно, къ сожалѣнію немногія, сохранившіяся тутъ размышленія самой Анны Петровны, по поводу комплиментовъ Шишкова, бросающія свѣтъ на ея взгляды на положеніе у насъ женщины вообще и писательницы въ частности въ ту эпоху. Это любопытныя черточки для исторіи женскаго вопроса въ прошломъ вѣкѣ.

К. Гротъ.

ИЗЪ ПИСЕМЪ А. Я. БУЛГАКОВА КЪ ЕГО БРАТУ.

1833-й годъ *).

Москва, 2 Генваря 1833.

Ну, мой милый другъ, насилу я до тебя добрался; а вся бѣда оттого, что я всталъ въ 9 часовъ, заспался, тамъ жегъ, рвалъ лишнія бумаги, а тамъ явился Дишка, болтали, а тамъ явился Трубецкой маленькой, а тамъ явилась Adèle Голицына, а тамъ принесли бумаги подписывать, а тамъ въ экспедицію: не остается и времени поболтать съ тобою. Но ежели и не досыта, то все-таки стану болтать. Отвѣчаю на письмо твое отъ 29-го. Какъ меня тронулъ разговоръ Государя съ тобою объ насъ всѣхъ! Вечеромъ я возилъ письмо къ Ольгѣ и ей читалъ, и она была въ восхищеніи, ибо въ нашей семьѣ всякое словечко Государя-оракулъ.

Новаго ничего не слыхать. Третьяго дня только было происшествіе въ театрѣ. Мад. Hullier танцовала въ балетѣ Carnaval de Venise; она всѣми любима, а потому немало удивило публику, что ей стали шикать и освистывать. A la tête de la cabale étaient le c-te Potemkine et le p-ce Woldemar Gallitzine. Не знаю чѣмъ кончилось, ибо бѣдная Hullier, выйдя за кулисы, упала въ обморокъ.

*

Москва, 3 Генваря 1833.

Сколько разъ перечитывалъ я письмо твое, мой милый другъ. Мнѣ кажется, что я вижу, какъ ты стоишь, говоришь съ Бенкендорфомъ, какъ Государь изволитъ подходить, взять тебя милостиво за руку. Слышу слово произнесенное громкимъ, царскимъ голосомъ: Здоровъ? Вижу твой поклонъ. Вижу улыбку, когда ты сказалъ: Почтдиректорствуетъ. Не повѣришь, въ какомъ восхищеніи Ольга, что Государь ее вспомнилъ, но только (человѣкъ никогда не бываетъ совершенно доволенъ) она прибавила со вздохомъ: Ахъ, папенька! Государь не вспомнилъ о своей крестницѣ, и дяденька ничего объ ней не сказалъ Государю! Ну мой ангелъ, это до другого разу. А княжна Алек-

*) См. выше, стр. 269.

сандра Александровна становится очень мила. Теперь камеръ-юнкера[1]) подмываетъ въ Петербургъ. Онъ на это молодецъ, и я увѣренъ, что онъ соберется и скоро къ вамъ дастъ тягу. Вотъ Наташа такъ-та потяжелѣе, одно твердитъ: il faut 10 milles! Пустяки, а три или четыре я дамъ ей съ удовольствіемъ большимъ, лишь бы исполнить желаніе пламенное Катеньки. Я полагаю, что жить бы могла Наташа у гр. Мамоновой, близко отъ васъ, а она вѣрно согласится дать имъ комнаты три на мѣсяцъ времени. Позондируй добрую сосѣдку. Экипажъ не нуженъ, а квартира; экипажъ не столь главная статья. Съ платьями умѣемъ мы экономически извертываться. Я не даю отбою моей женѣ. Вотъ бы Долгорукій ихъ и эскортировалъ; зимой ѣдешь и дешево и скоро, и безопасно, и покойно. Теперь буду ей твердить, что дѣла требуютъ ея присутствія въ Петербургѣ, чѣмъ нибудь дабы ее выгурить отсюда. Хочется мнѣ очень, чтобы Катенька повеселилась этотъ годъ, а здѣсь кажется баловъ не будетъ, утихло что-то.

*

Москва, 4 Генваря 1833.

Вчера заѣзжалъ я отдать визитъ графу Панину, возвратившемуся изъ Рязани[2]); видѣлъ я и Софью Петровну Тутомлину; совершенная тѣнь, однакоже имѣла силу играть въ вистъ.

*

Москва, 6 Генваря 1833.

Какъ прекрасно это слово Государя сказанное Карадоршѣ: He bien, madame, comment vous trouvez vous au milieu de 33 m. de mes amis? Какъ много заключаютъ въ себѣ слова сіи! Какъ они изображаютъ прекрасную душу Николая I-го! Не скажетъ, не можетъ это сказать Государь, который не увѣренъ, что онъ дѣлаетъ все что въ силахъ его, чтобы видѣть счастливыми подданныхъ своихъ, чтобы быть ими любиму. Мы восхищались прекрасными словами Государя. Voilà un mot, une soirée dont madame Caradori pourra faire parade toute sa vie.

Вотъ и Обрѣзковъ. Этому вездѣ хочется попасться. Вздумалось ему балотироваться въ президенты въ купеческую управу; бездна тамъ охотниковъ, потому что 17 т. жалованья. Многіе сенаторы болтировались, и Каверину положили 4 избирательныхъ и 80 слишкомъ черныхъ

---

[1]) Т. е. отца маленькой княжны Александры Александровны (нынѣ вдовы Н. Н. Львова), дочери князя Александра Сергѣевича Долгорукаго (его Булгаковъ зоветъ выше и въ другихъ письмахъ своихъ „Дишкою“) и внучки А. Я. Булгакова.

[2]) Т. е. сестру опальнаго графа Н. П. Панина.

шаровъ. Какъ бы и Обрѣзкову не имѣть такой же тріумфъ. Теперь хочетъ быть старшиною Благороднаго Собранія и просить ѣхать ужо помѣстить его въ моей запискѣ. Пожалуй, но моего одного голоса недостаточно.

*

Москва, 9 Генваря 1833.

Ну, видно, матъ пришолъ Махмуду. Посмотри, коли не нашъ же великодушный Государь спасетъ его отъ гибели, забывая его прошедшее вѣроломство. Здѣсь слухи, что Султанъ сѣлъ на пароходъ и отправился въ Одессу, подъ покровительство Воронцова, т. е. Россіи. Cela ne serait pas si bête. Съ нимъ мы не сдѣлаемъ то, что̀ Англичане сдѣлали съ Наполеономъ, отдавшимся имъ безусловно въ руки. Чтобы взять визиря въ плѣнъ, надобно, чтобы низверженіе было ужасно; ибо у визирей не палочницы подъ сѣдломъ, а Арабскіе жеребцы, кои вывезутъ хоть кого.

Получа твое офиціальное письмо съ деньгами (на которое особенно тебѣ отвѣчаю), я тотчасъ поѣхалъ къ княгинѣ Четвертинской вечеромъ, нашелъ мужа въ халатѣ въ кабинетѣ, а возлѣ него и княгиня и дѣти у камина. Peut-on vous offrir une tasse de thé? Il aurait fallu à la rigueur du Champagne.—Du Champagne? Et pourquoi cela?—Parce qu'il y a aujourd'hui juste 22 ans que nous sommes mariés. Стало я кстати пріѣхалъ. Отдалъ княгинѣ пакетъ съ деньгами и письмо князя П. Мих., въ чемъ посылаю тебѣ и расписку. Съ сею почтою прислалъ вел. князь Михаилъ Павловичъ при письмѣ алмазные знаки св. Александра Невскаго для Н. И. Демидова. Спѣша къ Четвертинской, я къ нему самъ не поѣхалъ, а написалъ ему поздравленіе и послалъ знаки съ Ник. Ив. Похвиснѣвымъ, пріятелемъ его.

*

Москва, 12 Генваря 1833.

Пріѣхалъ сюда опять богачъ этотъ князь Друцкой-Гурко, что̀ женатъ на дочери В. В. Энгельгарда, давать праздники. Нанялъ огромный домъ графа Маркова на Никитской, но такъ холодно и столько больныхъ въ городѣ, что онъ балъ свой Пятничный, т. е. завтрашній, отмѣнилъ.—Есть у васъ одна бѣдная старушка, сдѣлай одолженіе пошли къ ней мой пакетъ при семъ прилагаемый, и чтобы отдали ей въ руки самой, но не говоря, *отъ кого* онъ. При сей вѣрной оказіи посылаю тебѣ и 140 р., накопленные для твоего какого-то Грека. Я тогда же набралъ въ одинъ день 110 р., да и сталъ въ пень; вчера накопилъ еще 30 р. и посылаю тебѣ всѣ 140 р., а ежели послѣ что̀ нибудь накоплю, то доставлю тебѣ.

*

Москва, 13 Генваря 1833.

При семъ просимъ всѣ у тебя совѣта. Вотъ въ чемъ дѣло: у княгини Ек. Ал. Долгорукой есть прекрасная игрушка, искусно сдѣланный изъ эмали съ драгоцѣнными каменьями червякъ; его заводятъ, и онъ какъ живой червякъ пищитъ и ползаетъ. Княгиня подарила это Ольгѣ, которая желаетъ поднести это которой нибудь изъ великихъ княженъ или Императрицѣ самой. Можно ли это сдѣлать? Я чаю, тебѣ скажетъ откровенно князь Петръ Михайловичъ, у мѣста ли это? А вещица прекрасная, временъ Людовика XIV, и вывезена была въ Россію дѣдомъ княгини Е. А. Ольга никакъ не ищетъ возвратнаго подарка, а желала бы только чтобы было это угодно Государынѣ. Cela peut servir d'étrenne pour Pâques. Дишка покажетъ тебѣ механизмъ, а тебѣ совершенно представлено рѣшать, что̀ дѣлать съ червякомъ.

Вотъ и офиціальная бумага за подписаніемъ всѣхъ старшихъ, коею они меня увѣдомляютъ, что я избранъ по большинству въ старшины Собранія.

*

Москва, 8 Февраля 1833.

Сейчасъ былъ у меня кисло-сладкій М . . . . й. Не люблю я іезуитскую эту харю. Жаль мнѣ очень. Вообрази, что онъ выгоняетъ изъ казеннаго флигеля бѣдную Шульцъ, которой графъ Нессельроде позволилъ тамъ жить. Этотъ кащей продалъ свой домъ подъ церковь реформатскую и хочетъ жить *gratis* и для того переѣзжаетъ въ тотъ флигель, который занималъ покойный Каменскій на время, послѣ Московскаго пожара 1812 г. Другой флигель, гдѣ живетъ Шульцова вдова, также беретъ онъ себѣ. Теперь вотъ претензія г-на сенатора, который мною уже располагать изволилъ не переговоря. Я писалъ, говоритъ онъ, графу К. В., что А. Я. Булгаковъ, имѣя большое помѣщеніе для почтамтскихъ, даетъ Шульцовой квартиру, ибо ее протежируетъ etc. На что я ему отвѣчалъ, что конечно уважаю, люблю Шульцову вдову, и она этого стоитъ; но у меня мои чиновники иные безъ квартиръ, то съ какой стати пущу я чужую? У насъ ужасная тѣснота; я разъ былъ, такъ ужаснулся, какъ не заведутся болѣзни. Въ одной конуркѣ по три семьи. Каковъ же п . . . чъ! Жаль мнѣ, что графъ далъ согласіе свое. Начальнику квартира не положена въ Архивѣ, а этотъ кащей стѣсняетъ бѣдняковъ, чтобы *тысячи три* положить себѣ въ карманъ, тогда какъ самъ мнѣ теперь сказалъ, что далъ за дочерью на полмиліона приданаго.

*

Москва, 23 Февраля 1833.

Сегодня никуда не гожусь я, мой милый и любезнѣйшій братъ, не гожусь какъ это перо, которое кидаю и беру другое. Затормошили меня дома; всегда какъ будто сговорятся многіе пріѣхать отнимать у меня время, такъ что я вмѣсто 11 часовъ попалъ въ Воспитательный Домъ почти въ 12, оттого долженъ былъ тамъ пробыть лишніе ¾ часа; но за то кончилъ дѣла Наташины самъ, не прибѣгая къ другимъ; оно и лучше. Тутъ Рудинъ пришелъ съ бумагами, коихъ болѣе случилось обыкновеннаго. Отдѣлался, думаю за тебя приняться; пришла милая гостья, любезная, радостная, которую всегда принимаю съ удовольствіемъ, даже когда и къ тебѣ пишу.... Ты спрашиваешь, кто эта гостья? Ахъ, ты недогадливый! Кому же быть гостьѣ этой, ежели не Петербургской почтѣ? Благодарю за письмо твое отъ 20-го. Оно радостно, извѣщаетъ о отъѣздѣ Дишки, то-то Ольга обрадуется! И съ брюхомъ запрыгаетъ! Ужо ей скажу, какъ явится обѣдать, а теперь не пошлю письма. Отъ тебя была одна офиціальная бумага, но какъ я тебя благодарю за нее! Какую ты мнѣ доставилъ пріятную минуту! Я тотчасъ послалъ за бѣдной Васильевой, матерью умершаго чиновника нашего, коей жалуется 300 р. Но ты представь себѣ, что тебѣ жалуютъ 300 т. р. Ну ты бы такъ не обрадовался. Я видѣлъ предъ собою крошечную, въ землю взросшую старушку, одѣтую какъ нищую. Ей бы 25 р. фортуна, а она 300 р. получитъ. Кинулась къ ногамъ (вотъ этимъ испортила мою радость, далъ бы еще 50 р. своихъ, чтобы этого не дѣлала), заплакала да и встать ужъ не могла. Всѣ присутствующіе были тронуты. Батюшка! Какъ это было? Вѣдь ужъ было отказано мнѣ при Ив. Алек. Рушковскомъ, я не ждала!... Ну какъ бы ни было, приходите за деньгами, молите Бога за Государя, за князя Голицына и за Константина Яковлевича.

Прежде нежели Богъ послалъ мнѣ теперешнее мое мѣсто, я всегда въ умѣ моемъ созидалъ себѣ другое: быть раздавателемъ милостей царской фамиліи, посвятить жизнь ходить отыскивать истинную нищету и помогать ей. Сколько бы можно отирать слезъ, сколько бы истинныхъ благословеній имѣли бы цари наши! Я бы отложилъ всякое пристрастіе въ должности моей, сдѣлалъ бы изъ этого совѣстное дѣло, должность моя была-бы не явная, а самая искренная. Отчеты давалъ бы я только Государю самому. Должность моя была бы истинно завидная. Воображаю себѣ, что всякой день имѣлъ бы я нѣсколько сценъ, какъ сегодняшняя. Ну хорошъ я съ своими воздушными замками. Другіе назовутъ мои слова *галиматьею*; сердце твое иначе создано, и ты скажешь обо мнѣ: pas si bête.

*

Москва, 25 Февраля 1833.

Читая рапортички дѣтей о бывающихъ у тебя, мнѣ все кажется, что и я тамъ: вижу какъ столы поставлены, кто играетъ въ вистъ, кто куритъ, кто въ билліардъ; какъ Литта расхаживаетъ, повторяя: la colonne, la colonne, est une colonne, qui est à elle seule tout un palais, ou un temple, ou un cirque, enfin un édifice remarquable. Слышу какъ Икскуль говоритъ, когда идутъ въ 13-ую карту: въ первый разъ ходятъ! Было и мое времячко, и я ликовалъ, да и теперь ликую вашими письмами, а теперь разсказами Дишки.

*

Москва, 4 Марта 1833.

Благодарю за монеты новыя Польскія. Прекрасны. Черткова очень обрадуютъ твои гостинцы, и я отсюда вижу, какъ онъ ужо будетъ чуфариться въ клобѣ и маркировать $1^1/_2$ рублевиками. Все хорошо; только воля твоя, зачѣмъ нѣтъ на монетахъ изображенія Государева? Право, не хорошо! Зачѣмъ отнимать у монеты главное ея достоинство черезъ 500—1000 лѣтъ? Зачѣмъ не будетъ знать позднее потомство, какія имѣли черты Петръ, Екатерина, Николай великій и Александръ благословенный? Лица же такія прекрасныя. Оставимъ это и общія, историческія уваженія; давай говорить какъ Руской. Представь себѣ теперь жителя Алеутскихъ, Курильскихъ острововъ, Сибиряка, Самоѣда, у коего отнята на вѣкъ отрада увидѣть когда нибудь Государя своего; сего мало: несчастные сіи никогда не увидятъ и портрета Государева, какими судьбами дойдетъ туда оный? Дѣло несбыточное. Деньги ходятъ всюду, и я воображаю, какая бы радость была для нихъ, какое сокровище, кладъ: цѣлковый рубль съ вѣрнымъ изображеніемъ Государя! Ежели бы я былъ Канкринъ и даже князь Ал. Ник. Голицынъ, я бы умолялъ Государя на *колѣнахъ* выбивать монету съ царскимъ изображеніемъ. Я даже очень одобряю Сицилійскую монету, на коей король Фердинандъ изображенъ вмѣстѣ съ королевою, два профиля вмѣстѣ. Какъ бы весело было Русскимъ видѣть два красивыя лица и двухъ супруговъ столь нѣжныхъ, вмѣстѣ, и на монетахъ. Тогда стали бы драться за деньги.

*

Москва, 6 Марта 1833.

Неужели подлинно Беррійская объявила, что замужемъ? Я еще не успѣлъ газеты прочитать. Стало быть, тайный бракъ, ибо доселѣ никто сего и не подозрѣвалъ. Надобно думать, что она брюхата, а то къ чему бы такое признаніе? Cela va désanchanter ses partisans,

et elle doit en effet beaucoup perdre aux yeux de tout le monde. Впрочемъ я тебѣ и прежде писалъ, что это не моя героиня. Дѣло ли женское рыцарствовать, наводнять Францію кровію для ребенка не могущаго самъ собою царствовать? Стало быть, регенство ее такъ искушало. Мѣсто матери должно быть у ея ребенка, т. е. должна сохранять его здоровье и жизнь, образовать его, давать примѣръ добродѣтели, а не гоняться за химерою, за славою, приключеніями и *мужьями*. Все что можно объ пей сказать это, что она отважная женщина, болѣе ничего. Какъ-то обсудитъ это Шатобріанъ? То-то пойдутъ пасквили. Женѣ Берри, матери Бордо не идетъ бракъ этотъ.

*

Москва, 11 Марта 1833.

То-то человѣкъ никогда не знаетъ что̀ его ждетъ. Всякое положеніе подвержено измѣненіямъ, а потому никогда не должно предаваться отчаянію. Я отъ многихъ слышалъ, что нашему доброму Завадовскому такъ плохо приходилось, что не зналъ чѣмъ и какъ жить; а князь Шаликовъ, имѣющій семейство, ночи просиживалъ, писалъ, сочинялъ, печаталъ, издавалъ журналъ, чтобы имѣть чѣмъ своихъ кормить, какъ все вдругъ перемѣняется: у Завадовскаго является 600 т. и 900 душъ, а у Шаликова 25 т. капитала, и послѣдній вѣрно богатѣе себя почитаетъ перваго. Великая была для меня отрада, получа твое и Вяземскаго извѣстіе, написать Шаликову: «Въ Петербургѣ умеръ гр. Завадовскій, человѣкъ богатый, царство ему небесное! Я его никогда и не видывалъ, но чту его память, и вотъ почему: онъ оставилъ доброму человѣку, отцу семейства, небогатому, 25 т., а этотъ отецъ семейства, это вы любезнѣйшій князь, поздравляю etc.» Я получилъ прерадостный отвѣтъ отъ Шаликова, а тамъ и самъ явился и желалъ знать, куда же дѣнется имѣніе двоюродной его сестры, матери покойника? Она оставила ему тысячи полторы душъ, т. е. сыну своему. Я обѣщалъ о семъ развѣдать. Ужъ это не то ли имѣніе, которое полагается у васъ выморочнымъ? Что̀ кабы вдругъ Шаликову достался этотъ Воротынецъ! Тогда броситъ Парнасъ и переселится на землю. Узнай-ка, мой милый.

*

Москва, 13 Марта 1833.

Сію минуту былъ у меня Растопчинъ; къ нему фракъ идетъ лучше мундира, и онъ, кажется, поправился въ здоровьѣ своемъ. Я радъ, что онъ, братъ его и даже графиня ладятъ теперь съ Брокеромъ; давно бы имъ взяться за умъ, у всѣхъ лучше пошли бы дѣла. Посылаю тебѣ стихи поднесенные мнѣ кн. Шаликовымъ. Какъ бы я желалъ, чтобы имѣніе, которое вы полагаете выморочнымъ, досталось ему!

Онъ мнѣ доставилъ записку подробную о родствѣ своемъ съ покойнымъ Завадовскимъ. Всѣ въ Москвѣ радуются его счастію. Онъ очень просилъ меня поблагодарить Вяземскаго за его участіе въ перемѣнѣ его положенія. Покажи Вяземскому стихи.

Салтыковъ, Кобылинъ (отказавшіеся отъ клоба Аглинскаго), Сонцовъ, кажется и Чертковъ и многіе другіе затѣваютъ общество вмѣсто клоба, гдѣ точно очень дѣлается непріятно, многіе бросили ѣздить; но я не знаю, успѣютъ ли въ своемъ предпріятіи.

Къ Александру Яковлевичу Булгакову.

Pour prix d'avoir bien fait on veut encore bien faire.

Ducis.

Твоихъ я Грацій скромно пѣлъ,
Умомъ и красотою Грацій!
Я въ пѣснопѣньи не Горацій,
Но щастливъ, щастливъ мой удѣлъ:
Родитель дочерей безцѣнныхъ,
Достойный имени сего,
Въ движеньяхъ сердца своего,
Всегда прекрасныхъ, откровенныхъ,
Благодарилъ меня, пѣвца,
Своею прозою прелестной,
Наполеону небезвѣстной
И Русскихъ трогавшей сердца.
Но только-ль сдѣлано тобою
Для благодарнаго тебѣ?
Ты принялъ съ радостью живою
Участіе въ моей судьбѣ.
И такъ въ моемъ семействѣ цѣломъ,
И такъ, восторга въ чувствѣ смѣломъ,
Предъ свѣтомъ говорю душой:
Ты добрый, добрый геній мой!

Князь Шаликовъ.

Мать усопшаго графа Ивана Яковлевича Завадовскаго, графиня Елисавета Павловна, была дочь Маріы Дмитріевны, родной сестры отца моего, князя Ивана Дмитріевича Шаликова. Собственное недвижимое имѣніе двоюродной сестры моей, графини Елисаветы Павловны, находится въ Екатеринославской и, кажется, Полтавской губерніяхъ, гдѣ я съ покойницей живалъ неоднократно, прежде нежели она переѣхала на житье въ С.-Петербургъ, равно какъ и въ Черниговской губерніи, гдѣ она имѣла всегдашнее жительство въ имѣніи покойнаго мужа своего, бывшаго Новгородъ-Сѣверскаго губернатора, графа Якова Васильевича.

Князь Петръ Шаликовъ.

12 Марта 1833 г.

Москва, 8 Апрѣля 1833.

По городу говорили, что князю нашему*) пожалованъ новый орденъ, цѣпь какая-то; я всѣмъ отвѣчалъ, что быть не можетъ, что ты вѣрно бы написалъ мнѣ.—Куда бы хорошо дамамъ дать костюмы единообразные для двора, и Русскіе. Это существуетъ при Неапольскомъ дворѣ, и есть платья, кои сто лѣтъ переходятъ отъ матерей къ дочерямъ, сохраняясь въ фамиліяхъ, и точно бы большая была это экономія. Однѣ только щеголихи и богачки будутъ сожалѣть; но не лучше ли и имъ обратить издержки на брилліанты, чѣмъ на лоскутки, кои разъ надѣнь да и брось? Посмотрѣлъ бы я на нарядъ нашего князя!

*

Москва, 10 Апрѣля 1833.

Твои напрягаи принимаю съ покорностію, мой милый другъ. Ужъ вѣрно не желалъ я баловать своихъ чиновниковъ, изъ коихъ многіе и безъ того были избалованы странными свойствами покойнаго Рушковскаго, такъ избавилъ бы себя съ великою радостію издержки столь для меня значительной и уплатилъ бы кой-какіе должишки; но такъ дѣлалъ Рушковскій, слывшій *скрягою*. И это бы ничего: я могъ бы все себя оправдать тѣмъ, что Рушковскій былъ одинъ-одинехонекъ на свѣтѣ, а я имѣю семью немалую. Рушк. былъ 13 лѣтъ почтдиректоромъ, а я только вступилъ и обзавестись даже не успѣлъ, многаго самъ еще не имѣю. Но Трескинъ бѣденъ, огромную имѣетъ семью, съ кончины жены своей совершенно убитъ. Одинцовъ намекалъ мнѣ два раза, что дѣтей въ службу записалъ, что обмундировка сына стала ему до 500 р., что не знаетъ какъ изворачиваться. Какъ Жарову не дать, который столь рачительно, честно наблюдаетъ мои интересы? У Худина девятеро дѣтей, этому подарилъ я 400 р. именно оттого, что онъ молчалъ и не просилъ; я ничего скромнѣе, способнѣе и усерднѣе его въ Почтамтѣ не знаю. Какъ было не подарить почтальонамъ, сторожамъ, пѣвчимъ, причту церковному, школѣ? Какъ не пособить старикамъ Петрову, Макарову и многимъ другимъ, у коихъ вычитаютъ всякую треть изъ скуднаго ихъ жалованья? Какъ бы я не наслѣдовалъ щедраго нрава батюшки, конечно могъ бы я обуздать желаніе всѣмъ или многимъ дать пособія по силѣ; но мысль одна взяла верхъ надо всѣми уваженіями, а мысль эта слѣдующая: «И я терпѣлъ нужду часто тяжкую какъ вы, Богъ положеніе мое перемѣнилъ, я счастливъ, покоенъ; такъ пусть же и около меня всѣ будутъ счастливы и покойны, сколько это зависѣть можетъ отъ меня». Пусть эти 3400 р. составятъ мое мотовство. Я не имѣю, слава Богу, прихотей разорительныхъ. Чѣмъ раз-

*) Т. е. князю Александру Николаевичу Голицыну.

давать милостыню по мелочамъ и которая идетъ по трактирамъ и кабакамъ, лучше помогать тѣмъ, которые такъ ревностно и исправно подо мною трудятся. Вотъ тебѣ, мой любезнѣйшій братъ, исповѣдь моя.

Добраго Закревскаго благодарю за письмо его; оно отвѣтное на мое. Вчера у его роденьки Мельгунова*), что женатъ на хорошенькой Урусовой, была исторія подъ качелями. Тамъ есть ресторація, гдѣ Мельгуновъ не только кушалъ à la Galitzine, но и нахлюстался à la Antonio dans Figaro. Лечь бы спать послѣ этого, а онъ поѣхалъ верхомъ по гулянію, набрелъ какъ-то на князя Четвертинскаго, который также былъ верхомъ. Онъ ему сказалъ: в. с., остерегитесь, а князь ему въ отвѣтъ: развѣ я слѣпой? Только пошелъ споръ, слово за слово, и Четв. сказалъ ему наконецъ: я вижу, что вы пьяны, на что Мельг. отвѣчалъ: пьяный выспится, а дуракъ никогда не выспится, всегда будетъ дуракомъ. Князь поворотилъ повода, сказавъ: что мнѣ толковать съ человѣкомъ, который не чувствуетъ что дѣлаетъ и говоритъ! Это такъ, а потому и не слѣдовало связываться съ Мельгуновымъ, а теперь les rieurs sont pour celui-ci, пбо онъ поѣхалъ за Ч., крича ему въ слѣдъ: Дуракъ, скотина! Никогда не выспишься и все будешь скотина. Ожидаю, что это такъ не обойдется. Конечно стыдно для М.; но и Ч. не правъ по моему.

Вотъ почему я не принялъ зова графа Потемкина, т. е. принялъ приглашеніе благодаря, а тамъ прислалъ почтальона съ запискою, что къ сожалѣнію быть не могу. У Потемкина были вишни, малина, клубника, виноградъ, говорятъ, по рублю штука, а жену отправилъ въ Петербургъ просить отсрочить или просить какія-то 20 т. р. Этого, видно, ничто не исправитъ.—Всѣ теперь жадничаютъ видѣть Каратыгиныхъ. Загоскинъ сказывалъ, что они будутъ играть 20 разъ; но онъ не мой актеръ, не люблю его. Она мила, хотя и странно говоритъ.

*

Москва, 11 Апрѣля 1833.

Можно было предвидѣть, что бывшая подъ Новинскимъ ссора между кн. Четвертинскимъ и Мельгуновымъ не останется безъ послѣдствій. Я тебѣ описывалъ оную вчера, мой милый и любезнѣйшій другъ. Вотъ каково связываться съ людьми нетрезвыми. Вчерашній день прошелъ весь въ напрасныхъ негоціаціяхъ. Четвертинскій взялъ Петра Льв. Давыдова и Корсакова Гр. въ секунданты, а М.—Киселева и еще кого-то. Они старались дѣло уладить, но тщетно. Князь Дм. Вл. призывалъ къ себѣ М-ва, говоря ему, что непріятно будетъ, ежели эта исторія сдѣлается гласною и отрепортуется въ Петербургъ, что пятно

*) Мельгуновъ былъ въ родствѣ съ супругою графа Закревскаго.

будетъ для всего дворянства Богородскаго уѣзда, избравшаго его въ предводители, что послѣдствія будутъ для него самыя дурныя и пр.; но М. остервенился, сталъ на томъ, что князь Ч. долженъ просить у него прощенія, а не то онъ съ нимъ раздѣлается какъ *честь* велитъ. Но казалось бы, что прежде всего честь велитъ не напиваться и пьяному не разъѣзжать по гулянію, гдѣ весь городъ. Не знаютъ, чѣмъ-то все это кончится, а между тѣмъ обѣ премилыя жены и семейства въ сокрушеніи. Вотъ какъ должно быть осторожну во встрѣчахъ во всѣхъ публичныхъ съѣздахъ!—Былъ я вчера въ театрѣ, хотѣлось видѣть дебютъ Каратыгиной. Давали l'École des vieillards, переводъ Кокошкина, не важный. Пьеса уже не та въ переводѣ. Каратыгина сохранила свои гримасы, аффектацію, которыя были хороши, когда ей было 25 лѣтъ, а теперь стара стала. Кажется, публика наша, обыкновенно кидающаяся на все новое и Петербургское, приняла ее холодновато, мало аплодировали, человѣкъ двадцать стали ее вызывать. Elle ne s'est fait tirer l'oreille, тотчасъ вышла, но съ Щепкинымъ; однакожъ не очень низко кланялась. Завтра играетъ мужъ въ Дмитріи Донскомъ. Я былъ въ ложѣ у Загоскина, но такъ какъ во все время закрытія театра оный (видно изъ экономіи) не топили, то было очень сыро, и я, чтобы не прозябнуть, уѣхалъ до конца, да кинулся дома на чай и не поѣхалъ на званый вечеръ къ Щербатову Парижскому, а занялся почтою.

Объ отправленіи графа Орлова въ Стамбулъ мы уже знали. Дѣло важное, которое можетъ его подвергнуть большой отвѣтственности, могутъ случиться критическія минуты; за то Бутеневу будетъ легче. Посылка Орлова, пожалованіе Лазарева въ вице-адмиралы доказываютъ, что Россія готовится играть тамъ роль не второклассную. Такъ и подобаетъ. На Москву ли поѣдетъ графъ Ал. Өед.? Мнѣ бы очень было пріятно его видѣть.

*

Москва, 12 Апрѣля 1833.

Исторія Мельгунова съ кн. Четвертинскимъ кончилась и имѣла развязку, которую нельзя было ожидать. М. просилъ сутки времени на размышленіе, и кончилось тѣмъ, что не у него просили, а онъ у Четвертинскаго просилъ прощенія. Корсаковъ Гриша тутъ очень удачно дѣйствовалъ и когда всѣ секунданты вмѣсто того, чтобы озлоблять, сближали бы ссорящихся, то менѣе было бы дуэлей. Скажи это Вяземскому отъ меня, а то онъ вѣрно безпокоится насчетъ свояка своего*).

*) Т. е. князя Бориса Антоновича Четвертинскаго. Онъ и князь П. А. Вяземскій женаты были на родныхъ сестрахъ.

Какъ бы то ни было, но бѣднаго Сухтелена не стало. Смерть найдетъ резонъ, а здѣсь говорятъ, что досады, которыя онъ имѣлъ отъ своей распутной жены, сократили его жизнь; но кажется, что, разлучившись уже одинъ разъ навсегда съ нею, долженъ бы быть покоенъ. Наплевалъ бы на нее да и только, тѣмъ болѣе, что дочь осталась при немъ, жена нажила себѣ другихъ съ другими. Она скверная живетъ себѣ да поживаетъ, а добрый и полезный человѣкъ умеръ.

Сегодня большой обѣдъ для князя Дм. Вл. въ Англійскомъ клубѣ. Сказываютъ, что будетъ 300 человѣкъ. Сомнѣваюсь, ибо столько и членовъ не накопится въ цѣлой Москвѣ. Отдѣлаюсь пораньше, ибо обѣдать тамъ въ три часа. За мною заѣдетъ П. П. Новосильцовъ.

*

Москва, 13 Апрѣля 1833.

Прежде нежели лечь спать, опишу тебѣ обѣдъ Англійскаго клоба въ честь князя Дм. Вл. Было 300 слишкомъ человѣкъ. Мы не совались впередъ какъ многіе, а потому и досталось намъ, т. е. Ив. Вас. Черткову, Новосильцову и мнѣ, сидѣть за пятымъ столомъ. Были одни члены, и за исключеніе на этотъ день гостей были отъ нѣкоторыхъ ропоты. Былъ только одинъ гость, коего князь съ собою привезъ: только что пріѣхавшій изъ Петербурга Я. В. Виллье; онъ и сидѣлъ возлѣ князя съ одной стороны, а съ другой слѣпой Гагаринъ. Послѣ перваго блюда начались тосты съ куплетами, кои на хорахъ пѣли Лавровъ, Петрова и другіе театральные пѣвцы. Первый куплетъ Государю, 2-й Императрицѣ и Наслѣднику, 3-й благоденствію Россіи, 4-й князю Дм. Вл., 5-й Москвѣ, 6-й Англійскому клобу; всякій тостъ былъ сопровождаемъ продолжительными рукоплесканіями и шумомъ чѣмъ ни попалось. Вотъ тебѣ и стихи, кои весьма недурны, особливо III и IV куплетъ. Обѣдъ былъ хорошъ, прислуга исправна, и недолго, спасибо, продолжалось. Я не видалъ, но сказывали мнѣ, что князь Дм. Вл. не могъ скрыть слезъ.

Послѣ обѣда музыка была повторена, и князевъ куплетъ, по общему требованію, два раза былъ пѣтъ; потомъ пили здоровье автора словъ, нѣкоего Аксакова*), все обошлось очень хорошо. Обѣдъ сей ознаменованъ былъ благодѣтельною подпискою въ пользу несчастнаго князя Кугушева. Когда я уѣхалъ, давъ самъ 25 р., то было уже болѣе 2000 р. набрано. Я уѣхалъ рано и оставилъ тамъ множество народу. Ежели бы дали такой праздникъ князю въ день его пріѣзда, могло бы это

*) Сергія Тимоѳеевича.

почесть лестію; но послѣ 14 лѣтняго управленія Москвою столь гласное и единодушное изъявленіе любви не могло не быть ему очень пріятно.

Отъ торжества Дмитрія Голицына заѣхалъ я на часокъ домой, а тамъ поѣхалъ на торжество Дмитрія Донского. Театръ былъ биткомъ набитъ. Каратыгинъ игралъ хорошо, и ему ужасно аплодировали. Видно было, что Русскую пьесу играли въ Русской истинной столицѣ; только куда этой Ксеніи далеко до Семеновой. Каратыгина въ комедіяхъ еще сносна, а тутъ она очень мнѣ не понравилась. Какъ въ концѣ піесы Донской со всѣми князьями и боярами, становясь на колѣна, оканчиваетъ піесу словами: великъ Россійскій Богъ! то казалось, что театръ обрушится отъ рукоплесканій.

Въ Понедѣльникъ бенефисъ Каратыгина, и говорятъ, что мѣста уже нѣтъ, все взято. Вчера носили его на рукахъ, но болѣе аплодировали Московскому князю, нежели актеру Каратыгину. Тутъ видѣлъ я національный инстинктъ. Всякій какъ будто себѣ говорилъ: Ну-ка! Г-нъ безфлотный адмиралъ Руссенъ, сунься-ка! О дерзостный посолъ надменнѣйшаго Филиппа Егалитетовича, не сладить тебѣ съ Русскимъ Богомъ.

*

Москва, 15 Апрѣля 1833.

Давно ли это князь Никита Волконскій [1]) попалъ въ поэты. Что это за новая несчастная страсть? Особенно несчастная для тѣхъ, которые должны слушать его стихи.—Правда ли, что Шрёдеръ оставляетъ Дрезденъ? Я думалъ, что онъ токмо тогда оставитъ Саксонію свою, когда оставитъ свѣтъ.

Въ пріемной второпяхъ принялъ письмо на имя великаго князя Михаила Павловича безъ означенія имени и жительства подавателя пакета; отыскать-дѣло невозможное, да и возьметъ время, за которое какъ бы намъ не отвѣчать. Посылаю тебѣ письмо для доставленія. Ежели не ошибаюсь, это рука Грессера [2]). Онъ же мнѣ сказалъ намедни: j'ai ordre de S. A. I. de l'informer sur-le-champ de mon mariage.

*

Москва, 17 Апрѣля 1833.

Не знаю какъ Мочалову и Бантышеву у васъ, а Каратыгиныхъ носятъ здѣсь на рукахъ; но она (по моему) много потеряла, и Молва (журналъ, который ты получаешь) хорошо ее обсуживаетъ. Мочаловъ слишкомъ рвется и не имѣетъ благородства въ игрѣ. Бантышева голосъ хорошъ на одинъ часъ, а тамъ какъ-то прислушивается, и мнѣ

---

[1]) Князь Никита Григорьевичъ, мужъ славной княгини Зинаиды.

[2]) А—ъ Ив. Грессеръ женился на сестрѣ министра двора, князя П. М. Волконскаго, княжнѣ Аннѣ Михайловнѣ.

кажется, что онъ вѣчно одно и тоже поетъ. Время стоитъ у насъ безподобное, и вчера было много подъ качелями, которыя остаются до 1-го Мая подъ Новинскимъ для гуляній по Воскресеніямъ.

Въ дочь Девіера, нашего скучнаго кредитора, влюбился кто-то, очень порядочный, съ состояніемъ; но отецъ, дурачина, все твердилъ: идетъ ли графинѣ Девіеръ выходить за простого дворянина безъ титула князя или графа? Всѣ родные уговаривали, и все было напрасно; говорятъ, что вчера ее увезъ этотъ женихъ, коего имя я забылъ. Говорятъ, главный резонъ отказа былъ тотъ, что Девіеру надобно было разставаться съ имѣніемъ, которое не его, а покойной жены и идетъ дочерямъ мимо отца, а этому хотѣлось опекать до самаго до нельзя. Сколько мерзостей заставляютъ дѣлать проклятыя денежки!

*

Москва, 18 Апрѣля 1833.

Какъ меня радуютъ Турецкія дѣла! Всѣ поступки нашего Государя имѣютъ что-то великаго, но послѣдствія еще явнѣе докажутъ Европѣ, а особенно Англійскимъ и Французскимъ крикунамъ, сколь возвышенны и истинно-царски чувства и политика нашего безцѣннаго Николая. Скверные Французишки только хвастаютъ, себя превозносятъ, а вездѣ поджигаютъ безпорядки. Мы докажемъ имъ, что гораздо надежнѣе не давать потачку бунтовщикамъ; у насъ все кончится скоро, хорошо, а они пусть себѣ тамъ *протоколятъ* Бельгійскія дѣла. Никогда журналы не были такъ любопытны. Gazette de France тоже утрируетъ, но я очень люблю Франкфуртскій журналъ: тонъ умѣренный, разсужденія основательныя, а иной и прекрасныя шуточки и пронія противъ либераловъ. Этотъ журналъ у всѣхъ лавочку отобьетъ, бумага же бѣлая, печать крупная. Это не бездѣлица.

Сію минуту Ольга явилась ко мнѣ отъ Пашковыхъ съ вѣстью, что сію минуту была помоловка Андрея Ростопчина съ Сушковою. Теперь отдастъ мнѣ справедливость cousin нашъ Alexandre Galitzine. Скоро забыла его любезная! Ежели бы Ростопчину было года три болѣе, то хорошо бы, но онъ еще не вышелъ изъ опеки*). Дай Богъ, чтобы были счастливы! Отъ нея зависитъ; надобно держать его въ рукахъ. Она умна, будетъ умѣть ладить и съ нимъ, и съ графинею полоумною. Андрюшу люблю по отцѣ, но вѣрно бы никогда не отдалъ Катю свою за него.

*

*) Графъ Андрей Ѳедоровичъ Ростопчинъ родился 13 Октября 1813 года.

Москва, 20 Апрѣля 1833.

Башиловъ сказывалъ, что купили прекрасный домъ Раевской (бывшій графа Воронцова Арт. Ив.) на Петровкѣ, въ немъ будетъ театръ. Башиловъ не хотѣлъ дать 140 т. за этотъ домъ подъ свою строительную комисію; а теперь онъ проданъ за 150 т., да и это дешево: домъ капитальный, средина города, и доходу съ лавокъ отъ 18 до 20 т. Я хлопоталъ для Раевской. Дочь ея, молодая вдова Соф. Дм. Камынина, милая бабенка и большая моя фаворитка, но увы, вдругъ всбѣсилась: всегда превозносила мнѣ свое счастіе, свою независимость, любовь тестя и тещи, кои подлинно въ глаза ей глядятъ, дочь у нея премилая пяти лѣтъ, единственная наслѣдница большого имѣнія; мать, живши у тестя на всемъ готовомъ, имѣла 15 т. доходу—и что же? Она лишается всѣхъ сихъ выгодъ, чтобы противъ воли родныхъ идти замужъ, и за кого? За извѣстнаго мерзавца: именно тотъ * * *, о коемъ я хлопоталъ тогда у Рушковскаго. Je ne le connais que de vue, mais je sais qu'il est très mal famé ici, et elle pleurera des larmes de sang. J'ai répondu à une de ses parentes, qui m'annonçait hier ce mariage et pas sans un certain trouble: je fais les aveux de ne jamais plus avoir d'amitié pour aucune femme, car il paraît que mon attachement porte malheur. Весь городъ сожалѣетъ о бѣдной Камыниной. Тесть лишаетъ ее всего, предоставляя имѣніе маленькой дочери ея въ совершеннолѣтіе, а * * * на имѣніе и зарился. Ни онъ ни она не имѣютъ ничего, чѣмъ же жить будутъ? Намедни старикъ Камынинъ заводить сталъ было разговоръ этотъ, но я отклонилъ, перемѣня рѣчь: дѣло деликатное, лучше ни во что не мѣшаться. Старикъ всегда отказывался принимать къ себѣ * * *, но надобно было кончить начатое и употребить всѣ средства, чтобы разорвать всякое знакомство.

*

Москва, 22 Апрѣля 1833.

Видно, на лотереи мода; но мнѣ не было такой удачи какъ Трубецкой намедни разыгрывалъ у князя Дм. Вл. прекрасный портретъ (большой масляными красками) Петра Великаго, и выигралъ его какой-то бѣдный живописецъ. Вотъ это весьма кстати: можно продать и получить 1000 р.

Меня вдругъ вызвали на балконъ, впжу ужасное стеченіе народа на улицѣ передъ нашимъ почтовымъ дворцомъ. Что̀ такое? Шелъ человѣкъ пожарной команды, вдругъ упалъ на нашемъ тротуарѣ и умеръ; тотчасъ призвали цырюльника, пустили кровь, но несчастный душу

уже Богу предалъ. Экое дрянное созданіе человѣкъ! Хлопоты сіи взяли у меня пропасть времени.

*

Москва, 24 Апрѣля 1833.

Вчера ѣздили мы, княгиня, Ольга съ мужемъ и я съ Катей, смотрѣть Каратыгина въ Шиллеровыхъ Räuber. Театръ всякій разъ полонъ, когда онъ играетъ; правда, что она собрала на бенефисѣ своемъ чистыхъ за расходами 10 т. р. и что столько же (ежели не болѣе) ожидаетъ и мужа ея; но правда и то, что они доставили дирекціи въ глухую эту пору, конечно, тысячъ 50. Такія были драки и давки для полученія билетовъ, что теперь всегда особенная команда полицейская бываетъ по утрамъ и учредили старшинство, т. е. queue, какъ въ Парижѣ. Пашковы мнѣ разсказывали, что ихъ человѣкъ явился въ три часа утра у двери, заснулъ и такъ славно, что проспалъ до разбора всѣхъ билетовъ. Понимаю, ибо никто не былъ интересованъ его разбудить, а сонъ видно богатырскій.

Нѣтъ сомнѣнія, что великій князь и ея высочество будутъ сюда. Башиловъ въ большихъ хлопотахъ, и я со всѣми своими спѣшу кончить ширмы, кои дѣлаю. Ежели удадутся, то хочу сдѣлать сюрпризъ и поставить, тихонько даже отъ Башилова, въ кабинетѣ великой княгини; дамы мои вырѣзываютъ, а я наклеиваю, на это положено у меня часъ и полтора всякое утро, только что выхожу, пока не одѣнусь. То-то Москва возликуетъ, особенно, ежели и Царь насъ осчастливитъ своимъ присутствіемъ. Князь и княгиня Т. В. хотятъ устроить какой-то вокзалъ на лѣто и меня приглашали на комитетъ; хотятъ такъ устроить, чтобы сборище сіе было бы достойно присутствія двора и избрать лучшее общество. Не полагаю, чтобы ваши минеральныя воды были когда нибудь полезны ни въ какомъ, а еще менѣе въ моральномъ, отношеніи. Ну какая польза будетъ напр. Канкрину пить воды въ Петербургѣ? И точно, выйдетъ, какъ ты говоришь, что Москвичи будутъ ѣздить къ вамъ, а Невскіе жители сдѣлаются Москворѣцкими. Покой, разсѣянность, перемѣна воздуха, горизонта, образа жизни, предметовъ и лицъ великое дѣло для больного. Какой быть пользѣ въ Петербургѣ, гдѣ въ одно утро видимъ до четырехъ перемѣнъ въ температурѣ?

*

Москва, 29 Апрѣля 1833.

Посѣщеніе Государево Губернскаго Правленія неожиданно. Дѣло очень хорошее: всѣ присутственныя мѣста будутъ держать ухо востро. Тебѣ не страшно, ежели Его Величество изволитъ и къ тебѣ пожаловать: у тебя въ Почтамтѣ все прекрасно, чисто, не такъ какъ у насъ грѣшныхъ.

Москва, 3 Мая 1833.

Вчера былъ тріумфъ для Каратыгиныхъ. Трагедія (Эссексъ) не важная и дурно переведенная; послѣ Валерія, гдѣ она играла слѣпую. По окончаніи всего ихъ вызывали, ужасно хлопали, а они ужасно кланялись, насилу публика унялась, опустилась занавѣсь, опять начались рукоплесканія, крики, вызовы Каратыгиныхъ. Долго не выходили, потому что, какъ случай новый, ходили спрашивать у князя Дм. Вл., какъ поступить? Разумѣется, что надобно было исполнить желаніе публики. Вышла вторично счастливая чета, тотъ же шумъ, то же браво, тѣже рукоплесканія, но еще продолжительнѣе прежнихъ. Ужъ они кланялись, кланялись, только что не въ землю. Странно, что мадамъ принимала энтузіазмъ публики съ твердостію, а мужъ плакалъ, отиралъ слезы и прекрасною пантоминою показывалъ публикѣ платокъ свой мокрый и чувства тронутыя. Это было послѣднее появленіе Каратыгиныхъ на здѣшнемъ театрѣ (такъ сказано въ афишкѣ); надобно было слышать радость и шумъ, когда актеръ пришелъ возвѣстить, что въ Четвергъ играть будутъ опять Эссекса и Валерію; начались опять рукоплесканія и браво. Я не видывалъ такого восторга какъ во время Зонтагши здѣсь; но Русскому Тальма сдѣлали еще болѣе чести. Вотъ то-то надобно искру только, чтобы загорѣлся пожаръ. Шевыревъ, Павловъ, Скарятинъ, твой знакомый Кошелевъ и еще человѣкъ пять заварили эту кашу; къ нимъ пристalъ раёкъ, а тамъ воспылалъ и весь театръ; но главный тріумфъ тотъ, что Каратыгины въ свои два бенефиса собрали около 30 т. И въ такую глухую пору!

*

Москва, 4 Мая 1833.

Давеча видѣлъ ужасную толпу у театра и нарочно остановился посмотрѣть на эту комедію, при которой всегда бываетъ полицмейстеръ, а то точно были бы несчастія всякій разъ. Сегодня точно послѣдній разъ играетъ Каратыгинъ; я самъ видѣлъ, какъ человѣку Устинова предлагали 80 р., чтобы уступилъ ложу, т. е. двойную плату. Совершенное сумасшествіе. Загоскинъ дѣльно жаловался мнѣ вчера, что вашъ несносный Гагаринъ не соглашается оставить Каратыгиныхъ еще на 10 дней. У васъ къ нимъ приглядѣлись, а здѣсь доставили бы они дирекціи тысячъ 30 лишнихъ, а карманъ все Государевъ, что Московскій, что Петербургскій; но г-да начальники смотрятъ не пользу казны, а свою личную. Какъ допустить Гагарину, чтобы отчеты Загоскина были выгоднѣе, нежели его?

*

Москва, 11 Мая 1833.

Былъ у меня сейчасъ Лѣсовскій. Добрый этотъ пріятель пріѣхалъ узнать, имѣю ли извѣстія отъ жены, ибо въ сосѣдствѣ Горбова взбунтовались мужики, также фабричные нѣкоего Грудева [1]). Мнѣ писала объ этомъ жена; но у нея все было покойно, а я приписываю это ея присутствію. Я сейчасъ отправляю эстафету къ Наташѣ, чтобы ее еще болѣе успокоить. Князь Дм. Вл. отправилъ туда адъютанта своего, и послана военная команда, которая сегодня должна быть на мѣстѣ. Лѣсовскій послалъ также отъ себя Шубинскаго полковника, коему велѣлъ имѣть глаза на Горбово, въ случаѣ нужды дать Наташѣ помощь и къ ней даже ѣхать; до сего не дойдетъ вѣрно, но все-таки спасибо доброму Степану Ивановичу. Я даю Наташѣ нужныя наставленія по сему случаю. Неудивительно, что я люблю Лѣсовскаго по старымъ нашимъ связямъ, но вообще здѣсь всѣ отмѣнно его и любятъ, и почитаютъ. Онъ въ это коротко время умѣлъ заслужить уваженіе всеобщее, а ему было труда немало.

*

Москва, 12 Мая 1833.

Вчера у Пашковыхъ узнали о кончинѣ Козицкой. Въ семействѣ этомъ трауръ, и я не знаю не отложится ли свадьба и Ростопчина? Говорятъ, что покойница бездну денегъ оставила. Она какъ-то разъ засунула въ кладовую 37 т. и забыла о нихъ, послѣ 20 лѣтъ нашли этотъ кладъ подмоченнымъ и такъ сгнившимъ, что вся сумма пропала. У Пашковыхъ также говорили о Моденѣ. Андрей Ив.[2]) пишетъ, что на другой день ожидали кончины его тестя, что руки и ноги опухли и онъ самъ говорилъ о своей смерти. Кто-то попадетъ на его мѣсто? А охотниковъ, я думаю, много. Habiter le palais Anitchkoff sur la Perspectif, c'est une très belle perspective! Какъ бы не вздумалъ просить Гедеоновъ? Чего добраго.

*

Москва, 13 Мая 1833.

Моя эстафета возвратилась изъ Горбова и привезла мнѣ письмо отъ жены отъ вчерашняго числа. Она, слава Богу, покойна, у нея все тихо и въ повиновеніи. Губернаторъ въ Рузѣ и, кажется, дѣйствуетъ хорошо. 13-ть зачинщиковъ взяты и пересѣчены, однако еще не кончено все. Имѣніе это, т. е. Грудева, 10 лѣтъ платило по 10 р. оброку, вдругъ посадили на фабрику что̀ имъ не нравится. Хорошо, что гу-

[1]) Это Геннадій Владимировичъ Грудевъ, владѣвшій селомъ Никольскимъ (позднѣе барона Шёппинга), которое подарила ему его супруга, Анастасія Ивановна, лѣвая дочь князя И. Ѳ. Барятинскаго (тетка фельдмаршала).

[2]) Сушковъ.

бернаторъ сталъ дѣйствовать, а то бы худыя могли быть послѣдствія, ибо та сторона вся въ фабрикахъ. Иные все-таки винятъ управляющаго; но ежели и такъ, то должно ему шепнуть урокъ на ухо, но никогда толпѣ не говорить въ глаза, что справедливость на ея сторонѣ. Наташа, гуляя по фабрикѣ своей, какъ будто ни въ чемъ не бывало, своимъ разсказывала шалости сосѣдей, прибавляя: «Не хорошо что-нибудь, то надобно жаловаться господину, а не бунтовать; вѣдь мы не въ лѣсу, правительство свое возьметъ, не черезъ день, то черезъ недѣлю, а все таки возьметъ зачинщиковъ; вотъ у Грудева 13 человѣкъ пересѣкли, да сошлютъ на поселеніе; безъ работы никто не живетъ. Мнѣ вѣрно веселѣе въ Москвѣ, да я пріѣхала въ Горбово посмотрѣть, все ли идетъ какъ должно, хорошо ли вамъ, и такъ ли дѣлается сукно» etc. На другой день былъ праздникъ, и Наташа потчивала фабричныхъ виномъ и пирогами, а они славили ея премудрость. Она очень кстати имъ сказала: «Вотъ кабы Грудевскій баринъ дѣлалъ свое дѣло, бывалъ бы чаще въ имѣніи и зналъ бы нужды своихъ мужиковъ, то дураковъ до бунта не допустилъ бы».—Такъ матушка! Такъ! Съ нашими мужичками ладить не трудно, но надобно строгость puncto primo. По условію обоюдному съ Лѣсовскимъ я сообщилъ ему все что знаю, и послалъ ему и почталіона, который все видѣлъ на мѣстѣ, и выписку изъ Наташинова письма. Теперь я совершенно покоенъ, впрочемъ Наташа женщина въ бездѣлкахъ, а въ казусахъ она лучше иного нашего брата.

*

Москва, 15 Мая 1833.

Странную вѣсть слышалъ я вчера. Ив. Ив. Дмитріевъ на старости лѣтъ расчелъ, что лучше имѣть дѣло съ одною женщиною, нежели съ девятью Музами, тайно обвѣнчался и на дняхъ объявитъ свою женитьбу. Кто же это жена? Вдова сенатора Северина, которая рѣшается на третьяго мужа, какъ нашъ глухой Евсей рѣшился на третью жену. Надобно же охоту! И такъ, у Северина будетъ папенькою человѣкъ, коего онъ и безъ того какъ папиньку почиталъ. L'occasion fait le larron. Ворота Дмитріева дома противъ самыхъ воротъ дома Севериной... Лишась же Аглинскаго клоба *), куда было баснописцу высокопревосходительному дѣваться? Je remarque que les jeunes gens font des cochoneries, mais ce sont les vieux qui font des sottises. Что скажетъ Вяземской на это? Не напишетъ ли сказочку или басенку?

*

*) И. И. Дмитріевъ отказался отъ членства въ Англійскомъ клубѣ за то, что изъ него былъ исключенъ его племянникъ, нанесшій оскорбленіе дѣйствіемъ князю Шаликову.

Moscou, le 16 Mai 1833.

Итакъ, бѣдный Моденъ кончилъ свои страданія! Былъ очень привыченъ и способенъ къ своему мѣсту. Трудно будетъ его замѣнить. Славныя имѣлъ formes и истинный courtisan, все это подкосила курносая смерть. Здѣсь всѣ о немъ жалѣютъ и говорятъ, что честолюбіе укоротило жизнь его. Стало быть, иной лучше капусту сажать нежели жить въ Аничковскомъ дворцѣ. Какъ все это тѣшитъ, и какъ все это ничтожно, когда надобно умирать! Какія мы дѣти! Но покуда дѣти на ногахъ, надобны имъ супъ и игрушки. Бѣдный Моденъ и умирая попросилъ буліону. Наша больная Тутолмина тянется еще, говорятъ, что появленіе Нарышкиной Мар. Яковл. ее оживило. Давно бы не было Соф. Петр., но ее поддерживаетъ желудокъ, который свое дѣло продолжаетъ дѣлать и тѣмъ продолжаетъ тягостное, несчастное ея бытіе.—Я и не у моря, какъ вы, но слыша свистъ вѣтра, думаю часто о Полетикѣ и Гришѣ, отправившихся на пароходѣ. Въ Суботу буря была столь ужасна, что сорвала множество крышекъ въ городѣ, у насъ на почтовомъ дворѣ также.

Вчера неожиданно набралось ко мнѣ обѣдать много гостей, хотя и знаютъ, что я одинъ съ Катенькою. Бартенева пріѣхала съ двумя дочерьми, Над. Серг. Пашкова, князь Хилковъ, Мацневъ, князь Одоевскій, бывшій еще у батюшки въ Варшавѣ, Вейтбрехтъ, князь Серг. Серг. Голицынъ, Корсаковъ. Бартенева и Катенька пѣли послѣ обѣда и проболтали таки до девятаго часа.

Ты, я думаю, знаешь славное скабрезное дѣло Ник. Алек. Норова съ покойнымъ кн. Гагаринымъ богачемъ, у коего онъ выманилъ тысячъ 300 и отперся. Послѣ долгихъ преній и наконецъ совѣстнаго суда, Норовъ рѣшился на клятвенную, соборную присягу. Эта ужасная операція подъ колокольнымъ звономъ, при всемъ духовенствѣ, три раза увѣщавающемъ того, кто присягаетъ, послѣдовала, говорятъ, третьяго дня. Стало, Норовъ квитъ съ долгомъ, но Боже мой! Что должна ему говорить совѣсть.

Москва, 17 Мая 1833.

Ну ужъ замучилъ меня Башиловъ! Завезъ въ домъ великаго князя, таскалъ показывалъ, насилу отъ него вырвался, мой милый и любезный другъ. Только много еще предстоитъ работы. Будетъ покойно ихъ высочествамъ, хотя немного тѣсно вообще. Переносили строенія, сажали деревья, дѣлали дорожки, подвалы обратили въ жилье, я не знаю чего не дѣлали, и въ столь короткое время. Я цѣнилъ все это тысячъ въ 40, а Башиловъ только 12 употребилъ. Много было ему трудовъ.

Москва, 18 Мая 1833.

Ужъ мнѣ эти либералы! Какъ славно проповѣдываютъ, защищаютъ права человѣка, а посмотри кто дерется, кто угнетаетъ крестьянъ, кто ихъ разоряетъ? Все либералы. Я получилъ жалобу изъ Подольска. П. Льв. Давыдовъ поѣхалъ въ Кіевъ; по просьбѣ Трубецкого, далъ я ему и приказъ, является въ Подольскъ, нѣтъ лошадей!—Позовите почтмейстера. Является почталіонъ съ книгою, чтобы показать, что всѣ лошади въ разгонѣ, и поѣхавшій недавно долженъ былъ 9 лошадей нанять; но его превосходительство книгу швырнулъ на полъ и избилъ своими руками въ кровь бѣднаго почталіона. Онъ-то чѣмъ виноватъ? Я писалъ губернатору, чтобы вмѣстѣ сдѣлать слѣдствіе на мѣстѣ. Небольсинъ просилъ меня дѣло замять, но могу ли я не защитить своего подчиненнаго и отдавать ихъ въ обиду? Я отвѣчалъ, что не могу не произвести слѣдствія, чтобы узнать правду, и все что могу сдѣлать, это не доносить Департаменту, а дождаться возвращенія Давыдова и выслушать также и его; ежели онъ удовлетворитъ обиженнаго и сей жалобы не возобновитъ, то и дѣло такъ кончится, а то Давыдову будетъ не хорошо за его самоуправство. Скажи мнѣ мнѣніе твое.

*

Москва, 19 Мая 1833.

Итакъ, Беррійская разрѣшилась Итальяночкою. Я зналъ Лукезіевъ въ Неаполѣ и Палермѣ: фамилія не богатая, не знатная. Отпустятъ ли ее? Я думаю, она убралась бы и прежде шести недѣль, requisée par les ordonnances. Чаадаевъ отправился обратно на Югъ и будетъ обратно чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Ну-съ! Я чаю, Гедеоновъ въ восхищеніи, попалъ въ свою стихію актерскую, т. е. актрискую. Директорство театровъ лучше удалось директорства почтъ. Большой пролаза и вѣрно будетъ умѣть подбиться къ князю П. М.; а мнѣ кажется дай 100 т. въ годъ, не пошелъ бы въ эту поганую должность. Здѣсь по двору былъ онъ полезенъ, и трудно будетъ его замѣстить, зналъ Москву и всѣ лица хорошо.—Не повѣришь, какой восторгъ здѣсь между купцами послѣ счастія, которое имѣло купечество обѣдать у Государя. Всѣ говорятъ объ обѣдѣ семъ и о выставкѣ. Вотъ что называю я истиннымъ либеральствомъ: милости такія Государя къ подданнымъ, поощренія полезныхъ трудовъ, ласка безъ фамиліарства. Великъ нашъ Государь! Знаешь ли, что ежели бы я не имѣлъ мое теперешнее мѣсто, не оставляющее мнѣ ничего желать, я бы сладкою работою почиталъ быть при Государѣ, не какъ исторіографъ (къ чему не имѣю довольно способностей), но просто вести записки, копить матеріалы для будущаго его историка. Есть ли день безъ какой-нибудь прекрасной черты?

Москва, 25 Мая 1833.

Я воротился очень поздно съ похоронъ С. П. Тутолминой; меня такъ захватили, что теперь только успѣлъ снять съ себя мундиръ мой милый и любезнѣйшій другъ. Множество было народу, и народъ все крупный, всѣ власти, Сенатъ и очень много дамъ; слезъ было довольно, хотя давно начали уже оплакивать покойницу. Отъ дому до церкви несли гробъ на себѣ графъ Никита Петровичъ Панинъ, Иванъ Васильевичъ и прочіе родственники. Митрополитъ Филаретъ (чего никто не запомнитъ) шелъ пѣшкомъ отъ дому до церкви; правда что недалеко, и погода прекраснѣйшая. Меня комендантъ и Лѣсовскій взяли подъ руку и также потащили въ процессію; но я, войдя въ церковь и пробывъ съ четверть часа, уѣхалъ. Исполнилъ послѣдняго долга сколько могъ. Кромѣ, что дѣла дома, надобно было и къ Фасту заѣхать на часочекъ. Живая не хороша была Софья Петр., а теперь въ гробу страшна; вонь нестерпимая, ибо живая уже портиться начала. Мученія ея были столь ужасны, что она призывала смерть и Бога о томъ молила. Попеченія мужа и родныхъ столь ея трогали, что она часто повторяла: «Я умираю въ блаженствѣ, жалѣю о васъ, мои милые; но обо мнѣ не жалѣйте, желайте моей кончины». 37 лѣтъ жила она съ добрымъ этимъ, кроткимъ мужемъ.

Вчера долго сидѣлъ у меня Перовскій, я его еще болѣе полюбилъ, видя, какъ онъ тебѣ преданъ и умѣетъ тебя цѣнить. Онъ меня просилъ (и я долженъ былъ непремѣнно ему обѣщать) не отдавать ему визита; но что мнѣ до скверной его квартиры, не домомъ поѣду любоваться, а пользоваться его обществомъ. Ужо вечеромъ хотѣлъ ко мнѣ быть, но я постараюсь его предупредить. Въ Суботу повезу его въ клобъ обѣдать.

*

Москва, 27 Мая 1833.

Вчера была свадьба Ростопчина. Въ церкви такое было множество народу, что дышать мы не могли. Дѣло шло къ церемоніи, какъ женихъ вдругъ вспомнилъ, что забылъ кольца дома (bagatelle); когда уже посылать! Но я далъ ему свое обручальное кольцо, да князь Масальскій старикъ свое; стало быть не Андрюша и Додо *), а Масальскій и я обвѣнчались.

Растопчинъ нанялъ домъ князя Ник. Гагарина, хотя имѣетъ свой прекрасный; во Вторникъ даетъ балъ. Ольга и Катя были прекраснѣе всѣхъ по моему. Одна дама, стоявшая подлѣ меня, толкнула свою со-

*) Такъ звали въ семьѣ Пашковыхъ и Сушковыхъ Евдокію Петровну (впослѣдствіи извѣстную писательницу) Ростопчину.

сѣдку и, указывая на Ольгу, сказала: Какъ хороша невѣста! Онъ не дуренъ, но далеко отсталъ отъ нея! Я не могъ побѣдить отцовское самолюбіе и сказалъ незнакомкѣ: это не невѣста, а дочь моя! Говорила мнѣ Катя, которая ближе стояла къ невѣстѣ, что когда священникъ сталъ ее спрашивать: Не обѣщала ли ты другому руку свою? То она очень смѣшалась. Священникъ повторилъ вопросъ, и тогда Ольга Пашкова ей шепнула: Ditez donc que non. Видно, Додо вспомнила своего прежняго молодца, нашего Александра[1]). Кажется, вчера была также въ подмосковной свадьба Кутайсова съ Лизою Шепелевою. Мои пѣвчіе отпросились туда пѣть. Ce mariage fait beaucoup gloser. О путешествіи Царицы буду знать про себя. Какое будетъ удовольствіе Государю! Ибо воображаю себѣ, что Императрица сдѣлать хочетъ сюрпризъ Его Величеству.

*

Москва, 29 Мая 1833.

Хотя новое письмо разрѣшаетъ секретъ Императорскаго путешествія, но я и вчера не говорилъ; ибо признаюсь тебѣ не люблю быть вѣстовщикомъ, а теперь еще менѣе мнѣ это прилично. Вчера Щербатова барабанила, что Императрица изволила отбыть въ Ревель и что какъ уже до чужихъ краевъ недалеко отъ Ревеля, то можетъ быть поѣдетъ и въ Берлинъ и что ея Анночку взяла съ собою. Богъ милостивъ, надѣюсь, что путешествіе совершится благополучно. Однако же, посылая журналы въ Суханово, я княгинѣ Е. А. написалъ, что князь П. М. отправился при Ея Величествѣ въ Ревель[2]).

Вчера обѣдалъ я у своихъ. За столомъ вспомнилъ о стихахъ экспромтныхъ Норова и прочиталъ ихъ. Публика, состоявшая изъ Gallitzins, Гриши Корсакова, Норова, Александра, Пашковыхъ, очень одобрила развивающійся талантъ юнаго поэта и рѣшила, что онъ будетъ нѣкогда знаменитъ и сядетъ на Русскомъ Парнасѣ возлѣ Державина, Ломоносова, насупротивъ А. Пушкина. Когда же будетъ Абрамъ къ намъ? Ты давно его намъ возвѣстилъ. Щербининъ былъ, какъ говорятъ Французы, possédé de la rage de se marier. Бѣда не велика, что невѣста не богата, была бы добра и любила бы его.

*

[1]) Этотъ князь Александръ Сергѣевичъ Голицынъ, сынъ двоюродной сестры Булгаковыхъ, женился въ 1840 году на Вѣрѣ Александровнѣ Каблуковой.

[2]) Государыня Александра Ѳедоровна, въ сопровожденіи министра двора князя П. М. Волконскаго, ѣздила тогда на морскія купанья въ Ревель (гдѣ въ Екатериненталѣ для нея была пробита такъ называемая See-Allee), въ Фалль и въ Гельсингфорсъ, гдѣ въ память о ней поставлена большая колонна на самомъ морскомъ берегу.

Москва, 30 Мая 1833.

Новосильцовъ *) идетъ въ отставку и собирается къ вамъ скоро. Князь липится умнаго, расторопнаго и дѣлового адъютанта. Этого всюду можно употребить. Жаль, что не такъ идетъ его служба, какъ бы слѣдовало. У него есть что-то рѣзкаго и самохвальнаго въ обхожденіи, и это вооружило противъ него всѣхъ тѣхъ, которые не коротко его знаютъ.

*

Москва, 3 Іюня 1833.

Ну, братъ, славный былъ вчера балъ у Ростопчина! Истинно *барскій*, сказалъ бы покойный Чижикъ, изобиліе и великолѣпіе во всемъ, весь beau-monde, а все таки мои двѣ всѣхъ лучше. Мы уѣхали изъ за стола, а было уже три часа. Видѣлъ я тутъ Guerrero и Американскаго министра; оба въ восхищеніи отъ Москвы.

Что тебѣ еще сказать? Наконецъ настало ведро. Вчера была Норовская церемонія. Чертковъ сказывалъ, что было множество народу въ Кремлѣ, церемонія ужасная. Священники увѣщевали публично въ соборѣ, а потомъ повели въ алтарь съ глазу на глазъ; въ Понедѣльникъ будетъ повтореніе, а въ Среду будетъ присяга очистительная. Весь народъ собирается ѣхать на зрѣлище это. Я вѣрить хочу, что Норовъ не присвоилъ себѣ эти 287 т., но какія жестокія испытанія!

*

Москва, 6 Іюня 1833.

Время сегодня прекрасное, надобно ѣхать на скачку, зрѣлище небывалое, новое. На завтрашнее зрѣлище также всѣ собираются, т. е. на очистительную присягу Ник. Ал. Норова; совѣстно ѣхать, а хочу имѣть понятіе о необыкновенной сей церемоніи. Сколько толковъ смѣшныхъ! Говорятъ, что онъ будетъ въ штатскомъ платьѣ съ *плерезами*; другіе говорятъ, что будетъ отвѣчать, лежа въ гробу, что въ колоколъ большой Ивана Великаго будутъ звонить, что объявятъ, что шесть лѣтъ нельзя ему входить въ церкви Божіи etc. etc. Ежели и виноватъ онъ (это всѣ полагаютъ), то ужасно онъ наказываемъ вотъ уже семь лѣтъ къ ряду, и 287 т. сокомъ ему пришлись. Теперь дѣлаю я вопросъ. Ну ежели бы этотъ кащей, покойный князь Гагаринъ, былъ бы живъ, говоря: я далъ Норову билетъ сохранной казны въ 287 т. для выручки денегъ и денегъ не получалъ, а Норовъ говорилъ бы: я деньги вручилъ Гагарину. Ну оба пошли бы къ присягѣ. Кому вѣрить, и какъ дѣло рѣшить? Хорошо сдѣлалъ тотъ, что умеръ. Говорятъ, что Норовъ въ Суботу и Понедѣльникъ имѣлъ contenance весьма твердый и самъ проповѣдовалъ священнику вмѣсто того, чтобы его

*) Петръ Петровичъ, прозванный Casse-noisette. Онъ потомъ снова служилъ при Московскомъ генералъ-губернаторѣ, а позднѣе былъ губернаторомъ въ Рязани.

слушать. Экая наглость и безстыдство! Нашъ добрый Абрамъ уѣхалъ, мы обѣдали въ клубѣ, кажется онъ подкуликалъ, все меня цѣловалъ, повторяя: Какъ я тебя люблю, милый мой Ал. Як. Я напишу вамъ непремѣнно посланіе въ стихахъ. Кажется, обязанъ я двумъ bons mots нѣжной его любви. Потемкинъ спросилъ его, гдѣ оторвало ему ногу? Подъ Бородинымъ, наѣхала на мм....меня артттилерія Фр. легкая... Чтобы ее *нелегкая*, сказалъ я! Норовъ былъ въ восхищеніи. Потомъ говорили о салютаціяхъ на морѣ. Норовъ разсказывалъ долго, плохо-вато о Сенявинѣ, толковалъ о пушечныхъ выстрѣлахъ... Le fait est, сказалъ Корсаковъ, перебивая рѣчь оратора, que les Anglais répondent dans leurs saluts à 20 coups de canon par 19, à 12 par 11, a 6 par 5, ainsi de suite; c'est un amour-propre, une gloriole du pavillon Anglais, le mal est que les autres s'y soumettent. Тутъ былъ Англичанинъ Sloane. Норовъ спросилъ новую бутылку Шампанскаго, налилъ и остановился: voyons, messieurs, quelle santé porter?. Я предложилъ, адресуясь къ Англичанину: à la santé de la *puissance*, qui tire toujours un coup de moins que les Russes. Норовъ соскочилъ и ну меня цѣловать, тутъ-то и обѣщалъ онъ мнѣ написать посланіе. Каковъ Ив. Ив. Дмитріевъ? Взялъ подорожную на 6 лошадей, беретъ по 9, а платитъ только за 6. Я не понимаю, зачѣмъ ему даютъ лошадей. Онъ также дѣлалъ точно, ѣздивши въ Симбирскъ. Мнѣ кажется, тутъ нечего чинъ его уважать.

*

Москва, 7 Іюня 1833.

Видѣлъ я ужасное стеченіе народа у Казанскаго собора, остановился; плацъ-адъютантъ предлагалъ мнѣ ввести меня въ церковь, коей двери были заперты, и пускали туда по выбору, но я не рѣшился. Такое зрѣлище меня бы слишкомъ разстроило; возвращаясь, вижу всѣхъ выходящихъ уже изъ церкви. Это что за Montblanc? Бѣлая напудренная голова Ив. Вас. Черткова, я подбѣжалъ, отошли мы къ сторонкѣ, и онъ мнѣ все разсказалъ. Говоритъ, что процедура ужасная, такъ что много стоявшихъ тутъ мужчинъ, яко то Ив. Ал. Нарышкинъ, плакали, а Норовъ стоялъ весьма хладнокровно и бравировалъ устремленные на него глаза всѣхъ бывшихъ въ церкви. Онъ говорилъ: Да разразитъ меня Господь, да падутъ на меня и племя мое всѣ несчастія, да не буду имѣть покоя въ семъ мірѣ, ни блаженства въ будущемъ, если клятва моя преступна; я отдалъ деньги моему сопернику и пр. Тутъ его изобличать стали доводами присутственныхъ мѣстъ. Онъ отвѣчалъ, что все это было ему уже говорено, что онъ пришелъ не оправдываться, будучи невиненъ, а присягать и кляться. Священникъ приводилъ ему Іуду въ примѣръ, говоря, что онъ гу-

бить все свое потомство, что вмѣсто примѣра добродѣтели дѣтямъ своимъ онъ имъ оставитъ стыдъ, поношеніе, что благословеніе его надъ ними не будетъ имъ отрадою, ни Всевышнимъ услышано, что на смертномъ одрѣ не будетъ онъ имѣть никакого утѣшенія etc. Заставляли его читать заповѣдь о имени Господеви всуе, были толкованія. Протопопа этого очень хвалятъ, и онъ съ большимъ чувствомъ совершалъ этотъ трудный обрядъ, и всѣ были тронуты, кромѣ несчастнаго Норова. Чертковъ не постигаетъ этого равнодушія, и какъ ни добръ самъ, утверждаетъ, что Норовъ большой злодѣй. Экое испытаніе! Да тутъ есть отъ чего чувствъ лишиться бывши и невиннымъ.

*

Москва, 8 Іюня 1833.

Много говорятъ о несчастной молодой купчихѣ Бубновой, которая была нездорова послѣ родовъ. Послали за лѣкарствомъ въ аптеку. Рихтеръ сказалъ: je tâcherai de venir moi-même vous donner la médécine, не могъ пріѣхать, а отъ этого несчастная умерла: ей принесли не то лѣкарство ошибкою; она приняла то, что было назначено для наружнаго употребленія и промучась нѣсколько часовъ умерла. Аптекарь и мальчикъ, отправившій лѣкарство, болѣе всѣхъ виноватые, посажены въ тюрьму. Нельзя не быть тронуту прекрасною чертою несчастной купчихи: узнавъ, что она ошибкою отравлена, что жить ей нельзя и что мальчикъ въ аптекѣ невинною причиною несчастія, она приготовилась къ смерти, какъ христіанка. Бывъ богата, сдѣлала завѣщаніе, въ коемъ помѣстила, что она прощаетъ виновника своей преждевременной кончины и чтобы доказать, что дѣлаетъ это отъ искренняго сердца, зная, что онъ имѣетъ семейство и бѣденъ, она оставляетъ ему 20,000 денегъ, прося его не огорчаться и быть спокойнымъ въ совѣсти своей; что она первая будетъ заступницею его передъ Богомъ, къ Которому готовится явиться скоро. Вотъ по моему истинная добродѣтель, черта великодушная, даже героическая. Такая женщина достойна была жить долго, ибо вѣрно была добрая жена и нѣжная мать. Она оставляетъ пятерыхъ дѣтей. Какъ чувства въ людяхъ развиты! А мужъ ея одно повторялъ, что хочетъ убить аптекаря. Это могло у него вырваться и отъ несчастія, и горести.

*

Москва, 13 Іюня 1833.

Мнѣ разсказывали о странномъ анекдотѣ, случившимся на скачкѣ здѣсь. Была тутъ одна брюхатая дама, которой такъ приспичило, что та, не найдя свою карету, расположилась въ первую, которую видѣла (Спечинскаго) и думала убраться домой; но муки ее проняли, и она съ

помощію чужого лакея родила, не знаю Трифоніуса ли Буцефала или Пенелопу. Ее оставили въ каретѣ до прибытія родныхъ и бабки, а въ ея каретѣ Спечинскіе поѣхали домой. Кажется, дама эта безъ причудъ, но нужда дѣло великое, и самая капризная дама дѣлается разсудительною, какъ нельзя иначе.

Сію минуту явился твой почталіонъ Петербургскій сказать, что князь Кочубей ѣдетъ. Онъ прибудетъ ужо къ вечеру, почталіонъ его опередилъ, хорошо сдѣлалъ; я тотчасъ наряжу на посылки верхового почталіона, такъ что князь, пріѣхавъ, найдетъ уже его у себя въ домѣ.

*

Москва, 14 Іюня 1833.

Князь Викторъ Павловичъ прибылъ благополучно вчера вечеромъ. Я ему тотчасъ писалъ, что боюсь посѣщеніемъ его обезпокоить въ первую минуту, поздравляю съ пріѣздомъ и посылаю почталіона коннаго для нахожденія при немъ и для исполненія всѣмъ его приказаній etc. Очень благодарилъ и прислалъ письмо для отправленія къ гр. Васильчикову, а я послалъ къ нему письма, съ Петербургскою почтою полученныя на его имя. Ужо или завтра къ нему заѣду и буду стараться ему угождать.

*

Москва, 15 Іюня 1833.

Я все утро провелъ у умирающаго Волкова. Софья Александровна уѣхала въ Подмосковную, ибо онъ вчера вечеромъ былъ еще на ногахъ; никого нѣтъ, одинъ, какъ оставить его въ такія важныя минуты? Однакоже я послалъ тотчасъ за С. А.: она не простила бы мнѣ никогда лишить ее послѣдней отрады закрыть ему глаза. Онъ въ восемь часовъ вечера гулялъ по саду, пришедъ домой почувствовалъ тяжесть въ желудкѣ, и началась сильная рвота, мучившая его всю ночь. Все это обратилось въ сильное воспаленіе въ желудкѣ. Спасибо людямъ, дали мнѣ знать. Я поскакалъ къ нему въ 10 часовъ. Рихтеръ приставилъ ему множество піявокъ и кромѣ того кровь пустилъ. Это сдѣлало ему минутное облегченіе. Онъ меня узналъ и сказалъ: Сашка! Поцѣлуй меня! что̀ я и сдѣлалъ. Потомъ сказалъ: je suis très mal. — Ce sont des maladies qui règnent, отвѣчалъ я, à cause des chaleurs. Comment va la tête?—Très bien, elle est libre, mieux qu'avant, mais je meurs de soif et j'ai mal là. Когда я приставилъ руку къ тому мѣсту живота, гдѣ онъ показалъ, то онъ вздохнулъ, жалуясь, что больно. Голова у него стала здорова, мысли ясны; видно, что все внизъ сошло. Глаза мутны, часто страшны, дыханіе тяжело, цвѣтъ лица мертвеца. Рихтеръ говоритъ, что мѣсяцевъ 6 или 8 прежде, это былъ бы кризисъ,

но теперь начало разрушенія. Отобѣдавъ, поѣду опять, ибо надобно будетъ и С. А. поберечь, когда пріѣдетъ. Дай Богъ, чтобы еще застала. Я полагаю, что къ вечеру все должно кончиться. Куда картина эта меня тронула. Человѣкъ съ большимъ семействомъ, коего былъ благодѣтелемъ, и по стеченію обстоятельствъ умираетъ одинъ.

*

Москва, 16 Іюня 1833.

Не стало нашего добраго Волкова! Съ началомъ нынѣшняго дня кончились его страданія и двухгодовая его болѣзнь. Я не отходилъ все время отъ его постели. Сверхъ того Озеровъ и Корсаковъ просили меня быть тутъ для пріѣзда Софіи Александровны, не зная, что̀ съ нею дѣлать и боясь для нея худыхъ послѣдствій. Когда я пріѣхалъ туда въ 8 часовъ вечера, то онъ метался, мучился, показывалъ губами великую жажду, руки его охолодѣвали, смотрѣлъ на насъ, но повидимому никого не узнавалъ. Послѣ началъ онъ говорить или лучше сказать бредить, ибо какъ я ни вслушивался, понялъ только слова: vieillard, oui, l'Empereur и finir, кои повторялъ чаще, почему заключаютъ, что его занимала одна какая нибудь мысль. Миквицъ дѣлалъ ему разные вопросы, но онъ не отвѣчалъ, только одинъ разъ открылъ глаза, посмотрѣлъ на Миквица и сказалъ внятно: ja! какъ тотъ спросилъ: wollen Sie nicht ihre Frau sehen? Въ 11 часовъ послѣ сего послѣдняго его слова, онъ впалъ въ agonie.

На улицѣ караулили С. А.; она пріѣхала къ этому времени, остановила дрожки у воротъ, выскочила и побѣжала къ дому, только что успѣли насъ предупредить. Григор. Алекс. выбѣжалъ навстрѣчу. Où allez vous, ma chère?—Je veux voir mon mari.—Mais vous lui ferez du mal, et je ne réponds pas de vous - même, du quelque saisissement qui vous serait funeste. Не слушая ничего, пихаетъ, идетъ впередъ. Насилу ее остановили въ комнатѣ смежной съ больнымъ, посадили на софу, прося нѣсколько отдохнуть и обѣщая ее впустить послѣ. Она дрожала какъ листъ, смотрѣла на всѣхъ; тутъ были Брянчаниновъ, Озеровъ, двое Корсаковыхъ, Рихтеръ, Миквицъ, я и домашніе. Дали ей воды, капель. Она угадывала, что худо должно быть; видно, что хотѣла сказать, но и не смѣла: онъ умеръ! Всякій давалъ ей подробности о больномъ, а она все твердила: да пустите же меня! Нельзя было, да и совѣстно ее останавливать. Братъ Гр. и Миквицъ взяли ее подъ руки. Увидавъ страдальца, она остановилась, посмотрѣла на него, въ комнатѣ горѣла только одна свѣча. Дайте сюда свѣчку, сказала С. А., поднесли къ лицу, и когда увидѣла обезображенное лице Волкова, то вскричала: Ахъ Боже мой! Кажется, мысль ея была на

него броситься, но Корсаковъ ее оттащилъ и посадилъ тутъ же на кресла, и она зарыдала. Миквицъ, пользуясь симъ счастливымъ оборотомъ, сказалъ: oui, madame pleurez; car nous allons d'abord le perdre. Съ трудомъ, но уговорили ее выйти. Сцена была ужасная, ибо глядя на нее заплакалъ Волковской (сынъ Волкова) а тамъ и мы всѣ тутъ стоявшіе. Ее вывели въ другую комнату, а тамъ Корсаковъ уговорилъ ее идти въ свой флигель полежать. Boulg. viendra vous dire s'il arrive quelque chose. До часу дышалъ онъ все еще, хотя и тяжело; все тѣло было уже какъ ледъ кромѣ около желудка, гдѣ была еще теплота. Во второмъ часу дыханье стало рѣдѣть; лежа три часа неподвижно на правой щекѣ, онъ вдругъ зубами заскрежеталъ, сдѣлалъ сильное движеніе лѣвымъ плечомъ и испустилъ духъ. Я побѣжалъ сказать Корсакову, который сидѣлъ у сестры на постелѣ. Я такъ былъ истомленъ, что уѣхалъ домой. Миквицъ говоритъ, что великое счастіе, что С. А. заплакала; онъ опасался худого, ибо у нея были сильныя потери крови недавно, и ноги пухнутъ. Богъ ее сохранитъ для бѣднаго этого семейства. Скажи Пашкѣ о его несчастіи. Онъ долженъ радоваться, что отецъ мучиться пересталъ, мы всѣ у Бога просили или выздоровленіе или кончину. Провидѣніе избрало послѣднее. Каково же братъ, что такой человѣкъ, умирая, прослужа сорокъ лѣтъ почти и въ какихъ должностяхъ, оставляетъ всего нѣсколько мелкаго серебра, да у жены 175 р. всего? Я увѣренъ, что милосердный Государь пожалуетъ вдовѣ пенсію. Царство Небесное другу нашему, другу юныхъ лѣтъ. Такія потери чувствительны.

Нынѣ молодежь старшему себя и не поклонится, посмотри-ка на стариковъ! Князь Кочубей пишетъ мнѣ такое милое вѣжливое письмо, благодаритъ за что? За вѣжливости мои, а не подумаетъ, что чинъ, лѣта, служба ставятъ мнѣ въ обязанность угождать ему. Да я и всякому стараюсь служить, сколько могу. Легъ я очень поздно, а всталъ очень рано. Хотѣлъ тебѣ сообщить подробно о нашемъ добромъ Волковѣ, часто буду его вспоминать и чувствовать, что его не достаетъ.

Долго сидѣлъ я у почтеннаго, любезнаго князя Кочубея, который принялъ меня, хотя и брился, что̀ дѣлаетъ важно, копотно и методически. О многомъ была рѣчь. Начну его комиссію: Écrivez, je vous prie, à m-r votre frère combien je suis sensible à toutes ses attentions pour moi; dites lui que j'ai été servi à merveille sur la route, les ямщикъ devenus riches ne se fesaient pas remplacer par de petits garçons maladroits qui mènent une voiture comme un телѣга, et puis j'ai vu avec plaisir qu'aux relais il n'y a plus ce vacarme, ces 50 personnes qui

crient tout à la fois en disputant sur leur *очередь*. Je vous avoue que cela avait quelque chose de barbare; on croyait toujours assister à une révolte; maintenent il y a de l'ordre et absence de tout tapage. Cela m'a fait vraiment plaisir, et on voit dans tout cela l'oeil de votre frère, заботливость его, чтобы у насъ вводилось по европейски. Это точныя слова князя. Потомъ сказалъ онъ:Vous vous rappellez l'année passée de notre rencontre à Подсолнечное? Nous avons fait les diplomates tous les deux: je savais par le prince Gallitzine que l'Empereur avait approuvé le choix de votre personne pour succéder à m-r Rouchkofsky, mais que S. M. avait ordonné de vous faire venir à S-t Pétersbourg; vous saviez tout cela comme moi, nous avons été discrects tous les deux, et je me suis dit: voilà quelqu'un qui commence bien sa nouvelle carrière. Много шутилъ и разсказывалъ, какъ одинъ чиновникъ при покойномъ Государѣ лишился мѣста, которое ему черезъ князя было обѣщано, разгласивши преждевременно. Князь разспрашивалъ о Волковѣ и хотѣлъ знать подробности его кончины. Пришла и княгиня. Comment avez vous la patience de voir comme mon mari se rase? Cela n'a pas du fin.—Je me réjouis, madame, au contraire, car cela prolonge mon audience. Извинялся князь, что принялъ меня, приказавъ всѣмъ отказывать, изъявляя желаніе видать меня чаще и пр. Онъ живетъ въ домѣ Волкова и брился на томъ же мѣстѣ, гдѣ покойный Сашка брился въ своемъ кабинетѣ. Хвалилъ Волкова, коего онъ и опредѣлилъ тогда полицмейстеромъ въ Москву etc.

Послѣ былъ я у Дашкова, и этотъ очень обласкалъ. Велѣлъ тебѣ кланяться, условились о вояжѣ. Онъ завтра выѣзжаетъ въ Тамбовъ, и я сегодня по тракту далъ знать о проѣздѣ его. Дашковъ a très bonne mine. Послѣ былъ я у Черткова и сказалъ ему о смерти Волкова, мы таки поплакали вмѣстѣ.

*

Москва, 19 Іюня 1833.

Отъ девятаго часа до четвертаго былъ я на ногахъ. Мы отдали послѣдній долгъ доброму Волкову, положили тѣло его въ Симоновѣ монастырѣ возлѣ Катерины Даниловны*). Много видалъ я похоронъ, но ни на однихъ не видалъ я такого всеобщаго, единодушнаго чувства уваженія и любви какъ было тутъ. На дому, въ церкви, по всей до-

*) Матери А. А. Волкова, урожденной, кажется, Муромцовой. Прекрасное Муромцовское помѣстье, съ великолѣпнымъ домомъ (постройка славнаго Баженова) и церковью (Итальянскаго зодчества), село Баловнево, Данковскаго уѣзда, Рязанской губерніи, нынѣ перешло къ одному изъ потомковъ А. А. Волкова, художнику, который чудесный живописный талантъ свой могъ унаслѣдовать отъ своего (по матери) дяди, Эммануила Александровича Дмитріева-Мамонова.

рогѣ, гдѣ слѣдовало тѣло, было ужасное стеченіе народа, къ чему способствовали и время прелестное, Воскресный день и помпа похоронъ. За гробомъ, поставленнымъ подъ бархатнымъ алымъ балдахиномъ, слѣдовали два полка и пять пушекъ, двѣ музыки военныя играли попеременно печальные марши, вся полиція и весь корпусъ жандармскій были тутъ. Отъ дому до церкви, гдѣ была обѣдня и отпѣваніе, несли на плечахъ родные и офицеры жандармскіе. Не могу тебѣ описать зрѣлища сего, всѣ провожали гробъ, вѣрно было такихъ болѣе тысячи человѣкъ, а какъ поѣхали къ монастырю, то толпа, все умножавшаяся дорогою, состояла вѣрно изъ тысячъ пяти. Всѣ выбѣгали на улицу, на тротуары или, выглядывая въ окна, кланялись, крестились и съ горестію провожали глазами покойника. Ужъ вѣрно не было ни одного человѣка, который бы не подумалъ хорошее о Волковѣ; можетъ быть благодарилъ за благодѣяніе, услугу, одолженіе; но всѣ вѣрно желали ему царство небесное и награду за добрыя его дѣла. Лестно оставлять такъ свѣтъ. Надгробная рѣчь была посредственная и не хорошо произнесена, и тутъ всѣ плакали, ибо всѣ были расположены къ горести, и всякой въ душѣ своей читалъ ему похвальное слово. Когда опустили гробъ въ могилу, то войска, расположенныя противъ монастыря, сдѣлали тройной ружейный и пушечный залпъ. Я не былъ предупрежденъ и не могу тебѣ сказать, какое сдѣлало это впечатлѣніе надо мною. Я не поэтъ, но воображеніе мое мнѣ внушило слѣдующую мысль: чтобы разорвать связь всеобщую съ Волковымъ на всегда, надобно пушки! Соф. Алекс., которую я держалъ за руку, содрогнулась, руки ея были какъ ледъ, и мы посадили ее поскорѣе въ карету. Она шла за гробомъ до церкви, но оттуда въ монастырь (это версты четыре) ея не пустили, и она ѣхала въ каретѣ за верховою лошадью покойника, которую вели два лакея. Тутъ былъ одинъ Арсинька, а дочерей не пустили. Бѣдная Варинька очень больна; я подозрѣваю, что у нея чахотка или сухотка и не полагаю ея долговѣчною. Вотъ тебѣ и Фасту краткое описаніе печальнаго утра моего. Теперь пообѣдаю да лягу отдыхать; не такъ меня истомила ходьба, какъ зной, голова же была безъ шляпы. Мнѣ хочется написать біографическую статью о Волковѣ, краткую для «Пчелы», а тамъ написать порядочную его біографію. Такіе люди точно рѣдки, и потомство должно знать объ нихъ. Какъ вспомнишь, что этотъ человѣкъ былъ 13 лѣтъ полицмейстеромъ, 9 лѣтъ комендантомъ и 7 лѣтъ жандармскимъ начальникомъ, должности, въ коихъ главное основаніе строгость и гдѣ столько можно вредить, онъ не только *никому* не сдѣлалъ зла, но напротивъ оказывалъ безпрестанныя услуги, одолженія, благодѣянія.

Мы всѣ надѣемся что Государь по благости своей пожалуетъ пенсію вдовѣ. Ну прощайте до завтраго, мои милые друзья. Я невольно разсмѣялся давича, стоя возлѣ Офросимова и слушая наивный комплиментъ старика Спечинскаго. Онъ, утирая слезы и расхваливая Волкова, сказалъ Лѣсовскому, думая конечно дѣлать комплиментъ: Ахъ Ст. Иван., рѣдкій былъ человѣкъ Алекс. Алекс.; дай Богъ вамъ такіе же похороны. Одолжилъ! Сейчасъ перебилъ меня Закревскій. Я нахожу у него здоровое лицо. Все такой же искренній, добрый, принесъ письмо къ тебѣ. Завтра обѣдаетъ у насъ, а сегодня у Небольсина; остановился у тетки Мельгуновой.—Ну сударь, былъ я вчера у Мамоновой, забилась въ какой-то чердакъ у Коппа въ трактирѣ*). Все таже сумасбродная, валяется на софѣ, je suis très malade; возлѣ нея какой-то молоденькій иностранецъ, въ передней куча valets de chambre, ни слова по-русски незнающихъ. Хочетъ нанять домъ Соймонова по 600 р. на мѣсяцъ. Хочетъ переѣхать въ Васильевское. Хочетъ ѣхать на дняхъ (а больна!) въ Нижній. Хочетъ... Что же хочетъ? Сама не знаетъ. Увѣряетъ, что тебя 6 мѣсяцевъ не видать, votre frère me boude. И я къ ней силою ворвался, а то иностранцы не пускаютъ.—Поздравь Каподистрію съ лентою, очень радуюсь. Закревскому я прочелъ что ты пишешь о графинѣ. Вотъ и князь Викт. Павлов. прислалъ письмо къ Загряжской. Бенкендорфа письмо посылаю подъ открытою печатью, прочти и доставь запечатавъ.

*

Москва, 22 Іюня 1833.

Сейчасъ были у меня прежде Башиловъ, а тамъ Ив. Вас. Чертковъ. Оба любовались на ширмы, которые мы въ семьѣ нашей сработали для великой княгини. Они находятъ, что прелестно и что вѣрно ея высочество возьметъ ихъ съ собою въ Петербургъ. Желаю, чтобы были ей угодны, а много было работы: всѣ восемь половинокъ всѣ разно сдѣланы, есть отдѣленіе карикатуръ, цвѣтовъ, Китайское, nonnes de Naples, Французская армія, силуэты, славныя пѣвицы (тутъ и фаворитка великаго князя Карадори), фрукты, galerie de tableaux etc. очень удались ширмочки. Въ Суботу Башиловъ поставитъ ихъ въ кабинетъ ея высочества. Всѣ ѣздятъ смотрѣть домъ великаго князя вновь отдѣланный, то боюсь, чтобы не замарали ширмъ моихъ.

*

*) Эта гостинница Коппа была въ Глинищенскомъ переулкѣ въ домѣ нынѣ Обидина, близъ Тверской. Тамъ останавливался и А. С. Пушкинъ во время холеры 1830 года и позднѣе.

Москва, 24 Іюня 1833.

Я сейчасъ изъ Симонова монастыря, девятый день Волкову. Довольно мы всѣ тамъ поплакали; даже и Чертковъ, какъ поклонился могилѣ, не могъ не заплакать. Охъ, жаль, очень жаль такихъ людей, какой былъ покойникъ. Богъ ему воздастъ за добрыя его дѣла. А съ нами случилось было бѣда, ѣдучи туда. Запрягли мы четыре лошади въ рядъ въ 4-хъ мѣстную карету; поѣхали жена, я, Пашка да няня. На пристяжкѣ была новая лошадь (совсѣмъ не молодая и не горячая), которую я попробовать хотѣлъ; у нея противъ дома Пашковыхъ лопни постромка, болтаясь стала ее щекотать; а она стала бить, другія лошади также понесли. Наташа ну кричать, плакать, призывать Мать Божію и Николая Чудотворца, няня также стала плакать, да ворчать, что подѣломъ, что выѣхали въ путь (я люблю, что она въ Симоновъ называетъ въ путь ѣхать), одинъ Пашка былъ спокоенъ. Я тутъ вспомнилъ, что одинъ разъ, ѣдучи на балъ къ князю Кочубею, тоже самое случилось съ вел. княземъ Мих. Павловичемъ, ѣхавшимъ въ каретѣ съ покойнымъ цасаревичемъ К. П., о чемъ самъ онъ мнѣ разсказывалъ. Я сдѣлалъ тоже самое что и его высочество, опустилъ переднее стекло, взялъ въ руки концы возжей, уперъ ноги въ переднія мѣста и такимъ образомъ вдвоемъ съ кучеромъ, который къ счастію головы не потерялъ, мы лошадей остановили у Покровскихъ воротъ. Наташа, выйдя изъ кареты, побѣжала. Куда ты?—Пойду пѣшкомъ въ Симоновъ! —Ты съума сошла пять верстъ въ этотъ зной! Да ты поспѣешь туда къ вечеру. Насилу согласилъ ее опять сѣсть въ карету, когда все было исправлено, и мы благополучно съѣздили и воротились оттуда.

Вчера имѣлъ я счастливую минуту, получа твое письмо. Я нездоровый поѣхалъ къ Соф. Алек. передать ей утѣшительныя слова добраго Бенкендорфа и сказалъ, что писалъ къ нему какъ будто по просьбѣ ея. Она очень, очень меня благодарила, что я это сдѣлалъ; ей же въ голову иное не шло, какъ несчастіе ее постигшее. Пріѣзжаетъ Бологовской, также другъ Волкова, и говоритъ ей: его уже не воскресить намъ, подумайте о себѣ, о дѣтяхъ, что вы зѣваете, напишите Бенкендорфу... Не безпокойтесь, прервала его С. А., нашелся человѣкъ, который все это уже сдѣлалъ за меня, писалъ, и есть уже отвѣтъ. Тутъ бѣдная С. А. не могла договорить и заплакала, указывая на меня.

*

Москва, 26 Іюня 1833.

Великая княгиня изволила прибыть здорова и благополучно сегодня въ шесть часовъ утра, мой милый и любезнѣйшій другъ. Цуцкинъ сказывалъ, что все было благополучно, и остановокъ нигдѣ не было;

онъ провожалъ до Москвы отъ Завидова, куда послалъ на встрѣчу князь Голицынъ адъютанта своего Щербатова. Двѣ лошади пали, однакоже не околѣли. Ея высочество вчера кушала въ Городнѣ и потомъ ночлега не имѣла, и ради жаровъ ужасныхъ ѣхала всю ночь. Здѣсь ждали ее всѣ съ вечерень, но разъѣхались, и былъ одинъ только Башиловъ. Великая княгиня ахнула на ширмы наши. D'où-est-ce? Bachiloff répondit que c'etait l'ouvrage de toute notre famille.—Mais il faut une journée pour voir tout cela comme il faut; je suis très sensible à cette attention, je le remercierai moi-même. Башиловъ показалъ ей на письмо мое, коимъ прошу я ея высочество позволить ширмы повергнуть къ ея стопамъ. Она взяла было письмо, чтобы читать, но вошли Апраксина и маленькія великія княжны.

Сегодня и завтра никого не изволитъ принимать, даже князя Дмитрія Владимир., очень здорова, свѣжа, но устала, жары несносны, и для этого не поѣдетъ даже въ соборъ сегодня. Передѣлками и пристройками въ домѣ очень довольна. Вотъ что сію минуту сказалъ мнѣ Башиловъ, а прежде имѣлъ я записку отъ него. Вотъ она. Я не понимаю, какъ онъ ноги таскаетъ и какъ его станетъ и у себя строить, и въ комиссіи, и у Михаила Павловича, и такъ все это скоро у него идетъ. Васильчикову изъ флигеля дрянного сочинилъ цѣлый домъ славный, изъ подваловъ сдѣлалъ бездну жилыхъ покоевъ хорошихъ для прислуги. Ну слава Богу, что все обошлось хорошо.

*

Москва, 29 Іюня 1833.

Вчера была здѣсь пресильная гроза, мой милый и любезнѣйшій другъ, она освѣжила и очистила воздухъ; но три человѣка были въ самомъ городѣ убиты, между прочимъ башмачникъ Вас. Алек. Обрѣзкова. Увидя грозу, онъ для избѣжанія сквозного вѣтра пошелъ затворить дверь, увидя молнію перекрестился, и въ ту минуту громовымъ ударомъ опрокинуло на него дверь, опалило ему всю бороду и волосы, стали его поднимать, но его не было уже на свѣтѣ. Работниковъ его тяжело оглушило, а всѣ они были очень близко отъ него и старуха мать, которая одна только не свалилась съ ногъ.

Я обѣдалъ съ Норовымъ Абрамомъ въ клобѣ, гдѣ также немало было страху. Бывъ на дрожкахъ, боялся я быть вымоченнымъ; шло къ бурѣ, и мы сѣли играть въ вистъ, два Норовыхъ и Бугайской *); вдругъ послѣдовалъ какъ будто надъ головами нашими такой

*) Михаилъ Васильевичъ Бугайской, впослѣдствіи попечитель Одесскаго учебнаго округа.

ударъ (точно какъ было по разсказамъ Фаста у васъ на дачѣ), что всѣ соскочили съ мѣстъ своихъ невольно. Бѣжитъ вдругъ докторъ глазной Броссе и говоритъ, что убило кучера на дворѣ. Всѣ мы бросились на балконъ или внизъ; узнать хотѣлъ всякой, не его ли убитъ кучеръ. Но вышло, что кучера только сшибло съ козелъ и то отъ страха, а громъ ударилъ во флигель, и отъ угольной стѣны отбило нѣсколько кирпичей. На почтовомъ бульварѣ разсѣкло надвое липу, въ Рождественскомъ монастырѣ ударилъ громъ въ главу. Только и слышно, что о подобныхъ разсказахъ, и всякой прибавляетъ свои прикрасы. Дай Богъ, чтобы дождь этотъ былъ повсемѣстный; въ южной Россіи бѣда, будетъ голодъ, засухи ужасныя. Въ Воронежѣ, сказываютъ, овесъ по 19 р. четверть.

*

Москва, 30 Іюня 1833.

Танѣевъ у меня уже былъ спрашивать, куда подавать просьбу, мнѣ или департаменту? Я сказалъ, что вамъ, а когда будетъ опредѣленъ, то пожалуй помѣщу его къ Татищеву; такъ какъ я самъ тутъ ежедневно работаю, то увижу его труды и способности и жалованье назначу, разумѣется, сперва небольшое, чтобы давно служащимъ не было обидно, а тамъ можно будетъ и прибавить. Онъ мнѣ кажется очень порядочный малый, хотя и поэтъ, ибо поднесъ мнѣ собраніе своихъ сочиненій въ стихахъ.—Ежели бы графиня была толкова, то она поклониться бы должна Брокеру очень низко и попросить его взяться за опеку ея брата; но она этого не сдѣлаетъ, а Брокеръ не тотъ человѣкъ, чтобы напрашиваться. Такъ поступилъ Ростопчинъ старшій, коему приходилось квитаться съ имѣніемъ, а Брокеръ заплатилъ долги его, составилъ ему еще доходъ очень порядочный, т. е. тысячь 30. Лѣсовскій врядъ возьмется ли за эту опеку. Брокеръ, управляя имѣніемъ покойнаго графа Ростопчина, точно удвоилъ его фортуну, снабдилъ большимъ приданымъ двухъ дочерей и третьей было приготовлено, долги графскіе, хотя и небольшіе, заплатилъ, графу давалъ въ Парижъ по 80 т. и по 100 т. на прожитье, молодому Андрюшѣ накопилъ капитала до 300 т. Такъ вотъ какъ управляютъ люди совѣстные, умные и усердные! Онъ вѣрно тоже бы сдѣлалъ и съ Мамоновою, а оставшись на рукахъ своего курносого Жида Гр., она будетъ безъ рубашки, et elle ne sera pas belle à voir comme cela.

Князь Дмитрій Владимировичъ получилъ увольненіе на 28 дней и поѣдетъ лечиться и пить воду въ свое Рожествено *), раздѣля власть

*) Это прекрасная подмосковная (въ Дмитровскомъ уѣздѣ, недалеко отъ станціи Крюково, Николаевской желѣзной дороги) нынѣ принадлежитъ купцу Богданову.

и дѣла между губернаторомъ, комендантомъ и оберъ-полицмейстеромъ. Ему, точно, надобно поотдохнуть и полечиться.

Сію минуту вернулся отъ великой княгини; изволила меня принять въ кабинетѣ своемъ и очень обласкала, продержала почти часъ, благодарила очень за ширмы, кои со мною разглядывала. Я не знаю, о чемъ не было рѣчи. О почтѣ (à propos, ея высочество желаетъ знать, сколько пало лошадей во время ея проѣзда, твой чиновникъ сказалъ мнѣ ни одной, Цуцкинъ сказалъ шесть, Васильчиковъ мнѣ говорилъ 11, а ся высочеству сказали три, ея высочество хочетъ чтобы за все было заплачено) о тебѣ, о дѣтяхъ нашихъ, о Наташѣ, ея фабрикахъ, о красотѣ Кати, о водахъ, о политикѣ etc. etc. Очень свѣжа и здорова, только мухи ее закусали ужасно. Сожалѣла, что не могла показать вел. княжонъ, кои одѣвались. Нельзя быть милостивѣе и болѣе обласкать. Заходилъ я къ Васильчикову да заѣхалъ по дорогѣ къ князю Кочубею, толковали о неисправностяхъ Загряжской *), чтобы насъ за нихъ не винили. Князь обѣдаетъ съ княгинею и кн. Дм. Влад. съ Тат. Вас. у ея высочества.

---

*) Это престарѣлая тетка княгини Кочубей.

ГОГОЛЬ ВЪ ОДЕССѢ.

1850—1851.

Въ 1848 году, во второй половинѣ Апрѣля, возвращаясь изъ Палестины на родину, Гоголь прибылъ въ Одессу, гдѣ былъ задержанъ карантиномъ по случаю свирѣпствовавшей въ то время холеры. Онъ заочно возобновилъ свое знакомство съ извѣстнымъ Одесситомъ Александромъ Скарлатовичемъ Стурдзой, начавшееся въ 1836 г. случайною встрѣчей у подножія Швейцарскихъ горъ, въ окрестностяхъ Берна. Стурдза послалъ къ Гоголю въ карантинъ съ привѣтомъ близкаго къ нему молодого человѣка Н. В. Неводчикова, который былъ подъ его начальствомъ наставникомъ въ одномъ пріютѣ и домашнимъ учителемъ внука Стурдзы. Онъ говорилъ съ Гоголемъ о трудностяхъ своего призванія. Послѣ этого они обмѣнялись нѣсколькими письмами, судя по сохранившимся отвѣтамъ Неводчикова, напечатаннымъ мною въ «Матеріалахъ для біографіи Гоголя» (т. IV, стр. 697—698). Въ 1850 г. Гоголь былъ снова въ Одессѣ, провелъ тамъ зиму, часто видался съ Неводчиковымъ, и къ этому времени относится нижеслѣдующій дневникъ, въ которомъ дѣлала свои замѣтки неизвѣстная намъ особа женскаго пола. Часть этого дневника вмѣстѣ съ воспоминаніями Неводчикова о Гоголѣ была напечатана въ «Библіографическихъ Запискахъ» [1]); но печатаніе не было доведено до конца вслѣдствіе прекращенія этого изданія. Лѣтъ пять назадъ мы вошли въ переписку съ Неводчиковымъ (тогда уже преосвященнымъ Неофитомъ) и получили отъ него предлагаемый дневникъ.

Влад. Шенрокъ.

*

Гоголь пріѣхалъ въ Одессу 1850 г. Октября 24. Обѣдалъ. Очень краснорѣчиво разсказывалъ о Константинополѣ, (о томъ) [2]), какъ массы зелени, перемѣшанныя съ строеніями, возвышаются по горѣ. Четыре дерева платановыхъ необыкновенной толщины. Что могло ихъ спасти?.. Не религіозная ли какая мысль? На Востокѣ оливковыя деревья такъ почитаются, что во время войны все истребляется, а ихъ оставляютъ... Почему вода здѣсь у береговъ замерзаетъ?—Потому что не довольно солена.

26. Обѣдалъ. *28.* Обѣдалъ и читалъ о Б. въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» сладкозвучнымъ голосомъ и съ протягиваньемъ чисто-Русскимъ, не

---

[1]) 1859, XI, 263—268 и 1861, IX, 324—330.

[2]) Въ виду лаконичности дневника приходится возстановлять пропущенныя въ немъ слова.

искаженнымъ иностраннымъ выговоромъ (vierge de tout melange): простыи́, строги́, принуждённо, принуждённость, Ателло [1]), роля́ми.

18 Ноября. Нахожу, что Гоголь сталъ лучше выговаривать. Впрочемъ онъ все стихи читалъ.

Обѣдалъ Ильинъ [2]). Начнетъ хвалить какого-нибудь автора, превознесетъ до небесъ и объземь. Долго хвалилъ «Тяжбу» Тургенева, а потомъ кончилъ тѣмъ, что, «конечно, безъ «Ревизора» эта пьеса не существовала бы». Прежде нежели онъ сказалъ это, Гоголь сказалъ: «Нельзя кому-нибудь ее прочесть?» Княгиня [3]) подхватила: «Да вы сами!» Князь туда же, Ильинъ тоже, я сперва потихоньку княгинѣ, потомъ вслухъ: «Слишкомъ много чести Тургеневу!» Гоголь на князевы слова было сказалъ: «Почему жъ?» но потомъ отклонилъ: «Вѣдь я лѣнивъ; я бы лучше послушалъ!».

21-го. Онъ былъ. Опять княгиня хотѣла было принести книжку съ Тургеневымъ, чтобъ онъ читалъ вслухъ: «Зачѣмъ! Зачѣмъ!» по моему, съ явнымъ видомъ опасенія. А та трудится все изъ за того, чтобъ торжествовать надо мною: я какъ-то съ ея молодыми людьми спорила, что у Тургенева не истинный талантъ. А жаль, жаль, что забыла о праздникѣ: не худо бы было сходить къ обѣднѣ, хотя наружно, если не внутренно, почтить праздникъ.

23-го. (Гоголь) вопросъ сдѣлалъ князю и мнѣ: «Кому честолюбіе болѣе свойственно, мужчинѣ или женщинѣ?—*Князь*: «Женщинѣ»—*Я*: «Женщинѣ».—*Гоголь*: «Почему бы это такъ?»—*Я*: «Да съ женщины оковы сняли».—*Гоголь*: «Такъ онѣ и стали оковы накладывать». *Я*: «Вы намъ теперь разрѣшите этотъ вопросъ». *Гоголь*: «Я оттого и спрашивалъ, что самъ въ недоумѣніи». Передъ обѣдомъ я ему сказала: «Старая княгиня замѣчательная женщина». *Гоголь*: «Да, какъ твердо она выдержала свой характеръ въ продолженіе всей жизни».

26 Ноября. Гоголь: «А вѣдь вамъ это нѣкотораго рода наслажденіе дѣлать сигары?» — *Княгиня*: Подумайте, многіе господа думать не могутъ, не куря сигаръ». *Гоголь*: «Почему бы это такъ?»—*Алекс. Ѳед. Бодровъ* [4]): «Очень естественно: дымъ причиняетъ раздраженіе въ мозгу».—*Княгиня*: «Все же не самъ человѣкъ достигаетъ до мыслей». *Гоголь*: «Да, это унизительно для человѣка! Ночью мечты. Поутру мысли. Послѣ обѣда грезы».

---

[1]) Вмѣсто: Отелло.

[2]) Одинъ изъ Одесскихъ знакомыхъ Гоголя. См. „Одесскій Вѣстникъ“, 1869, № 67 и „Матеріалы для біографіи Гоголя“, къ IV, стр. 699, примѣч.

[3]) Княгиня Елисавета Петровна Репнина, ур. Балабина. Упоминаемый далѣе князь—ея супругъ князь Василій Николаевичъ. П. Б.

[4]) Управлявшій имѣніями Репниныхъ. П. Б.

Княгиня Долгорукова къ нему писала, что рада всегда его видѣть; звала къ себѣ на вечеръ, говоря, что у нея будетъ прекрасный полъ, а онъ такъ чувствуетъ красоту, и что ей хотѣлось бы представить славу Россіи и своимъ, и иностранцамъ. Отвѣтъ былъ (въ чемъ я упрекнула), что «по слабости здоровья» и т. д.. *Я.*: Какая хитрая! Это чтобъ завладѣть автографомъ». *Гоголь*: «Нельзя же было: дама пишетъ. Я у нея былъ съ визитомъ».—*Я.*: «Вамъ надобно поучиться быть невѣжливымъ».—*Гоголь*: «Не могу! А бывало я такъ, не останавливаясь, былъ неучтивъ». Намедни онъ сказалъ: «Человѣкъ со временемъ будетъ тѣмъ, чѣмъ смолоду былъ».

30. Третьяго дня я заплакала, подумавши о томъ, что надобно же разставаться съ Гоголемъ.. Княгиня говорила о «Фритіофѣ» Тегнера. Гоголь и не слыхалъ никогда о немъ; у меня что-то мелькало въ головѣ. Гротъ [1]) перевелъ съ Шведскаго. Княгиня восхищается этой поэмою.—*Гоголь*: «Да въ чемъ дѣло?»—*Княгиня*: «Молодой человѣкъ любитъ одну дѣвушку».—*Гоголь* «Такъ дѣло обыкновенное?» (Я бы желала, чтобъ у меня навѣкъ въ ушахъ остались звукъ его голоса и полный выговоръ всѣхъ слоговъ). *Княгиня*: «Да, но совѣты, которые даютъ ему родители, очень хороши». *Гоголь*: «Но лица въ ней каковы? Есть ли барельефность?»—*Княгиня*: «Какъ же, много замѣчательнаго!» —*Гоголь*: «Да что же, мысли ли автора, или сами ли́ца?» *Гоголь*: «Французъ играетъ, Нѣмецъ мечтаетъ, Англичанинъ живетъ, а Русскій обезьянствуетъ. Много собачьей старости!» При Ильинѣ онъ много толковалъ о томъ, какъ пишутъ: иной пишетъ то, что съ тѣмъ или съ другимъ случалось, что его поразило. Можно было заключить изъ его словъ, что есть люди, которые творятъ. Я ушла. Пришелъ съ толстою тетрадью «Отеч. Записокъ» А [2]) и что-то читалъ, но въ восьмомъ часу Гоголь ушелъ. О «Современникѣ»: «При Плетневѣ онъ былъ тоньше». На вопросъ княгини, лучше ли теперь «Современникъ?» *Г.*: «Хорошо этими книгами запасаться вмѣсто оружія. Убить можно!» *Княгиня*: «Кого, скуку?» На это эха не было, а молчаніе.

28 Декабря. Гоголь бывалъ рѣже. О комиссіяхъ Нессельроде онъ отвѣчалъ мнѣ: «Это какъ бы говорили мнѣ о какомъ-нибудь [3]).. Это Нѣмцы, живущіе насчетъ Россіи»... Онъ [4]) любитъ деревья».

29 Декабря. Онъ обѣдалъ здѣсь. Княгиня должна была исповѣдываться за столомъ. Онъ спросилъ (сидѣлъ подлѣ меня, а потомъ, встряхнувъ немного волосами, взглянулъ и на меня): «Какая мысль

[1]) Яковъ Карловичъ, извѣстный переводчикъ „Фритіофа“.

[2]) Написано неразборчиво; кажется: Аркадій.

[3]) Послѣ этого слѣдуетъ неразборчивое слово; кажется: узоръ.

[4]) Т. е. графъ Нессельроде. П. Б.

доставляетъ болѣе всего спокойствія?» Я молчала; княгиня запнулась. Онъ продолжалъ: «За все съ нами случающееся благодарить Бога. Странно, что мы, не дѣлая этого, доказываемъ, что мало надѣемся на Того, Кто лучше всѣхъ все знаетъ—на Бога». Послѣ обѣда княгиня уѣхала. Онъ остался. Говорили о ботаникѣ. Я ему записала адресъ...*) Le Maout. Перелистывая каталогъ Неаполитанскаго ботаническаго сада, онъ нашелъ Adianthum засушенный, и когда я ему стала говорить о сходствѣ его листьевъ съ листьями Salisburia adianthifolia, онъ схватилъ карандашъ и нарисовалъ листокъ этого дерева, которое видѣлъ во Франкфуртѣ въ саду у Жуковскаго. Когда онъ говорилъ о томъ, что за все Бога надобно благодарить, у меня слезы текли изъ глазъ.—Вчера мы обѣдали съ нимъ у княгини-матери. Поздравляя, онъ руки у меня поцѣловалъ. Онъ былъ очень веселъ; говорилъ, что этотъ праздникъ здѣсь, въ Одессѣ, напоминаетъ Свѣтлое Христово Воскресенье: народъ на улицѣ, всѣ на распашку. За обѣдомъ подлѣ него сидѣла. Онъ говорилъ о запискахъ: одинъ всегда писалъ все, что̀ дѣлалъ всякій день, и упоминалъ о томъ, гдѣ и съ кѣмъ (былъ), прибавляя часто: «подпіяхомъ». О любви народа къ хорошему басу у дьякона онъ разсказывалъ анекдотъ. При Екатеринѣ у дьякона былъ такой густой голосъ, что хоть лопатой греби! Какъ грянетъ въ октаву: «Братіе!» «Какъ ударитъ кулакомъ!» О томъ, что я ему сказала: «Мудрено воспитаніе» (онъ сказалъ): «Нѣтъ, не мудрено. Сдѣлали мудренымъ! Стоитъ отцу и матери сидѣть дома и чтобъ ребенокъ рано почувствовалъ, что онъ членъ общества. А читать надобно, и читать можно: книги - подспорье хорошее для всѣхъ, хорошо и для дѣтей».

1 Января 1851. Я.: «Въ какія лѣта выучились вы читать?» *Гоголь*: «Я думаю, какъ и всѣ, лѣтъ въ семь. Но вѣдь насъ не очень много занимали; нѣтъ, зачѣмъ! Все дѣло въ томъ, чтобы заохотить ребенка учиться, а ужъ тамъ и не заботиться. Я долго не говорилъ, до трехъ лѣтъ, но ужъ я потомъ говорилъ: рцы, слово, твердо». Обѣдали у старой княгини Репниной. «Любимый мой святой—Василій Великій» (онъ же помнитъ объ уединеніи его). «О вѣрѣ какъ рельефно онъ написалъ, о такой неосязаемой вещи!» Наканунѣ новаго года онъ былъ у насъ, съ тѣхъ поръ нѣтъ.

4-го. Обѣдали у старой княгини. Голыя стѣны напоминаютъ мнѣ о разницѣ съ убранствомъ дворцовъ Волконскихъ и Дурн(овыхъ). И она въ дикомъ своемъ платьѣ и простомъ чепцѣ; слуги ея, довольно чисто одѣтые въ сюртукахъ, маленькіе, неуклюжіе... Что-то странно

*) Передъ словомъ „Le Maout“ стоитъ совершенно неразборчивое слово.

и нѣсколько скорбно! Гоголь тамъ же былъ. Я уже его видѣла у обѣдни. Онъ какъ-то сказалъ: «Въ *нашей* церкви».

6-го. Онъ былъ у насъ. Сейчасъ послѣ обѣда онъ помѣстился на диванѣ, и я также, но далеко отъ него. Услышавъ отъ Маріи Андреевны, я ему сказала: «Княжна Варета [1]), всѣхъ Жидовъ перекрестивъ, принялась теперь за Татаръ». Она въ этотъ день въ семь часовъ утра крестила Татарина.

6-го Генваря за столомъ она мнѣ попрекнула пальмами. Она осуждала, что у княгини Маріи Петровны [2]) есть пальмы. Гоголь, который совершенно противъ этого, какъ противъ Европейской роскоши, согласился съ нею; но когда я ему сказала, что споръ состоитъ въ томъ, что княжна не имѣетъ права требовать, чтобъ вмѣсто покупки пальмъ должно деньги отдать бѣднымъ, Гоголь (сказалъ): «О, это невозможно!»

6-е. Скоро послѣ обѣда я ушла къ себѣ и долго осталась; ушла съ умысломъ, чтобъ оставить всѣхъ разобраться по мѣстамъ. Прихожу и нахожу Гоголя у кушетки; княгиня лежала, и подлѣ за столомъ Аркадій съ журналомъ. Онъ до того постарался отыскать объ Аристофанѣ. Гоголь попробовалъ было читать, но нашелъ слогъ тяжелымъ. Этотъ мальчишка въ отвѣтъ: «И мнѣ тоже казалось въ началѣ, но потомъ понравился». Гоголь, переставая читать: «Да онъ(т. е. авторъ, Ордынскій [3]) не объ искусствѣ Аристофана говоритъ, а желаетъ изъ его сочиненій узнать бытъ его времени», и прибавилъ: «Нѣтъ, я лучше вамъ почитаю комедію Мольера «Агнесу» [4]), которую началъ; мнѣ нужно ее кончить; меня просили въ театральной дирекціи, а дома никакъ не соберусь; вы меня одолжите». Но запальчивый мальчишка схватилъ Аристофана и своимъ гнусливымъ грубымъ голосомъ началъ наваривать. Наконецъ унялся, и Гоголь началъ. Кн. увезъ заносчиваго м. въ театръ, и мы остались втроемъ. Гоголь такъ вошелъ въ роль отвергнутаго старика, такъ превосходно выразилъ горько-безнадежныя страсти, что все смѣшное въ старикѣ исчезло: отзывалась одна несчастная страсть, такъ что послѣдній отвѣтъ Агнесы кажется неумѣстнымъ. Немного великодушія, съ чѣмъ и Гоголь согласился. Гоголь былъ внѣ себя. Лицо его сдѣлалось, какъ у испуганной орлицы. Онъ долго былъ подъ вліяніемъ страстныхъ думъ, можетъ быть, разбуженныхъ воспоминаній. Я съ грустью думаю о разлукѣ съ нимъ. Въ но-

[1]) Княжна Варвара Николаевна Репнина, о ней см. „Русск. Архивъ“ 1897, II, 473. У матери ея, старой княгини Варвары Алексѣевны, была въ Одессѣ домовая церковь. П. Б.

[2]) Волконской, ур. Кикиной. П. Б.

[3]) Извѣстный эллинистъ.

[4]) Это—комедія l'École des femmes (1662), гдѣ старикъ Арнульфъ, приготовлявшій для себя въ молодой дѣвушкѣ Агнесѣ жену-рабыню, влюбляется въ нее подъ вліяніемъ ея непорочной любви къ юношѣ Орасу. П. Б.

вый годъ я не вытерпѣла и сказала ему: «скоро я васъ не буду видѣть».—«Нѣтъ, я скоро у васъ буду».

6-го. При разсматриваніи «le bon homme rit encore» онъ сказалъ: «То, что̀ прежде было, говоря о другихъ играхъ, еще умнѣе этого было». Наконецъ уѣхалъ. При прощаніи взоръ его былъ торжественъ. Пріѣдетъ ли онъ нынче? Пишу, а слезы на глазахъ.

14 Января. Послѣ того какъ Гоголь былъ два раза (одинъ разъ поутру), я была больна. Съ нимъ былъ ознобъ въ продолженіе двухъ дней. Дитрихсъ сказалъ ему, что до этого не надо допускать, что это предшествіе удара. Какъ-то Гоголь говорилъ о семействѣ Капниста: воспитывались дома и болѣе изъ разговоровъ отца учились всему. Еще разъ онъ говорилъ: «Еще не догадались, что нѣтъ добра въ томъ, чтобъ слишкомъ занимать дѣтей». О сочиненіи Одоевскаго и Заблоцкаго онъ говорилъ, что слышалъ отъ Барановскаго *), котораго посылали ревизовать школы, что мальчики пересмѣивались чему-то; онъ спросилъ у нихъ, что̀ ихъ смѣшитъ:—«Да вотъ книжка, въ которой пишутъ, что весною пашутъ; да это и всякій знаетъ!» Сегодня, съ Варею читая эту книгу, я надрывалась внутреннимъ смѣхомъ. Тамъ учитель у работающихъ крестьянъ спрашиваетъ: «Ты рано поднялся на работу?»—«Вѣстимо, батюшка!» и т. д. Въ этомъ словѣ заключается все, и всѣ подмостки глупыя Одоевскаго и Заблоцкаго рушатся сами собою. Намедни Павловскій, корифей здѣшній, объявилъ мнѣ, что я ошибаюсь, что въ Одессѣ есть люди, которые гораздо пріятнѣе въ разговорахъ, нежели Гоголь. Вотъ Ильинъ, напримѣръ. Въ другой разъ онъ мнѣ сказалъ: «А вамъ Гоголь читалъ вслухъ «Пѣвцы» Тургенева? И ему понравилось!»—*Я.*: «Печатное можно читать» (я говорила о томъ, что рукопись читать не стоитъ того).—*Онъ*: «Не все умно».—*Я.*: «Это давно извѣстно.—«А вотъ какъ хорошо пишетъ Евгенія Туръ: «Долгъ». Княгиня, говоря при мнѣ, находила это глупымъ».—*Онъ*: «Да какъ! Это превосходно! У нея языкъ лучше, нежели у Гоголя». О Тургеневѣ я сказала прежде: «А все-таки онъ ни до чего не дойдетъ!»—*Онъ*: «Ужъ онъ дошелъ! Вы отстали отъ вѣка, вы старовѣрка, вамъ все прежнее нравится; вы теперешняго оцѣнивать не умѣете!»—*Я.*: «Чтобы все это слышать, мнѣ надобно было въ Одессу пріѣхать». Онъ говорилъ: «Я вамъ говорю!»—*Я.*: «Ваши слова для меня ничего не значатъ: вы молодой, неопытный человѣкъ, и все, что̀ вы ни говорите, (все равно) какъ бы вы молчали». На это была его рацея вышеприведенная.

---

*) Илья Ивановичъ Барановскій, морякъ, переписывался съ Гоголемъ. См. „Мат. для біогр. Гоголя“, IV, 833—834.

17 Января. *Гоголь*: «Что достойно замѣчанія, то проходитъ безъ замѣчанія, а что не стоитъ вниманія, то замѣчено». О Чихачевыхъ онъ сказалъ 15 Января: «Думаютъ, что все надобно высказать, что все интересно, что на умъ пришло». Лицо, какъ у испуганной орлицы! Аристофаномъ занимается. Ахъ, если бы онъ что-нибудь написалъ для малаго числа актеровъ, какъ Маривò. Онъ нынче готовилъ *планъ для Марсъ* *).

22 Января. Четыре дня сряду былъ Гоголь; обѣдалъ исключая одного дня, въ который былъ вечеромъ (19-го, въ день рожденія княгини). Вчера онъ былъ сонный. Говорили объ открытіяхъ. Онъ бранилъ лампы. Я сказала: «А сколько нововведеній на моей памяти! Шоссе и дилижансы отъ Москвы до Петербурга, стеаринъ, дагерротипъ».—*Гоголь*: «И на что это все надобно? Лучше ли отъ этого люди? Нѣтъ, хуже!»—*Я*: «Я рада была стеарину, чтобъ не снимать со свѣчи изъ лѣни». *Онъ*: «Да». Я сказала, что Велигурскій позвалъ Гризи и Маріо обѣдать. Онъ одинъ только! Князь Волконскій, не смотря на всѣ просьбы, не позвалъ, такъ какъ онъ звалъ Віардо съ мужемъ, Тамбурини и Рубини. *Гоголь*: «Ну, Велигурскому талантъ выше всего». *Гоголь*: «Дибича солдаты звали «Самоваръ большой». Онъ былъ уменъ, но не очень». *Я.*: «А Паскевичъ?» *Онъ*: «Этотъ *вотъ какъ* уменъ, очень просто: онъ не начнетъ никакого дѣла, не приготовивши провіанту на три мѣсяца. Онъ—главное—думалъ о довольствѣ солдатъ; а другой, ничего не приготовивши, начнетъ».

19 Января. *Гоголь*: «А что вышло на повѣрку: они все пили и ѣли въ 1848 г. во Франціи»—*Я*: «Да, а какъ всѣ унеслись тогда надеждами!» *Гоголь*: «Да. Вообразили, что никто выше не будетъ, что великіе люди не нужны».—«Одна княжна Варета осталась при своихъ мысляхъ.» *Гоголь*: «А вы очень воспламенялись?» *Я.*: О, чрезвычайно! Какъ жаль было разставаться съ надеждами на улучшеніе, да и теперь еще меня эти надежды не покидаютъ». *Гоголь*: «И меня нѣтъ. Но откуда же это придетъ? Не отъ людей же!» *Я.*: «Откуда же? *Гоголь*: «Отъ милосердія». Но не сказалъ—какого... *Гоголь*: «Не однѣ женщины увлеклись, но и умные пламенные люди».

20-го. Читалъ Одиссею. Я не узнала первой главы: такъ прекрасна она мнѣ показалась, пройдя черезъ его голосъ, языкъ, душу и физіономію. Онъ не дѣлалъ жестовъ, но подо мною диванъ дрожалъ, на которомъ онъ сидѣлъ подлѣ меня. *Гоголь*: «Русскій, если что знаетъ, то дѣлается педантомъ». Разъ, бывши молодымъ человѣкомъ, онъ при-

*) Не разобрано.

шелъ заказывать печать къ М *). На вопросъ, какое поле? Гоголь не умѣлъ отвѣчать. Тотъ разсердился и сталъ выговаривать шутками. «Вы не знаете, что̀ такое поле: такъ, видно, вы геральдикой не занимались и шли ко мнѣ, не знавши, кто я. Вѣдь геральдика большая наука, а обо мнѣ и во Французскихъ журналахъ было писано». *Гоголь*: «Въ Москвѣ хорошіе переплетчики и знаменитые». *Я*: «И Хитровъ есть». *Онъ*: «И Дурновъ, и Муравьевъ».—*Я*: «Но только не Хитровъ и не Дурновъ.» *Гоголь*: «Русскій человѣкъ педантъ. Мнѣ разъ переплели не такъ, какъ я хотѣлъ, у Хитрова отданную книжку въ его отсутствіе. Вотъ я и жалуюсь и говорю, что не такъ. Хитровъ позвалъ подмастерье, которому отдавалъ, и сказалъ: «То-то! Вотъ ты Русскій, а таки у тебя чести нѣтъ; когда бы ты былъ Нѣмецъ, ты бы хорошо сдѣлалъ. А ты Русскій! На, вотъ же тебѣ! И далъ ему двѣ пощечины. Мнѣ такъ было совѣстно». — *Я*. «Да, еще осталась нѣкоторая закоснѣлость въ Москвѣ». *Гоголь*: «Нѣтъ, ужъ и въ Москвѣ стала выводиться».

20 Января. Гоголь: «Какая вѣрность въ описаніяхъ Гомера; и теперь проѣзжаешь по этимъ мѣстамъ и узнаёшь ихъ. И какъ рельефно все описано! Вѣдь вотъ мы прочли («Газ. Петерб.») описаніе Лиссабона; все разбросано, и ничего не остается въ головѣ».

21 Января. Гоголь: «Я прежде любилъ краски, когда очень молодъ былъ». *Я*: «Да, вы могли бы быть живописцемъ. А прежде что̀ любили?» *Гоголь*: «А прежде, маленькимъ еще, карты». *Я*: «Это значитъ дѣятельность духа». *Гоголь*: «Какая дѣятельность духа! Пол-Россіи только и дѣлаетъ. Это бездѣйствіе духа!»

25 Января. Князь: «Придумайте пожалуйста, что̀ бы такое сдѣлать, чтобъ выработать деньги: мнѣ непремѣнно нужна одна сумма денегъ. Стану сигары дѣлать». *Гоголь*: «Гдѣ вамъ этимъ заниматься? Это надобно пройдохѣ (это слово онъ сказалъ перифразами). Чѣмъ ни попало заманить покупщиковъ, напыщенными объявленіями и пр.» *Кн.*: «Ну, и я это сдѣлаю». *Гоголь*: «Нѣтъ, не сумѣете!» *Я*: «Мнѣ кажется, что вамъ и безъ того столько дѣла—дай Богъ только управиться: мать, супруга, хозяйство». *Кн.*: «Да что̀ же, когда мнѣ нужна сумма денегъ» (Я подозрѣваю—для чего; онъ какъ-то говорилъ, что Арк. непремѣнно надобно было бъ ѣхать на Мадеру). *Гоголь*: «Да, многіе выдумываютъ себѣ дѣла̀, а посмотрѣть—которое бы нужно было дѣлать, и не сдѣлано и предо тавлено другимъ дѣлать».—*Кн*: «Нѣтъ, я стану дѣлать сигары». *Гоголь*: «Да вотъ что̀: вѣдь это безнравственно.

*) Все до сихъ поръ напечатанное было впервыя помѣщено въ „Библіографическихъ Запискахъ“ за 1861, стр. 328—330, но тамъ вмѣсто полныхъ именъ, напр. Тургенева, Ильина, княгини Репниной, поставлены лишь буквы.

Нельзя: совѣстно!» *Кн.* «Что до этого—вѣдь не остановить».—*Гоголь*: «Все такъ, да какъ-то совѣстно!»—Князь, наконецъ, прощаясь серьезно, говоритъ: «Подумайте же!» *Гоголь*: «Нѣтъ, какъ мнѣ утруждать голову? Я не могу».

24 Января. М-me Гойеръ выѣхала съ вопросомъ: «Скоро ли выйдетъ окончаніе «Мертвыхъ Душъ?»—*Гоголь*: «Я думаю—черезъ годъ». *Она*: «Такъ онѣ не сожжены?» (При этихъ словахъ я убѣжала). *Онъ*: «Да-а-а!... Вѣдь это только нача-а-ло было...» Онъ былъ сонный въ этотъ день отъ Русскаго обѣда.

26 Января. Былъ 24-го. Читалъ намъ проповѣдь Филарета на Сергіевъ день на стихъ: «Ищите Царствія Божія!» Какъ мило, радушно и простодушно онъ все пояснялъ! То на княгиню, то на меня посмотритъ своими живыми голубыми глазами и скажетъ: «Слушайте! У него можно учиться! Онъ на дѣлѣ все испыталъ; онъ не то что придумалъ. Кто больше его занятъ? И удивительно, когда только онъ время находитъ, чтобъ писать. Кажется, нѣтъ возможности найти свободной минуты,—а онъ доказываетъ противное!»—*Княгиня*: «А развѣ онъ очень занятъ?»—*Гоголь*. «А какъ же? А служеніе? А Сѵнодъ и проч.?» Филаретъ говоритъ о кражѣ*) воскресныхъ дней. *Гоголь*: «О, какъ это часто со мною случалось! А проку-то и не выходило; когда внутренно устроенъ человѣкъ, то у него все ладится. А внутренно чтобъ устроеннымъ быть, надобно искать Царствія Божія, и все прочее приложится вамъ». Я на другой же день, вставши, прочла утреннія молитвы. Хотѣла и ввечеру тоже сдѣлать, но не сумѣла: заснула въ 10 ч. и проснулась въ 6. Прочла молитвы утреннія. Отыскала о томъ, что Гоголь говорилъ, что мы молимся: «Прости мое невѣдѣніе». Читала псалмы, и въ первомъ псалмѣ какъ нарочно подтвержденіе словамъ безподобнаго Гоголя. Тамъ говорится о праведномъ и вся, елика аще говорить умѣетъ. Потомъ въ ссылкахъ на пророчество Іереміи страшно гласится о соблюденіи Суботы. Читала Димитрія Ростовскаго до 9 числа. Гоголь читаетъ всякій день главу изъ Библіи и Евангеліе на Славянскомъ, Латинскомъ, Греческомъ и Англійскомъ языкахъ. *Гоголь*: «Какъ странно иногда слышать: «Къ стыду моему, должна признаться, что я не знаю Славянскаго языка!» Зачѣмъ признаваться? Лучше ему выучиться: стоитъ двѣ недѣли употребить». Говорили о пожарѣ въ домѣ Иннокентія. *Гоголь:* «Пушкинъ всегда ѣздилъ на пожары и любилъ смотрѣть, какъ кошки ходятъ по раскаленной крышѣ. Пушкинъ говорилъ, что ничего нѣтъ смѣшнѣе этого вида.» *Г.*: «Въ самомъ дѣлѣ жалко бѣдныхъ!» Но тутъ и «*въ самомъ дѣлѣ* и «*жалко*» не идутъ къ сло-

*) Т. е. несоблюденіи.

вамъ Пушкина. Въ нихъ высказывается душа Гоголя, тогда какъ въ тѣхъ словахъ высказывалась душа Пушкина. Въ «Арапѣ Петра Великаго» вдругъ dissonance: «по несчастію, при дворѣ регента не было лицемѣрія». Врядъ-ли лучше было бы отъ лицемѣрія. Часто меня Пушкинъ такъ по сердцу деретъ, Гоголь же—никогда. Иногда онъ живо представитъ, какъ говорила m-me Гойеръ грязные предметы, и такъ живо, что носъ зажмешь или отвернешься, но нравственное чувство никогда не бываетъ оскорблено. Помоги ему Богъ!

27 Января. Ильинъ Николай Петровичъ, читалъ вслухъ «Завтракъ у предводителя» Тургенева. Съ великимъ терпѣніемъ выслушалъ всю пьесу Гоголь; только при чтеніи дѣйствующихъ лицъ онъ говорилъ: «Зачѣмъ о лѣтахъ? Онъ столько разъ говоритъ: 35, 40, 42 и т. д.» Ему показалось растянуто. «Вообще», прибавилъ онъ, «у Тургенева мало движенія, а жаль: пока молодъ еще, надобно себя настропить». Я зѣвала слушая. Ко мнѣ подошедъ (я какъ будто не вижу его, сижу и шью мою подушку), Гоголь спросилъ: «Ну, вы наслаждались?.» *Я*: «Чѣмъ?»—*Г.*: «Ну да женщиной: она очень хороша!» *Я.*: «Да, она хороша, да утомительно и все дагерротипно слишкомъ, т. е. дагерротипно такъ, когда человѣкъ тронется въ то время, когда его снимаютъ». «Женщина хороша!» Онъ радъ, что хоть что-нибудь можно похвалить! 3 (Февраля?). Счастливый день! Почему? Гоголь отъ души говорилъ, отъ своей возвышенной души. Счастье, наслажденіе его слушать! Еще до того, за обѣдомъ, сидя подлѣ него и глядя въ другую сторону, я думала: Зачѣмъ же я на него не смотрю? Зачѣмъ не улавливаю малѣйшаго движенія его умной, свѣтлой физіономіи? Княгиня, безцвѣтное это созданіе и собраніе всего хорошаго понемножку и по недостатку страсти и воли удерживающаяся на границѣ, хотя и становится на скользкомъ пути, княгиня сказала: «А третья проповѣдь лучше второй» (вторая была неуспѣшно сказана). *Я.*: «Мнѣ хотѣлось бы прочесть».— *Княгиня.*: «Ахъ, я отослала къ княжнѣ».—*Я.*: «Тогда я попрошу тамъ»:—*Гоголь.* «На стихъ: «Претерпѣвый до конца, той спасется».—*Я.*: «Замѣчательный стихъ, единственный, который противъ самоубійства. Это мнѣ нѣкогда Дмитрій сказалъ, когда (я вспоминаю прогулку въ коляскѣ въ виллѣ Памфили съ Акем.), я не умѣла ему отвѣчать на странныя его грезы. *Г.*: «Это такой нелѣпый грѣхъ, что невозможно было Христу о немъ говорить. Къ чему?» Послѣ обѣда онъ дочиталъ «Чужимъ добромъ не наживешься» въ «С.-Пет. газетѣ») Соллогуба. Въ первомъ нумерѣ читая, когда нападалъ на что смѣшное, нѣсколько глупо-смѣшное, то онъ, смотря на меня (говорилъ): «у этого хоть смѣшное вырвется!» Во второмъ нумерѣ также было забавное, но для меня и его, которые понимаемъ,

что̀ такое журналистъ Петербургскій и Славянинъ Московскій. Княгинѣ показалось блѣдно; намъ же только тѣмъ было сносно, что мы понимали намеки.—*Г.*: «Да это онъ Аксакова хотѣлъ выставить въ Олеговичѣ. Ахъ, бѣдный онъ! Жаль!»—*Я*: «Неужели же его слова за что-нибудь примутся?»—*Гог.*: «Чьи?»—*Я*: «Да, Соллогуба? Что̀ онъ значитъ?!» *Г.*: «Да *его* жаль, что *онъ* неумѣстно насмѣхается». Въ третьемъ нумерѣ ему наконецъ попалось, что кто-то, спавши, «свернулся кренделемъ».—*Я.*: «Слышите-ли: кренделемъ?»—*Гоголь* на меня взглянулъ и сказалъ: «да онъ у меня укралъ!»—*Я.*: «Тутъ все хуже и хуже пойдетъ».—*Гоголь*: «Правда, скучно и длинно.» Я досказала развязку.—*Гог.*: «Кого бы онъ хотѣлъ представить въ Ухаревѣ? Краевскаго? Или лучше Некрасова?»—*Я.*: «Понятія о нихъ не имѣю. Ихъ нигдѣ не слыхать и не видать въ Петербургѣ».—*Гоголь*: «Богъ знаетъ, откуда взялись и гдѣ пребываютъ!» — Потомъ (дочелъ и какъ дочелъ!) «Бориса Годунова». Когда онъ кончилъ, мнѣ хотѣлось вслухъ произнести благодарственную молитву за посланное мнѣ утѣшеніе слышать эту пьесу прочитанную Гоголемъ. Княжна по милости своей касается высокихъ предметовъ, хотя, смѣшивая мелкое съ глубокимъ. *Гоголь*: «Совсѣмъ другое дѣло творчество и импровизація: все тоже, что̀ смѣлый и пьяный. Когда бываетъ лихорадка, когда? Когда воплощается мысль? Нѣтъ, тогда спокойнымъ чувствомъ настроена душа». Возраженія. «Эта лихорадка бывала прежде. Это молодое чувство, когда напишешь что-нибудь пламенное. Если мысли писателя не обращены на важные предметы, то въ немъ будетъ одна пустота. Надобно любовью согрѣть сердца; творить безъ любви нельзя. А что̀ безъ любви написано, то холодно. Иногда бываетъ самодовольство: дѣлаешь что-нибудь хорошо, доволенъ собою, а послѣ увидишь, какъ недостаточно. Святые падали, гордясь тѣмъ, что благодать имъ сошла, и т. д. Намедни, *1 Февраля*, на вопросъ княгини, что̀ дѣлать, чтобы согласовать жизнь съ долгомъ? Что̀ сдѣлать чтобъ помѣшать коснуться душѣ мыслей со стороны? *Гоголь* сказалъ: «Я это вамъ дамъ все письменно». Ясно было, что княгиня подумала, что ей особенный будетъ отвѣтъ; но вышло, что онъ о сочиненіи своемъ говорилъ.—*Княгиня*: «Отчего же не теперь?»—*Гог.*: «Какъ я могу теперь сказать? Я не проповѣдникъ! Не мое дѣло судить. Я мнѣніе свое могу сказать, но полное обдуманное, только письменно. Оттого и писатель бываетъ, что не умѣетъ хорошо на словахъ высказать свою мысль. Если бъ я умѣлъ хорошо высказать свою мысль, кто бъ велѣлъ мнѣ писать?» Нынче, ужъ совсѣмъ прощаясь, онъ увидѣлъ «Perspective». «А что̀ это? Перспектива? Я сколько ни спрашивалъ у живописцевъ, всѣ мнѣ признавались, что ни къ чему не ведетъ, и точно: у всякаго свой глазъ, и иной пріятно (?) видитъ, какъ въ переспективѣ не бы-

ваетъ: тамъ все длиннѣе et plus disgracieux».—*Я.*: «А я учусь перспективѣ»—*Гог.*: «Напрасно!»—*Я.*: «Ахъ, Боже мой!»—*Гог.*: «Да вы, я вижу, любите теоріи».—*Я.*: «Очень». Онъ ушелъ. Я предалась комическому отчаянію. Княгиня побѣжала его назадъ звать, чтобы онъ сказалъ мнѣ, чтобы я продолжала, а то я брошу. «Продолжайте! продолжайте!» прокричалъ онъ.

1 Февраля. Мы какъ-то одни остались. На прежде изреченную имъ брань Французовъ я сказала: «Я не могу не любить Французовъ, Французскими книгами вскормлена и вспоена. Все Французское: и моды, и тонъ». *Гог.*: «Да, правда, что Франція для насъ другая родина». Нынче мы одни говорили объ Англичанахъ. *Гог.*: «Странно, какъ у нихъ всякій человѣкъ особо и хорошъ, и образованъ, и благороденъ, а вся нація—подлецъ; а все потому, что родину свою они выше всего ставятъ». Вчерашній Грекъ, гувернеръ Гагарина, внука Стурдзы, сказывалъ мнѣ, что на Іоническихъ островахъ (онъ изъКефалоніи) дѣла всѣ отправляются на Итальянскомъ языкѣ и что во всѣхъ школахъ введено изученіе Англійскаго языка. Когда возникло дѣло [1])... они радовались. На мое замѣчаніе, что верхняя палата осудила Пальмерстона, мой тонкій Грекъ сказалъ: c'est de la politique». Лазаревъ мнѣ сказалъ, что Жидовъ мало въ Греціи, потому что Грека мудрено обмануть. Гоголь на вопросъ княжны, былъ ли Пушкинъ импровизаторъ или творецъ, отвѣчалъ: «Пушкинъ былъ необыкновенно уменъ. Если онъ чего и не зналъ, то у него чутье было на все. И силы тѣлесныя были таковы, что (ихъ достало бы) у него на девяносто лѣтъ жизни. Тяжело Русскому человѣку быть въ бездѣйствіи въ чужихъ краяхъ; сейчасъ замѣтишь Русскаго: все дѣйствуетъ, на мѣстѣ не посидитъ!»

О Пушкинѣ: «Но я увѣренъ, что Пушкинъ бы совсѣмъ сталъ другой [2]). Онъ хотѣлъ оставить Петербургъ и уѣхать въ деревню; жена и родные уговорили остаться». *Я.*: «Если бъ жена была повыше, ничего бы не вышло». *Гог.*: «Повыше, все такъ... Но онъ самъ ее ввелъ въ общество». *Я.*: «Она была прескромная въ дѣвушкахъ, но не умна». Дочь Пушкина сердится, когда скажутъ, что она похожа на отца».—*Гог.*: «Это не дѣлаетъ чести матери. А, можетъ быть, и неправда» [3]).

9 Февраля. Былъ нынче. Нашелъ очень хорошимъ письмо княжны Варетты о старыхъ дѣвушкахъ. На мои слова, что оно слишкомъ горько, онъ сказалъ: «стоило бы сильнѣе обозначить мѣста, смягчаю-

---

[1]) Не разобрано.

[2]) Послѣ этого въ подлинникѣ стоитъ: „И какъ перемѣнился. А это замѣчательное сочиненіе“ и затѣмъ пропускъ въ полстроки.

[3]) Конечно, не правда. П. Б.

щія это положеніе; это письмо лучше всего: въ немъ все испытано, тогда какъ другое понято *постиженіемъ*, и постиженія много!» Сколько игры въ его физіономіи, когда онъ думаетъ, и какъ все что̀ онъ говоритъ, глубоко обдумано, даже самыя мелочи. Онъ говорилъ о Нижегородскомъ епископѣ Іаковѣ, умершемъ въ Петербургѣ (онъ былъ вызванъ Синодомъ), что ему скучна и тяжела была жизнь Петербургская. Онъ сильно писалъ проповѣди о смерти. Еще онъ говорилъ объ одномъ Англичанинѣ, который дошелъ до духовной жизни не такъ, какъ другіе, которые съ молокомъ всасываютъ правила и убѣжденія, и вѣру, заповѣданную родителями, неприкосновенно сохраняютъ. Онъ, напротивъ, сомнѣвался во всемъ и не зналъ, что̀ избрать себѣ незыблемою опорою. Погруженный разъ въ такія думы, онъ увидѣлъ покойника, котораго несли мимо. «Да вотъ», онъ подумалъ, «самое вѣрное! Вѣрнѣе смерти ничего нѣтъ!» И съ этой мысли началось его обращеніе. Княгиня разсказала объ одной дѣвочкѣ, которую заставляли сохранять (sic) свято Воскресенье у Англичанъ. Когда ей говорили о Богѣ, она отвѣчала: «Ахъ нѣтъ! Слишкомъ будетъ скучно!» *Гог.*: «Странно требовать отъ дѣтей больше того, чтобы они ходили въ церковь». *Княгиня*: «Не лучше ли имъ бѣгать и рѣзвиться по Воскресеньямъ?» *Гог.*: «Когда отъ насъ требуется, чтобъ мы были какъ дѣти, какое же мы имѣемъ право отъ нихъ требовать, чтобъ они были, какъ мы?» Чудныя письма княжны Вареты! Въ нихъ слышны біеніе сердца и теплота души, руководившія живописное и смѣлое это перо! Какъ на Заремѣ: «На мнѣ горятъ его лобзанья!» Нѣтъ, я затаптываемая судьбою и отвергаемая, или лучше, изверженная изъ жизни, я не то, что не признаю, но не чувствую себя причисленною къ многочисленному ополченію отверженныхъ, осмѣянныхъ, затоптанныхъ, къ ополченію старыхъ дѣвушекъ. Почему это состояніе ненормальное, двусмысленное, страдальческое? Стоитъ отбросить всѣ притязанія на счастье и умѣть видѣть, что счастья ни въ какомъ положеніи не обрѣтается. Напротивъ, свобода, которой она можетъ пользоваться, даетъ ей независимый характеръ, черезъ который она выше другихъ можетъ стать. Стоитъ ей лишь быть полезной и безъ желчи смотрѣть на протекшую свою жизнь. Что̀ до этого, что она остается одна въ духовной пустотѣ, окруженная обломками надеждъ? Всякому своя доля. Только бы чувствовать, что имѣешь право дышать, какъ и все живущее на землѣ. Нѣтъ, не согласна я съ Гоголемъ, что страницы эти справедливы. Жалка старая дѣвушка, которая смѣшна такъ же, какъ и замужняя, жалка, которая не понимаетъ, въ чемъ состоитъ достоинство жизни. Въ тридцать лѣтъ старая ужъ дѣвушка! Это одни слова; на опытѣ доказывается безпрестанно про-

тивное этому. Стара плясать, и хохотать, и кокетничать, такъ принимайся за серьезныя занятія, да дѣльно и настойчиво вразуми подчасъ и мать; и то также на опытѣ доказывается, что родители все малыми дѣтьми считаютъ дѣтей взрослыхъ. Мудрено вырваться изъ оковъ, но вырваться можно!

Марта 3. Съ тѣхъ поръ прошла и масленица, и первая, и вотъ вторая недѣля, которая уже утекла. На масляницѣ почти не видала Гоголя кромѣ Понедѣльника. Въ Воскресенье отъ тоски и скуки послѣ обѣда я собралась пойти въ тотъ домъ. Только-что встрѣчаю Гоголя, и поскорѣе назадъ. Онъ меня не видалъ. Княгиня было предложила читать Пушкина, но онъ не согласился и ради великаго поста сталъ читать Филарета, «какъ всѣ искали прикоснуться къ Христу», что и намъ возможно черезъ причастіе. Въ теченіе недѣли онъ былъ нѣсколько разъ. Обѣдалъ. Службу длинную у княгини смирно (?) всю выстаивалъ. Онъ мило говоритъ о разсѣяніи во время молитвъ, какъ кто-то говоритъ въ насъ. Въ Пятницу съ воодушевленіемъ прочелъ житіе Пелагіи. Въ голосѣ слышались красоты слога или мыслей того, что онъ читаетъ. Какъ орелъ встрепенулся и, хотя былъ съ опущенными глазами, но блескъ какой-то изшелъ изъ нихъ, когда онъ прочелъ: «и аще изведеши честное отъ недостойнаго, яко уста моп будеши». Іеремія, 15, 19.—*Я.*: «Какъ хорошо!» Онъ взглянулъ на меня и повторилъ стихъ; въ глазахъ оставался и теплился тотъ огонь, который возгорѣлся въ первую минуту восторга. Когда бывало сказано: «Діаволъ пріиде», онъ говорилъ: «т. е. помышленіе». Потомъ говорилъ: «Этимъ душамъ такъ все ясно, что они натурально и діавола могутъ видѣть. Такая чистота можетъ у того быть, кто позналъ всю глубину мерзости». Какъ-то онъ говорилъ на мои слова, что Дебольскій говоритъ въ «Попеченіи церкви *), что нѣтъ Троицы въ четыре первые дни. «Ну, что Дебольскій! Кто это знаетъ, какъ было это уже послѣ, когда уставы монастырскіе пошли, а апостолъ именно говорилъ: «Ядый ядущаго да не осуждаетъ». Третьяго дня еще разъ перечитывалъ житіе св. Пелагіи. Я вошла—онъ читалъ. Онъ взглянулъ и сказалъ: «Это-то, что мы читали». Какъ дорого всякое его слово, относящееся именно ко мнѣ, хотя самое пустое! Читалъ «Звѣздочку» разборъ статьи о Неаполитанцахъ Чистякова. «Вѣрно, что не былъ въ Италіи. И зачѣмъ такъ восхищаться?! Только поселять желанія, которыя волнуютъ! Тѣже самые потомъ поѣдутъ и, не найдя, чего ожидали, бранятъ Италію. Нѣтъ, всего лучше читать дѣтямъ книги для большихъ, вотъ исторію Карамзина съ девятаго тома».

*) Дебольскій, Григорій Сергѣевичъ, авторъ сочиненія: *„Попеченіе православной церкви о спасеніи міра“*.

Въ сочиненіи шестнадцатилѣтней дѣвочки какъ невинно! Какой *) галантеръ поцѣловалъ ручку у Екатерины и дерзнулъ посмотрѣть ей въ глаза: видно, она не знаетъ, что и такіе высокіе люди не дерзали смотрѣть въ глаза. И что это такое: и бюстъ императора, и образъ спасительный, и гнѣздо ласточки, и портретъ Екатерины?! Нѣтъ, лучше дѣтскихъ книгъ не писать. При чтеніи, критика его неуловима для передачи всей соли, которою она приправляется. Когда смѣшно, что скажетъ, смѣешься, какъ когда Мольера читалъ, а горькія истины долго потомъ гнѣздятся въ сердцѣ.

5 Марта. Я какъ-то осмѣлилась сказать, почему бы ему не писать записокъ своихъ. *Гог.* «Я какъ-то писалъ, но, бывши боленъ, сжегъ. Будь я болѣе обыкновенный человѣкъ, я бъ оставилъ, а то бы это непремѣнно выдали; а интереснаго ничего нѣтъ, ничего полезнаго, и кто бы издалъ, глупо бы сдѣлалъ. Я отъ этого и сжегъ.» Разсказывалъ, какъ изъ острога близъ Воробьевыхъ горъ отправляютъ въ Сибирь, какъ купцы съѣзжаются, поютъ молебенъ напутственный; всѣ молятся, иные на колѣняхъ и со слезами. И такъ все умилительно, что, кажется, весело-бъ было быть на ихъ мѣстѣ. Объ артистахъ нынѣшнихъ: «сколько у многихъ огня въ пальцахъ, а души нѣтъ». Намедни съ княземъ положительно сказалъ: «все пройдетъ, словеса же мои» и проч. Вчера послѣ обѣдни я спрашиваю: «скажите, нѣтъ ли гдѣ вашего портрета? *Гог.* «Кажется, нѣтъ». Впрочемъ поискать, не найдется ли между уродами».

6 Марта. Разъ я прихожу и застаю, что онъ читаетъ Іакова. «Итакъ страшный судъ будетъ, будетъ непремѣнно!» Всѣ тѣже его искры изъ глазъ и встряхнутые волосы и тоже неизгладимое на меня впечатлѣніе. Намедни онъ разсказывалъ, что князь Мещерскій, пошедши въ монастырь, днемъ работалъ больше всѣхъ монаховъ, а ночь проводилъ за картами. Странно такое фальшивое отношеніе, подобно тому какъ блудный сынъ «мертвъ бѣ».

15 Марта. Были у Стурдзы, Александра Скарлатовича. Гоголь со мною согласился, что у Іоанна Златоуста красота и обиліе импровизатора. L'improvisation va droit au coeur et quand le sermon est écrit, il perd de son charme. Un célèbre prédicateur oecuménique. Tant qu'il disait par coeur ses sermons, il ne plaisait; mais une fois, qu'il s'est laissé aller à l'improvisation, il emportait tous les coeurs. Il écrivait le commencement et puis il échelonnait tous les sermons de textes. Pour Innocent il est temps de retoucher ses sermons. Гоголь обѣдалъ. Послѣ обѣда взялъ «Послѣдованіе монахини» и началъ себѣ

*) Не разобрано.

подъ носъ, но вслухъ, читать. Третьяго дня онъ сталъ говорить, что наконецъ бросятъ города и станутъ жить въ деревняхъ, что бросятъ такія покойныя мебели (sic), которыя купили для здоровья, и полюбятъ простоту. Если онъ будетъ себѣ дѣлать мебели, то сдѣлаетъ ихъ деревянныя. Читая «Четь-Минею», Гоголь сказалъ: «Вѣдь странно намъ, какъ прочтешь о чудесахъ, а не сказалъ ли Христосъ, что во имя Его мы больше Его можемъ сдѣлать». При этомъ разсказалъ, что одинъ священникъ въ Москвѣ сдѣлалъ чудо, но такъ темно что-то: кто-то былъ боленъ и исцѣлѣлъ (sic), видѣвши во снѣ, что онъ плачетъ, и, точно, проснувшись онъ плакалъ часа полтора и излѣчился отъ болѣзни, онъ, которой чудомъ только могъ исцѣлиться. Въ первый разъ, какъ онъ, пріѣдетъ, подойду и начну говорить о Кіевѣ и о томъ, что свѣтъ мнѣ постылъ.

21 Марта. (Гоголь сказалъ) какъ-то: «нельзя осудить въ чемъ бы то ни было; сейчасъ самъ тоже сдѣлаешь». Вчера обѣдалъ Ильинъ. Подавали homares. Князь, въ то время, какъ мы ѣли ихъ, рѣзалъ двухъ огромныхъ индѣекъ. Когда мы уже поѣли, онъ принялся за омаровъ. Я дала это замѣтить Гоголю и сказала: «Какъ усталъ рѣзать и теперь какъ спѣшитъ кушать!» *Гог.*: «Я зналъ одного человѣка, который очень любилъ конфекты, и вотъ, бывши въ школѣ, ему разъ привезли конфектъ; всѣ его обступили, и онъ всѣ конфекты роздалъ, а самъ остался съ пустой бумагой, и онъ пальцемъ подбиралъ крошки и въ ротъ клалъ».—*Князь*: «Кто это?»—«Тотъ-то». Говорили о Цицiановѣ, который скажетъ, что онъ дешево что̀ досталъ, а когда просили его за такую же цѣну достать, то онъ своихъ приплачивалъ.—*Гог.*: «Нѣтъ, это мы къ случаю князя разсказываемъ. Послѣ обѣда говорили о Кологривомъ, который здѣсь живетъ странникомъ *) съ воротами на запоръ. *Гог.*: «Думаютъ, что уединеніе что-нибудь сдѣлаетъ для настроенія духа. Вотъ мнѣ такъ никогда такъ много не случалось работать, какъ тогда, когда у меня былъ кабинетъ въ бильярдной. Я работаю, а подлѣ меня стукотня шарами. Избаловать себя немудрено». (*Господину Ильину.*): «Ну, что̀ новаго читали?»—*Ильинъ*: «Повѣсть какую-то написала дама».—*Гог.*: «Дамы своимъ влеченіемъ и увлеченіемъ уносятъ насъ въ неизвѣстный для насъ міръ»—*Гог.*: «Ну, въ Тургеневѣ все-таки живость есть, все-таки Русское». Намедни, когда мы остались одни съ нимъ и княземъ, князь насъ сталъ потчивать скандалезными анекдотами. Я ушла. Когда княгиня возвратилась, и я пришла. *Гог.*: «А мы васъ выгнали? Что̀ это передъ вами лежали за книги?»—«Каталогъ волокитствъ съ рисунками». Сталъ противъ меня и дразнить.

*) Т. е. отшельникомъ.

18 Марта. У княгини старой всенощная и пріятнѣйшій вечеръ. Гоголь читалъ юбилей Блудова, а до того я перелистывала календарь, больше отъ того, что князь опять началъ скандальныя исторіи. *Гог.*: «Какое смиреніе и самоотверженіе читать календарь!» Съ княжной Варетой говорили о томъ, что я недовольна ежемъ Малороссійскимъ, Алек. Ѳ. Бодровымъ. Намедни Гоголь прочелъ въ жизни Василія Великаго, почему запретили входъ въ алтарь женщинамъ, и прибавилъ: «Женщинамъ запрещено становиться впередъ, и дѣло: поневолѣ развлечешься».

22 Марта. Какъ-то недавно (Гоголь сказалъ): «Если когда буду дѣлать себѣ мебели (sic), то сдѣлаю деревянныя, немного выдолбленныя: и покойно, и здорово; а настанетъ время, когда бросятъ всѣ эти покойныя мебели и примутся за простыя; почувствуютъ наконецъ, что роскошь къ хорошему не ведетъ». Какъ-то читалъ намъ псалмы и съ особеннымъ восторгомъ прочелъ о Христѣ и Божіей Матери: «Отрыгну сердце мое». Пс. 44. Потомъ читалъ: «Небеса повѣдаютъ славу» и прибавилъ: «Только въ Славянскомъ все хорошо, все возвышенно!» Читалъ еще пс. 17.

27 Марта. Уѣхалъ. Вчера обѣдалъ и совсѣмъ простился. Благодарилъ князя и княгиню, обратился ко мнѣ и сказалъ: «благодарю васъ, Екатерина Александровна!» Но я въ эту минуту подходила съ выпискою о черенкахъ, сдѣланныхъ мною для него. «Вотъ еще для васъ».—*Гог.*: «Что это?» и очень былъ благодаренъ какъ и за два signes, которые я для него сдѣлала; сушеныхъ крокусовъ ему дала, варенья, я варила. Уѣзжая поцѣловалъ руку у меня. Съ балкона кланялись съ нимъ. Потомъ, встрѣтясь съ кѣмъ-то рука съ рукой, повернулъ за уголъ и скрылся. Но мнѣ не горько было, а какъ-то радостно. Въ рукахъ у меня была зеленая шерсть, цвѣта надежды; потомъ эта пріятная для него встрѣча, все это какъ бы предвѣщало что-то хорошее. Насталъ вечеръ. Пріѣхали Гойеры, Гартль, Долгорукіе-Аргутинскіе, Кесслеръ, Лангвейнъ, княжна Варета, Глафира Ивановна Дунина-Борковская, Молодецкая съ дочерью. Пошли чай пить. Я сѣла по обыкновенію подлѣ . . . *). Вдругъ входитъ Гоголь. Я такъ и вскочила и съ радостью къ нему подошла. Нашла случай ему сказать, что я Бога благодарю (и что не успѣла ему этого сказать), что его такъ часто видала и слушала его назидательныя рѣчи. Потомъ случилось сѣсть рядомъ. Я ему сказала, что онѣ бы вывели (sic) пріятное предвѣщаніе изъ того, что онъ, скрываясь изъ глазъ нашихъ, встрѣтился съ кѣмъ-то и подалъ руку, и такъ скрылся.—*Гоголь*: «А у васъ есть за-

*) Не разобрано.

мѣчанія?»—*Я.*: «Да я безпрестанно что-нибудь вывожу изъ окружающаго меня».—*Гоголь*: «Да вѣдь вы свѣчу чорту поставили».—*Я.*: «Какъ? Неужели это грѣхъ?»—*Гоголь*: «Конечно, да и очень дурно! Изъ-за Понедѣльника вамъ случится отложить что-нибудь, что было бы вамъ полезно». Насъ перебили. Потомъ (разговоръ возобновился) опять. *Я.*: «Да такъ это грѣхъ?»—*Гоголь*: «Конечно. Неужели вы объ этомъ на исповѣди никогда не говорили?»—*Я.*: «Нѣтъ. Это недовольно глубоко во мнѣ; я это за вздоръ считаю». Прежде я сказала: «Вѣдь я не то, чтобъ вѣрила примѣтамъ, а невольно меня всякія мысли преслѣдуютъ».—*Гоголь*: «И это Богъ знаетъ, какія искушенія станутъ преслѣдовать, а вы въ это время молитесь».—*Я.*: «Отъ другихъ искушеній стоитъ того, чтобъ отгребаться, а это невинно».—*Гоголь*: «Какъ невинно?!».

28 Марта. И скучно и грустно, и некого ждать, и некого слушать, и некѣмъ руководиться! Свѣтъ затмился и пустота, какъ въ нежиломъ домѣ, когда гнилью пахнетъ; и хочется вырваться, и не знаешь, куда и какъ. А все отъ неустройства въ душѣ! Все воспоминанія и сожалѣнія тяготятъ душу. Ночь не спала: все думала о томъ, какъ буду въ Кіевѣ. Страшно будетъ одной, какія мѣры къ существованію и къ тому, чтобы не обокрали. Припоминала о Хомутовѣ и о совѣтахъ его пользоваться остаткомъ молодости.—Вчера гуляли съ княгиней Гагариной и встрѣтились съ Стурдзой.

Продолженіе. *29 Марта.* Ему подали чай и крѣпкій. Я у него взяла чашку. *Гоголь*: «Я вами располагаю». *Я.*: «Хорошо, очень хорошо!» Когда игралъ Гартль, *Гоголь*: «Какъ всякая нота слышна! Хорошо, очень хорошо! Много чувства!» Какъ выразительно онъ слушалъ. Нынче княжна Варета говорила: «Гартль бываетъ разный человѣкъ, когда говоритъ и когда играетъ; когда онъ разговариваетъ, у него веселое лицо, когда играетъ его лицо напоминаетъ Перуджиновыхъ святыхъ». Умна она и добра! Часовъ въ 9 Гоголь уѣхалъ. Гарль игралъ фугу Баха, и такъ мелко и скоро, что меня стало по сердцу колотить. Князь Аргутинскій былъ моего мнѣнія: недовольно глубоко и торжественно онъ игралъ. Гартль играетъ въ карты и танцуетъ даже solo... Что со мною будетъ? Боже мой!

30 Марта. Рожденіе Люли. Съ тѣхъ поръ какъ познакомилась съ Стурдзою, стала желать пойти въ сестры милосердія. Намедни на вечерѣ при Гартлѣ кто-то прошелъ, и повѣяло духами. Мнѣ противно стало. Мнѣ хотѣлось быть въ эту минуту между страждущими, перевязывать раны и проч. Намедни я говорю княгинѣ Маріи Гагариной-Стурдзѣ о моемъ желаніи. Она мнѣ славно отвѣчала: «если этой мысли должно осуществиться, то она еще болѣе развернется и созрѣ-

етъ, а нѣтъ—такъ отпадетъ и завянетъ; спѣшить не надобно». Мнѣ бы хотѣлось пожертвовать на одну постель и потомъ войти въ заведеніе. Нынче у обѣдни у княгини мнѣ вдругъ пришла мысль, какъ весело будетъ себя заживо погрести, расположивъ всѣмъ своимъ при себѣ. Буду стараться все хорошимъ заводиться.

Намедни *21 Марта*, въ Среду на 5 недѣлѣ, пошла я къ княгинѣ къ стоянію Маріи Египетской. Княжны Вареты не было. Я уже начала сокрушаться, какъ время проведу послѣ всенощной, какъ вдругъ Гоголь пришелъ къ «Слава въ вышнихъ Богу», а послѣ и княжна Варета. Вечеръ былъ прекрасный, но не назидательный. Анекдотъ о Гнѣдичѣ. Говоря о «Громобоѣ», Гнѣдичъ указывалъ рукою назадъ: «Съ хвостомъ, рогами» и проч. Потомъ, какъ Гнѣдичъ оригинально нанималъ квартиру, говоря: «Какъ она дурна! Паукъ! Паукъ! Паукъ! Паукъ! и указывалъ на всѣ четыре стороны. «Гдѣ кухня?»— «Лопатой отгребали!» — Говорили о снахъ. Глафира распространялась о своихъ снахъ безъ остановки. Она видѣла разъ, какъ пріобщается тайнамъ.

Въ Воскресенье 25-го. Опять тамъ была. Онъ читалъ о вѣрѣ *) и сорока мученикахъ съ такимъ убѣжденіемъ, что хоть кого заманитъ вѣрить, вѣровать и любить. «Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ онъ въ отвѣтъ на мысль Василія Великаго: «Какъ сорокъ мучениковъ всѣ вдругъ помолятся, тогда хорошо будетъ!». Какъ-то онъ говорилъ княгинѣ: «Надѣюсь, и вамъ будетъ полезно прочесть то, что̀ я теперь пишу». Разъ, заставъ старую княгиню и Глафиру за «Мертвыми Душами», сказалъ: «А что̀ это! Это грязный дворникъ, который долженъ привести къ чистому дому».

Одесса. 1851 23 Апрѣля. Мысль княгини писать къ Жуковскому о дѣтскихъ книгахъ. *Гоголь* передъ отъѣздомъ своимъ, въ самый день отъѣзда (сказалъ): «Ну, что̀ же? Пишите! Онъ теперь только и занятъ, что воспитаніемъ».—*Княгиня*: «А какъ онъ принимается?»—*Гоголь*: «У него одно: Богъ. Онъ съ главнаго началъ.» Какъ странно было толковать о книгахъ дѣтскихъ, когда Гоголь не разъ говорилъ, что дѣти должны читать книги, писанныя для большихъ! Странная женщина! Все доискивается чего-то, а дѣти растутъ въ невѣжествѣ и черствости чувствъ. Она больна, а они и не думаютъ, а все потому, что она пріучаетъ ихъ къ эгоизму и безчувственности. Все, что̀ она ни дѣлаетъ, не почерпнуто изъ сущности дѣла, а изъ фразъ взятыхъ въ руководство книгъ.

---

*) Сверху приписано: „Василія Великаго“.

Княжна Варета не имѣетъ своего мнѣнія; она остроумна, но не умѣетъ размышлять и распознавать, что̀ ей нравится. Намедни читаетъ въ Revue des deux mondes статью о Гоголѣ, въ которой не раскусили, что «Тарасъ Бульба»—геніальное произведеніе; стало быть, переводъ совершенно искаженъ, и судить по немъ невозможно; а она читаетъ и находитъ: «C'est très juste ce qu'on dit de lui.». Потомъ проникновенную критику читаетъ во 2 № «Москвитянина» за 1852 г. и опять находитъ, «que c'est très juste!» Въ этой критикѣ Гоголь исполинъ, а въ той—обыкновенный, посредственный талантъ.

14. Нынче получила она письмо отъ Гоголя; въ немъ письмо къ невѣсткѣ ея. Въ этомъ онъ пишетъ, что принимается за изданіе прежнихъ грѣховъ*) и проситъ, чтобы молились за него, а къ княжнѣ Варетѣ пишетъ, что листья земляной груши хорошо нюхать для излѣченія слѣпоты (даже темной воды), смѣшивая съ табакомъ, или одни. «Нападутъ отъ того всякіе насморки и отдѣленія мокротъ; воспослѣдуетъ то, что излѣчатъ». Стану и я молиться о немъ: авось либо онъ вспомнитъ и обо мнѣ.

9 Марта (1852). Вотъ недѣля, какъ извѣстна стала роковая вѣсть. Ольга писала о смерти Гоголя, когда еще онъ не остылъ. Какъ грустно! Какъ тяжело! Сколько потерянныхъ надеждъ!... Неужели бумаги его сожжены? Не могу вспомнить объ этомъ!

**
*

Въ Одессѣ въ это время (1850—1851) жили въ разныхъ домахъ двѣ княгини Репнины: вдова княгиня Варвара Алексѣевна, внука гетмана Разумовскаго, бывшая (въ 1814) вице-королева Саксонская, съ незамужнею дочерью своей княжною Варварою и воспитанницею сей послѣдней, родственницей Гоголя, молодою вдовою Глафирой Ивановной Дуниною-Борковскою (ур. Псіолъ), и княгиня Елисавета Петровна, супруга единственнаго сына старой княгини, князя Василья Николаевича, сестра недавно умершей въ Римѣ Маріи Петровны Вагнеръ. Это дочери жандармскаго генерала Петра Ивановича Балабина и его супруги Француженки Парисъ (воспитанницы княгини В. А. Шаховской). Плетневъ сблизилъ съ Балабиными Гоголя, когда тотъ еще не имѣлъ никакой извѣстности. У младшей княгини жила плѣненная Гоголемъ пожилая и высоко-нравственная дѣвица Екатерина Александровна, которая вела вышепомѣщенный дневникъ и которой фамильное имя остается для насъ неизвѣстнымъ. П. Б.

---

*) Т. е. сочиненій.

ПРОТИВУИСТОРИЧНОЕ НАПРАВЛЕНІЕ СЛАВИСТИКИ.

А. Л. Погодинъ: „Изъ исторіи Славянскихъ передвиженій". С.-Пб. 1901.

Подъ симъ заглавіемъ авторъ издалъ книгу, въ основаніе которой онъ положилъ лекціи, читанныя имъ въ С.-Петербургскомъ Археологическомъ Институтѣ въ 1898—1901 годахъ, при чемъ сосредоточилъ содержаніе книги на вопросѣ о разселеніи Славянскаго племени и подвергъ этотъ вопросъ новой обработкѣ. Такимъ образомъ, судя по его предисловію, книга обратилась въ „самостоятельное изслѣдованіе древнѣйшаго періода Славянской исторіи", оставаясь однако „въ предѣлахъ извѣстной общедоступности и популярности изложенія".

И такъ, мы имѣемъ передъ собой научную попытку начальной Славянской исторіи. Можно было бы поэтому ожидать какого-либо движенія впередъ въ этомъ направленіи, какого-либо разъясненія разныхъ сторонъ сей исторіи или по крайней мѣрѣ критическаго отношенія къ толкованіямъ Туранистовъ и Норманистовъ, которые совершенно ее запутали и затемнили.

Увы, ничего подобнаго мы не находимъ въ книгѣ. Она является сборникомъ все тѣхъ же старыхъ домысловъ и анти-историческихъ теорій, которыя были придуманы Нѣмецкими учеными и повторялись ихъ Славянскими послѣдователями, начиная Шафарикомъ и кончая современными заграничными и Русскими Славистами.

Взявъ на себя нелегкую задачу бороться съ сими анти-историческими теоріями начальной Русской и вообще Славянской исторіи, я поневолѣ долженъ, хотя время отъ времени, останавливать вниманіе читающей публики на вновь появляющихся трудахъ въ этой области.

Авторъ вышеназванной книги повторяетъ все туже ошибку, на которую я уже не разъ указывалъ. Онъ смѣшиваетъ исторію Славянскихъ народовъ съ исторіей самаго имени *Славяне*. Имя это является въ исторіи не ранѣе V-го вѣка, и является въ формѣ *Склавины* (отъ Латинскаго sclavi), при чемъ оно первоначально обозначаетъ часть Сарматовъ, обитавшихъ въ Иллиріи или Панноніи, т. е. въ странѣ между среднимъ Дунаемъ и Адріатическимъ моремъ. Только впослѣдствіи это видовое названіе распространилось на другіе соплеменные народы и пріобрѣло значеніе родового. Г. Погодинъ игнорируетъ какъ это мое положеніе, такъ и мои доказательства тожества Сарматовъ со Славянами, не представляя противъ меня ровно никакихъ аргументовъ. Не буду вновь разбирать сей вопросъ, о которомъ довольно говорилъ въ предыдущихъ своихъ статьяхъ. Укажу только на факты, приводимые изъ источниковъ самимъ г. Погодинымъ и подтверждающіе одноплеменность Сарматовъ съ Венедами, каковы: Venadi Sarmatae Певтингеровыхъ

таблицъ (8 и 10) и „Сарматы Венеды“ Агриппы и Плинія (11—13). Но авторъ не придаетъ никакого значенія симъ фактамъ, и знаменитое мѣсто Тацита о Венедахъ (которыхъ тотъ не зналъ куда отнести, къ Сарматамъ или Германцамъ) подвергаетъ самымъ произвольнымъ толкованіямъ, чтобы не допустить одноплеменности Сарматовъ и Венедовъ (14—16). Такимъ образомъ этотъ, можно сказать, главный узелъ начальной Славянской исторіи онъ не только не распутываетъ, а, наоборотъ, постарался его еще болѣе запутать. Между тѣмъ далѣе, въ главѣ о Само, онъ приводитъ рядъ средневѣковыхъ поселеній во Франціи и Мекленбургѣ, въ названіи коихъ заключается указаніе на Сарматовъ (Sarmasia, Sarmede, Sarmoto, Zarmoth, Sarmote и пр.) и обитатели которыхъ были по всѣмъ признакамъ Славяне (157). Вообще Западнымъ Славянамъ въ данномъ трудѣ отведено гораздо болѣе мѣста и всякихъ подробностей, чѣмъ Южнымъ, которыхъ исторія будто бы начинается только съ VI вѣка. Авторъ строитъ свои выводы о разселеніи Славянъ преимущественно на географической номенклатурѣ; но при этомъ этимологическія объясненія, какъ его собственныя, такъ и тѣхъ, на кого онъ ссылается, часто произвольны и несостоятельны. Мы не будемъ на нихъ останавливаться; приведемъ только одинъ примѣръ тому, какъ современная филологія совершенно безсильна въ объясненіи собственныхъ именъ. Извѣстно, что Австрія у Чеховъ называется *Ракусы* или *Ракушане*. Что значитъ это названіе и откуда оно взялось, доселѣ никто объяснить не можетъ. Г. Погодинъ думаетъ, что Чехи такъ назвали Австрію отъ пограничнаго города Raabs, въ XII вѣкѣ Ratgoz, и Гринбергеръ „со свойственною ему проницательностію увидалъ въ формѣ Ratgoz Нѣмецкій мѣстный падежъ множ. числа. Поэтому *Ракушане* означаютъ первоначально не что иное какъ люди изъ Раабса или же лица, принадлежащія къ Ratgoz, понѣмецки приблизительно Ratgozzinge“ (29). Какъ вамъ нравится такое филологическое объясненіе? Помоему оно просто курьезно и нисколько не лучше Ракоусовъ покойнаго Вѣнскаго профессора слависта Шемберы.

Въ 1872 году случилось мнѣ быть въ Вѣнѣ и съ нимъ познакомиться. Онъ пригласилъ меня къ себѣ на лекцію. Тутъ студенты заранѣе предупредили, что профессоръ навѣрно угоститъ меня своимъ излюбленнымъ объясненіемъ Ракусовъ. И дѣйствительно, Шембера послѣ цѣлаго ряда Австрійскихъ географическихъ названій, неукоснительно объясняемыхъ имъ изъ Славянскаго языка (въ доказательство исконнаго славянства Австріи), перешелъ и къ Ракусамъ. Передавъ краткую исторію этого названія по источникамъ, онъ очень просто заключилъ, что настоящая его форма это *Ракоусы*, что̀ означаетъ раковые усы или „Усы какъ у рака“! (Я бы предложилъ догадку сблизить слово „Ракусы“ съ словомъ Rocas Іордана, у котораго оно является варіантомъ названія „Роксолане“. А другимъ варіантомъ названія Роксолановъ или Россовъ вообще являются „Руги“. Этотъ народъ обиталъ именно въ Австріи по сосѣдству съ Чехами и вѣроятно тожественъ съ „Ракатами“ Птоломея). Кстати упомяну о томъ, что въ этотъ же пріѣздъ въ Вѣну я прослушалъ лекцію извѣстнаго Миклошича. Попалъ я на его толкованіе о Русскихъ письменахъ, найденныхъ Кирилломъ въ Корсуни. Съ помощью разныхъ натяжекъ и гаданій онъ приходилъ къ тому выводу, что эти Русскія письмена были собственно Готскія. Въ противоположность Шемберѣ, Миклошичъ принадлежалъ къ тѣмъ Славистамъ, которые рабски слѣдовали Нѣмецкимъ теоріямъ Туранистовъ и Норманистовъ, т. е. крайне умаляли объемъ и значеніе древняго Славянскаго міра. Ясно было, что онъ только филологъ, очень недалекій въ критикѣ собственно-исторической, а между тѣмъ рѣшалъ историческіе вопросы. По его стопамъ доселѣ идутъ современные Слависты, въ

томъ числѣ и г. Погодинъ. Книга его представляетъ массу всякихъ этимологическихъ упражненій надъ географическими и вообще собственными именами; изъ нихъ онъ дѣлаетъ историческіе выводы съ помощію „кажется“, „вѣроятно“, „повидимому“, „мнѣ думается“ и т. д.

Въ данной книгѣ между прочимъ есть глава, посвященная вопросу о Гуннахъ. Тутъ авторъ, поборникъ Туранской теоріи, полемизуетъ со мною, и, разумѣется, очень легко опровергаетъ Славянство Гунновъ, относясь самымъ поверхностнымъ, ненаучнымъ образомъ къ моимъ аргументамъ и ссылаясь на то, что они якобы уже уничтожены моими оппонентами, въ особенности покойнымъ В. Г. Васильевскимъ, при чемъ главную роль играетъ совершенно произвольная и воіющая попытка послѣдняго отнять у Гунновъ слово *страва* (погребальные поминки) и приписать его Готамъ (41). Глава эта представляетъ сплошной сумбуръ.

По поводу сей главы г. Погодинъ навлекъ на себя упрекъ со стороны своего рецензента-единомышленника П. А. Лаврова (Журн. Мин. Нар. Пр. 1901. Августъ). Рецензентъ упрекаетъ автора книги именно за его полемику со мною, которая-де совсѣмъ излишня: такъ какъ вашъ покорнѣйшій слуга есть единственный представитель ученія о Славянствѣ Гунновъ, то г. Погодинъ напрасно, молъ, преувеличиваетъ опасность отъ моей теоріи.

Да, правда, въ литературѣ я пока одинъ съ своей теоріей; но вѣдь, научные вопросы не рѣшаются большинствомъ голосовъ, и я твердо увѣренъ, что историческая истина рано или поздно возметъ верхъ, несмотря на количество моихъ современныхъ противниковъ. Дѣло въ томъ, что въ данныхъ вопросахъ произошло столкновеніе между исторіей и филологіей. Всѣ мои противники, даже съ историками включительно, стоятъ на этимологической почвѣ; я одинъ утверждаю, что Славянство Сарматовъ, Гунновъ, Болгаръ и Руси есть вопросъ по преимуществу историческій, а не филологическій. Никакихъ моихъ историческихъ аргументовъ противники не опровергли, да и не могутъ опровергнуть. Конечно, если бы мы имѣли передъ собой достаточный матеріалъ живой народной рѣчи, то онъ бы и опредѣлилъ данную народность. А по однимъ географическимъ и личнымъ именамъ филологія пока не въ состояніи рѣшать данные вопросы. Обыкновенно мои противники требуютъ отъ меня, чтобы я всѣ такія имена объяснилъ изъ Славянскаго языка,—требованіе совершенно незаконное. Конечно объясненія тутъ могутъ быть только гадательныя, за нѣкоторыми исключеніями. Но курьезъ-то состоитъ въ томъ, что когда мои противники сами берутся объяснять тѣже имена изъ какого либо другого языка, то предаются подобнымъ же или еще большимъ гаданіямъ и произволу и ничего положительнаго не даютъ. А если источники указываютъ намъ на присутствіе такихъ Славянскихъ словъ у Гунновъ какъ *медъ* и *страва*, то сіи противники безъ всякаго основанія пытаются объяснять ихъ заимствованіемъ у другихъ народовъ, чѣмъ явно подтверждаютъ свое предвзятое отношеніе къ вопросу.

Вотъ и г. Лавровъ въ своей рецензіи какъ только отъ общихъ мѣстъ перешелъ къ этимологическимъ толкованіямъ собственныхъ названій, такъ сейчасъ же и обнаружилъ всю ихъ произвольность и несостоятельность. Между прочимъ онъ указываетъ на то, что по Іордану Гунны называли Днѣпръ словомъ *Варъ* и что еще Шафарикъ „угадалъ истинный смыслъ этого мѣста, сопоставивъ его съ uar, uor, or, hor, означающія также рѣку въ нарѣчіи Аваро-лезгинскомъ“. Выходитъ будто Гунны называли рѣку Днѣпръ

просто „Рѣка“, чего изъ словъ Іордана совсѣмъ неслѣдуетъ. Далѣе г. Лавровъ говоритъ, что В. Г. Васильевскій „сдѣлалъ чрезвычайно интересное дополненіе“ къ Шафарику, указавъ на связь этого слова съ названіемъ Днѣпра *Варухосъ* у Константина Б. Но плохо знакомому съ моими „Разысканіями“ рецензенту очевидно осталось неизвѣстнымъ, что тоже дополненіе относительно *Варухъ* было мною сдѣлано гораздо ранѣе Васильевскаго, при чемъ я привожу это слово *Варъ* въ связь и съ названіемъ Днѣпровскаго порога *Варуфоросъ* (*Разыск.* 535 и *Дополн. пол.* 15.). По сему поводу вновь предложу когда-то высказанное мною замѣчаніе: названіе рѣки *Днѣпръ* несомнѣнно Славянское, т. е. употребляемое Славянами; однако еще ни одинъ филологъ не сумѣлъ объяснить его изъ Славянскаго языка. Не возметъ ли г. Лавровъ на себя эту задачу?

Въ своей рецензіи онъ дѣлаетъ еще справедливый упрекъ г. Погодину за то, что тотъ въ своей книгѣ не далъ мѣста Болгарамъ, которыхъ оба они конечно считаютъ народомъ Туранскимъ. Вновь подтверждаю, что Болгаре были чистѣйшее Славянское племя, и всѣ аргументы Туранистовъ съ исторической точки зрѣнія представляются совершеннымъ абсурдомъ и полнымъ незнаніемъ историческихъ законовъ, по которымъ одна народность можетъ перейти въ другую. Отъ славистовъ-филологовъ конечно трудно ожидать знанія сихъ законовъ, хотя тутъ дѣло идетъ о невозможной вполнѣ утратѣ роднаго языка народомъ-завоевателемъ и добровольномъ усвоеніи чуждой ему рѣчи покореннаго племени, сравнительно съ нимъ слабаго и притомъ не обладавшаго высокой культурой. Но удивительно, что покойный историкъ Васильевскій такъ же, вмѣсто того, что бы изучать основные исторические законы, увлекался пустыми этимологическими аргументами туранизма и норманизма. Къ той же категоріи принадлежатъ и современные Болгарскіе ученые, напримѣръ, гг. Дриновъ и Шишмановъ.

А Болгаре были одно изъ Гунскихъ племенъ, и слѣдовательно яснѣе всего подтверждаютъ славянство Гунновъ, т. е. ихъ Славянскій языкъ и ихъ вполнѣ Арійскую наружность. Очень малое количество деформированныхъ череповъ, находимыхъ въ средней и восточной Европѣ, подтверждаетъ мое мнѣніе, что извѣстныя реторическія фразы нѣкоторыхъ Латинскихъ писателей о безобразіи Гунновъ относились къ небольшой ихъ части, и что обычай искусственно уродовать дѣтей существовалъ у нихъ сравнительно недолгое время. Для науки важное значеніе имѣетъ то обстоятельство, что реторическія фразы о семъ безобразіи говорятъ только западные или Латинскіе писатели, а отнюдь не Византійскіе или Греческіе, которые ближе наблюдали Гунновъ и лучше ихъ знали.

До какой степени несостоятельна филологическая основа, на которой мои многочисленные противники хотятъ строить начальную Славянскую исторію, свидѣтельствуетъ и г. Лавровъ въ своей рецензіи. Все у нихъ смутно и шатко, все остается вопросомъ; новые ихъ труды не вносятъ никакого свѣту и ничего не могутъ рѣшить не только въ области исторіи, но даже и въ сферѣ филологіи. Напримѣръ, г. Лавровъ указываетъ на то, что Славянскія названія рѣкъ Моравы и Моравицы Погодинъ объясняетъ изъ Кельтскаго языка, а Ягичъ изъ Литовскаго; Ипчъ, на основаніи именъ Крконоши, Ракусы и Видень (Вѣна), доказываетъ, что Славяне пришли въ Чехію и Моравію въ первомъ вѣкѣ по Р. Х.; а Нидерле сомнѣвается въ Славянскомъ происхожденіи приведенныхъ именъ и не рѣшается опредѣлять время прихода Славянъ; Мюлленгофъ же относитъ этотъ приходъ къ V или VI вѣку, и т.

д. и т. д. Въ высокой степени наивны ихъ разсужденія о родинѣ Славянства, которую они ищутъ все около Карпатъ; какъ будто Славяне гдѣ-то родились сами собою, а не выдѣлились въ допсторическія времена изъ Арійской семьи народовъ, именно изъ Иранской ея вѣтви. Точно также они никакъ не могутъ объяснить: съ одной стороны, куда безслѣдно исчезли изъ Европейской исторіи многочисленныя племена Сарматовъ и Гунновъ; а съ другой, откуда взялся этотъ огромный и сплошной Славянскій міръ, своимъ числомъ и обширностію своей территоріи превосходящій въ Европѣ всѣ другіе народы, если Сарматы, Гунны, Болгаре и Русь были не Славяне? Одними прикарпатскими Венедами Тацита объяснять происхожденіе сего міра въ высшей степени ненаучно. Равнымъ образомъ совершенно праздными и ни къ чему неведущими являются предположенія о Славянствѣ полумифическихъ Будиновъ Геродота. Въ концѣ концовъ курьезными представляются эти безплодные поиски за какими-то таинственными и темными путями возникновенія и мирнаго распространенія Славянъ въ Европѣ; тогда какъ они давно въ ней жили и занимали новыя мѣста открыто, съ оружіемъ въ рукахъ, при достаточномъ историческомъ освѣщеніи. Только жили они и распространялись подъ разными именами, такъ какъ ихъ общее родовое названіе (т. е. *Славяне*) выработалось гораздо позднѣе. Но всѣ эти положенія не со вчерашняго дня были мною высказаны и обоснованы. Въ настоящее время большею частію приходится ихъ только повторять и отсылать любопытствующихъ къ моимъ „Разысканіямъ“ съ дополнительными къ нимъ статьями. Разумѣется, въ нѣкоторыхъ деталяхъ, особенно въ самыхъ первыхъ статьяхъ, можетъ оказаться у меня кое-что спорнымъ или неудачнымъ; но разработка деталей въ столь обширномъ и сложномъ предметѣ—дѣло будущихъ и многихъ дѣятелей; а общая схема начальной Славянской исторіи, надѣюсь, установлена мною согласно съ современными требованіями и успѣхами исторической науки, и, только ставъ на ея точку зрѣнія, будущія изслѣдованія помогутъ разобраться въ существующей теперь путаницѣ всякого рода извѣстій и свидѣтельствъ, нерѣдко темныхъ и противурѣчивыхъ. Возвращаясь къ вопросу о Славянствѣ Гунновъ, беру на себя смѣлость утверждать, что только правильная постановка сего вопроса дастъ возможность разъяснить многое, надъ чѣмъ доселѣ тщетно останавливались Русскіе и заграничные слависты; для примѣра въ особенности укажу на загадочное происхожденіе Малорусской народности и отношеніе ея къ Великорусской, а также на спорное начало церковнославянской письменности, т. е. переводовъ Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ.

Д. Иловайскій.

ЗАМѢТКИ О БАСНОПИСЦѢ КРЫЛОВѢ.

I.

Участіе Крылова въ „Московскомъ Зрителѣ“ князя Шаликова.

Въ 1806 году кн. Шаликовъ издавалъ журналъ „Московскій Зритель“. Въ Январскомъ номерѣ его напечатаны „*Двѣ* басни для С. К. Бкндрфвой“ (Бенкендорфовой) „Дубъ и трость“ и „Разборчивая невѣста“, съ подписью „Иванъ Крыловъ“ (стр. 73—78). Примѣчаніе Шаликова объясняетъ, какъ къ нему попали эти басни: „Я получилъ сіи прекрасныя басни отъ И. И. Д. (Дмитріева). Онъ отдаетъ имъ справедливую похвалу и желаетъ, при сообщеніи ихъ, доставить и другимъ то удовольствіе, которое они принесли ему... Имя любезнаго поэта обрадуетъ, конечно, и читателей моего журнала такъ, какъ обрадовало меня“.

Позднѣе Крыловъ вступилъ, повидимому, въ непосредственныя отношенія съ кн. Шаликовымъ: въ Февральскомъ номерѣ напечатана третья его басня: „Старикъ и трое молодыхъ“ (стр. 70—72), на этотъ разъ безъ всякаго примѣчанія и безъ особаго подзаголовка. Если бы Шаликовъ получилъ эту басню вмѣстѣ съ двумя, посвященными С. К. Бенкендорфъ, онъ, конечно, напечаталъ бы ее въ Январѣ. Въ Іюльскомъ номерѣ напечатана „Пѣсня съ Французской: Petits chagrins de tems en tems“ съ подписью „*К—въ*“. Не будетъ, кажется, слишкомъ смѣлымъ предположеніе, что это тоже произведеніе Крылова: 1) другого сотрудника „Московскаго Зрителя“ съ подходящей фамиліей мы не знаемъ; 2) Крыловъ недурно зналъ Французскій языкъ и въ общемъ хорошо съ него переводилъ; 3) по тону и складу „пѣсня“ сильно напоминаетъ извѣстныя намъ лирическія стихотворенія Крылова того періода; 4) ни у одного изъ нашихъ поэтовъ начала XIX в. съ подходящей фамиліей (напр. Карабановъ, Калмыковъ и пр.) мы не нашли этого стихотворенія. Окончательно могутъ разъяснить вопросъ только бумаги князя Шаликова, если онѣ сохранились. Вотъ самая „пѣсня“.

Печали малыя даны,
Чтобъ радостямъ придать цѣны;
Не рѣдко о пустомъ, случится,
Сердечко бѣдное крушится,
Въ тоскѣ, въ слезахъ лишается утѣхъ,
А послѣ все выходитъ смѣхъ.
Дѣвица, страстію горя,
И тайнѣ сердца измѣня,
Признанье въ бездну скрыть желаетъ
И за порокъ его считаетъ;

Въ тоскѣ, въ слезахъ лишается утѣхъ,
А послѣ все выходитъ смѣхъ.
У Лизы милыхъ болѣ нѣтъ;
Сестра вдова въ шестнадцать лѣтъ;
Скучаютъ обѣ жить на свѣтѣ,
И смерть одна у нихъ въ предметѣ;
Въ тоскѣ, въ слезахъ лишаются утѣхъ,
А послѣ все выходитъ смѣхъ.

II.

И. Тургеневъ о баснописцѣ Крыловѣ.

Появленіе въ 1871 г. 3-го изданія Англійскаго перевода басенъ Крылова (Рольстона) вызвало очень любопытную замѣтку И. С. Тургенева въ „The Academy“ (1871, ч. II, стр. 345: „Krilof and his Fables. By W. R. S. Ralston. Third edition, greatly enlarged“. I. Tourguéneff), до сихъ поръ еще, кажется, никѣмъ не отмѣченную. Считаемъ нелишнимъ познакомить съ нею, въ Русскомъ переводѣ, читателей.

„Слова *3-е изданіе*, вѣрный знакъ успѣха (собственно: in connection with this issue) превосходнаго перевода басень Крылова г. Рольстона, особенно пріятны для Русскаго уха, такъ какъ они доказываютъ, что Англійскіе читатели начинаютъ интересоваться литературой Россіи, національная жизнь и особенности (character) которой до сихъ поръ останавливали ихъ вниманіе только по своимъ отношеніямъ къ политикѣ (собственно: they have hither to only contemplated from a politiacal point of view). И Крыловъ, конечно, заслуживаетъ всего того вниманія, которое удѣляется ему: онъ единственно-оригинальный баснописецъ, появившійся послѣ Лафонтена, и хотя онъ, можетъ быть, и неравенъ неподражаемому Французу по изысканной граціи и изяществу (the exquisite grace), хотя онъ не столь изобрѣтателенъ въ остроумныхъ шуткахъ, не отличается такою простотою и непосредственностью разсказа (though he has fewer sly strokes of wit, less cunning simplicity in telling a story), но, съ другой стороны, проявляетъ больше оригинальности въ выдумкѣ (originality of invention). Его наблюдательность и здравый смыслъ (observant good sense) проникаютъ въ самый корень вещей; у него природный флегматическій юморъ, слѣдъ (собственно which betrays) восточнаго элемента въ Славянской натурѣ. По своему происхожденію и по всѣмъ обстоятельствамъ жизни, Крыловъ былъ чисто-Русскимъ человѣкомъ: онъ былъ вполнѣ національненъ по характеру своей мысли, чувствъ, писанія (writing); и можно безъ преувеличенія сказать, что иностранецъ, который тщательно изучилъ бы басни Крылова, получилъ бы гораздо болѣе правильное представленіе о Русскомъ національности, чѣмъ если бы онъ прочелъ всѣ путешествія и всѣ этюды о Русскомъ характерѣ. Русскія дѣти учатъ наизустъ басни Крылова такъ-же, какъ Французскія—Лафонтена, не понимая вполнѣ всей мудрости, заключающейся въ изучаемомъ, но въ

болѣе позднемъ возрастѣ они снова возвращаются къ Крылову съ двойной для себя пользой. Подобно Лафонтену, но еще въ большей степени, Крыловъ обогатилъ (has supplied) общественное сознаніе большимъ числомъ правилъ, пословицъ и поговорокъ, которыя проникли даже въ неграмотную крестьянскую массу (собственно: which have become proverbial even in the mouth of unlettered peasants). Никто не цитируется чаще его и, подобно тому, какъ это случается иногда съ Библіей или Шекспиромъ въ Англіи, цитирующіе часто не имѣютъ никакого понятія о томъ, кому они обязаны своею цитатой: несомнѣнное доказательство того, что его творенія совершенно вошли въ національную, народную жизнь, которая ихъ и создала (from which it sprung). Въ наше время не можетъ быть большей награды для литературнаго честолюбія, какъ это слабое отраженіе былого величія эпической поэзіи, которая постольку велика, поскольку она безлична (faint reflection of the past grandeur of epic poetry, which is only great because it is impersonal).

Переводъ г. Рольстона не оставляетъ ничего желать по точности и колоритности. Краткое предисловіе, историческія и литературныя примѣчанія къ нѣкоторымъ изъ басенъ написаны (have been done) съ знаніемъ дѣла и *con amore*. Не вина переводчика, если для Крылова окажется не вполнѣ возможнымъ „натурализоваться“ въ Англіи.

Пишущій эти строки лично видѣлъ Крылова только разъ незадолго до его смерти. У него была величественная, правильнѣе массивная и тяжелая голова, прекрасные сѣдые волосы, отвислыя щеки, уста широкія, но хорошо очерченныя и серьезныя, пристальные глаза и нависшія рѣсницы, выраженіе лѣни и апатіи во всемъ лицѣ. Онъ говорилъ рѣдко, но слушалъ, если можно такъ выразиться, блестяще, такъ какъ его молчаніе сопровождалось какой-то внутренней улыбкой, какъ будто бы онъ сообщалъ себѣ множество жизненныхъ наблюденій, которымъ никогда не суждено было выйти на свѣтъ.

Одно изъ лицъ, бывшихъ свидѣтелемъ случая, сообщало намъ анекдотъ, бросающій свѣтъ на лѣнивый и оригинальный характеръ Крылова. Большая и тяжелая картина, висѣвшая надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ обыкновенно спдѣлъ Крыловъ, соскользнула съ одного изъ поддерживавшихъ ее гвоздей и грозила упасть на голову безпечнаго баснописца. Обращали его вниманіе на опасность, но онъ спокойно отвѣчалъ: „о, я изучилъ положеніе картины и опредѣлилъ, что если она упадетъ, то полетитъ по діагонали, мимо моей головы“. И такъ долгое время картина все висѣла криво, а Крыловъ все сидѣлъ подъ ней.

Въ своихъ „Литературныхъ и житейскихъ воспоминаніяхъ“ *) Тургеневъ подробнѣе говоритъ о своей единственной встрѣчѣ съ баснописцемъ. Описаніе получилось чрезвычайно рельефное.

„Крылова я видѣлъ всего одинъ разъ—на вечерѣ у одного чиновнаго, но слабаго Петербургскаго литератора. Онъ просидѣлъ часа три слишкомъ

*) Полное собраніе соч., XII, СПб., 1898, стр. 74—5.

неподвижно, между двумя окнами и хоть бы слово промолвилъ! На немъ былъ просторный поношенный фракъ, бѣлый шейный платокъ; сапоги съ кисточками облекали его тучныя ноги. Онъ опирался обѣими руками на колѣни и даже не поворачивалъ своей колоссальной, тяжелой и величавой головы; только глаза его изрѣдка двигались подъ нависшими бровями. Нельзя было понять: что онъ, слушаетъ ли и на усъ себѣ мотаетъ, или просто *такъ* сидитъ и „существуетъ?“ Ни живости, ни вниманія на этомъ обширномъ, прямо-Русскомъ лицѣ; а только ума палата, да заматерѣлая лѣнь, да по временамъ что-то лукавое словно хочетъ выступить наружу и не можетъ или не хочетъ пробиться сквозь весь этотъ старческій жиръ... Хозяинъ, наконецъ, попросилъ его пожаловать къ ужину. „Поросенокъ подъ хрѣномъ для васъ приготовленъ, Иванъ Андреевичъ“, замѣтилъ онъ хлопотливо, какъ бы исполняя неизбѣжный долгъ. Крыловъ посмотрѣлъ на него не то привѣтливо, не то насмѣшливо... „Такъ-таки непремѣнно поросенокъ?“ казалось, внутренно промолвилъ онъ, грузно всталъ и, грузно шаркая ногами, пошелъ занять свое мѣсто за столомъ“.

Вл. Каллашъ.

ДВА ПИСЬМА И. С. АКСАКОВА КЪ И. Е. ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ.

Иванъ Ермолаевичъ Великопольскій (род. въ 1797, ум. въ 1868 г.) былъ давнишнимъ другомъ семьи Аксаковыхъ; съ ними связывали его, кромѣ многолѣтняго знакомства, также и литературные интересы, которымъ съ такою любовью (но увы, безуспѣшно) онъ служилъ почти цѣлые полъ-вѣка. Дружескія отношенія эти особенно закрѣпились съ тѣхъ поръ, какъ Великопольскій женился (въ 1831 году) на Софьѣ Матвѣевнѣ Мудровой, дочери извѣстнаго доктора и профессора М. Я. Мудрова, который также былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Аксаковыми. Живой, энергичный и вѣчно юный духомъ Великопольскій впослѣдствіи сошелся также и съ молодыми Аксаковыми, Константиномъ и Иваномъ Сергѣевичами, которыхъ зналъ еще дѣтьми, живо интересовался и слѣдилъ за ихъ литературною и общественною дѣятельностью и былъ съ ними близокъ, не смотря на значительную разницу въ лѣтахъ. Къ сожалѣнію, отъ многолѣтняго знакомства Великопольскаго съ Аксаковыми и литературныхъ сношеній съ ними не осталось почти ничего, кромѣ двухъ печатаемыхъ ниже писемъ *), случайно сохранившихся въ бумагахъ Ивана Ермолаевича, большая часть которыхъ погибла вскорѣ

*) Въ статьѣ моей о Великопольскомъ, помѣщенной въ имѣющемъ скоро выйти въ свѣтъ сборникѣ „Памяти Л. Н. Майкова“, напечатаны еще: письмо О. С. Аксаковой къ С. Х. Мудровой отъ 3-го Ноября 1831 г. (стр. 382) и письмо С. Т. Аксакова къ И. Е. Великопольскому отъ 15-го Февраля 1853 г. съ замѣчаніями на написанную послѣднимъ комедію „Міръ Слѣпотъ“ (стр. 419—422), да въ „Литературномъ Вѣстникѣ“ 1902 г. (№ 1)— два письма его-же, относящіяся къ 1839 и 1857 годамъ

послѣ его смерти частью въ Петербургѣ, гдѣ онъ проживалъ подолгу, частью же въ родовомъ имѣніи его, селѣ Чуковинѣ, Старицкаго уѣзда Тверской губерніи.

Б. Модзалевскій.

I.

28-го Февраля 1859 г. Москва.

Благодарю васъ, почтеннѣйшій Иванъ Ермолаевичъ, за «Раскрытый Портфель» [1]), полученный мною вчера. Батюшка, братъ и всѣ наши также благодарятъ васъ за книгу и за память. Посылаю вамъ оба №№ «Паруса» [2]). Хлопочу о новой газетѣ, но разрѣшенія еще не получилъ [3]).

Здоровье батюшки, сравнительно съ тѣмъ положеніемъ, въ какомъ вы его оставили, лучше, но все еще очень плохо. Послѣ осмотра, произведеннаго металлическимъ катетеромъ, болѣзнь совершенно перемѣнила характеръ. Кровь больше не выходитъ, и тѣхъ острыхъ, пронзительныхъ болей нѣтъ; выходятъ слизи и мокроты—явный признакъ катарра, сопровождаемыя постояннымъ нервнымъ зудомъ, который его очень утомляетъ и разстроиваетъ нервически [4]).

Я думаю, что дальнѣйшую полемику по поводу «Олега» [5]) слѣдуетъ прекратить. Наглыхъ и недобросовѣстныхъ критиковъ «Современника» и «Отечественныхъ Записокъ» не перекричишь.

Преданный вамъ Ив. Аксаковъ.

---

[1]) „Раскрытый Портфѣль, выдержки изъ „сшитыхъ тетрадей“ автора не желающаго объявлять своего имени“. Подъ такимъ заглавіемъ Великопольскій издалъ въ Петербургѣ въ 1859 г., на средства Я. В. Писарева, первый выпускъ собранія своихъ произведеній въ стихахъ.

[2]) Послѣ выхода № 2-го (отъ 10-го Января 1859 г.) „Парусъ“, какъ извѣстно, былъ запрещенъ; онъ цензуровался цензорами Н. Ф. фонъ-Крузе и П. Капнистомъ. Подробности по поводу запрещенія „Паруса“ см. въ письмѣ Аксакова къ М. Ѳ. Раевскому въ книгѣ „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ“, т. II, С.-Пб. 1896 г., стр. 16—24 и прилож., стр. 3.

[3]) Аксаковъ хлопоталъ тогда о разрѣшеніи издавать газету „Пароходъ“, коею желалъ удовлетворить подписчиковъ запрещеннаго „Паруса“.

[4]) Вскорѣ (30-го Апрѣля 1859 г.) С. Т. Аксаковъ скончался.

[5]) „Олегъ подъ Константинополемъ. Драматическая пародія съ эпилогомъ, въ двухъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ“, соч. К. С. Аксакова, издано въ С.-Пб. въ 1858 году. Я. В. Писаревымъ. Это юношеское произведеніе Константина Сергѣевича, написанное еще въ

II.

[Между 16-мъ и 23-мъ Ноября 1862 г. Москва].

На обмѣнъ я согласенъ и сдѣлаю распоряженіе въ Петербургской конторѣ «Дня» [1]) о выдачѣ редактору «Иллюстрированнаго Листка» [2]) полнаго экземпляра за 1862 годъ, и потомъ, въ теченіе 1863 года.— Пусть г. Зотовъ вышлетъ мнѣ «Иллюстрированный Листокъ» за нынѣшній годъ съ 1 №.

Васъ, почтеннѣйшій Иванъ Ермолаевичъ, удивляетъ самоуправство цензора!!! Я уже не удивляюсь. Теперь вмѣстѣ съ дворомъ нахлынули всѣ мои враги, изъ которыхъ злѣйшій—Валуевъ, опять подающій записку о запрещеніи «Дня», и вотъ ужъ два №№ сряду мнѣ не пропускаютъ моихъ передовыхъ статей [3]).

Статья изъ «Иллюстрированнаго Листка» [4]) будетъ перепечатана. Преданный вамъ Ив. Аксаковъ.

1830-хъ годахъ, подверглось рѣзкимъ насмѣшкамъ „Современника“ (1859 г., т. 73, № 1, совр. обозр., стр. 72—67) и „Отечественныхъ Записокъ“ (1859 г., т. 122, стр. 101—102 вмѣстѣ съ рецензіей на „Раскрытый Портфёль“ Великопольскаго.

[1]) „День“ выходилъ съ 1861 по 1865 годъ.

[2]) „Иллюстрированный Листокъ“ издавался въ 1862—1863 гг. Владиміромъ Рафаиловичемъ Зотовымъ (род. въ 1821, ум. въ 1896 г.), пріятелемъ Великопольскаго: Зотовъ былъ одинъ изъ трехъ членовъ посреднической комиссіи, учрежденной по дѣламъ и имуществу Великопольскаго, когда послѣдній разорился на своемъ предпріятіи съ принадлежавшимъ ему секретомъ обдѣлки льна и другихъ прядильныхъ растеній.

[3]) № 45-й „Дня“ (отъ 10-го Ноября) долженъ былъ начаться передовицей И. С. Аксакова о судѣ присяжныхъ, адвокатахъ и почетныхъ мировыхъ судьяхъ, но онъ „долженъ былъ уступить мѣсто“ сотруднику; въ слѣдующемъ, 46 № (отъ 17-го Ноября) передавая статья Аксакова также не была помѣщена, хотя и значится въ оглавленіи этого № Въ № 47 (отъ 24-го Ноября) его передовица снова не была пропущена цензурою.

[4]) Разумѣется статья „Дѣло г. Великопольскаго“ („Иллюстрированный Листокъ“ 1862 г., 11-го Ноября, № 44); перепечатана она не была, а вмѣсто нея Аксаковъ помѣстилъ въ № 48 „Дня“ (отъ 1-го Декабря) письмо Великопольскаго въ редакцію, въ которомъ Иванъ Ермолаевичъ давалъ объясненія противъ обвиненій, на него взводившихся по поводу его предпріятія съ обдѣлкою льна. Въ № 38 „Дня“ была также помѣщена статья о Великопольскомъ, перепечатанная изъ „Иллюстрированнаго Листка“ № 36.

СТАТЬИ ВЪ НЕИСТОРИЧЕСКИХЪ ИЗДАНІЯХЪ.

I.

Къ тридцатилѣтію профессорской дѣятельности Н. И. Стороженка, его ученики издали юбилейный сборникъ статей по исторіи словесности, Русской и Западной.

Р. М. Хинъ разсказываетъ тамъ о своемъ знакомствѣ съ И. С. Тургеневымъ въ Парижѣ въ 1880 и 1881 годахъ. Тургеневъ, по ея словамъ, былъ человѣкъ необыкновенно мягкій и добрый. Къ нему могъ явиться всякій, безъ какихъ бы то ни было рекомендательныхъ писемъ. Тургеневъ никому не отказывалъ и за всѣхъ бралъся хлопотать. Еслибъ не строгій порядокъ въ домѣ Віардо, посѣтители не оставили бы ему времени для его собственныхъ занятій. Какъ-то разъ „Общество Русскихъ художниковъ въ Парижѣ", члены котораго пользовались извѣстностью своей, устроило вечеръ. Тургеневъ предложилъ участвовать въ немъ нѣсколькимъ молодымъ писателямъ „съ оттѣнкомъ завиральныхъ идей", какъ выражается г-жа Хинъ, и пригласилъ на вечеръ П. Л. Лаврова. Это вызвало цѣлый переполохъ. Говорили, что Тургеневъ, раскаявшись послѣ неуспѣха „Нови", заискиваетъ у молодежи; требовали даже, чтобы онъ извинился передъ обществомъ. По мнѣнію же г-жи Хинъ, онъ поступилъ такъ по добротѣ и простотѣ сердца.— Что же, спрашивалъ послѣ Тургеневъ, Лавровъ, значитъ, и въ церковь не смѣетъ прійти? Напримѣръ, умру я. Мы съ нимъ хоть и не близкіе друзья, а все же старинные знакомые, и ни отъ кого я этого никогда не скрывалъ. Придетъ онъ въ rue Daru, на панихиду, проститься со мной... Что же? Не пускать его въ церковь?..

Изъ бумагъ Ѳ. А. Кони извлечено письмо М. Н. Загоскина, 1852 года. Этотъ писатель, занесенный теперь въ число читаемыхъ въ школѣ, авторъ Юрія Милославскаго и другихъ рѣзко-патріотическихъ романовъ, камергеръ, директоръ Императорскихъ театровъ, не избѣжалъ въ концѣ жизни столкновенія съ Николаевской цензурой. „Цензура, писалъ онъ, сдѣлала въ моей несчастной комедіи болѣе пятидесяти помарокъ и поправокъ, и какихъ поправокъ! Вмѣсто прямой армейщина—прямой *кикимора*; корнетъ названъ *верхолетомъ*; вмѣсто: зѣвающихъ мужей напечатано *счастливѣйшихъ* мужей.

Подлинно, благочестивая цензура не позволяетъ мужьямъ зѣвать даже тогда, когда имъ скучно. По этимъ тремъ поправкамъ вы можете судить и объ остальныхъ. А хотите ли знать какіе стихи вовсе вымараны? Вотъ напримѣръ:

Кто? Графъ?.. Да, онъ всегда гонялся за прогрессомъ
И Русь святую звалъ всегда дремучимъ лѣсомъ.

*

Всѣ дѣти нынче стары.

*

И если у кого насущнаго нѣтъ хлѣба...

Разумѣется, отъ этихъ помарокъ составилось великое множество самыхъ беззаконныхъ стиховъ—безъ мѣры, безъ риѳмъ, безъ сочетанія и даже совершенно безъ смысла.... Согласитесь, что послѣ этого я не могу и не долженъ ничего печатать въ Петербургѣ."

Любопытна статья В. В. Каллаша „Русскія отношенія Гёте". Въ ней перепечатано изъ Моск. Вѣстника 1828 года письмо Гёте къ Н. Борхарду. „Мы, жители Запада, писалъ Гёте, разными путями уже ознакомились съ успѣхами вашихъ поэтовъ, прежде же всего черезъ переводы Боуринга. Отсюда и по другимъ благороднымъ признакамъ мы можемъ заключить о высокомъ развитіи вашего столь распространеннаго языка. Все же мнѣ было совершенно неожиданнымъ встрѣтить по отношенію къ себѣ на отдаленномъ Востокѣ такое нѣжное и глубокое чувство... Знàкомъ сердечнаго сочувствія и искренняго участія были для меня уже мои усладительныя отношенія къ Жуковскому" *). Въ примѣчаніяхъ г. Каллашъ перечисляетъ книги и статьи объ отношеніяхъ Гёте къ Россіи. На первое мѣсто должно поставить статью Гарнака „Отношенія Гёте къ Русскимъ писателямъ", напечатанную въ Германіи въ 1890 году. Отношеніямъ Гёте къ Уварову посвящено особое изслѣдованіе Шмида, напечатанное въ 1888 году. Г. Каллашъ ссылается еще на Записки А. С. Шишкова (Берлинъ 1870), на статьи Тихонравова, на Остафьевскій Архивъ и т. д.

Извѣстный библіографическій очеркъ Д. Д. Языкова „Вольтеръ въ Русской литературѣ" перепечатанъ въ Сборникѣ съ значительными дополненіями. Затѣмъ обращаютъ вниманіе: статья А. Лютера о изображеніяхъ Димитрія Самозванца въ драмахъ, Нѣмецкихъ и Русскихъ, и начало жизнеописанія Н. П. Огарева, основанное отчасти на рукописныхъ данныхъ. О неудачныхъ статьяхъ Сборника лучше умолчать. Трудно однако не указать на странный пріемъ одного начинающаго изслѣдователя, находящаго, что Пушкинская Инеса (въ Каменномъ Гостѣ) списана съ Байроновской Донны Юліи (въ Донъ-Жуанѣ). Изслѣдователь указываетъ между ними та-

*) Однако, нѣсколько позднѣе, когда А. П. Кошелевъ посѣтилъ великаго Германца, первый его вопросъ Кошелеву былъ: Wie ist die Hoflage des Herrn Joukowsky? Высокомѣріе Гёте сказалось и въ томъ, что Пушкину онъ послалъ свое перо (тогда, конечно, гусиное). П. Б.

кія сходства: Лепорелло у Пушкина восклицаетъ: „Инесу черноглазую“, Байронъ говоритъ о Юліи: „Ея глаза были черные“. У Пушкина Жуанъ ухаживаетъ три мѣсяца, у Байрона три года. Въ Каменномъ Гостѣ сказано: „Въ Іюлѣ вечеромъ“, у Байрона: „Шестого Іюня вечеромъ...“ У Пушкина Жуанъ восклицаетъ: „Бѣдная Инеса“ у Байрона: „Бѣдная донна Юліа“ и т. д. Пользуясь такими пріемами, не трудно доказать, что Татьяна списана съ Дидоны.

2.

Въ ежегодникѣ Императорскихъ театровъ помѣщены воспоминанія Ц. Кюи о Петербургскихъ оперныхъ театрахъ 50-хъ и 60-хъ годовъ. Итальянская опера того времени была на высотѣ своей славы: пѣли такія пѣвицы, какъ Паулина Віардо, Патти, Лукка, Бозіо, Нильсонъ, и такіе пѣвцы, какъ Маріо и Тамберликъ. „Патти, пишетъ Ц. Кюи, отличалась дивнымъ металлическимъ голосомъ и техникой, доведенной до машиннаго, сверхъестественнаго совершенства, но тоже какъ машина была совершенно холодна. Въ первый разъ она меня ошеломила своимъ вокальнымъ престидижаторствомъ; во второй разъ я слушалъ равнодушно знакомые уже фокусы, а затѣмъ скучалъ“. Въ тѣ дни по цензурнымъ условіямъ „Гугеноты“ назывались „Гвельфы и Гибеллины“, „Моисей„—„Зора“, т. е. Зороастръ, а „Пророкъ“—„Осада Гента“.

Для Русской оперы былъ отведенъ Маріинскій театръ, перестроенный изъ цирка. Лошади и пѣніе не одно и тоже; многое въ зданіи пришлось сломать, многое устроить вновь, потомъ нѣсколько разъ поправлять—вышло и дорого, и не очень хорошо. Тогда какъ Итальянская опера была всегда переполнена, Маріинскій театръ посѣщался туго. Посѣтители были постоянно все тѣже: это была какъ бы одна семья. Имя Глинки далеко еще не пользовалось всеобщимъ признаніемъ... „Многіе, пишетъ Ц. Кюи, еще находили въ „Жизни за Царя“ *кучерскую* музыку и считали наказаніемъ слушать „Руслана“, и когда я выразился, что по красотѣ музыки „Русланъ“ не имѣетъ себѣ равныхъ, то возбудилъ негодованіе... Между прочимъ мнѣ было высказано, что неловко выражаться такъ хвалебно про „*своихъ*“. Съ начала 70-хъ годовъ начинается блестящая пора Русской музыки, появляется цѣлый рядъ даровитыхъ Русскихъ композиторовъ. Ц. Кюи даетъ имъ краткія опредѣленія. Каждый изъ нихъ, говоритъ онъ, внесъ въ искусство свое: Чайковскій—мягкій, женственный лиризмъ; Римскій-Корсаковъ—живописность, волшебное воображеніе, опоэзитированную Русскую пѣсню; Бородинъ—величественныя эпическія картины; Мусоргскій вдохнулъ въ народъ жизнь, озвукотворилъ его чувства, стремленія, страданія.

В. Б.

Историческій очеркъ Ярославскаго Леонтьевскаго прихода и кладбища съ 18 рисунками и 4 планами. Священника Селиверста Соколова. Ярославль 1901 г. (Отдѣльные оттиски изъ 3-й книжки трудовъ Ярославской ученой Архивной комиссіи). X и 288 стр. цѣна 1 р.

Послѣ 9 лѣтняго перерыва въ Ярославской Архивной комиссіи, напечатавшей 2-ую книжку своихъ Трудовъ еще въ 1892 г., настоящая работа о. Соколова по необходимости должна представлять собою довольно цѣнный вкладъ въ ученую дѣятельность этой комиссіи. Самое изданіе, не смотря на заявленіе редактора, упрекавшаго своего предшественника въ томъ, что при ученыхъ изданіяхъ слѣдуетъ избѣгать роскоши, можно считать роскошнымъ, такъ какъ оно снабжено прекрасными фототипіями. Хотя рисунки эти никакого историческаго значенія не имѣютъ и въ большинствѣ представляютъ лишь снимки съ обыкновенныхъ мавзолеевъ и часовень надъ прахомъ гражданъ, но это представляется вполнѣ понятнымъ, если принять во вниманіе, что такіе рисунки для подобнаго рода изданій могутъ имѣть практическое примѣненіе.

Леонтьевское кладбище по описанію о. Соколова образовалось изъ стараго Леонтьевскаго прихода, находившагося въ самомъ центрѣ города. Въ 1783 году древнія церкви были разобраны, но къ устройству проектированныхъ храмовъ на вновь отведенныхъ мѣстахъ подъ кладбище долго не приступалось и только благодаря энергіи Ярославскаго и Вологодскаго генералъ-губернатора Е. П. Кашкина, находившаго „равнодушіе къ сему дѣлу Ярославскихъ гражданъ неприличнымъ“, при участіи мѣстнаго владыки, быстро подвинулось дѣло постройки впередъ. Вообще построеніе храма представляетъ собою одну изъ наиболѣе любопытныхъ страницъ въ книжкѣ о. Соколова.

Также любопытны свѣдѣнія о бывшемъ составѣ причта. О. Соколовъ помѣстилъ біографіи не только священниковъ, дьяконовъ, но и дьячковъ. Тутъ характерны черты изъ быта градскаго духовенства конца XVIII и нач. XIX вв. Такъ священникъ Герасимъ, не имѣвшій 60 лѣтъ отъ роду, въ 1793 г. просилъ объ увольненіи за старостью, желая сдать свое мѣсто ученику философіи Сергію Никольскому, съ тѣмъ, что бы онъ женился на его дочери. По справкѣ въ Консисторіи оказалось, что по силѣ Синодскихъ указовъ старость должно считать въ 60 лѣтъ. „По сему“ *ученику* Сергію въ поступленіи въ священники отказано, и велѣно ему, считая за собой Леонтьевское мѣсто, продолжать ученье. Въ разсужденіи же бѣдности Сергія, жить ему дотолѣ въ домѣ священника Герасима, женившись на его дочери, какъ просилъ Герасимъ“. Значитъ, въ семинаріи тогда учились и женатые семинаристы. Среди дьячковъ иногда „учтивыхъ и послушныхъ“ были и такіе, какъ Петръ Яковлевъ, который въ 1805 г. „за пьянственные и буйственные поступки изъ духовнаго званія исключенъ и отосланъ въ Губернское Правленіе на исправленіе“.

Въ концѣ книги на 63 страницахъ о. Соколовъ приложилъ списокъ надгробныхъ стиховъ въ Леонтьевскомъ кладбищѣ. Къ сожалѣнію онъ не потрудился списать самъ эти надгробія съ болѣе замѣчательныхъ памятниковъ, а сдѣлалъ со списка составленнаго въ 1851 г. В. И. Лѣствицынымъ изъ рукописи И. А. Вахрамѣева (Описан. рукоп. № 830). При кладбищѣ съ 1894 г. существуетъ церковно-приходская школа „для дѣтей школьнаго возраста“. Сообщая о ней краткія свѣдѣнія, о. Соколовъ заключаетъ, что она должна имѣть здѣсь *„особое миссіонерское значеніе*, какъ противовѣсъ находящейся рядомъ съ кладбищемъ Андроновской раскольничьей пустынѣ.“ Какимъ образомъ могутъ быть миссіонерами среди Ярославскихъ поморцевъ дѣти школьнаго возраста, сказать трудно; но во всякомъ случаѣ хорошо сдѣлаетъ о. Соколовъ, если при второмъ изданіи своей книги онъ совсѣмъ исключитъ 171 стр. и съ примѣчаніями. Это самое слабое, чтобы не сказать болѣе, мѣсто въ его трудѣ и притомъ совершенно не относящееся къ исторіи Ярославскаго Леонтьевскаго прихода. **Nemo.**

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1902 года.

(Годъ 40-й).

«Русскій Архивъ» въ 1902 году по прежнему выходитъ **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1902 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива» на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: **1874** годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы **1877**, **1879**, **1884** и **1886—1889** по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р.; годы **1890—1892**, **1894** и **1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы **1897—1901** по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Оставшіеся въ розбити выпуски можно получать по **1 р.** съ перес.

Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя 30 лѣтъ изданія (1863—1892) съ Азбучнымъ Указателемъ. М. 1894. 240 стр. Цѣна **три** рубля.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногороднаго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 5 часовъ по полудни.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**